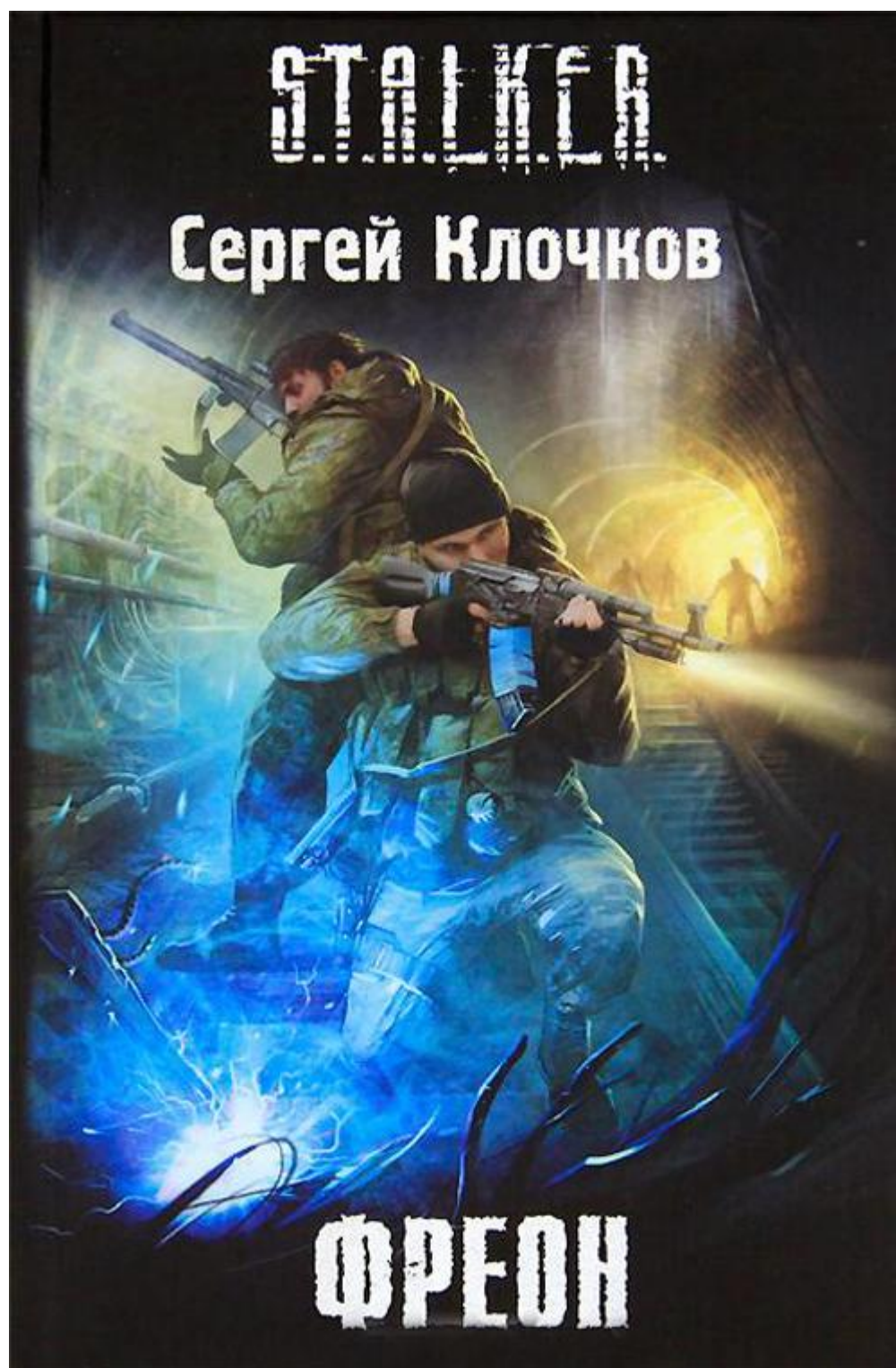

Сергей Клочков
Фреон

S.T.A.L.K.E.R. – 60

(Scan, OCR, ReadCheck, Conv - bes13.)

«Сергей Клочков «Фреон»»: ООО «Издательство АСТ»; М.; 2011
ISBN 978-5-17-073214-2

Аннотация

Зона всегда была опасной и непредсказуемой. Смерть здесь вещь настолько обыденная, что сталкер привыкает к ней, привыкает к мысли, что его друзья и знакомые однажды не вернутся к костру. «Сталкер от старости не умирает» — эта правда Зоны навсегда меняет людей, живущих здесь, на этих мертвых землях. Но почему же так горько на душе, почему жжет сердце от такого привычного, знакомого известия? Ведь они не были ему даже друзьями...

А тут еще и официальная власть решила ликвидировать всех «неучтенных лиц», и сталкерам теперь выжить в Зоне намного труднее, чем раньше. Жизнь сталкера Фреона резко меняется после этих новостей. Безденежье и хроническое невезение накладываются на рухнувшую систему взаимоотношений между «вольными бродягами» и учеными. Фреону теперь нужно зарабатывать на жизнь, и он вынужденно подписывается на странное задание одного торговца-барыги. Сталкер еще не знает, что эта необычная ходка в Зону станет его Путем...

Сергей Клочков ФРЕОН

Зона — место для здоровья не полезное во всех отношениях. Никогда не знаешь, придётся ли вернуться из ходки если не здоровым, то хотя бы живым, и справедливо это как к новичку зелёному, необстрелянному, так и к ветерану, не один год на свидания со смертью ходившему. Но вот чтоб безносую тётку на Свалке встретить — это надо или дебилом быть, или патологическим неудачником. Последние, правда, в Зоне как вид отсутствуют, хотя дебилы мне иногда встречались. Фу... дошёл вроде. Значит, сегодня приключений на тылы уже не будет.

Привет, Свалка! Давно не виделись...

Местечко это не зря так называли. Мусор кругом, слежавшийся да проржавевший до полной неузнаваемости, суглинок с битым стеклом, крошеным асфальтом и здоровенными кусками колотого бетона. Лежит это всё неопрятными, грязными горами, фонит, естественно, да ещё на склонах блеснёт изредка, мираж на секунду появится, зарядит в воздухе... аномалии, понятно. Да только мирные они на Свалке, аномалии эти. Как обжили кучи грязи, так и сползать никуда не собираются, годами на одном и том же месте торчат, «ботаники» вроде даже карты не меняли...

Пустое это место. А на мусорных горах — только мусор и валяется. Что-то стоящее найти тут — удача небывалая, и потому не станет уважающий себя сталкер радиацию глотать за пару «самоцветов» или «медузу». Да и того не найдёшь... проходной двор, подметают всё сразу после Выброса. Все сколь-нибудь опасные аномалии давно проволокой огорожены, с тряпками или бинтами, чтоб, значит, издалека видно было, «Долг» рядом, следит за порядком. В общем, спокойное место, даже скучное.

Однако есть у Свалки одно хорошее преимущество. Я бы даже сказал, замечательное. Как раз вот в этом спокойствии и скуке, которых иногда ох как не хватает. Хоть и Зона, но расслабиться и прогуляться, как по тротуару, сталкер Фреон позволял себе только здесь. На Свалке.

До «Ростка» оставалось меньше километра, и мог бы дойти, но рюкзак намял плечи, в ногах немного, почти приятно ныли мышцы, да и бывшая автобусная остановка выглядела уж слишком уютно. В очередной раз удивившись, отчего это посылки для «Долга» Бивень обязательно запаковывает в тяжёлые и как-то по-особенному угловатые ящики, я не без удовольствия вылез из лямок рюкзака и уселся на ржавую лавку. Тайм-аут. Всё равно с запасом времени пришёл, не рассвело ещё как следует, а «долги» свой заказ только к вечеру ждут. Эх... докатился Фреон. Носильщиком заделался. С другой стороны, снаряга уже в таком состоянии, что ни в одну серьёзную вылазку не сунешься, автомат на ладан дышит, а кредиты в Зоне торговцы давно выдавать перестали. Ладно, челнок — тоже профессия нужная, хотя и не особо оплачиваемая. Да ладно, что уж там... вообще мизер. Бывает такое — не прёт. Ни одной штуковины из Зоны не выволок за целых три недели, но зато умудрился отличнейший комбез, «Кольчугу» новенькую, нулячую, в ремонте ни разу не бывавшую, так в «колючку» вляпать, что... ай, ладно... «Федул, чего губы надул? Да кафтан пожёг. И велика ли дыра, зашить можно? Один воротник остался...»

Спас он мне жизнь, комбинезон этот новенький, научный. Выручил, хотя и пал при этом, что называется, смертью храбрых. Ни одного ожога на мне, успел я тогда из комбеза выскочить, пока поедала его «кислотная колючка», и доела, кстати, в труху, оставив, словно в насмешку, один только ботинок, правый. Полгода я на него копил, на костюм этот. Видать, на жизнь я свою собирал тогда... пошёл бы в старом комбезе, там бы и остался, факт. Если бы остался... человека после этой дряни в пакетик совочком собрать можно. Но как обидно, а? Не иначе сама Зона подлянку устроила, стерва. Ведь так по-глупому влез в «колючку», будь она неладна.

И дела твои пока аховые, товарищ Фреон. Хорошо ещё, старый костюм не продал. Точнее, не выкинул, потому что покупателей на эту ветошь не нашлось. Ладно. Подклеил,

залатал, походит ещё маленько, а там, глядишь, чего-нибудь и обломится. У тех же «долгов», они вроде никогда жадинами не были. Да, кстати, насчёт работы... можно и на ПМК глянуть, может, у «ботаников» какое задание появилось или кто отряд набирает. Что там в новостях...

И тут нехорошо мне сделалось. Настроена моя машинка только на знакомых, и потому новости о гибели «левых» сталкеров не показывает. И без ПМК знаю, что мрёт бродяг в Зоне без счёту, в основном зелень... но вот взялась же красная двойка в графе «200». Значит... значит, кто-то из своих.

Расхотелось мне смотреть, кого Зона прибрала. Глупо здесь от смерти отвыкать, но... привык я к тому, что Сионист, Лихо или Викинг как возвращались всегда со свидания с безносой, так и возвращаться будут. Не те сталкеры, чтоб Выброс прохлопать или в аномалию залезть, просто не те. Про Луня так вообще молчу — сам ходит, да ещё и девку с собой таскает. Вот ведь чудак... не место в Зоне девкам-то, однако никому ещё перечихнуть эту парочку не получалось. Даже в Коржино ходили... нет, точно не Лунь. По-любому не Лунь, он Зоной меченный, да так, что мало не покажется. Эта стерва ежели кого вдарит нежалеючи, так потом и приголубит, и сбережёт. Викинг со стажёром накрылся? Да нет, не он, его тоже Зона метила. А может, ПМК глючит? Да, точно... чтоб двух сразу, просто не бывает такого...

И гаденькая мысль, подлая. Нехорошая. Пусть лучше Лихо. Хороший он мужик, да, не друг, но надёжный, честный бродяга, хоть и болтливый маленько, да весёлый, открытый, неунывака. Но пусть он. Или Сионист. Тот, конечно, себе на уме, хитёр и молчалив, но если от тварей спину прикрыть или на выручку — в Сионисте не сомневайся. Вот и подло думать — пускай Сионист... или Викинг... или Гопстоп.

Но только не Лунь. Ну, не хочу я, чтоб это Лунь с девахой своей был. У самого не сложилось по жизни, да и не сложится уже никогда, а вот они... как смотрели друг на друга. Как за руки держались, как глаза у них горели. Ведь счастливы были, в Зоне этой проклятой, и чужое счастье было мне как своё, не думал я никогда, что так меня пара их заденет и душу отогреет. Всегда вдвоём, всегда. Это ведь она его от смерти спасла, Зоной вдаренного. Белый стал весь, а выжил, только благодаря ей выжил, это сам Док говорил, Зона ему пухом. Бывают ещё такие девки. Да, бывают. И поначалу ох как крепко их счастье тебя, Фреон, обидело. Как ты злился на судьбу, помнишь? Как... да что уж там, завидовал им? От самого-то тебя все сбежали... и жена к москвичу, и дочка покинула, навсегда покинула, и не нужен ты никому был, и никому не верил. Смерти в Зоне искал, не нашёл. А потом... она, Хип, мужика своего умирающего через Болота к Доктору на себе поволокла. Девка худенькая, в чём только душа держится, этакого лося. На себе. К Доктору. По трясинам и аномалиям. Это Сионист мне рассказал, и... сломалось в тебе что-то, Фреон. Как занозу в самую душу посадили, и стыдно стало и на злость, и на зависть свою, и начал ты присматриваться к ним. И увидел... да, увидел, что надо жить, что есть, для чего жить, перестал смерти искать. Их счастье вот как-то незаметно и твоим стало...

Всегда вдвоём. Всегда. И знаешь ты четко, сталкер, чьи имена будут под роковой красной двойкой. Не обманывай себя.

«Семёнов Андрей Владимирович, „Лунь“, стаж семь лет, переведён 110–200 из акта № 166 ТМ от 1.07.2013 в акт Мq167ТМ от 1.07.2013. Предположительная причина смерти (по данным ДА-ПМК) — воздействие турбогравитационной аномалии „карусель“. Квадрат SR14, фермы совхоза „Знамя“, Тёмная долина».

«Архипова Алёна Андреевна, „Хип“, стаж два года, переведена 110–200 из акта № 168ТМ от 1.07.2013, в акт № 169ТМ от 1.07.2013. Предположительная причина смерти (по данным ДА-ПМК) — воздействие турбогравитационной аномалии „карусель“. Квадрат SR14, фермы совхоза „Знамя“, Тёмная долина».

И дальше что-то про «долговский» отряд, который тоже там, в Темной, сгинул,

контролёров... но читать дальше уже не получилось. Повернулся в горле жёсткий, шершавый ком, а глаза заволокло дрожащей пеленой, какая обычно над «жарками» бывает в безветренные дни. Нехорошо это. Как же плохо, некрасиво ты, сволочь, сделала. Ведь ты сама бабского рода, Зона, как ты смогла...

И водки нет. Не взял с собой даже фляжку, сэкономил место в рюкзаке, чтоб ничего лишнего, чтоб дотащить заказ «долгов», а Бивню волю дай, так он тебе и центнер на горб навесит, торгаш чёртот. Да и в водке толку мало, знаешь уже, что ни от чего эта дрянь не лечит, а уж тем более скверное это лекарство, ежели невыносимо гадостно на душе. Не помогла тебе тогда водка и сейчас не поможет. Ну почему вот так странно выходит? Кто за смертью в Зону пошёл, её не найдёт. А вот кому повезло правильный билет вытянуть и счастливым стать — обязательно сожрёт, безноса. Говорил ведь я Луню — уходи из Зоны, дурень. Что тебе здесь ещё искать, всё ведь нашёл, по-смотри, какое чудо глазастое тебе судьба подарила. Молчал Лунь, улыбался только да башкой своей, не по годам белой, покачивал. Может, уже тогда знал чего... они, Зоной трёхнутые, все такие, чуток не от мира сего. А Хип за руку его цоп и — «Да не надо нам за Периметр, дядь Фреон. Нас и здесь неплохо кормят».

И жили они недолго, но счастливо. И умерли в один день. Погано, братцы. Как же погано на душе... как он, Лунь, обычно приговаривал? «Сталкеры от старости не умирают»? Да, так вроде... как в воду глядел, однако.

Сидеть уже не хотелось. Рюкзак опять на плечи, подтянуть лямки, посмотреть, всё ли на месте в карманах. Вытащить магазин «калаша», проверить, прищёлкнуть обратно. Глянуть на ПМК, перевести в беззвучный режим... привычно пройти по грубому шву комбеза, не разошёлся ли, не нужно ли снова подшивать. Делать хоть что-нибудь, иначе... ну, не дело мужику горевать по-бабьи. Не красит его это. Нельзя. Зря всё-таки не взял с собой водки...

Ничего, скоро уж «Росток». Поминки надо бы им человеческие устроить, авось хватит «долговского» приварка за посылку. По-любому в «Ангарыче» вечером будут «долганов» провожать, что с ходки не вернулись. Да и вообще, наверное, всех своих, а забрала их Зона за это время немало. В невесёлых мыслях я и сам почти не заметил, как добрёл до первого блокпоста «Долга». У ворот хмурые бойцы долго и слишком уж тщательно проверяли, кто я есть таков, хотя раньше, помнится, пропускали без особых проблем. Адресат доставки, а им был сам Седой, где-то отсутствовал, и, сдав оружие, я направился напрямик в «Ангарыч», вяло отмахиваясь на приветствия знакомых сталкеров. Денег ни копейки, так хоть посидим, подождём вечера... хм. В кои-то веки Фреон с финансами не дружен. Хоть бы один заваливающий артефакт по дороге попался, так нет, шиш. Если не прёт, то это надолго, примета в Зоне верная.

— Здравова, Фреон! — К моему столу подошёл вроде бы знакомый сталкер, и, пока я без особого интереса пытался припомнить, как же его зовут, выдал: — Слышь, ты не в курсе, да? Лунь того... гробанулся, короче. Со своей, ага. Помянуть бы надо.

— Тебя как звать? — Вспомнить так и не получилось, хотя видел пару раз в Баре, даже словом перекидывался. Помню только, что мужик этот ещё тогда развязным и нагловатым показался... да и сейчас кажется таким же. Не люблю подобных субъектов. Раздражают.

— Ну, это... я Болек, забыл, что ли? Ну-у, даёшь... ну так помянем, а? Тока я это, сегодня по нулям. Но дело-то святое, ясен пень, надо же хорошего человека помянуть.

Ну да, точно, Болек. Голова круглая, вихор крючочком, харя луной. Похож на того, из мультика, что бармен по видео для смеха крутил.

— Знаком был с Лунём? — поинтересовался я на всякий случай. Вряд ли. Не из его компании человек, не станет Лунь с такими брудершафт пить.

— Не, сам не знаком. Но ведь это, мужик-то он мировой был...

— Уйди далеко, Болек.

Сталкер пожевал губами, отвёл взгляд, что-то пробурчал под нос и двинул дальше, хотя и не настолько далеко, как хотелось бы, — к соседнему столу. Я услышал «Эт, мужики!

Такое дело... Лунь ведь того, гробанулся, ага... хороший мужик был. Помянуть бы».

Так и напрашивается, паразит. Видно, что болеет человек, а денег ни шиша, вот и пытается стакан под благовидным предлогом выкушать. Но лучше бы он другой предлог нашёл.

— Мужик, я ведь тебе сказал — уйди далеко. Чего непонятного?

— Ты это... ты чего? Я те чё сделал? — Боек дёрнул плечом, глаза его забежали. — Мужики, чё он бычит? Я чё, мешаю кому?

— И в самом деле. Достал уже, — буркнул кто-то за соседним столом. — Нет денег, так и скажи: мужики, мол, трубы горят, надо. Потом бы рассчитался. Ещё раз вякнешь о поминках — в зуб дам.

— Я шас «долговцам» расскажу, что вы тут беспределите, — прошипел Боек.

— Ну, я «долговец». — Незнакомец встал и сгрёб надоедливый сталкера за ворот. — Внимательно слушаю. Рассказывай.

Озадаченный Боек замолчал, «долговец», подождав немного, развернул его и крепко двинул коленом по пятой точке.

— Аудиенция закончена. Гуляй отсюда, поминальщик хренов.

«Поминальщик», явно осознавший, что бузить себе дороже, безропотно скрылся с глаз.

— Благодарствую, — буркнул я, усаживаясь обратно к своему столику. — А то бы сам врезал.

— Не стоит любезностей. Он тут всем с утра надоел, бухарик. Странно, что ещё живой по Зоне ходить умудряется.

Я мельком глянул на «долгана». Сам молодой, и комбинезон вроде не «долговский», а кустарный, перешитый из кусков старой «Кольчуги», и нашивок на нём не наблюдается.

— А, это... — Парень явно заметил мой взгляд. — Прощтрафился я, пропустил на территорию одного ханурика. Вот, на десять суток исключён из отряда и несу трудовую повинность — в «Ангарыче» убираюсь. Я, кстати, Веня, Карбидом кличут...

Я неопределённо хмыкнул и, хотя это было не слишком вежливо, промолчал в ответ. Ну, не хотелось мне ни с кем разговаривать. Особенно сегодня, когда на душе не то что кошки — химеры скребут. Скорей бы уж вечер, сдать заказ лично Седому, выспаться и свалить отсюда. Даже поминки расхотелось мне именно здесь справлять, особенно после этого придурка Болека. Уж лучше соберу всех наших в Баре, посидим, вспомним...

Молодой «долговец» намёка, похоже, не понял или не заметил и продолжал вполголоса вещать на своей волне, наверно, думая, что я потому и молчу, что слушаю. Внимательнее прислушался я, когда «долган» вдруг Луня упомянул.

— ...вот так и вышло всё. Ханурик этот рыжий с Лунём и Хип на базу пришёл. Ну, я и пропустил их всех без проверки. Оказалось — ворюга с ними был, сталкера одного обчистил и ночью смылся. Лунь, красавчик, уroda выцепил и всё вернул, но строгаца мне всё равно всыпали, ладно, что ещё десять дней, бывает, на месяц Седой работой обеспечит. А то и на два. Вот так. И...

— А что за ханурик?

— Ерьсь или Философ. Так и не понял точно, как его зовут. Седой говорил, что хотел Лунь этого козла за Периметр определить, вроде как из Зоны вытащить, а оно вон как вышло. Парень-то с гнильцой был, по нему видать. Ну, словил его Лунь, нам передал, это знаю, и с Седым они поговорили малость, о чём — не в курсе. Сталкер и ушёл с базы сразу считай. Хороший он мужик был, реально хороший. Знакомы были. Не совсем по-доброму расстались, злой я на него был из-за этого придурка. Эх-х... обожди, я шас.

Карбид ненадолго пропал, вернувшись уже с бутылкой и парой маленьких гранёных стаканчиков. Из карманов на стол перекочевали также банка тушёнки, запакованный в целлофан кусок «чернушки», луковица и редкий в Зоне деликатес — баночка маринованных грибов.

— Давай, что ли, за упокой душ. Наших ребят там много полегло, вместе они от уродов отбивались, вместе и погибли, но и тварей помесили как надо. Девчонку жалко очень, совсем

молодая была.

Выпили, не чокаясь. Тёплая, с заметным сивушным душком водка пошла на удивление легко и почти сразу ударила в голову. Ну, правильно, со вчерашнего дня не ел, переход на двадцать километров, да и годы уже совсем не молодые, пятый десяток скоро разменяю.

— И это. Мы ведь два отряда в один день потеряли. Давно такого не было, чтоб и контролёры, и «монолитовцы», и мутантов целая прорва. Все полегли там... Седой, кстати, Луня в бойцы «Долга» записал и «Стальной Звездой» посмертно наградил, как и всех наших, кто в Долине погиб. Просили его, чтоб и девчонку тоже к награде представили, но вроде она когда-то в «Свободе» была, и потому не стали... вот...

Карбид налил по второй, разломил хлеб.

— Пусть им Зона пухом будет. От первого отряда наших ребят, что с Лунём были, ничего не осталось, хоронить нечего. Видать, нарвались на контролёра, он их и загнал в аномалию. Но успели они многих тварей побить, даже матёрого псевдогиганта грохнули, а уродов помельче так и вообще без счёту. Да только пара там контролёров была. Одного-то Лунь завалил, а второй... э-эх. Что уж там... давай.

Вторая пошла ещё легче, почти как вода. Зря ты сунулся в Тёмную долину, дружище. Отродясь там ничего путного не было, чёрное там место, плохое. И зачем?..

— А чего это Луня в Долину подался?

— Он не сообщал. Дела какие-то, наверно, были. Теперь-то уж точно не узнаешь, чего он там искал. Впрочем, ответственный по снабжению говорил, что ходка наверняка предполагалась дальняя, так как затоварился Лунь хорошей снарягой на несколько тысяч зелёных рублей и продуктов набрал много.

— Ясно...

Ничего, правда, для меня ясного не было. Куда пошёл, зачем... какая теперь разница? Только вот сгинул странно, да ещё и с «долговским» отрядом за компанию. Сомнительно мне очень, чтоб они так подставились. Карбид вещал дальше, видать, нужно было парню выговориться, да только я уже не слушал. Время от времени на дно стаканов падало по «паре бульков» нехорошей водки, я опрокидывал в себя спиртное и снова думал под почти убаюкивающий бубнёж «долговца». Думал о том, что поганее теперь Зона стала. О том, что не успел я нормально поговорить, сдружиться с теми, кто ушёл навсегда. Что по собственной дури никому так душу и не открыл, как не было друзей, так и нет, и, что самое обидное, наверно, уже не будет. Таких не найденных ещё товарищей потерял, дурень...

Ходит про меня слава, что молчун и нелюдим. Одиночка во всех смыслах. Да только если раньше у меня не было веры людям, то теперь вера есть, да вот людей подходящих, увы, не осталось. И как обидно-то, что это задним числом понимаю. Давай, «долган», не тяни, наливай своего пойла за упокой душ тех, настоящих, правильных людей.

После полудня «Росток» немного оживал. Совсем рядом с «Ангарищем», устроенным в старом ангаре, «долговцы» вовсю «облагораживали» заводской цех, полтора десятка сталкеров «на подхвате» выносили из здания обломки кирпичей и ржавые станки. Не иначе, новую казарму налаживают — растёт «Долг», матереет. А может, «ботаники», что тоже на «Ростке» обосновались, цех присмотрели... бывший завод большой, всем места хватит, считай, треть помещений пустует, и расположен удачно — ни одной аномалии нет в пределах завода, и Выбросы тут не особо лютуют. Палестинка — благодать, заповедник нетронутой Зоной земли... ох, сколько в своё время крови здесь пролилось за эти цеха, ангары, склады, за чистую землю эту, в конце концов «Долгу» доставшуюся. Кто сильнее — тот и прав. Впрочем, оно и неплохо — «долганы» люди нормальные, без особых заскоков, если не считать этой их «идейности». Вот и Карбид, захмелев, переключился на любимую «волну» — «какая Зона дрянь и как бы её изничтожить побыстрее». Что дрянь — то верно, а вот чтоб изничтожить, это вы, ребята, маху дали. Или сама пропадёт, но это вряд ли, или ещё больше расползётся, что скорее всего.

— Фреон?

— По вашему приказанию прибыл. — Я неспешно поднялся со стула и кивнул. Что ж,

Седой пожаловал, пора и посылку отдавать.

— Перестань. Не в армии. — Седой неодобрительно поморщился. Ага, не в армии... но выправка у «долговского» начальства точно военная, и подошёл характерным таким шагом, комбез подогнан так, что на форму смахивает. А если учесть, что, помимо нашивок группировки, «долговцы» ещё и натуральные погоны ввели, чёрные такие, с красной полоской и красными же звёздами, и даже звания воинские, то уж конечно, «не в армии». Тут дисциплина даже похлеще будет — это я понял ещё и по тому, как Седой глянул на Карбида, так и не успевшего спрятать уже почти пустую бутылку под стол. На этот раз, похоже, десятью днями «исправительных работ» парень уже не отделается.

— Вечером ко мне. — Седой как-то бесцветно, спокойно сказал это Карбиду, даже не глядя на него, но вторично проштрафившийся «долговец» заметно побледнел и сник. Даже по глазам было заметно, как в считанные секунды выветрился из него хмель.

Сурово у них тут. Странная группировка, слов нет. Вроде и сталкеры, вольные, никто силком не держит, не хочешь — иди на все четыре. А вот поди ж ты, меньше «Долг» не становится, скорее, наоборот. И не поверю я, что прямо все, кто в «долганы» записывается, делает это по идейным соображениям. Не понимал я этого раньше и сейчас не понимаю — неужели ать-два под ружьё, дисциплина эта жёсткая, побудки, казармы, подчинение лучше, чем самому, своим умом жить? Впрочем, не моё это дело. Пусть живут, как им нравится, мне, по большому счёту, плоско и параллельно на чужие порядки.

— Как добрался, сталкер? — поинтересовался Седой, немного, но всё же заметно выделив интонацией слово «сталкер».

Добрался как... а как обычно наш брат по Зоне добирается? Через Гнилую Балку, чуть не нарвавшись на большую стаю слепых, по бывшему Кордону большого крюка, обходя странную полосу неподвижного тумана, и это в такой-то ветер, что капюшон на спину сбрасывало. А через «железку» вообще зигзагом, прощупывая каждый метр болтами, а где-то под просевшим перроном полустанка в крошечной темноте каркал и завывал зомби, и несло из-под плит горькой, удушливой вонью. Что на когда-то чистой тропинке вокруг меня начал нехорошо потрескивать и шипеть воздух, и пришлось больше часа изображать памятник, боясь даже пошевелиться, ожидая, пока стечёт на землю атмосферный заряд. Что ночевал, свернувшись буквой «зю», в зарытом колодезном кольце, спал урывками, всматриваясь в полной черноте на кусок тёмно-серого неба над головой. Но в аномалию не наступил, под «глушняк» не попал, ни разу не съели. Значит, хорошо добрался.

— Нормуль.

— Разговорчив, как всегда. — На лице Седого появился намёк на улыбку, он кивнул и жестом пригласил за собой.

Ну что ж, скоро избавлюсь я от этих тяжёлых ящиков, глаза б мои на них не смотрели. «Не бросать, не ронять, не пинать и вообще — беречь по-всякому, — напутствовал Бивень, так и норовя к сорока кило в рюкзаке ещё подкинуть пару „маленьких пакетиков“, — смотри, очень ценная штука».

Наказать, что ли, как-нибудь торгаша? А не трепись попусту, не вводи в соблазн... но знает, зараза, кому груз дать, чтоб и доставил наверняка, и ничего из посылки для себя не позаимствовал. Но видит Зона, накажу я Бивня. Напрашивается... «ценная штука». Хм. А чтоб комбез в долг выдать — шиш. Натуральный барыга, мироед. Эх... при Барине оно лучше было.

Надеюсь, раскошелится Седой за эту «ценную штуку» как следует.

Мы ещё не подошли к «администрации» «Долга», как с неба послышался узнаваемый и лично мне крайне неприятный звук вертолётных винтов. Уж не один год прошёл, как перестали вояки в сталкеров стрелять, а всё равно уже на уровне инстинктов хочется нырнуть в какой-нибудь колодец, спрятаться, затаиться, а то и высадить в винтокрылое чудовище пару магазинов. И, по ходу, не у одного меня такая реакция на вертолёты — и у Сиониста и Гопстопа то же самое, да, в общем, у всех, кто застал те дурные времена.

— Что, не любишь, да? — Седой заметил мою реакцию. — Знакомо. По мне, кстати,

тоже разок с вертолѐта били. То ещё удовольствие.

— В Зоне?

— Нет, не здесь... в Анголе. А, ну его. К чёрту... — «Долговец» потемнел лицом. — Однако быстро они. Не знаю, как они умудряются над Зоной летать, но меня в вертолѐт, пусть и набитый детекторами, под автоматом не загонишь. Здесь даже небо проклято, сталкер.

Седой замолчал, и до тех самых пор, пока мы не пришли в его личный кабинет, я не услышал от него ни слова. А из вертолѐта, севшего на пустыре за крайними зданиями завода, уже направлялись в нашу сторону два человека.

* * *

— Здравия желаю, товарищ майор.

— И вы будьте здоровы... хм. М-да. Товарищ, значит? Ну, пусть будет товарищ. Разговор к тебе есть.

Седой едва заметно поморщился, но смолчал. Впрочем, а как ещё должно выглядеть обращение военного к сталкеру? Не по уставу же... а как бы «долговцы» ни открещивались от сталкерского ярлычка, никуда от него не денешься. Но вот «тыкать» главе группировки уж точно не стоило.

Не похож был майор на военного. По крайней мере внешне. И даже не в форме дело — вояки никогда не сунутся в Зону без мешковатых, немного нескладных научных комбинезонов. Но — в мелочах узнаются. Походка, жесты, выправка — это въедается. Я военного за километр по ним угадаю, всю сознательную жизнь, считай, рядом жили. А тут... нет, странный майор. На стуле развалился, в пол устался, бубнит негромко, пальцами по столешнице елозит, взгляд задумчивый — ну, чисто научник.

Я приготовился выйти из кабинета Седого, но «долговец» жестом показал — останься, мол. Типа, доверие к Фреону полное, но скорее всего ещё и чтоб майора чуток кольнуть.

— Разговор личный. — Майор покосился в мою сторону. — Посторонние могут удалиться.

— Это мой кабинет, товарищ майор. А раз так, то здесь я имею собственные соображения по поводу посторонних людей. Не считите за резкость.

Военного это задело, но виду он постарался не подавать. Я же, в свою очередь, дружелюбно улыбнулся майору и кивнул, мол, не стесняйтесь, говорите. На сей раз лицо майора немного порозовело.

— У меня не самые приятные для вас новости, — с раздражением в голосе произнёс военный. — Вам предлагается в сорок восемь часов освободить территорию завода «Росток».

— Ничего себе. — Седой покачал головой и с удивлением глянул на военного. — Вот прямо так взять и в сорок восемь часов удалиться?

— Ну, ещё лучше в двадцать четыре. — Майор утвердительно кивнул.

— Ультиматум. Понятно. Могу я узнать подробности?

— Можете. В свете последних событий высшему руководству стало известно о творящемся здесь бардаке, и посему коррупционеры, покрывавшие сталкеров и прочих преступников, смещены и отправлены в не столь отдалённые места. Учитывая, что ваша преступная группировка на добровольных началах помогала учёным и военным, мы готовы посодействовать тому, чтоб ты и твои люди получили только условные сроки либо были амнистированы в самое ближайшее время. Новое командование восточной частью Периметра посчитало здания завода «Росток» исключительно выгодным районом для размещения здесь военной части, и посему вам на добровольных началах предлагается покинуть территорию государственного предприятия.

— «Преступная группировка»? — Седой начал приподниматься со стула, я заметил, как сыграли на скулах желваки. — Вы в своём уме, майор?

— В своём, не беспокойтесь. Если быть точнее, незаконное вооружённое

бандформирование. Статью напомнить? Повторяю, если бы не твои заслуги и помощь твоих людей, мы бы вообще здесь не разговаривали.

Я услышал, как сочно хрустнули кулаки Седого.

— И какой идиот притащил вашим штабным такую убойную дурь? Вы там что, обкурились?

— Занеси в протокол. — Майор кивнул сопровождавшему его сержанту, и тот послушно начал строчить в стопке серых листиков. — Понимаешь, *товарищ*, есть такая штука, как закон. И соблюдать его нужно всем без исключения. Не забывай, что мы вешаем хорошее ярмо себе на шею, готовясь вас защищать во время судебных разбирательств. Под какой удар будет поставлена вся наша администрация? Ведь твоей группировки, как, впрочем, и других сталкеров, официально не существует. Вы не просто неучтённые лица, вас нет. Нет ни тебя, ни твоих людей, ни «Свободы», ни «Монолита», просто нет в природе, потому как ни в одном документе, вышедшем из Зоны, ни в едином отчёте, полунамёке, да даже ни в одной запятой о вас ни слова. Есть учёные, есть мы, есть лаборанты, иногда журналисты. Всё. Ты хорошо понял меня, бывший подполковник, погибший во время миротворческой миссии? Поэтому хватит истерик, не усложняй свой послужной список. Тихо, быстро и очень мирно покинь завод вместе со своими боевиками. Далее — по усмотрению. Хотите — оставайтесь в Зоне, хотя я бы не советовал. Можете выйти к Периметру и сдать властям — я ручаюсь, что ко всем бывшим «долговцам» будет применено существенное снисхождение.

Седой вдруг, совершенно неожиданно для меня, улыбнулся.

— Всё понятно. Ну а теперь, майор, потрудитесь объяснить, что случится с нами в случае неподчинения.

— «Долг» будет уничтожен. Для регулярной армии ваша группировка не представляет никакой угрозы.

— Для нас не представляет угрозы сотня напуганных, облучённых, полусумасшедших людей. Именно столько останется от личного состава всех ваших военных частей через десяток километров по Зоне. Ни один танк не справится с «электрой» или «воронкой». На боевой вертолёт не навесишь полторы тонны научного оборудования так, чтоб оно нормально работало, а без всех этих детекторов и зондов любой самый современный и мощный вертолёт гарантированно станет кучей металлолома через очень короткий промежуток времени. А если вдруг и долетит, то в нашем арсенале имеются современные зенитные средства — «Монолиту» спасибо, поделился, не по своей, правда, воле. Посему я уверен, что ваше командование выкурило мешок особо забористой дури, а наши ребята терпеть не могут наркоманов. Так что занесите в свой протокол ещё и это как ответ группировки «Долг» на ваш ультиматум.

Седой снова удивил меня. Он молча поднёс к носу майора дулю и плавно покачал ею вверх-вниз. Я перестал жалеть, что остался. Седой определённо сильно вырос в моих глазах.

— Дальнобойная артиллерия. Есть у нас и «Смерчи». Вы представляете себе, что останется от вашего «Ростка» меньше, чем за час? — Военный густо побагровел и сжал кулаки, но голос его оставался спокоен.

— В пределах «Ростка» находится самая крупная в Зоне постоянная научная станция. Вы и её собираетесь сровнять с землей, майор? А что скажет мировая учёная элита, вы не подумали? И, кстати... Чистов! Вызови ко мне академика Яковлева. Скажи, что его присутствие крайне необходимо. Добавь, что речь идёт о работе станции.

Молодой «долговец», дежуривший у дверей, метнулся к коммуникатору.

Яковлев пришёл почти сразу. Высокий, довольно крепкого телосложения мужчина меньше всего был похож на «ботаника». Немного за пятьдесят, начинающий лысеть, но без малейших признаков седины. Скорее сталкер, за каким-то чёртом переодетый в строгий костюм-тройку, поверх которого небрежно висел на плечах белый халат. Бородатый — похоже, у всех «ботаников» Зоны существует на этот счёт строгое правило, — с сумрачным, тяжёлым взглядом и невероятно мощным, трубным голосом, за который он и получил

прозвище Гавриил.

— В чём дело? — Яковлев быстро осмотрел присутствующих. — Постарайтесь быстро, я занят.

— Нас выгоняют с завода. — Седой кивнул на майора.

— Действительно. Достаточно вам работать рядом с бандформированием, это просто опасно, — согласился майор. — Теперь вас будут охранять профессионалы.

— Профессионалы? — Учёный удивлённо взглянул на майора. — И кто же?

— Регулярная армия. Солдаты внутренних войск, получившие соответствующую двухмесячную подготовку на специальном полигоне, имитирующем условия Зоны.

— Двухмесячную... подготовку?! Имитирующем?! — Впечатляющий раскат грома, заменявшего Гавриилу нормальный голос, ударил по стенам, звякнул по чайным стаканам и едва не вбил майора поглубже в кресло. — Вы в своём уме?! Какой дурак додумался до этого маразматического решения? Издеваетесь?!

— В протокол... — проблеял ошеломлённый такой звуковой атакой майор.

— Да, в протокол! — гаркнул оперным басом учёный. — Записывай! Лауреат Нобелевской премии... академик РАН, ведущий специалист по физике аномальных явлений... руководитель полевых исследований Виктор Николаевич Яковлев В НЮХ НЕ ДУЛ решения какого-то штабного идиота. Да, так и записывай, солдат. Слово в слово.

— Вы слишком много на себя берёте... — Майор поправил галстук и потянулся за платком, так как не просто побагровел, но и покрылся крупным потом. — С вашим начальством в НИИ этот вопрос тоже согласован...

— Пиши дальше, воин! — продолжил учёный. — Яковлев Эн Вэ... э зачеркни, грамотей, это инициалы... также ЧИХАТЬ ХОТЕЛ на решения администрации НИИ... администрация в кавычки... так как эти решения ставят под угрозу всю научно-исследовательскую работу российско-украинских учёных в Зоне... что повлечёт за собой санкции европейских институтов, выделивших крупные гранты. Пиши дальше... научная станция не нуждается в помощи смертников, показавших свою полную непригодность в качестве охраны на станциях «Янтарь» и «Позитрон»... названия в кавычки и с большой буквы. Академик Яковлев настоятельно не рекомендует направлять войска для охраны научной станции, так как это будет сопряжено с неоправданно высокими потерями как среди военных, так и среди научных сотрудников... точка.

— Вы... это уже слишком. Я буду вынужден жаловаться руководству НИИ.

— Да жалуйтесь вы кому хотите. — Учёный брезгливо отмахнулся. — Уважаемый, вы, по всей видимости, штабник. И я практически уверен, что этот вылет в Зону у вас первый. А судя по тому, как вольготно вы сейчас развалились в кресле, вы мало осознавали, над чем и через что недавно пролетели на вертолёте. Офицеры, которых ваше новое начальство имело глупость уволить с занимаемых постов, знают о Зоне и людях в ней в тысячи раз больше, чем вы со всеми своими шутовскими полигонами и двухмесячными подготовками. Я видел ваших бойцов. Они хорошие солдаты, правда. Метко швыряют нож, бьют руками доски, отлично стреляют, сильные, ловкие... но я также видел, как кровосос на Янтаре отрывал головы таким бойцам. Просто выскакивал из стелса — и голова у солдата летит вверх на десять метров. Что толку от самой лучшей армейской подготовки, когда они просто не понимали, где враг, в кого стрелять? Один-единственный кровосос за две минуты уничтожил взвод солдат и ушёл без единой царапины! Он рвал людей, как гнилые тряпки, он даже не охотился, он, чёрт возьми, просто играл. Развлекался! И если даже эта дикая тварь поняла, что те бойцы не представляли опасности, то почему вы этого не понимаете? Вы что, глупее кровососа, хомо сапиенсы, венцы природы? Или для вас жизнь солдат уже ничего не стоит? Повторяю — вы этого не видели, ваши штабные — тоже. Я — видел. И потому говорю — не отправляйте своих ребят на верную смерть, а заодно не губите нас. Так и передайте своему новому начальству, что ломать — не строить. Слово в слово.

— У меня приказ. Предупредить, — устало выдохнул майор. — Я его выполнил. И мнение моё таково, что закон всё равно должен соблюдаться. Даже если это будет сопряжено

с потерями, в любом случае — неизбежными. От коррупции уже не продохнуть. Посему — сорок восемь часов. Честь имею.

— Дурррак, — рыкнул учёный. — Твердолобый осёл! Из-за таких идиотов многие сотни, если не тысячи людей сгинули в Зоне! Вам мало?

— Занесите в прото...

— Да пошёл ты! — Яковлев в сердцах сжал кулаки, и я бы не удивился, если б майору досталось сейчас в сопатку. — Передайте своим — станция останется здесь. При попытке эвакуации я обещаю вам обнуление всей карьеры, вам и вашим сюзеренам, влияния у меня хватит, фигура, как-никак, уже международного масштаба, и рычаги имеются. Прошли те времена, когда штабники диктовали учёным, майор. Считайте, что вас тоже предупредили. А теперь, если позволите, у меня важные дела. — И учёный удалился, напоследок ощутимо хлопнув дверью.

— Ну, раз уж дело шьётся, то запишите мнение командира незаконного бандформирования. Портить отношения с «Долгом» просто глупо и крайне невыгодно в первую очередь военным. Вскоре вы это ощутите. Чистов! Соединись со всеми группами на военных блокпостах и ключевых точках. Пусть собираются и идут на базу. Операцию назвать «Отдуйтесь сами», по возвращении групп доложить лично мне и считать операцию завершённой. Выполнять. Да, есть тут ещё один момент. Вы запрос давали на одного хлыща, Эдика, сына там чьего-то? Забирайте, нашли мы его.

— Соломатин? А, он нам больше не нужен. У него все сидят, и друг-генерал, и папа-доцент. Пока в СИЗО, но не сомневайтесь, сроки получают капитальные, это я вам гарантирую. Коррупция в особо крупных размерах. И не объясню я теперь начальству, откуда взялся в вертолёте человек, у которого такие плохие папа с дядей. Ещё что-то?

— Нет, всё. Вы свободны, майор. Всего хорошего.

Когда военные ушли, Седой помрачнел и начал расхаживать по кабинету.

— Скверно, братец, ох, как скверно дело. Совсем беда... так всё было ладно и для всех хорошо... но, как говорится, хорошего понемножку. Тёмные деньки наступают, друг Фреон.

— Ну а если скверно, так зачем не уйдёте с «Ростка»?

Спросил — и пожалел... но, если подумать, не полез бы Седой в бутылку, может, и полюбовно разрулили бы с воякой. Эх, зря я это ляпнул. Но «долговец» не разозлился, просто вздохнул и устало опустил плечи.

— Нет... вне закона, но с базой всё же лучше, чем вне закона и без базы. Мы ведь великой кровью её взяли. И если уж отдавать, то не дешевле. Слушай, Фреон. Ты разговор слышал, передай своим всем, тебе одиночки больше поверят, чем моим посыльным. И старайтесь припасами особо не разбрасываться — скоро в Зоне с хлебом и патронами будет туго. Чистов! Когда закончишь с оповещениями, собери четырёх бойцов из тех, что поспокойнее... пусть сходят к этим козлам из «Свободы», предупредят, что ли. Вражина у нас теперь общий есть помимо «Монолита», перемирие нужно ну просто кровь из носа.

Уж если Седой со «Свободой» перемирия хочет, то дела реально в глубокой аномалии. Неслыханное это дело... вот «фримены», наверно, офигеют с «долговских» посыльных под белыми флагами. Если такое в самом деле случится, в смысле — перемирие, то жди больших и исключительно гадостных перемен. Потому что какие бы перемены в Зоне ни случались, добрыми они не бывают.

А вот денег за доставку «долган» дал немного. Знал бы, не тащился с этими чёртовыми ящиками столько километров, но, как говорится, на будущее наука. Уж лучше бы вдоль нейтралки прогуляться да какого-нибудь мизера набрать на ту же сумму, чем два дня вычным сталкером работать. Или в следующий раз торгаша наказать... кстати, забыл спросить, что в тех ящиках было. Да, впрочем, какая теперь разница... и вообще уж лучше бы мне из долговских закровов вместо денег хорошего настроения маленько отсыпали. Погано на душе — не передать. Эх, Лунь... не думал я, что вот так всё выйдет. Зря, ох, зря вы пошли в Долину.

И уже лёжа на жёстком матрасе, брошенном прямо на пол, я долго смотрел в окно, а в

чёрном небе Зоны дрожали серые всполохи, подсвечивая горизонт, да слышалось едва различимое ворчание грома. Гроза где-то далеко... может быть, что и над Большой землёй. И темно, совсем темно в бывшей конторе, и потому не нужно больше улыбаться, молчать, быть нелюдимым и замкнутым, на пушечный выстрел никого не подпуская к душе. И подумать бы, вспомнить всех не вернувшихся из Зоны ребят, Луня и девчонку эту смешливую, а вот лезет в голову какая-то дрянь: Бивень, торгаш этот бессовестный, Болек, паскуда, Карбид бутылку прячет, я сам деньги пересчитываю, что за доставку получил, и многозначительно так на Седого смотрю, а он как будто и не замечает. И над всем этим — небо серое, траурное, беспросветное. Поганое. Другого-то мы и не заслужили.

* * *

Покупать на «долговской» базе тушёнку — роскошь для меня пока непозволительная. Для тех, кто не в группировке, цены в местных торговых точках ощутимо кусаются, а распоряжений о скидках для Фреона не поступало. Не получилось у меня в своё время ни дружбы, ни вражды с «долговцами». Меня это устраивало полностью — значит никому из них ничем не обязан. Тем более что сглупил я с этим заказом — понятно, что озолотиться доставкой разных нужных штук в Зоне нельзя, но и получить столько, что едва хватит на недельный запас одних только продуктов — тоже обидно. Вот ведь засада — и в Зону, серьёзную Зону, в такой снаряге не сунешься, и по такому вот мизеру собирать противно. На нормальный комбез я этими «доставками» и за год не заработаю. Можно было бы к Седому подкатить — мол, выдай дельный комбинезон, отработаю. Он бы выдал, вообще без вопросов. Да только... он потом не деньгами спросит, нет. «Ты должен „Долгу“, сталкер! Мы тебя выручили, вот и ты нам помоги!» Нет, не хочу быть никому обязанным, тем более целой группировке. Такие долги, причём во всех смыслах, мне и на фиг не нужны. В рюкзаке полбуханки хлеба, уже малость закамневшего, но вполне ещё съедобного, грибов маринованных баночка, что вчера Карбид оставил, ему-то они сейчас точно ни к чему, а после головомойки он о них и думать забудет. На два дня перехода негусто. Эх, тушёнки бы ещё пару банок, грустно без неё в Зоне... а ещё лучше сала шмат. Полезная штукавина, исключительно полезная. Да только где его найдёшь? «Росток» большой, и со снабжением у них налажено, точнее, до вчерашнего дня было налажено. Слышал я, закрома у них похлеще, чем у «ботаников», консервами да полезным барахлом забиты, вон, Седой военного даже о зенитных комплексах предупреждал, и не похоже, чтоб врал. А уж сало-то у них точно есть. Пойти, что ли, спросить. На этот продукт разорюсь, не жалко.

Обе торговые точки «Долга» — продуктовая и оружейная — оказались закрыты. Точнее, на дверях висели картонки с надписью «Только для бойцов „Долга“!», но работал подвал Банзая — учёные не собирались прекращать сбор «образцов» и «объектов невыясненной природы». Гавриил, похоже, и в самом деле чихать хотел на закидоны новых штабных — «ботаники» продолжали работать. Я прошёлся мимо «научного городка», составленного из десятка защитных куполов, доставленных грузовыми вертолётами, и двух пятиэтажных заводских зданий, полностью отданных под нужды учёных. Помню, как бухтели тогда «долговцы» на своё начальство, отдавшее «науке» самые лучшие и к тому времени уже отремонтированные жилые корпуса завода и, мало того, расчистившее руками подчинённых обширный пустырь, где и блещут теперь серебристые полусферы «куполов». Но приказы не обсуждаются — работали «долги», хоть и ворчали при этом громко. Потом, правда, ворчать перестали. Ну, ещё бы... Скважину и очистную систему для воды «Росток» получил — «науке» спасибо. Доставка заработала на полную катушку — опять им благодарность. А коль скоро «ботаники» сообразили, что «долговец» — это не только сталкер в чёрно-красном комбинезоне, а ещё и неплохой заслон от мутантов, мародёров, а также проводник и поставщик артефактов, причём надёжный и вполне предсказуемый, то к «долганам» таким ручейком благодати потекли новейшие лекарства от зонных болячек, детекторы самолучшие, хорошие, качественные продукты. Не обошли «долговцев» стороной

и комбезы научные, и дистилляторы для воды, и прочие блага цивилизации. А потом и военные, сообразив, какая польза от «Долга», негласно свои схемы наладили, переложив на крепкие плечи «долговских» ребят не только львиную долю своих непосредственных обязанностей, но и излишек оружия и боеприпасов. Всем было хорошо — и учёным как за каменной стеной, и «Долгу» благодать, и военные перестали гибнуть в Зоне целыми гектарами, начальство-то у них тогда ещё грамотное было, понимало, что вся их наука и хитрость военная против Зоны никак не сработает. И работала система, смазанная такими деньжищами, что и представить страшно — через науку начала Зона снабжать человечество такими здоровскими прибрлудами, что даже какой-то там кризис энергетический уже не очень-то и кризис — это нам Сионист зачитал. Микрореакторы без радиации, почти бесплатные и почти вечные электрогенераторы на клонированных «вспышках», «капли» из Зоны в торсионных излучателях, антигравитация на фрагментах «вывертов»... Сталкеры в основном тогда позёвывали и пиво дули, от этой антигравитации им не горячо не холодно, но Сионист на меня поглядывал, как, мол, бывший инженер-конструктор на такие новостиотреагирует. Разочаровал я его тогда — ноль реакции. Всё равно мне, что там за Периметром делается. Но одно решительно непонятно — за каким лешим новая верхушка рабочую схему поломать решила? Неужели такие дурные, что сук под собой сами рубят? Ничего не понимаю.

От шатания возле научных корпусов толку, конечно, было немного. Когда учёным народ для задания нужен, то на «Ростке» им есть, к кому обратиться. Мимо «долговской» мастерской я тоже прошлёпал мимо, хотя, по-хорошему, надо бы заменить на «калаше» разболтавшееся цевьё, в стволе нарезы уже стёртые, и от «кислотной колючки» автомату моему досталось очень сурово. Да в идеале вообще надо бы сдать ствол на запчасти и купить новый. Угу. Ключевое слово — купить...

— Мужик, комбез возьмёшь?

Я обернулся на знакомый голос. Ну, точно, Болек. Аж трясёт бедолагу, носом хлюпает и мнётся. Сам в свитере и трениках, комбинезон — уже в свёртке. Узнал меня, дернулся, отвернулся, почапал дальше.

— Сколько?

— За четыре штуки отдам, если в рублях. — Болек приостановился, глянул с надеждой. — Ну или сто двадцать зелёному. Но не меньше.

Ха... как будто есть у меня четыре штуки...

— Взял бы. Денег таких нет, — сказал я вслед страдальцу. Всё, отсталкерил своё мужик. Теперь только в бомжатник за оградой «Ростка» ему дорога. Костюм кустарный, ношенный, видно, но ещё крепкий — мне бы хватило, чтоб у Зоны денег насобирать и шкуру не попортить. И мыслишка кольнула — как бы вслед за этим Болеком по его тропинке не пойти... Нет уж. Не будет такого.

Где-то над головой послышалось шипение и хрип, вслед за которым громко, бравым таким басом загремело на верь «Росток»: «„Долг“ приветствует вас! Сталкеры, мужчины, бойцы! Вы нужны своей Родине, нужны человечеству! Расползается по земле лютая смерть, чёрная болезнь Зоны, и никто, кроме нас, не сможет остановить эту заразу. Сталкер! Ты видишь Зону, знаешь её мерзости, помнишь гибель друзей. Завтра Зона может постучаться в твой дом своей кровавой, грязной рукой, прийти к твоим родным и близким. Не допусти этого, вступи в „Долг“, помоги человечеству победить. „Долг“ — это братство. „Долг“ — это порядок. „Долг“ — это значит, что ты больше не один. Вместе мы победим!»

Заиграл марш, его звуки начали блуждать между серых заводских зданий, шептаться в пустых гаражах и ангарах, тонуть в низком сером небе. Ну, постоим, послушаем. Свои агитки «долганы» крутят теперь не круглосуточно, как раньше, а в основном перед объявлениями и новостями.

«„Долг“ приветствует вас! Вольные сталкеры, гости „Долга“! В двенадцать часов состоится военный суд над преступниками. Просьба принять участие. Бойцы „Долга“! После суда состоится экстренное совещание в третьем цеху. Всем командирам отрядов быть

обязательно». Динамик оглушительно взвизгнул и щелчком отключился.

Суд, ага... «Арену» Седой давно прикрыл, так что теперь пойманных бандюг не выпускали против пойманных же тварей Зоны, а просто расстреливали после «оглашения приговора». Сталкеры прозвали эти суды «аукционами» — у приговорённых оставался шанс, что за них поручатся и возьмут в команду. Надо сходить, посмотреть, тем более уже скоро половина. Наверняка этого, который Ересь, тоже выведут. Перехватить бы.

Несмотря на громогласные приглашения «Долга», сталкеров на «аукцион» обычно много не приходило. Не по нутру нормальным бродягам такие мероприятия. Вот и сегодня всего десятка полтора, не считая отряда «долговцев» — им присутствовать положено, суд всё-таки. Вон и первого уже вывели, поставили к стене.

— Ерёма, он же Чек. Бандит, взят при уничтожении кодлы Свища, погибшей в перестрелке на границе Свалки и Агропрома. Сдался сам. Причастен к грабёжам и, возможно, убийствам вольных сталкеров, в чём не признаётся. — «Долговец» щёлкнул застёжкой кобуры, вытащил «Макаров». — Ну, нужен кому такой экземпляр в команду?

— Мужики. — Белый как снег бандит мелко затрясся. — Я же никого... я это, не убивал... Ни одного вашего. Возьмите, а? Я тропы секретные по Агропрому знаю, нычки покажу, не пожалеете. Мужики! — Чек пытливо заглядывал в лица собравшихся. — Возьмите, мужики. Отмычкой буду! Не подведу, мужики! Я же сдался, сам. Я... мне... жить, а? Дайте жить, а я кровью искуплю, землю жрать стану... возьмите, мужики... ннн НННЫЫЫЫ! — Ерёма грохнулся на колени, в пыль.

Сталкеры отворачивались. Редко, ох, как редко «выкупали» тех, кто в бандах был.

— Перестань выть, Чек. — «Долговец» дослал патрон. — Вытри сопли и умри, как мужику положено.

Щёлкнул выстрел. Ерёма зажмурился, скривил рот, судорожно, со всхлипом, втянул воздух и, так и не поднявшись с колен, начал медленно оседать набок. Из его виска в пыль сплошной толстой струёй полилась кровь.

— Следующий. Новичок Лямыч, вольный сталкер. Обворовал двух сталкеров, своих товарищей, с которыми ходил к Чернобылю-7. Во время погони застрелил своего бывшего приятеля и ранил другого, который его и опознал. Вину признаёт, в смысле, что стрелял. В воровстве не признаётся.

— Не воровал я. — Молодой парень закрыл глаза и постарался унять трясущиеся руки. — Это я нашёл, я сам. А они сказали, что я молодой, и себе забрали. Я просто взял своё и ушел. А они, уроды, — стрелять...

— Сталкер Ремень ручается за Лямыча и берет себе в команду. — Поднялась рука, и рослый сталкер вышел вперёд. — Я ему верю.

«Долговец» спрятал пистолет, достав взамен ПМК, быстро прошёлся стилем по сенсорному экранчику, присмотрелся к сталкеру.

— Да, Ремень. Знаем такого, доверяем. Ты принимаешь на себя ответственность за поступки этого человека. Он поступает в твоё полное распоряжение сроком на год, и в течение полугода ему запрещено появляться в лагерях сталкеров без твоего сопровождения. Всё его имущество, а также добыча, в течение года найденная в Зоне, принадлежит вам, равно как и ответственность за оправданного. В случае преступления оправданного тебе навсегда запрещается вход на «Росток» и в базу данных вносится пометка «неблагонадёжность». Условия устраивают?

— Да.

— Забирай ханурика. Следующий. Мародёр Сипой. Одиночка. Взят на засаде. Убивал выстрелом в спину и обчищал труп. Во всем быстро и охотно сознался, рассчитывая на снисхождение, указал на схроны, где прятал вещи убитых, даже назвал имена. Признался в убийстве трёх человек. Клянётся, что убил только их, хотя есть данные, что Сипой постоянно приторговывал комбинезонами, детекторами и оружием.

— Истинно так. Приторговывал, сынок. Зона-то она вона какая, большая. — Сипой, заросший до самых глаз клочковатой бородой старик, суетливо закивал, зачем-то вытирая

пальцы о засаленную кожанку. — Дык много мёртвых тут. Им уж не нать, а старику польза, на хлебушек заработать. Я ж это, не со зла стрелял-то. Я же вижу, когда у человека душа дурная, паскуду за версту чую, сдалека. Зона его и без меня приберёт, один шут. А вещички и сгинут. Жалко, а так, глядишь, хорошим людям достанется. У меня много по Зоне тайников. Ежели возьмёт кто старичка, так он тому все отдаст, вот те крест. — Мародёр размашисто, картинно перекрестился и поклонился «долговцу». — Греха на душу не берите, сынки. Чего старичка стрелять, он ещё и пригодится. Я тут давненько, все места знаю.

— Вали гада, — прошипел кто-то из сталкеров.

В бороде старика обозначился тёмный провал, он сдавленно взвыл и, со стремительностью загнанной кошки метнувшись в сторону, выхватил из подошвы ботинка узкое, тускло блеснувшее лезвие. Но «долговец» оказался быстрее, и под хлопки двух выстрелов мародёр выронил заточку и сел на землю.

— Во зараза какая. — «Долган» добил мародёра третьим выстрелом. — Так. Четвёртый. Одиночка, новичок. Себя зовёт Философ, среди сталкеров известен как Ересь. Успел побывать в банде, по доброте душевной подобран был Лунём и приведен сюда. Вместо благодарности обворовал сталкера Лешего, причём на нашей территории, и попытался скрыться. Пойман с поличным. Краткая характеристика — сволочь.

Из ангара вытолкали рыжего паренька. Ох и набили же ему недавно морду — любо-дорого. Этакий синий бланш на половину хари, губы вздутые, за бочину держится. И, похоже, только сейчас он по настоящему понимать начал, что его ждёт, — увидел трупы, да так и завалился по дороге и даже не заорал — захрипел, как неисправный водопровод.

— Я ручаюсь. — Подняв руку, я вышел вперёд. — Сталкер Фреон ручается за Ересь.

Сзади гоготнули — м-да, уж лучше бы сказал, что за Философа ручаюсь, а то ляпнул, как в лужу булькнул. Ну, будет сегодня свежая хохма на вечер в «Ангарыче».

— Знаем такого, — кивнул «долговец», даже не глядя в ПМК. — Доверяем. Ты принимаешь на себя ответственность...

Я не прислушивался к обычному в таких случаях монологу, и так знаю, что к чему. Вместо этого присмотрелся к парню. Тот, ещё не веря в то, что жив, скулил, глядя круглыми, как пятаки, глазами на расстрелянных бандитов, а мимо него уже выводили пятого, похоже, последнего, так как решётчатая дверца «долговской» «камеры» оставалась открытой. Значит, краткая характеристика — сволочь? И зачем тогда Лунь его с собой взял?.. Ладно, выясним. А кстати, кажется, помню я его, где-то с месяц назад в Баре видел. Не понравился он мне тогда. Ох... не зря ли взял на поруки?

— Забирай освобождённого, не стой. — «Долговец» махнул рукой. — Видишь, он пока сам не отдупляет, а у нас ещё последний не разобран.

Пришлось подойти и, ухватив за шкуру, волоком утащить с «лобного места». Плох парень, трясёт его нешуточно. Надо бы ему немного отлежаться, куда с ним таким идти, вон, стоять не может. Придётся ещё ночку на «Ростке» побыть. Когда через час Ересь оклемался настолько, что смог ходить, я отвёл его в местную гостиницу. Весь день до вечера он просидел в углу, уставившись на стену, и только к ночи заговорил.

— Почему? — спросил он.

— Лунь тебя из Зоны тащил, спасти хотел?

— Ну.

— Считай, что он тебя сегодня снова выручил. Если б не знал я, что ты с ним пришёл, то... вряд ли бы мы с тобой разговаривали.

— А сам он где?

— Погиб Лунь. И девчонка его. С ним вместе. В аномалии. — Снова в горле начал шевелиться горький комок, и пришлось говорить короткими фразами, а все равно слова проглатывались, мялись, и потому я замолчал, бросил старый матрас подальше от окна и улёгся. А Ересь вдруг шмыгнул носом, коротко, быстро набрал воздуха и выпустил его долгим, шипящим выдохом. И долго слышал я ещё эти всхлипы, выдохи, задавленные, шёпотом, рыдания. Понятно... едва не пристрелили при всём честном народе, да и

отвалтузили парня сурово — тут поневоле нюни распустишь. Да и черт с ним, пускай ноет. Не в сказку попал.

Наутро, покрутившись у закрытых дверей торговых точек, я всё-таки направился к учёным. Половины буханки на двоих нам точно не хватит, а переход натошак — удовольствие сомнительное. А там, глядишь, под честное слово и выдадут сухпайк.

«Наука» — народ в общем-то хороший. Я бы даже сказал, душевный и лично для меня довольно близкий. Бывшего «почти коллегу» учёные определяли сразу — ну да, инженер-конструктор оборонного КБ, конечно, не физик или биолог, но очень рядом. Одним словом, интеллигенция. Словечки и ухватки, правда, у меня те ещё, жизнь менялась круто, успел и фермером, и охранником, и грузчиком поработать, что, как говаривал мой приятель из далёкого прошлого, «отразилось на лексиконе». Да ещё и сталкером не один год, и так меня это переработало, в такое превратило, что сам на себя иногда со стороны смотрю и, пардон, офигеваю. Но живёт ещё под скорлупой этой многослойной, дремлет конструктор жидкостных ракетных двигателей, далеко не гений, конечно, но небесталанный, хороший конструктор, который, в сущности, не виноват в том, что Родине ненужным стал. И сидят там же, под спудом, две «вышки» — МАИ да Баумана. И Маринку там встретил, в Бауманке. И кто говорит, что девки-технари на лицо не вышли, тот просто Марину не видел...

Снова накатило чёрным. Беспросветным. А ведь скоро в Зону идти, и примета верная — о плохом не думай, когда туда собираешься. Нельзя.

— Здравствуйте. Могу ли я договориться с вами на взаимовыгодных условиях?

— Добрый день. — Молодой учёный, по виду совсем ещё студент, явно не ожидал такого обращения вместо привычного и широко распространённого «Эй, слышь» и «Короче, такое дело». — Да, я вас слушаю.

— Дело в том, что наверняка хорошо известный вашему руководству сталкер Фреон испытывает временные трудности со средствами к существованию. Учитывая, какую пользу принёс вышеупомянутый Фреон для науки в прошлом, полагаю, можно рассчитывать на сотрудничество с ним и в будущем. Не могли бы вы авансом выдать продуктов на пару дней? Да, конечно, я понимаю... нет-нет, только продукты. Установить зонд? Конечно, без проблем.

Возвращался я от «ботаников» с двумя «продуктовыми наборами № 3» и трёхкилограммовым цилиндром автоматического зонда, который следовало установить взамен «безвременно почившего», как выразился молодой «научник». Гонять «долговский» отряд ради такой мелочи не стоило, а мне всё равно по пути. И, если зонд заработает, небольшую «премию» обещали. Не, кто бы что ни говорил, учёные — самый нормальный контингент в Зоне. Кстати, мысль... подумаю на досуге, может, и мои «вышки» помогут к учёным записаться. Оклад у них не сказать чтоб королевский, но если как приварок — то неплохой совсем. Да и никто не сказал, что я буду кристально честным научным сотрудником, опыт бессребреника есть, больше не хочется. Никому ведь худо не станет, ежели хабар, обнаруженный, скажем так, попутно, во время «ходов» по заданиям НИИ, будет не в институтские хранилища сдан, а через правильных людей институту же и продан. Заманчивая мысль. Подумаем.

— Собирайся, пора на выход. Вот это потащишь, пойдёшь впереди, — сказал я Ереси, который так и просидел всё утро в гостинице. Он молча кинул себе на горб мой рюкзак и понуро поплёлся к выходу с «Ростка».

Эх, Зона, Зона... опять кого-то прибрала...

— Стой здесь.

Ересь послушно остановился, а я осторожно сошёл со «своей» тропы и, поглядывая на сканер, начал потихоньку приближаться к труп. Да не от аномалии погиб бедолага — нет в Зоне таких аномалий, чтоб горло выгрызть умели. Свежий совсем покойник, это видно — кровь на листьях ещё не подсохла, не потемнела, блестит ещё. На кого нарвался, интересно?

Собаки? Нет, те в несколько минут по суставам раздёргают... на тушканов тоже не похоже — от них раны чуть по-другому выглядят. Кто же тебя так, братец?..

Я осмотрелся. На границе Агропрома и бывшего Кордона лес когда-то был. Говорят, настоящая дубрава. Лес и ныне тут, да только дубами нынешние деревья назвать можно с большой натяжкой. Стволы в два обхвата вроде нормальные, сучья, что от них отходят — тоже, а вот ветки, что уже после Второй Катастрофы выросли, все в каких-то корчах, извивах, пузырях. И листья на них по форме дубовые, но по размерам — как небольшие лопухи, жёлтые только. И листопад в этой роще постоянный — то тут, то там с шорохом сорвётся лист, спланирует на землю, на толстый, упругий слой опавших своих собратьев. И потому шелестит тут всегда, шепчутся даже под лёгким ветерком листья-лопухи, и всё вокруг буровато-жёлтое, золотистое, разве что стволы чёрные, по низам обгорелые. Просматривается лес хорошо — деревья хоть и здоровенные, но друг от друга далеко, кустов нет, выгорают они тут от «жарок» каждый год — пожары в Золотой роще дело обычное. А вот поди ж ты... просматривается лес, а тварюгу, что мужика убила, нигде не видать. Но здесь она, факт, затаилась просто, а то и в засаде сидит неподалёку, нас дожидается.

Сейчас бы хороший дробовик, желательно «Сайгу» последних моделей, тех самых, без которых вояки в Зону ни ногой. Автомат от мародёров хорош, а от зверья — не очень.

— По сторонам зырь, — вполголоса сказал я Философу. — Держи вот.

Мой ПММ Ересь поймал довольно ловко. Другой вопрос, что толку от него в такой ситуации ещё меньше, чем от «Калашникова». Эти пушки на других зверей рассчитаны.

Где-то высоко и немного в стороне натужно кракнуло, и засохшая вершинка одного из дубов начала с шумом проламываться сквозь ветки. Упасть на землю, правда, ей суждено не было — метрах в семи над землёй она с пугающей скоростью вылетела в широкий прогал между деревьями, замерла, словно наткнувшись на невидимую стену, да так и зависла в воздухе. На секунду полыхнула яркая кольцевая радуга, в уши надавило низким «трансформаторным» гудением, и трескучий взрыв разметал кусок бревна в мелкую щепу, шрапнелью разлетевшуюся по лесу. На месте взрыва ещё несколько секунд крутилось и танцевало облако пыли и ошмётков листьев, и «воронка», полыхнув ещё пару раз радужными кольцами, наконец успокоилась.

— Хренасе... — выдохнул Ересь, и это было первое слово, что я услышал от него за весь день. Но сработавшая «воронка» отвлекла и зверя — я увидел, как за поваленным деревом на секунду показалась буровато-рыжая башка в клочьях вылезающей шерсти, тварь тут же скрылась обратно, только уши остались торчать над лежащим бревном, да ещё поблёскивал едва заметно красноватый глаз.

Псевдособака. Не чернобылец, свиты из слепцов с ним рядом нет, но таких здоровых, с годовалого бычка, я ещё не видел.

Зверюга поняла, что её засекли. И ещё до того, как я успел прицелиться, мутант выскочил из укрытия и на широких махах унёсся в лес, бросив добычу, только мелькнула пару раз облезлая, в обширных залысинах шкура да грива на хребте. Теперь, сволочь, дождётся, пока уйдём, на двоих не нападёт — явно стреляная псина, знает, как больно кусаются пули...

— Последи пока, а я посмотрю, — сказал я, кивнув в сторону погибшего.

Целесообразность — главный закон в Зоне. И потому не считались мародёрами те, кто заимствовал у мёртвых нужные для выживания вещи. Мёртвым всё равно, им это уже не нужно, а живым оно, может, и не раз ещё жизнь спасёт...

Сталкер был не молод — далеко за сорок, но по снаряге видно, что в Зоне недавно совсем. Простой камуфляж вместо хоть какой-нибудь защиты, причём новый, незаношенный. В Зоне торгаши давно уж этим тряпьем торговать перестали, не надо оно никому, а значит, из-за Периметра мужик.

— Прости, брат... — прошептал я, снимая с мёртвого рюкзак. — Пойми, нам это теперь нужнее. И спасибо тебе за то, что делишься. Не переживай, прищучим мы эту тварь...

Мини-компьютер ПМК. Четыре банки тушёнки, которые я бросил Ереси... свитер

шерстяной, домашней вязки, хорошо, добротно сделанный... из рукава листок тетрадный выглядывает.

Андрейка, милый! Береги себя там, в этой своей зоне. Вот, это для тебя.
Говорят, там даже летом холодно. Обязательно возвращайся, я очень жду тебя.

Лена.

Эх, Ленка... знала бы ты, как бывает здесь холодно, то ни за что не отпустила бы своего Андрея.

Пакет с непечатым батоном, бутылка водки. Сканер допотопный, небось купил ты его на последние свои деньги у какого-нибудь хитрого торгаша. Газета довольно толстая, в трубку свёрнутая, «Неделя новостей», берём, интересно, что там, за Периметром, делается. Денег, естественно, нет — не отпустит Бивень такого в Зону с деньгами, обязательно какого-нибудь барахла продаст. Часы наручные, похоже, неплохие, значит, можно на патроны или бинты обменять. Плащ-дождевик прорезиненный тоже нужная вещь в Зоне. И оружие, естественно, двенадцатая ижевская «горизонталка», и патронов к ней четыре коробки. А чего ещё можно с собой привезти, кроме разрешённого, гражданского, по охотбилету? Только гладкоствол, и хорошо ещё, если многозарядный. Нарезные стволы в основном через военных в Зону попадали. Ну и менял сталкер свою двустволку на автомат, как деньги появлялись. А из всех наших, пожалуй, только Лунь дробовики уважал, да и то не такие, а куда посерьёзней...

— Обращаться умеешь? — спросил я своего «напарника», и Философ кивнул. — Ну, тогда держи.

Вроде всё. Теперь сюрприз для псины — надо же отблагодарить мужика.

В рюкзаке у меня всегда находилось место для пары эргэдэшек. Утягивают они не сильно, а выручить в неприятной ситуации могут — от подвальных крыс, например, или стаи тушканов — и побьёт немало, и отпугнёт остальных. Отогнуть усики, вытащить чеку и аккуратно подложить гранату под бок мертвеца, чтоб прижало рычаг. Приятного аппетита, сволочь... и ветку рядом воткнуть, обломив кончик так, чтоб на единицу было похоже, на тот случай, если вдруг сталкер на мёртвого набредёт.

— Отойдём, парень.

Ересь, как всегда, молча кивнул, бросил на плечо двустволку и, понурившись, снова пошёл вперёд. Ни тебе вопросов, ни комментариев. И даже роль отмычки сам на себя взял, мне и говорить не пришлось. Странно. Или замышляет чего, или сломался человек, такое бывает. Ладно, на привале разговорить попробую, нельзя вот таким полутрупом по Зоне ходить, а то она враз доделает до полной кондиции, пискнуть не успеешь. А теперь посидим немного, обождём. Должна купиться тварюга, так просто добычу она не бросит.

Ждать пришлось недолго, минут десять. В притихшем лесу неожиданно сильно грохнуло, словно великан разом сломал об колено толстое сухое бревно. И спустя несколько секунд послышался скрежещущий визг и завывания.

Мутанту досталось как надо. Оставляя на листьях грязно-багровую полосу, он отползал на передних лапах, подволакивая зад, а в облаке синего дыма плавно опускались вниз клочья ломкой рыжей шерсти. Рёв твари усилился, когда она увидела меня. Псевдособака злобно защёлкала челюстями, обернулась, попыталась кинуться, но десятки осколков в облезлом боку, похоже, пришлись по важным органам. Добивать не понадобилось — тварь захлебнулась кровавой пеной и выгнулась дугой, широко раззявив впечатляющую пасть, засучила передними лапами.

Трофей неплохой, но... голову в свежем виде не донесём, за два дня испортится, а быстрее до Бара мы не доберёмся. Хвост тоже ни к чему, облезлый и надломленный... разве что зубы выбить, а потом «туристам» как сувениры загнать? А что, мысль...

От зверя несло смесью мокрой псины и гнилого мяса. Даже крови как таковой не было — тёмно-бурая сукровица с какими-то сгустками. Мутант, как ни странно, ещё агонизировал — подёргивались лапы, дрожало веко, под грязной шкурой сокращались мышцы — твари

Зоны умирали долго и неохотно. Этот, впрочем, точно уже не поднимется, и потому я несколькими ударами рукоятки ножа выбил клыки, каждый из которых был размером с большой палец.

— А все-таки я не понимаю, — задумчиво проговорил Ересь. — Зачем ты меня выкупил?

Я обернулся. Парень стоял вполоборота, и ружьё, которое он успел повесить на шею, как будто случайно было направлено на меня. Намёк был понятен ещё и потому, что ладонь правой руки охватывала шейку приклада, а указательный палец подрагивал у спусковой скобы.

— Прежде всего мне нужен напарник, — соврал я и, чтоб выглядело убедительней, добавил правды: — Ты с Лунём и Хип знаком был. Они тебя зачем-то с собой взяли. Вот и хочу выяснить зачем, с подробностями.

— Бреешь ты, что напарник нужен. Отмычка — вот это точняк. Ты меня, падла, фуфлом не корми. Я помню, как в Баре к тебе в компанию просился, и помню, куда ты меня послал. И что тебе Лунь?

— Друг он мне. Хороший, таких больше нет. А ты язык свой поганый придержи, иначе я тебе его вырву и на забор повешу. И пукалку в другую сторону направь, пока я не рассердился.

— Ишь ты, раскудахтался, чмошник... а я вот возьму и завалю тебя прямо здесь, урод. И свалю — хрен где отыщете. Спаситель, млин. Какая мне, на фиг, разница, от чегодохнуть. От аномалии или от пули. Один фиг, не жалец я с тобой.

— Ну так чего думаешь, не валишь? — Я сорвал пучок травы и начал оттирать трофейные клыки от сукровицы. Эх, а жутковато стало, признаться честно. В ногах слабость лёгкая, руки чуть медленнее слушаются, в висках молоточки. Спас на свою голову, долг Луню вернул. — Учти, придурок. Без меня ты гарантированный труп, а со мной, может быть, ещё и поживёшь. Один ты ни в каком лагере не появишься, опознают — пристрелят сразу. Один и по Зоне долго не походишь, к мародёрам или бандюкам не прибеёшься — засветился ты на «Ростке» по дурости своей не слабо. В Зоне одному, в смысле, совсем одному, не выжить — к людям придётся выходить хотя бы за жратвой. Выйдешь — или так убьют, или «Долгу» сдадут, и они тебе уже не пулю в бестолковку твою рыжую загонят, а за ногу где-нибудь в Зоне подвешат на ночь. У них правосудие жёсткое, ты сам видел.

— Да мне по одному месту на всё ваше правосудие, — сквозь зубы прошипел Ересь. — Мне вообще всё по фигу! И ты, и «Долг», и сталкеры эти все к чёрту пошли со своей Зоной. Чихать я... на всё... хотел...

Придётся от него избавляться. Взял, блин, на поруки и сам же пристрелил... это, в общем, не возбраняется по местным законам, но... паршиво. Действительно, сволочь, верно «долговец» подметил.

— Ружьё отдай, — спокойно сказал я, и Ересь подчинился. Он как-то странно кивнул, побледнел и медленно подошёл, протягивая мне двустволку, после чего отвернулся. Даже глаза закрыл... вот придурок, а...

Осталось дело за малым. Поднять дробовик и высадить заряд картечи в рыжий затылок. Всего лишь. А потом просто уйти, забыв этот глупый случай, единственно, «долговцам» сообщив, что, мол, так и так, парень гнидой полной оказался, вынужден был. Соберись, Фреон, пока злость свежа ещё, пока не выветрился из души страх, этот урод опасен, сам видишь. На свою голову нашёл себе напарничка. Или, точнее, отмычку. На фиг он такой нужен. Давай стреляй, не впервой ведь тебе...

Дуплет сочно раскатился по Золотой роще. Я «переломил» дробовик, выбросил тёплые, дымящиеся гильзы. Перезарядил.

— Давай собирайся, нечего рассиживаться. Ружьё я проверил, нормальное, рабочее. Забирай обратно. И... не глуми больше.

Место для ночёвки здесь, конечно, не самое безопасное, но выбора нам Зона не

предоставила. Небольшой, в пять домов, хутор когда-то был крепким хозяйством: дома кирпичные, просторные, большой сад, заросший непроходимым бурьяном, остатки сараев, два глубоких погреба. Но из погребов несло едкой, кислой вонью, в чёрных провалах дверных проёмов слегка курился сизый дымок, а кирпич надстроек был покрыт напластованиями яркой, изумрудной зелени. Значит, держаться от этих ям подальше. Три из пяти домов тоже, мягко говоря, не внушали доверия — один обрушился, просто сложился внутрь, и кирпичи, шифер, раздавленные брёвна утрамбовало, разровняло невидимым катком, вбило в землю, а посреди бывшего дома словно вылили ртуть — большая зеркальная лужа отражала серое небо. Два других внешне как будто и не пострадали совсем, даже краска на верандах не выцвела, не сгнили доски крыльца, силикатный кирпич не разбух, не позеленел в постоянной сырости. Нормальные, новые дома, обычные такие, если не считать пулевых метин на стенах да выбитых окон. Но и туда нельзя, даже подходить близко к таким домам рискованно. Вон, третий год уж сидят около летней кухни четыре сталкера — Ёрш со своей командой, отсюда хорошо видно. Высохли до желтизны, волосы выбелило, а такое чувство, что до сих пор сидят и болтают возле погасшего костра, костляво улыбаясь удачной шутке соседа, а у одного в руках даже кружка видна, доверху дождевой водой налитая. Говорили ведь сталкерам — держитесь подальше в Зоне от «новых» домов и машин, оно, может, девять раз и пронесёт, а на десятый точно там останетесь, но, как видно, не всем идёт впрок наука.

Но в двух других домах раньше можно было переждать ночь. Раньше — да, а как сейчас, надобно проверить. Научный сканер, подарок профессора Зотова, коротко пискнул и едва слышно закрипел, проверяя в разных режимах аномальную активность. «Тлик... тлик» — ага, засёк две аномалии — «плешь» на месте разрушенного дома и «холодец» в одном из погребов. Второй погреб, откуда тоже доносилось бульканье и шипение, а также «новые» дома научная машинка, как и следовало ожидать, проигнорировала. Полезная штука сканер, плохо без него в Зоне. Но если на одни только приборы полагается сталкер, то шанс досрочно встретить безносую тётку, что часто по Зоне гуляет, у него повышается в разы.

Гайки повели себя нормально. В полёте к дверному проёму никуда не вильнули, не взорвались синей вспышкой, не зависли в воздухе, а просто упали вниз, стукнули по подгнившим половицам.

— Подними, — просто сказал я, и Ересь, вздохнув, послушно вошёл в дом и начал подбирать гайки. Не в сказку ты попал, парень. За спасённую шкуру полагается отрабатывать, в Зоне этот закон никто не отменял. А цацкаться с бывшим ворюгой я не собирался, тем более что свежи были ещё воспоминания о направленных на меня стволах. Впрочем, я уже не особенно опасался этого товарища. Больше ничего такого не выкинет... ну или я совсем не разбираюсь в людях.

Внутри дома было пыльно и грязно. Через выбитые окна в комнаты залетал дождь, от чего полы погнили и местами провалились, но стены были ещё крепкие. Дом тихонько поскрипывал, шептался ветер в печи, да ещё покачивались ленты отставших от стен обоев. От позолоченного тлением дерева распространялся тёплый, немного кисловатый запах, да слегка папахивал книжной пылью собачий костяк с остатками шкуры — видно, когда-то заполз сюда подыхать раненый слепыш. Кажется, никаких сюрпризов здесь нет, единственно, спать придётся по очереди. Соорудив простенькую сигнализацию из нескольких метров нити и валявшихся поблизости консервных банок, я завалился прямо на гнилые доски — вечер уже скоро, выспаться надо до темноты, так как не доверю я напарничку своему ночную вахту держать.

— Внимательно следи за всем. Люди или там звери — просто толкни в бок, сам ничего не предпринимай. Заснёшь — башку отшибу. К темноте разбудишь, и я тебя сменю. Вопросы?

— Нет вопросов, — вздохнул Ересь, перехватил ружьё и приготовился «бдеть». Прежде чем заснуть, я всё-таки внутренне поёжился — не ударила бы жидкость парню в голову, глуповат он немного, да и крышу ему расшатали так, что ещё бы чуть — и поехала.

Ничего, авось не натворит глупостей. А там дальше поумнеет, если в живых останется. А-ххха...

— Не могу я так больше, Гриня! Сил нет. Сколько можно, а? У всех девок знакомых мужики как мужики, рубль в семью несут, один ты непутёвый. И на работе с утра до вечера, не видно тебя, и денег ни копейки. Разве можно четвёртый месяц без зарплаты?

— Не пили ты меня, Марин! Это ж не я такие порядки выдумал... начальство сказало, что на неделе за март точно выдадут.

— Выдадут... гроши твои выдадут, слёзы эти, все на долги и раздадим. Дочка как чучело в школу ходит, подружки смеются. Гриш, ну бросай ты эту чёртову контору! Ведь ни денег, ни здоровья от неё. Уж лучше на трассе попробовать шмотьём торговать, вон тебе и Василий поможет, товар даст.

Знакомая песня... эх, Маринка, милая, опять ты начинаешь, на целый вечер теперь покоя не будет. Называется, пришёл пораньше с завода, побыл с семьёй...

— Мара, хватит уже. Говорил, что не хочу я у Васьки в холопах ходить, кто он такой, чтоб я ему поклоны бил. Нет во мне торговой жилки, да и китайское барахло это впаривать душа не лежит. Врать придётся каждому, что вещам сноса нет. Улыбнись, не ругайся!

Молчит и в глаза смотрит, слёзы по щекам побежали. Улыбнись... как же. Перестала моя Маринка улыбаться с того самого дня... того самого... уже Марины нет, а народу-то, народу — полный зал. Обмен опытом, американцы, немцы, наши разработки, из рассекреченных, и очень буржуинам оно интересно, платят валютой за чертежи. И в первый раз за всё время вызывают Григория Сергеевича из зала, вот, мол, смотрите, какую схему наш сотрудник разработал, повышенной надёжности, безопасность запуска выше почти на порядок, и, обратите внимание, КПД не уступает...

И грамоту суют. А лысенький такой мужичок в синем пиджаке руку мне пожимает и болтает на английском. А я, как назло, немецкий учил. Но рукой он махнул, переводчик сразу нарисовался. Так и так, мол, не желаете ли в США съездить, поговорим, обменяемся опытом. И вообще, как вы рассматриваете получение зелёной карты, вида на жительство? Вы спрашиваете, а как же семья? О, не волнуйтесь. Конечно, с семьёй... все бумажные дела мы уладим. Да-да. Что?.. о... вы патриот. Похвально, похвально. Ну, что же, в любом случае было приятно познакомиться. До свидания.

И через три дня статья в газете. Хвалебная. И ещё одну грамоту выписали срочно, премию выдали, сам начальник КБ выдавал, руку жал. На стену почёта. Гордый я домой приехал, жене букет здоровенный, дочке кукол привёз из Москвы. И жена моя, Мариночка, как рассказал я ей про американца в синем пиджаке, букет из вазы вытащила и по лицу мне им наотмашь. И с тех пор нелады в семье... серьёзные нелады.

— Э-эй... короче... — Но я уже проснулся, за секунду до того, как Ересь успел меня толкнуть.

— Что?

— Собаки на улице... около десятка, — прошептал парень.

— Сиди тихо. Я гляну.

Действительно, стая слепых... и какой дьявол их сюда принёс? Ведь к «новым» домам мутанты обычно не выходят, боятся, и, кстати, правильно делают. Впрочем, они и сейчас чего-то очень сильно боялись — псы молча скалили зубы, крутили безглазыми мордами, облезлые хвосты были поджаты. Загнали их сюда, не иначе. Вопрос кто или что...

«Ту-тум!» — тяжёлый, сдвоенный удар посреди стаи поднял брызги грязи. Два пса одновременно взлетели в воздух и с хряском столкнулись головами, не успев даже взвизгнуть. Стая взревела, защёлкали челюсти, но ещё две собаки, крутясь и залиvistо воя, взлетели высоко в воздух. Остальные, захлебываясь визгом и буксуя лапами по грязи, понеслись прочь не разбирая дороги. А на месте побоища выплыла, словно соткавшись из

воздуха, двухметровая плечистая фигура, гладкая и лоснящаяся, и в этот же момент подброшенные собаки упали на землю, и их визг прекратился.

Кровосос лениво осмотрелся, коротким ударом добил уползающего пса и по-турецки уселся на землю. Увидел он меня, конечно, сразу. Внимательность этой твари уже вошла в легенды — два стынувших угля под тяжёлыми надбровными дугами встретились с моими глазами всего секунду спустя после гибели слепой собаки.

«Гуг-ггхр». Хриплый, словно от запущенного бронхита, но гулкий, мощный вздох кровососа словно сказал мне: мол, вижу я тебя, сталкер, не балуй. Тварь не нападала. Что же, бывает и такое, слышал я от бывалых бродяг о мирных встречах с чудовищем. Только в том случае, правда, если сытый был кровосос либо готовился отобедать только что пойманной добычей. Но ещё знаю я, что сытый кровосос может мирно уйти, но может и убить просто ради забавы или же ноги-руки сталкеру переломать, чтоб, значит, про запас. Уфф...

Челюстные щупальца кровососа изогнулись крюками, когда он подобрал тушку слепого пса. Мутант повертел его так и сяк, словно примериваясь, а затем приложил красную дыру ротового отверстия к голове добычи. Послышался длинный, сосущий звук, заскрипело, сочно лопнул череп собаки, и под лысой шкурой слепыша вдруг чётко обозначились рёбра. Вытянув из убитой псины не только кровь и мозг, но и, похоже, все внутренности, кровосос размахнулся и запустил трупом прямо в меня — я едва успел пригнуться. Мутант захрюкал, подняв щупальца и пару раз долбанул широкой ладонью по земле. Ах ты сволочь... смешно тебе...

Автомат под рукой, но стрелять сейчас, когда кровосос совсем рядом, буквально в семи метрах, да ещё и видит тебя, равносильно самоубийству — просто не успею поднять оружие. У Ереси двустволка, два заряда картечи. Может, и убьёт, но это вряд ли — оба заряда нужно в башку, причём череп у кровососа исключительно прочный, не факт, что пробьёт.

— Замри, — прошипел я, не оборачиваясь. — Ни звука.

Мутант дожрал «вторую порцию», перехватил ставшую похожей на тряпку псину и ещё раз засандалил ею в мою сторону. Мощно швыряет, гадина, хотя и не очень метко — труп собаки с грохотом пробил доски у меня над головой и влажно шлёпнулся о стену где-то внутри дома. И снова кабанье хрюканье, ручища долбит в землю, и щупальца на морде изгибаются крюками. Юморист чёртов.

Лёгкое поползновение руки к автомату кровосос засёк сразу. Хрюканье мгновенно превратилось в устрашающий рёв. Мутант пружинисто приподнялся на мощных ногах, вперившись в меня взглядом. Я замер, стараясь дышать через раз. Ох, зараза... неужели безногая баба в гости пожаловала? Погуляла бы ты ещё где-нибудь, мадам. Как-то не хочется с тобой сегодня встретиться.

Кровосос долбанул по земле ладонью так, что я даже почувствовал удар ступнями. Да не балую я больше, успокойся, тварь... и тварь успокоилась. Подобрав двух оставшихся собак, мутант начал смаковать их медленно, с расстановкой, видимо, уже утолив первый голод. От неожиданного, третьего броска я не увернулся — тварь словно специально подловила момент. Мёртвая псина долбанула меня в грудь так, что клацнули зубы, в глазах полыхнули жёлтые круги, а из лёгких вышибло весь воздух. От жестокого удара я вместе с объедком кровососа влетел в комнату и даже не почувствовал падения. Пытаясь вздохнуть, я слышал сквозь прибой в ушах, как залиvisto хрипит чудовище, в восторге колотя по земле ладонями. И с первым успешным вдохом потерял сознание.

— Оклемался? — Ересь, бледный, дрожащий, убрал от моего лица флягу с водой. — Я думал — хана тебе. Фигасе, такой нокаут. О-ох... бли-ин. Думал, всё, допрыгались.

— Где кровосос? — с трудом прохрипел я. Грудь болела сильно, синяк, наверное, на всю фанеру, даже пальцем надавливать больно. Но рёбра вроде целые.

— Капец кровососу.

— Неужели ты пристрелил? — Ну, Ересь, ну, молодчага...

— Не... не я. Струхнул так, что даже ружьё под рукой потерял. Ну, ты уже валялся, и видно было, как тварь поднялась и к тебе так пошла небыстро. А ей навстречу кто-то, на

человека похожий, в плаще грязном, и капюшон как у монаха. Встало оно между тобой и тварью и как зашипит! Ну, это, кровосос рыкнул и дальше прёт. И тут ка-ак треснет ему по балде это, что с капюшоном, ручищей здоровенной такой, что даже не знаю, как оно под плащом её прячет. Башка у кровососа и отлетела на фиг. А оно обернулось, морда такая белая-белая, как молоко, и глаз на ней словно дыра темнеет. Что-то пробурчало, сгорбилось и так быстро-быстро ускакало за дома... и рукой длинной, как костылём, отпихивалось. Я думал, всё, хана нам. А оно смоталось.

— Излом это был. — Я приподнялся на локте, охнул — в голове начали бить острые, горячие молотки, виски сдавило. — Да только приврал ты. Морды у изломов белыми не бывают, скорее, как у тебя — рыжие. И глаза у них почти человеческие.

Ересь фыркнул, сплюнул со злостью.

— А иди ты... Больно мне надо врать.

— Это у страха глаза велики, парень. И не то привидится.

Повезло нам сегодня. Крепко повезло. Видать, собачки были из свиты излома, и пришёл хозяин за своих слепых с кровососом поквитаться. Характер у изломов злобный и мстительный, так что не исключено. Но вот почему заодно и нас не прибил — непонятно...

Подняться, хотя и не без труда, получилось. Уже заметно стемнело, и потому я решил поторопиться. Другое место для ночёвки мы уже не найдём, а «выпитых» собак и безвременно почившего кровососа рядом оставлять нельзя — сбегутся ночью любители мяса, за компанию и нас схарчат.

Обезглавленный страшным ударом кровосос валялся в трёх шагах от дома. На матёрого излома наварлся — не просто сбита башка, а фактически отрублена. Бывает такое — нарастает у излома на ребре ладони кусок ороговевшей кожи, зазубренный, что твоя пила. Вояки рассказывали — шлем кевларовый разлетается вместе с головой от удара такой ручки. Вот и кровососу, по ходу, именно таким девайсом по шее досталось. Ох и тяжёл, зараза... даже волоком не оттащу.

— Эй, Философ! Подмогни... тут двести с лишним, а он, сволочь, скользкий. Надо бы его до погреба дотянуть, в «кисель» кинуть.

Ересь кивнул, и мы вдвоём, кряхтя и упираясь, дотащили тушу до воняющего кислятиной провала двери. Последим усилием, ногами, столкнули вниз, и мёртвый кровосос, с грохотом сломав прогнившую лестницу, рухнул в темноту погреба, в «кисель», и там оглушительно зашипело, зашкворчало, заухало. Вслед за кровососом полетели тушки слепых собак, и я только сейчас почувствовал, как от них воняет.

— Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним. Понял, юморист? — Я припомнил хрюканье кровососа. — Теперь в «холодце» похрюкай, скотобаза.

В темноте подвала уже не шипело — бурлило и лопалось. Отойти бы надо, а то брызги вылетят — до костей прожгут.

— Иди, Ересь, дрыхни. Ночью я дежурить буду, часов до четырёх.

— Ага. — Ересь апатично кивнул, вытер о комбез ладони и потопал в дом. Парень, похоже, как Герасим — на всё согласен. То ли ему действительно всё по фигу, то ли и в самом деле башку отбили. Заторможенный он какой-то. И взгляд отсутствующий... даже когда ружьём мне грозил. В голосе злость, а глаза... обречённые какие-то. Не нравится мне это, и не в смысле опасности — я от него угрозы больше не чувствовал. Что-то есть такое...

И тут меня ожгло догадкой. Смерти он ищет. Как и я когда-то. Уфф... с чего вдруг? Ведь когда стрелять его «долговцы» собирались, он жить хотел, очень хотел, до крика. А потом сам ружьё мне дал и отвернулся. Даже, чёрт возьми, не дёрнулся, когда я в воздух два заряда высадил.

— Эй, Философ! Не спишь ещё? Держи вот, тушёнка. И водки грамм сто выпей, оно тебе сейчас надо. Натощак спать не дело, утром квёлый будешь, а нам ещё до Бара пилить.

За бывшим Кордоном всё было в порядке. На первый взгляд, конечно, но по крайней мере исчез странный туман, что перекрыл мне в прошлый раз дорогу. Выброса тоже не

случилось, значит, можно напрямки со средней скоростью. Окраина Зоны... пёстрые тут места. То полностью непроходимые, даже и соваться не думай, вроде того же Криволесья или Коржинских полей, есть и просто скверные, но можно пройти, если имеется башка на плечах и на авось не надеешься. Это Агропром-2, посёлки на берегах Тетерева, выработки песка на юго-востоке, бывший пионерлагерь. Чёрные места, гнилые, но в плане хабара богатые. Туда бы и пошёл в прошлый раз, если б не засада с комбинезоном. Ну и наконец, есть относительно чистые земли, не «палестинки», конечно, а что-то вроде Свалки. И аномалии есть, но всё больше «трамплины» да «карусели», очень редко «жарки» и «выворотни». Идти можно даже без гаек, просто внимательно осматривая дорогу — аномалии эти «честные» и видны неплохо, если, конечно, взгляд намётан. И лежат они там, где их Выброс накидал, не блуждают, фокусов никаких не выкидывают. Рощицы попадаются, бывает, что и зелёные, берёзки, сосны хилые, нехорошими местными дождями побитые, и в редколесье изредка покажется дерево Зоны — корявое, перевитое, как корабельный канат, и суки во все стороны извиваются, словно черви застывшие, или вообще бочка чёрная без веток, только видно, как корни из-под земли прут в узлах да наплывах. Ни листьев, ни коры нормальной, дупла чёрными глазницами — такого на Большой земле не встретишь. И если растёт в лесу этот уродец Зоны, то вокруг него обязательно круглая поляна — не желают, похоже, ёлочки да осинки расти рядом с таким вырожденком.

— Помедленней топай. Не на пожар спешим — осадил я Ересь. Ишь, разбежался. Думает, раз позеленело вокруг слегка и воздух посвежел, то, значит, уже и не Зона. Ага, как же. Знал бы ты, парень, сколько народу именно здесь накрылось. И подумать только — и по Агропрому, и по Янтарю проходили без царапины почти, а тут, расслабившись и успокоившись, что, мол, новый Периметр уже скоро, влетали по дурости в ту же «карусель». Эх, Лунь... до сих пор удивляюсь, как это ты такую аномалию проморгал, словно новичок зелёный. Даже не верится. С другой стороны, Профессор тоже глупо погиб, в «радугу» влез, а равного ему сталкера не было, нет и, наверное, уже не будет. Мастер с большой буквы был, по таким жутким местам лазил, что о них подумать страшно, к ночи вспоминать не хочется. Окраина... коварная ты штука. Народу здесь много осталось.

К вечеру с низкого серого неба начал накрапывать мелкий, холодный дождь. Последние пару километров до «нейтралки» мы прошли уже в сумерках. До темноты успели — уже благодать, не придётся пережидать ночь где-нибудь в стылом, вечно влажном схроне, где даже через комбинезон тянут живое тепло бетонные стены.

Вон уже и стена Периметра видна, высокая, под шесть метров, сталь и бетон, сканеры и пулемёты. Оградилось человечество от Зоны, спряталось. Впрочем, не спасут ни сенсорные мины, ни крупнокалиберные пулеметы, ежели тесно вдруг Зоне станет, захочет она ещё земли для себя отхватить. Думается мне, вопрос времени, а пока что вот она, граница, заметная, особенно если издали смотреть, линия. Ломкая, буроватая, полумёртвая трава вдруг кончается, а дальше — зелёное разнотравье до самых стен, разве что дёрн кое-где взрыт пулями, чернеют проплешины от гранат, чёрные, выжженные участки — не так давно начали вояки пирогами и белым фосфором мутантов жечь. Это, кстати, «долговцы» им такую идею подкинули.

«Полевой лаборант, младший научный сотрудник НИИАЗ Григорий Сергеевич Ефремов. Пропуск четвёртой категории, режимный объект Ч-7-АЗ № 1, регистрационный номер С325. Действителен до 1.01.2014».

Маленькая зелёная карточка с чёрной полоской. И под «научным сотрудником» моя угрюмая физия, обветренная, загорелая, совсем-таки не научная, взгляд злой, но попытка улыбнуться всё же имела место. И от этой самой попытки ещё страшнее Фреон выглядит. Непривычное для меня это состояние — радость изображать. М-да. Пустяк, кусок пластика с магнитной лентой, но карточка эта мне была дороже всего остального барахла вместе взятого. Большим потом и кровью она мне досталась... правильно вояка сказал — нет в Зоне сталкеров. И подписывался Фреон на все научные задания, дороги для техники провешивал,

таскал за бесценок редкие артефакты, приборы в аномалиях устанавливал. И из неучтённого лица, фактически пустого места, стал со временем лаборантом. А значит, и документы мог выправить, и в Чернобыль-7 без опаски заходить, и даже числится за мной скромная однушка в институтских жилых корпусах, другой вопрос, что я в ней почти не бываю. Можно, конечно, и без этой карты жить, но проблем становится существенно больше: и военных приходится опасаться, и в Зону выбраться — проблема во всех планах, начиная с финансового, и то, что на птичьих правах сталкер оказывается и что любой военный может без объяснений взять за филей и сдать куда надо, а то и вообще пристрелить. Раньше за отстрел «дикого» сталкера даже отпуск и премию выписывали, сейчас нет, такого, конечно, но... с карточкой, знаете, намного спокойнее. Полевой лаборант, да ещё и младший научный — это уже личность, а не собачий хвост. Нет, надобно думать о более тесном сотрудничестве с учеными. Например, руководителем полевых исследований уже приглашали и даже в штат записать обещались, но... это значит, что про самостоятельные ходки в Зону и разные приварки можно забыть. А снова наниматься на государство как-то не хочется.

«Ботаники» — народ грамотный. Пропуск «хорошему» сталкеру выдадут, но при этом облагодетельствованный сталкер должен свою полезность для науки постоянно доказывать. Кстати, не факт, что после разговоров с «Долгом» военные пропустят даже «правильного» бродягу с научным «аусвайсом». Так-с... проверим.

Две линии защиты у стены «Периметра». Первая — широкая полоса «чистой» земли в полкилометра шириной. Только заходить на неё нежелательно совсем — вон, торчат из травы полосатые столбики с табличками, где красным по белому выведено аж на трёх языках, что стреляют, мол, на поражение и сразу. Чёткий приказ дан солдатам, что, как только сигнал со сканеров движения поступил, стрелять по тому, что движется, без вопросов и уточнений. А солдаты, Периметр охраняющие, уже не те, что раньше у блокпостов с автоматами мёрзли, нет. Сидит боец у большого монитора в тёплом кабинете, горячий кофе пьёт и не своими глазами врагов высматривает, а через десятки, если не сотни мощных камер с тепловизорами, сканерами и прочими приборами ночного видения. Техника за него и увидит, и сигнал даст, и нужную камеру выберет. Ему остаётся только вид оружия выбрать из боевого модуля, что на каждой вышке посажен, и кнопку нажать — всё остальное компьютер сделает, не промахнётся. А если учесть, что в каждом боевом модуле крупнокалиберный спаренный пулемёт вкупе с автоматическим гранатомётом, а для особо серьёзных случаев ещё и реактивная установка с фосфорными боеприпасами и пирогелем имеется, то забредать за те столбики совсем не хочется. Будешь гарантированный покойник. Ну а вторая линия — собственно стена шестиметровая из железобетона с колючкой поверху, а внизу — хитрые сенсорные мины. Но это уже так, перестраховка. Вряд ли кто до мин добредёт, чтоб на них подорваться.

Чуть ближе тех пеньков, что границу Зоны определяют, стоит пень повыше, с коммуникатором, камерой и гнездом для карты. И если хочешь живым до Периметра дойти, нужно сперва по всем правилам дежурному представиться, а также компьютерам на посту, чтоб доступ разрешили. Карту аппарат принял, после чего в лицо ярко блеснуло белым — в сумерках камера должна была проверить соответствие пропуска и физиономии пропускаемого.

— Так... с кем пришёл? — послышался в динамике голос дежурного.

— Напарник. Обучаю работе в Зоне.

— Пропуск?

— Нет. Пока нет. Но будет. — М-да. Раньше, помнится, так не мурыжили. Эх, сгруппировался... надо было на «Ростке» у «ботаников» хоть какую бумажку на Ересь выписать. Полноценный пропуск ему пока точно не светит, но вот справку помощника лаборанта можно было бы выцыганить.

— Тогда ждите.

— Друг, в Зоне уже почти ночь. Ждать долго не можем.

— Ты можешь пройти. Напарника без санкции руководства пропустить не имею права.

— И сколько ждать?

— Жди, я сказал.

Коммуникатор выплюнул мой пропуск и отключился. Вот зараза... однако стемнело уже заметно.

— Чё, иди. — Ересь апатично мотнул головой в сторону пропуска.

— Э, нет. Напарника не бросают, пока живы.

— Да какой я тебе напарник. Отмычка, гайка ходячая. — Парень сплюнул. — Чё ты из себя героя строишь?

— Пусть будет отмычка. Ты, сволочь, сталкера обворовал, моего погибшего товарища подставил, поэтому на другую роль не годишься. Я не сказал — друг. Я сказал — напарник. А напарников, даже отмычек, в Зоне не оставляют.

— Да... он один был человеком, — спокойно, с расстановкой проговорил Ересь. — И та, что с ним, тоже хорошей была. А вот ты дерьмо. И все остальные в этой долбаной Зоне тоже дерьмо. Я тебя помню, Фреон. Я к тебе подходил в Баре, напряги мозг, вспомни. Ты меня послал матом. Я тебе тогда на фиг не нужен был, напарник, а теперь вдруг потребовался. А он меня из банды, что убивать его была послана, взял. И всю дорогу берёт, понимаешь? Он меня из Зоны выводил за так, даром, просто ради того, чтоб я в живых остался. Да я вообще не верил, что такое может быть, не понимал... а теперь поздно.

— Что же ты, правильный такой, а сталкера грабанул? — Я решил рубить сразу, не оттягивая этот разговор. — Видишь, Лунь тебя вытаскивал, а ты, гадёныш, его перед всем «Долгом» подставил, и после всего мне... да, мне мораль читаешь, какой я плохой. Дать бы тебе сейчас по морде, да по старым бланшам бить не хочется.

И Ересь сник.

— Дурак был... я ведь, знаешь, к нему в команду попросился. Очень надеялся, чтоб, значит, с ними в Зону ходить. Поверил я ему. А он... он не взял. Не для того, говорил, я тебя на «Росток» выводил, чтоб ты в Зоне накрылся, да и нам, мол, с Хип вдвоём ходить привычнее, не нужно никого в команду. А меня... такая злость и обида взяла, что... дурь в башку ударила. Думал, раз никому больше не нужен, то и чихать на всех вообще. Да, вытащил я деньги у одного бухого сталкера. Да, свалил. И от Луны отгрёб, да так, что возненавидел я его люто. Думал я, после такого убьёт. Не убил. Я на него пытался стрелу перевести, когда... — Ересь перевел дух, помолчал и уже срывающимся, осипшим голосом продолжил: — Когда у «долговцев» допрашивали. Сказал бы он мне, что сволочь я и мразь, что соврал я, что гад, — а он молчал. Смотрел просто и молчал, и от этого мне ещё хуже делалось, и ещё больше злость и на него, и на себя. Фраер я позорный, падла последняя, ты это учти, сталкерок. Другим уже не стану. — И очень тихо, шёпотом, добавил: — Нет их больше... не простили.

Вот оно как... я даже потерялся. Вообще похоже это на Луня, мог он этого тащить из Зоны, действительно мог. Никакой тебе хватки, вечно где-то на своих волнах, девчонку вот так же в Зоне подобрал, и любой скажет — обуза, толку не будет, бабам здесь не место. А вот чуть поднатаскал он её по местным достопримечательностям, снаряги прикупил, вооружил — и равных этой парочке просто не стало, могли бы покойному Профессору фору дать. В Красный лес ходили. В Коржино. На Болота. К Янтарию. И всегда улыбка у него, вечно с юморком, неунывающий был сталкер. Только что седой как снег, и глаза страшные. А она, Хип, души в нём не чаяла... и он в ней тоже, видно это было.

— Что, запало что-то в душу и беспокоит, да? — спросил я, и Ересь задумчиво кивнул.

И у меня вот тоже. Попала заноза в сердце и свербит, колет, жжёт даже. А ведь я был уверен, что у них всё нормально сложится, должно было сложиться, чтоб не как у всех. Зона-то его любила, по слухам, даже признавалась, но сама же, подлюга, и убила. Ну и во что теперь верить прикажете? Чем жить? Чего ждать? Погано всё... как же погано, братцы.

Вслух я, конечно, этого не сказал. И даже не успел додумать. Потому что из густых сумерек, из Зоны прыгнуло нечто лёгкое, костлявое, царапнуло лапками по комбезу, а у самых глаз лязгнули чёрные зубы. Тварь не успела вцепиться в лицо, толькодохнула тяжёлой, падальной вонью, когда я сшиб её кулаком на землю. Придавить зверя я не успел — издав прерывистый звонкий визг, мутант проворно скрылся, я только успел заметить, что похож он на раздавленного и высохшего до черноты дохлого кота. А за поваленной водонапорной башней, гнилыми сараями и остатками скотника, уже тонувшего в ночной темноте, кто-то ровно затянул густым басом «ллууооооу — умннн», и отрывисто, с кашлем захохотали простуженные голоса.

— Да твою ж дивизию, а! — И я двинул кулаком по коммуникатору. — Давайте там быстрее!

— Пропуск пока согласовывается, — вякнуло из динамика. — Этот твой напарник...

Из темноты захрустели сухой травой неверные шаги, что-то тяжело, с громким влажным шлепком упало на землю. Захихикали, сопя и задыхаясь, новые голоса, натужно, с мокрым хрипом заорали чуть дальше, громко треснула ветка.

Я приложился и наобум выпустил полмагазина в ночь, в темноту, грохнула двумя огненными пучками двустволка Ереси, и в слабой вспышке ружейного выстрела самым краем зрения я заметил белую рожу с тёмными пятнами ввалившихся глаз. И уже ближе, намного ближе, ещё один массивный шлепок и густое, басовитое «уууууууууллннннн».

— Зараза, пусти! — рявкнул я. — Там согласуете, на месте!

— Идите... — буркнуло в динамике, и мы понеслись. А впереди, на вышке Периметра, начал мощной стальной скороговоркой долбить спаренный «Корд», и над головой застонало, запело, пахло горячим воздухом от лохматых огненных верёвок.

— Пригнись, чучело. — Я слегка ткнул бегущего Философа в затылок. — А то башку снесёт, потом в горсть не соберёшь!

На секунду обернувшись, я увидел яркие жёлтые астры попаданий в кирпичный бок разрушенного дома, как в брызги разлетелся коммуникатор, и пластик на столбе немедленно занялся языком пламени, как взлетают и опадают комьями фонтаны грязи, как оторвало большую, вздутую голову заодно с плечом у белёсой шатающейся фигуры.

Овальную дверь открыли, когда наш пятисотметровый спринт уже подходил к концу. Из двери буквально выкатились четыре бойца с «Абаканами», и к звонкому грохоту крупного калибра присоединился злобный треск коротких очередей.

— Нашли, блин, время, мать вашу! — грозно рыкнул один из вояк. — Сталкерьё чёртово! Бегом! Ну, всё, ребята, закрываем.

— В следующий раз заявитесь ночью — пеняйте на себя. Вас, уродов, не жалко, а оборудование попортили, — добавил он же, когда мы уже переводили дух в пропускнике.

— Слушай, сержант... ты поаккуратнее с выражениями. Где ты здесь уродов увидел? — Я показал пропуск. — И если у тебя и твоих... бойцов не хватает ума на то, чтоб впустить людей в ночное время, то урода в другой стороне поищи. Хотя бы в зеркале.

На скулах сержанта вздулись желваки, а глаза сузились.

— Поговори у меня, сталкерюга.

Я промолчал. И военный молчание понял правильно. Иногда случалось, правда, очень редко, что особо рьяные и недалёкие офицеры, щемившие сталкеров, кончали жизнь самоубийством. Или умирали от странных болезней, сходили с ума. Со сталкером дружить надо, он в большинстве своём человек пусть и не совсем нормальный, но для окружающих вполне безобидный. Но травить, в угол загонять его не надо. Потому что, кроме нужных и хороших, попадаются в Зоне совсем не полезные штуковины, от которых жил человек и вдруг помер или, гукая, начал слюни пускать или пулю себе в лоб. И концов не найдёшь, зацепок никаких. Я про это знаю, военный тоже знает. Знает и то, что не прав он в этой ситуации, а лицо перед бойцами терять не хочется. Кивнул слегка, мол, извини. Я тоже кивнул, дав понять, что извинения принимаются. Зона, нервы у всех шалят, такое уж тут место.

— Та-ак... кличка Философ, он же Ересь. По неподтверждённым данным вроде как Соломатин Эдуард, сынок одного бывшего шишки, ныне сидящего. Опять-таки вроде и в банде твой Философ был. Неблагонадёжный у тебя напарник, — подал голос дежурный, до этого что-то щёлкавший на клавиатуре. — Данные неточные, но... придётся тебе завтра в НИИ сходить, а пока пусть у нас посидит.

— Встал на путь исправления, ошибки молодости. — Я покосился на Ересь. — И сидеть ему у вас нежелательно. Будет со мной и никаких безобразий не сделает.

— Задараствуй, мая Му-урка, задараствуй, дара-хая! — развязно, хлопнув ладонями по бёдрам, исполнил Философ, глумливо покосившись на военных. — Задараствуй, мая Му-урка, и парашщица-ай!

Ну, тварюка... подведёт под монастырь. Но дежурный просто отвернулся, безгласно поморщившись, махнул рукой.

— Ладно. Забирай своего... придурка. Но если завтра не будет бумажки, обоим сдам.

Схватив «придурка» за шиворот, я поспешил к камере «очистки и дезинфекции» — чтоб постоять под сильным воздушным потоком, замеряться стационарным дозиметром и окропиться специальным раствором с каким-то резким, «медицинским» запахом. Эту процедуру проходили все, кто возвращался из Зоны на маленький, но тоже огороженный высоким Периметром и строго охраняемый кусочек Большой земли — Чернобыль-7.

— Ты чего глумишь? — спросил я, как только затих шум четырёх мощных «Ветерков» и начались замеры на радиацию.

— А мне по фигу, сталкерок. Я тя предупреждал. — Ересь ухмыльнулся и тут же скривился от боли — синяки у него были всё ещё впечатляющие. Я едва удержался от желания добавить к старым «фонарям» парочку свежих, собственноручно выпеченных фингалов.

«Радиоактивный фон в норме, — сообщил приятный женский голосок из динамика. — Дождитесь, пожалуйста, окончания процедуры дезинфекции. Рекомендуются закрыть глаза до звукового сигнала».

Я почувствовал на лице капельки тумана, остро пахнущего больницей. Сквозь закрытые веки пробился яркий свет, повеяло почти солнечным теплом.

— Ах, ё! — вякнул Ересь. Ага... говорили тебе глаза закрыть. Раствор сам по себе жгучий, а тут ещё и ультрафиолетом досталось. И это правильно. Слушайся, дурак, когда тебе умные советы дают.

Наконец пискнул зуммер, зашипела, открываясь, герметичная дверь и — «процедура окончена. Вы можете пройти к выходу».

— Пошли... «Мурка», блин...

И Ересь, натирая покрасневшие глаза и негромко бубня что-то нецензурное, поплёлся вслед за мной к Бару.

В кои-то веки Фреон в Бар пустым заявился. За весь путь до «Ростка» и обратно ничего мне Зона не подарила, кроме, пожалуй, жизни. Лежат, правда, в рюкзаке башка и щупалы кровососа-юмориста, но Бивню оно неинтересно, в отличие от Барина «дичь» он не покупает, а НИИАЗ сегодня уже закрыт, ночь на дворе. Ладно, завтра... благо, щупальца по неделям не тухнут даже в тепле, а из башки я завтра на свалке за корпусами «суп» сделаю. В смысле, выварю и очищу, потом залакирую, и — вуаля — сорок тысяч рубликов с какого-нибудь «туриста» или журналюги при самом скромном варианте. Эффектно он выглядит, жутковато даже, череп кровососа, только что варить придется часов шесть, мясо на нём крепкое, как резина с покрышки. И ещё интересно, как бумагу на бывшего фактически вора у учёных выписать. А ещё ведь как-то вооружить надо, двустволка — пушка для Зоны не слишком подходящая. Комбинезон у него имеется, новый, хотя и паршивенький, — «Покров-4», моя ветошь и то лучше защищает. Навыков жизни в Зоне — ноль целых ноль десятых, денег — примерно такое же количество, впрочем, как и у меня. И за душой у меня сейчас ничего вообще, ни тайника в Зоне, ни заначки какой за половицей. Гол как сокол. Да

ещё и с таким привеском.

Бивень, едва меня узрел, даже в лице поменялся. Как только стакан не раскокал, протирая. Странно, чего это он таким смурным и задумчивым вдруг стал. Вроде денег он мне не должен, бяки я ему не делал.

— Ты чего, Бивень, такой грустный сегодня?

— А, м-мнэээ... это. Да не, всё там чего... путём. Привет, Философ. Как сходил?

— Ништяк сходил. Спасибо. — Ересь облокотился на стойку. — Ваше зашибись.

— Пойдём, — вдруг очень серьёзно сказал Бивень и махнул рукой, приглашая в подсобку Бара. — Поговорим.

Интересно. Пойдём. Похоже, не от моего появления скис бармен.

— Договоримся? — просто спросил Бивень, глядя мне в глаза.

— Не понял...

— А я растолкую. — Ересь ухмыльнулся, подмигнул. — Это ведь он вслед за Лунём кодлу отправил. При мне им за бабки всю инфу слил, сколько хороших вещичек сталкер прикупил и куда примерно направился. А мне заливал тогда, что это, мол, его друзья, команда Луны, значит. И меня с ними отправил как отмычку — всё равно никто в команду не брал. Я тогда и повёлся, как лох, и на сказочки, и на сказочников. Ну, чё скажешь? Не так было?

Бивень побелел и тяжело уселся на табурет.

— Нет... не так... уф...

— А мозгой раскинул потом, когда уже на «Росток» пришли. Или Лунь бы их положил всех со мной вместе, или они Луны, и я тогда тоже не жилец — им отмычка нужна была, а не свидетель, потому меня и оставили подальше от перестрелки и на обратном пути бы шлёпнули. И ты чистый, доказательств никаких, а бандосы народ в этом плане тихий, ты для них курочка, что золотые яички несёт и краденое скупает.

— Ты... — Бивень начал задыхаться. — Урод... бандита не пустят... ты чё бред несёшь?

— Я урод? Ну, ты ваще... а что не пустят — был у тебя в доле такой сталкер, Саранча, для связи. Его тоже Лунь завалил. Хитрая ты сука, да не рассчитал одного — не убил меня Лунь тогда, хотя и знал, в чьей я был коdle. И в Зоне не бросил, а до «Ростка» довёл. Вот я и вернулся, чтобы спасибо сказать.

Бивень был совсем плох. На побелевшем лице выступили крупные капли пота, он начал похрипывать — сказался ожог лёгких ещё с той поры, когда сталкерил бармен.

— Выйди в зал и просто скажи — Фреон бывалых зовёт.

— Я те чё, на побегушках...

— Быстро! — рыкнул я, и Философ, просто увидев мой взгляд, поспешно кивнул и метнулся из подсобки.

— Брешет... он... — Бармен едва дышал, вцепившись в воротник свитера и оттягивая его до треска нитей. — Я ж... никогда такого...

— «Договоримся»? — напомнил я. — Твои слова, падаль? Ну, вот и будем сейчас договариваться. Только со всеми сразу, кто в Баре из наших.

— Ты что? Зачем... у меня деньги... вот, держи ПМК, там тайник у меня... не надо.

— Давай. — ПМК я забрал, пригодится. — Благодарствую. На том свете тебе зачтётся.

— Ну, видишь... не надо всех звать...

— Поздно, крыса. Неужели тебе, сволочь, мало было?

Бивень лепетал что-то ещё. И про то, что уже почти старик. И что ноги в Зоне оставил. Когда Лихо молча перебрасывал через потолочную балку кусок парашютной стропы, Бивень просил сердечных капель, что остались в зале под стойкой, и рассказывал, как дорого сейчас жить. Когда вязали петлю, он свалился на пол и начал клясться, что никогда такого больше не сделает, заглядывал в глаза, стучал протезами в доски стеллажа, зачем-то вспоминал погибших сталкеров и какую-то Дашу с Днепропетровска, с которой был знаком много лет назад. Потом просто тихо завыл, когда Викинг, самый здоровый из нас, легко поднял его с

пола, а Гопстоп накинул петлю на вспотевшую до блеска шею. Потом, когда тяжело скрипнула балка под весом торговца, я положил табурет на бок, прямо под дёргающиеся ноги.

— Через полчаса вызовем дежурного, — буркнул Лихо. — Вот чёрт. Кого, интересно, институтские на это место поставят? Хорошо бы из наших...

— Да, и в сеть закинуть, что, мол, Бивень повесился, совесть замучила, — добавил Викинг. — Поймут, кому надо.

— Какой-то Бар на хозяев невезучий, — вздохнул Гопстоп. — После Барина никого не признаёт заведение. Вот он мировой был мужик.

— Это верно... в общем, подсобки надо запереть, там много товара с НИИ непроданного, иначе прикроют Бар вообще. — Лихо вытащил из кармана Бивня связку ключей.

— Как бы всех нас, мужики, вообще не прикрыли. — И я вкратце пересказал разговор военного и главного «Долга». — В общем, новости для нас поганые. С военными ожидаются гнилые тёрки.

— «Наука» не даст в обиду. Они без сталкера никуда. — Лихо с сомнением почесал нос, задумался. — Да и непонятно мне, чем «долганы» военным насолили. Всегда вась-вась у них, вроде как свои. Да, мужики... если уж «Долг» так гонять начали, то что с нами, вольными, будет?

— Эх, Сионист в ходке. Вот он башка, сообразил бы, что делать и к чему готовиться.

— Это да... ну, вроде готов, падлюка. В случае чего уже не откачают. Пора сообщать скорбные вести.

Хм... вот и посидел в Баре после тяжёлого денька. Ничего себе события... но ни злости нет, ни отвращения, почти ничего. Был Бивень торговцем, хорошим знакомым, и вдруг помер разом для меня, ещё до того, как петля затянулась. Да, что-то говорить со мной пыталось, в ногах ползало, да только уже не человек это был, а одна видимость, мутант, зомби, тварь из Зоны. Кто с мародёрами связался — для нас уже не человек. Ненависть к пуле в спину, к грабежу у сталкерской тропы, к убийцам друзей воспитывается очень быстро и навсегда.

За полтора месяца моего размеренного существования в пределах Чернобыля-7 никаких особых изменений не произошло. В нормальную, полноценную ходку я так и не выбрался, а несколько выходов вдоль нейтралки оказались почти пустыми. На ПМК Бивня никаких координат тайников не было, решил он тогда, видимо, отсрочить судьбу. Жаль, рассчитывал я поживиться с Бивневых запасов, хотя бы даже по мелочевке. Впрочем, кое-какая полезная инфа на его ПМК была, а также хорошая, на десять тысяч томов, коллекция книг, потому продавать его мини-компьютер я не стал. Оставалось только ждать, когда «науке» потребуется хороший проводник или появится полноценное, «большое» задание, оплачивающееся соответственно, да ещё собирать по крохам на новое снаряжение, экономя буквально на всём. Ожидание, правда, затягивалось.

Ересь вёл себя спокойно. Даже слишком. Молчал он, бывало, целыми сутками, ел, спал, буркал что-то односложное и снова смотрел в стену. То ли перегорает парень после всех этих дел, что на его рыжую башку свалились, то ли и впрямь переживает крепко. Хотя это вряд ли — совесть у людей такого сорта обычно отсутствует. С другой стороны, помалкивает, с дурацкими вопросами не лезет, отмычкой без претензий в Зону ходит — чего тебе ещё надо? Самый подходящий вариант «напарника». Единственно, долго такие задумчивые молчуны в Зоне не живут.

Справку я ему всё-таки выбил. «Помощник лаборанта», только что в графе имя-отчество Ересь, подлец, крестики нарисовал и вместо подписи — рожу корявую. Как ни странно, «справка» работала — бойцы не на «подпись» смотрели, она им до лампы, а на номер бумаги и печать институтскую.

Щупалы кровососа биологам сдал, а череп его, отделанный по высшему разряду,

залакированный, красивый, получилось сбыть лишь за тридцать тысяч — «туристов» в Чернобыле-7 стало заметно меньше, а потому выбора не было. Впрочем, до заветного нового комбинезона и нормального ствола оставалось не так много. Хорь, занявший место Бивня, обещал «Кольчугу-2М» за пятьдесят. Несмотря даже на данное сталкерами имя, нормальный оказался торгаш, без гнилины, и, хоть сам Зоны не видел, все «нюансы» сталкерской жизни схватывал сразу, на лету. Где уж его выкопали «ботаники», не знаю, но то, что это целиком и полностью их ставленник, я даже не сомневался. Были, конечно, мысли, что работает он информатором у «науки», а может, и у военных, но это пожалуйста — и Куцый, и Бивень, и, возможно даже, основатель заведения Барин были теми руками НИИ, что лежали на пульсе сталкерства. Без этого никак, понятное дело, — слишком серьезная штука Зона, чтобы всё на самотёк пускать. Бивень, сволочь, ещё и мародёрам помогал... ну, впрочем, сколько верёвочка ни вилась, а через балку перехлестнулась. Кстати, дяди, что за безопасность НИИ отвечают, даже и не расследовали всерьёз, отчего это Бивень вздёрнуться задумал. Должно быть, догадались, почему у покойного ныне торговца внезапно «совесть проснулась».

Признаться, ожидал я неприятных событий после того разговора майора и главного «долгана». Но, похоже, неприятности пока начались только у военных — «долговцы» дружно ушли со всех блокпостов, как в районах второстепенных и, следовательно, хуже вооружённых пропускников, так и с «опорных точек» внутри самой Зоны. Последствия не заставили себя ждать. Опытные бойцы, контрактники, уже повидавшие Зону, просто завалили начальство рапортами об увольнении. Им-то уж гораздо лучше было известно, нежели штабным, что такое «Долг» в союзниках и насколько спокойнее жить, когда рядом ребята в чёрных комбезах. А срочники, у которых месяц в Зоне шёл за три на Большой земле, ничему, понятно, научиться не могли и снова начали гибнуть. За шесть последних дней один блокпост вымер под Выбросом, поголовно вымер — вместо новых блиндажей взамен подтопленных бойцы вырыли щели и перекрыли их досками, даже землёй не присыпали. На другом посту Выброс пережили, но накрыло солдат «маревом», а тех, кто в живых остался, — пара бюреров добила. Выжили из трёх взводов два человека, их комиссовали. Говорят, непоправимо с катушек съехали. В Баре один «ботаник» знакомый рассказывал, что новое командование военных рвёт и мечет, мол, как так, только вроде начали порядок наводить, а порядка вообще никакого не осталось, и чем больше стараемся, тем хуже получается. Виноватого, конечно нашли быстро: «Долг» такой, мол, сякой, разэтакий, из-за него всё. Да только покарать «врагов» новое руководство не могло и даже не пыталось. Хоть и страшал «долговцев» тот майор из новеньких, но, как говорится, собака лает, караван идёт — никаких поползновений к захвату «Ростка» военные так и не предприняли. Наверное, поняли, что армия до него просто не дойдёт, не говоря уже о захвате. Ох, может, и обойдётся всё... вроде учёные пока нас поддерживают, а без «науки» Зона давно уже немыслима — громадные деньги «ботаники» зарабатывают, и без их исследований не было бы ни Периметра с новейшими системами защиты, ни Чернобыля-7, ни снабжения... ну, будем надеяться, что всё утрясётся. Жизнь, правда, давно научила на авось не надеяться. От этого последствия бывают.

Вражда военных и «Долга» сказала даже здесь, в Чернобыле-7. Цены подскочили буквально на всё раза в два. «Ботаники», что артефакты на деньги и полезное барахло меняют, говорили, что контроль над расходами новая администрация ввела очень жёсткий, и так просто ящик тушёнки или новый комбинезон уже не спишешь. На все возражения учёных начальство талдычило, что незачем кормить уголовников, когда своих лаборантов море, вот пускай они в Зону ходят и зарплату отрабатывают. Лаборанты, увидев такие дела, дружно свалили — кому, как не им, знать, кто за них в Зону ходил и на их имена найденные артефакты записывал для отчётности. Ещё одной конкретной бякой стало то, что эти самые артефакты в Баре уже нельзя было продавать, как раньше, а приходилось именно сдавать за весьма скромные «премиальные». Хорь так мне и сказал, что, мол, ты по документам лаборант, вот и изволь существовать на лаборантский заработок. Правда, совсем не улыбалось мне на зарплату жить, в Зоне шкурой рискуя. И, насколько я понял, все наши, из

стариков, тоже от этих новостей были совсем не в восторге. Ощутимо заработать теперь можно было только на крупных заданиях, да только нечасто они выпадали... а деньги нужны.

По этой причине сегодня и стоял я в полутёмном подъезде шестого корпуса, ожидая «барыгу». Тот осторожничал, как всегда: уже пару раз я замечал его «шныря», вынюхивающего «обстановку», проверяющего, нет ли подставы. Потом тихонько скрипит входная дверь и...

— Ну, давай, чего там...

— «Медуза» и два «гранита». Здесь — смотри, осторожно, — «чёртова кровь».

Лестничная площадка слегка озаряется тусклым серым светом — барыга быстро осматривает хабар, кивает, закрывает контейнеры.

— Лады. Но чё-то не густо.

— Лопай что дают.

— Ага. Щас...

И отсчитываются в слабом свете диодного фонарика мятые бумажки, дежурит «шнырь» у полуоткрытой двери, ждёт, пока я собственноручно проверю сумму — публика такая, не заржавеет и обсчитать на пару тысяч.

— Ну, чё?

— Всё в порядке.

— Дык... если чё, я, короче, жду. С тобой клёво работать.

— Взаимно. — И я аккуратно переправляю деньги во внутренний карман. Однако впятеро против того, что НИИ через Хоря выдаёт. Ну и скажите теперь, кто виноват и что делать? Сталкер туда тянется, где теплее, он элемент политически несознательный, и посему «ботаники» в последнее время вместо ценного и редкого хабара получают откровенный хлам, зато начали жиреть просто на глазах парочка дежурных офицеров и несколько невнятных и, по идее, совершенно ненужных мелких «начальничков» НИИ. Вот вам, друзья, свежeweпеченный «закон и порядок», что новое руководство в Зону протолкнуть хотело, получите и распишитесь. Наивные, как дети, ей-богу...

— Ну, давай. Разбегаемся.

— Счастливо...

И по одному, осторожно, тихо расходимся от почти незаселённого корпуса — спокойно здесь теперь. Лаборанты в нём раньше жили, а теперь пустуют казённые квартирки. И не скоро, по ходу, заселятся в них. Понятно теперь, о чём Яковлев вояке говорил, что, мол, ломать — не строить. Хорошо подмечено.

А мне ещё две такие вот ходки нужно. И два раза после них пообщаться с этим безымянным барыгой, да так, чтоб не загребли. Побystрее бы уже заработать на нормальную снарягу и свалить на «Росток». И там уже, подальше от Чернобыля-7, что называется, «переждать» это «новое» руководство. В том, что его со временем обязательно сшибут, я почти не сомневался. Тихонько выглянул из двери подъезда. Темно, тихо, барыги и его «шныря» уже след простыл. Значит, и нам нужно выбирать. Пора в Бар заглянуть и Хорю торжественно «каплю» вручить, один чёрт они за бесценку у барыг идут, но, однако, артефакт лаборант Фреон притаранил, на благо науки постарался. Пропуск свой оправдал. Хех, представляю, как он скривится... грустная с недавних пор физия у Хоря. Видать, трясут его учёные, чего одну чепуху сдаёшь, где интересные, стоящие штуки, почему только «капли» да «скорлупа»? А ему и сказать нечего.

В Баре никого, кроме самого Хоря, не было. Как начались все эти порядки, сталкеры в заведение почти не заходят, предпочитая «отдохнуть» хотя бы даже на задворках. Так, забегут, сдадут мелочевку, и к «барыгам», а чтоб посидеть, поболтать за чашечкой водки — это уже нет. Атмосфера не та, чужим стал Бар.

— О, привет! — Хорь немного оживился. — Выпьешь?

— Не, без настроения.

— Есть чего? — Надо же, ещё надеется, на рюкзак смотрит. А всё-таки точно сталкеры

кликуху дали — натуральный хорь. Маленький, чернявый, юркий, и на лице постоянно такое хитрое выражение, как у того самого мелкого хищника, разбойника куриного. Впрочем, мужик он нормальный, без гадости. А что стучит — так он «науке» стучит и военным, не мародёрам. Да и на здоровье, без этого не был бы он тут, дураку понятно.

— А как же. Вот, держи гостинчик.

И киснет Хорь. Кривится. Опять «каплю» сталкер припёр из Зоны.

— Всё, что ли? — печально так спросил, почти обречённо.

— Не везёт. — Я пожал плечами, натурально вздохнул. — Да и как без нормального комбинезона в глубокую Зону сунешься? А по окраине только вот такой мусор и валяется.

Фыркнул Хорь. Не поверил, конечно. Но «премиальные» выдал — восемьсот рублей институтских, в бумажке какой-то черкнул, и отправилась «капля» в контейнер.

— Постой, разговор есть. — Бармен окликнул меня, когда я уже направился к дверям, и что-то было в его интонации такое, что я остановился.

— Ну, вещай.

Хорь помолчал, потом щёлкнул портсигаром.

— Будешь?

— Не, не смолю.

— Это правильно. — Бармен закурил. — Тут такое дело. Ты же по Зоне много лазил, верно?

— Не без того. — Интересно, куда клонит Хорь?

— Ну... — И бармен вдруг положил на стойку тонкую папку с надписью «Ефремов Г. С. лаборант, „Фреон“». — Вот что мне про тебя НИИ выдал. Тут на каждого из ваших подобное досье имеется в нескольких экземплярах. И ещё я знаю... что хана вам скоро, ребята. Учёным толку от вас теперь немного, на их защиту не рассчитывайте.

— И к чему ты мне это рассказываешь? — Не врёт. Точно не врёт. Ишь, как сигарета в пальцах играет — нервничает Хорь. Неспроста он мне такое выдал. Завязки на папке распутал, полистал.

— «Является одним из самых опытных сталкеров. Общий стаж в Зоне — шесть лет, из них два года числится полевым лаборантом НИИАЗ. Хорошо знает территории Тёмная долина, Янтарь, Агропром и Агропром-2, имеет большой опыт выживания в условиях АЗ, по неподтвержденным данным, несколько раз бывал в Припяти. Неплохо ориентируется в подземных комплексах, рекомендуется для соответствующих заданий. Опытный проводник. Независим, замкнут, скрытен, неблагонадёжен. Стажёров не берёт, в команде работать избегает». — Хорь немного помолчал, а потом добавил: — А теперь самое интересное. «Подозревается в сотрудничестве с лицами, занимающимися контрабандой аномальных образований».

— На пушку берёте, уважаемый? Подозревается — не пойман. — Я снова направился к двери.

— А скоро будет по фигу, пойман или нет. Всех загребут, кто в городе, а кто не сдастся, постреляют. Это я тебе точно говорю.

— Допустим. Тебе какой интерес мне всё это рассказывать?

— Интерес есть. Вот об этом и разговор. — Хорь подошёл к дверям, щёлкнул засовом и вывесил табличку «Закрето». — Слушай сюда. Когда вас шерстить начнут, а начнут обязательно, в моих услугах надобность тоже отпадёт. Вышибут без выходного пособия. А я не для того проплачивал и пороги обивал, чтобы вот так взять и запросто вылететь.

— Продолжай.

— Свой пропуск лаборанта через неделю можешь просто выбросить. В Чернобыль-7 или не зайдёшь, или, если здесь проваландаешься, попросту сядешь. А то и пристрелят. Я же предлагаю дело.

Хорь нервно потушил окурок прямо о стойку, достал вторую сигарету, прикурил.

— В общем, так. Что и почём в Зоне, я уже немного соображаю. С правильными людьми на Большой земле связи налажены. Дело за малым — найти выходы под

Периметром. Они есть, это факт, но где конкретно — никто не знает. Вся документация после Третьей осталась в Зоне, бывшем штабе в районе Криволесья, туда не пройдёшь. Архив в Москве, насколько я выяснил, как бы случайно сгорел, так что вояки теперь знают о коммуникациях только примерно — всё же было засекречено. — Хорь глубоко затанулся, кашлянул. — А тут ходов в земле — как дыр в швейцарском сыре.

— И ты хочешь, чтобы Фреон их разведаль? — Я щёлкнул по записям.

— Разузнал я, что есть на старом Кордоне бункер, где раньше Барыга обитал. Так вот, место для меня вполне подходящее, сделаю там свой ларёк, и чихать на НИИ, один чёрт, гроши.

— А если я тебя, Хорь, пойду и сдам «ботаникам» как честный лаборант? — как бы невзначай поинтересовался я.

— И будешь большой дурак. Не поверят тебе — «неблагонадёжен», забыл? Я выкручусь, не сомневайся. А если и поверят, выгоды тебе в том никакой — самое большее, по голове погладят и скажут «молодец». Даже пирожка с полочки не дадут — «научники» сейчас прижимистее стали, не по своей, правда, воле.

— А почему ко мне? Сионист, например, по Зоне подольше моего лазает и подальше, кстати, он Зону лучше знает. Гопстоп тоже хороший сталкер.

— Молчун ты. Скрытный. И... ты единственный, кто от «кикимор» живым ушёл в подвалах Агропрома. Вот почему. Думай быстро, времени может остаться всего ничего. Снаряжением обеспечу, оружием, денег дам. А потом, если всё выгорит как надо... — Хорь написал на блокнотике цифру. — Не только от меня, но и от правильных дядей. И документы сделаем. Не ту липу, что раньше НИИ сталкерам выдавал, а настоящие, реальные документы.

Цифра была хорошая. Настолько хорошая, что в неё не очень-то и верилось.

— Гарантии?

— Никаких пока, — вздохнул Хорь. — Но по крайней мере это возможность, Фреон. Или дальше будешь остаток своего времени барыгам мелочевку сдавать и на комбезы копить? Для тебя это... несолидно, что ли. А слово я тебе своё даю, что услуги не забуду и кинуть тебя не дам. Если всё будет на мази, то я тем дядям очень буду нужен, понимаешь, и со мной им придётся считаться.

— Допустим, так. Но у тебя ничего пока нет...

— Есть, — перебил Хорь, кивнув в сторону подсобок. — Если в НИИ думают, что я им барахло оставляю, то... они очень крепко ошибаются. Теперь тебе нужно как-то переправить всё это к старому Кордону.

— Мне?

— Ладно... нам. Ты же согласен?

Хороший вопрос. Действительно, ничего я вроде не теряю. Не похоже, что врёт Хорь — в НИИ действительно «капли», «медузы» и «скорлупу» вскоре принимать перестанут. Лаборатории у них, я слышал, простаивают, следовательно, новых заданий шиш дождёшься. Соответственно, сдадут они нас с потрохами, нужны мы им теперь как собаке пятая нога. Но... афера это чистой воды. Не верится мне как-то и в «честное слово», и в куш обещанный тоже. Впрочем, обещал бармен со снаряжением помочь, а в моей ситуации это уже немало. Да и шанс в Зону выйти появился, да не по окраинам, а именно в дикие, нехоженые места, и стукнуло сердце, живее погнало кровь по сосудам. А там уже в зависимости от поведения Хоря и «больших дядь». Куш маловероятен, но всё-таки возможен, не такой, конечно, как обещали, но Хорь заплатит нормально, в этом я почти уверен. Да и киснуть мне здесь уже надоело.

— Снарягу когда выдашь?

— Значит, договорились. — Бармен просиял. — Да хоть сейчас.

— У меня напарник есть.

— И на него тоже набирай. Пошли. — И Хорь звякнул ключами от закровов. Странно... ведь кинуть я его мог без проблем — забрать, что понравилось, и — «эй, чувак, а

я тебя не знаю». Но поверил мне торговец сразу. Видно, или совсем у него безнадёга нарисовалась, причём без вариантов, или решил сыграть по-крупному. И... чувствовал я некоторую благодарность, что ли. Предупредил он нас, значит, успеем свалить до готовящегося «замеса».

— Пойдём. Учти, скромничать не буду.

— Это пожалуйста. Всё равно не моё... пока. — Ишь, даже заулыбался. — Ты, помнится, «Кольчугу-2М» хотел? Их есть у меня... но имеются и помощнее костюмчики.

— «Абсолюты»? Не, спасибо. Тяжелы, зараза. Долго не походишь в такой сбруе. Гони парочку «Кольчуг».

— Не вопрос.

Из лёгких костюмов лучше модернизированных «Кольчуг» пока ничего не придумали. По большому счёту, мощный комбез вроде «Абсолюта» защищает от кислоты, это да, от укусов мелких тварей, тех же тушканов, спасёт, но... от всего остального — уж извините. До первой аномалии, что называется. Или автоматной пули — не рассчитаны «Абсолюты» на то, чтоб по ним стреляли. То ли дело — «Кольчуга». Пулю она, естественно, тоже не остановит, но лёгкая, прочная, непромокаемая, что в Зоне великое дело, износа не знает, броня из керамики не ржавеет, не окисляется. В «кислотную колючку» в ней, как в «Абсолюте», не зайдёшь, но «красный дождь», «едкий туман» и даже желчь «осьминога» держит замечательно. Все, кто по Зоне достаточно времени ходит, поголовно в «Кольчугах» первой или второй моделей. Остальные — либо неопытные, либо, что называется, не при деньгах. Второе, кстати, знакомо мне не понаслышке.

Детектор я взял ещё один — для Ереси. У меня машинка хорошая, проверенная, и потому другой не надо.

— Слушай, такое дело. — Хорь жестом остановил меня, когда я в «оружейной» направился к ящику с «Калашниковыми». — Посмотри. Я на снабжении в Челябинской Зоне работал, и военсталы там очень эту пушку хвалили. На их жаргоне — «фенечка», «фенька». Ни одного про «феньку» плохого слова не слышал за всё время, пока там работал.

Торговец щёлкнул клипсами длинного пластикового кофра и извлёк из него странное оружие. Видел я такие пушки в Зоне, FN-2000, и поначалу ажиотаж по ним был — ещё бы... штурмовая винтовка плюс встроенный гранатомёт, прицел компьютеризированный, все дела. Но как нахлынула популярность, так и свалила — не выдерживали плохого к себе отношения эти стволы, из строя один за другим выходили под вечной сыростью и грязью Зоны. Похоже оружие на те удобные, точные, но, увы, ненадёжные пушки — прочный пластик, те же плавные обводы корпуса, схема «буллпап», разве что эта заметно длиннее и тоньше будет.

— Даром не нать. — Я отвернулся от ствола. — Да и на фига мне в Зоне гранатомёт?

— Погоди, не кипешуй. Это не то, что ты подумал.

— Фабрик насьональ? Хорошая штука... но в Зоне надолго её не хватит. Проходили.

— Да, бельгийская вещица. Но уже совсем другая. В двенадцатом году пушку выпустили по заказу НАТО, когда американцы в Венесуэлу полезли. Для джунглей ствол сделан. Внизу не гранатомёт — самозарядный дробовик двенадцатого калибра на шесть патронов, их юсовцы очень уважают, когда в джунглях воюют. Сверху — штурмовая винтовка. Калибр, правда, для здешних мест дороговатый — пять пятьдесят шесть, но достать несложно, были бы финансы. Точность — просто шик. Прицел регулируемый, с высокой светосилой, от четырёх до шести крат. Правда, с электроникой уже послабее, чем в старых моделях, и ночного режима нет.

— Ствол у дробогана не коротковат ли? — Я с сомнением посмотрел на оружие.

— Считай, до приклада, просто скрыт. Видел я, как на стрельбище картечью из него сядят, — красота. Бьёт далеко, не волнуйся. И главное — для джунглей. Материалы очень стойкие и к воде, и к грязи, и, уж поверь, к Зоне.

— Откуда такая роскошь? — Ствол по описанию уже начинал мне нравиться.

— Американцы хорошо раскупали. А потом конфликт как-то сразу урегулировался, а стволы на складах оставались. Денег у наших теперь много, ну и заказали полторы тысячи

штук специально для военных Зоны. И мне, естественно, кое-чего перепало. Рядовых этими стволами вооружать не захотели, дороговато будет, так что для МВД и военсталов. Бери, говорю, не пожалеешь.

— А давай.

Кофр мне Хорь вручил и сразу себе в бумажке сумму прописал. Хорошая такая циферка за ствол получилась.

— Вычту потом, когда заплатят, — пояснил он и, даже не смутившись, занёс на листок и стоимость двух «Кольчуг». Хозяйственный, блин.

Для Ереси я выбрал Winchester-1300, который Хорь почему-то упрямо называл «чейзером» — модель не самая современная, но надёжная, крепкая и для ближнего боя в самый раз: семь зарядов картечи штука исключительно суровая на ближних дистанциях, а в снайперских способностях Философа я сильно сомневался.

— Ещё вопрос. Откуда столько добра? — Я прошёлся взглядом по полкам.

— Списанное, — хитро улыбнулся Хорь, провёл ладонью по оружейным ящикам. — Это, например, списано сразу, как только привезено в НИИ. Даже могу глянуть, по какой причине. — Торговец достал ПМК, ввёл номер ящика. — Ага, вот. Самопроизвольная разгерметизация контейнера с объектом номер таким-то, в результате чего необратимо повреждено столько-то единиц оружия и шестнадцать защитных костюмов. В связи с тем, что указанные единицы в результате воздействия объекта номер такого-то, помимо необратимых повреждений, приобрели свойства, опасные для жизни и здоровья людей, принято решение немедленно уничтожить данные единицы в специализированном отсеке. Образцы повреждённого имущества отправлены в комиссию.

— Образцы?

— Ну так, — Хорь уже почти веселился, хотя я и замечал лихорадочный блеск в глазах — волнуется торгаш, боится своей же аферы. — Старые автоматы и негодные комбезы принимаем за бесценок и, допустим, в «кисель» их бульк на пару часов. А потом отряхнуть слегка и запаковать — после этой дряни уже неясно, новым был автомат или конкретно изношенным. Там мало что вообще остаётся, и в руки просто так не возьмёшь — до костей проест. Ещё проще с продуктами. Грузовиками списывали, стоило хотя бы подозрение заронить, что ветерком из Зоны «жгучим пухом» навеяло. Штамп в бумажки и — на уничтожение. То есть сюда.

— Нормально...

— А то. И, заметь, под актами списания закорючки свои подмахивали как минимум три-четыре институтские шишки. Понимала администрация, что без этих списаний не будет им ни артефактов, ни экспедиций, да и сами они ничего не теряли — не с них же стоимость испорченного оборудования спросят, просто ещё привезут, для денег, что с Зоны делаются, это капля в море. Так что этого товара, уважаемый, нет в природе. Простая видимость, воздух. Естественно, заводилась другая, тайная отчётность — за сколько денег продано списанное, на какой артефакт обменено, — но эту бухгалтерию никому уже не предъявишь.

Хорь немного раскраснелся, говорить он стал быстрее.

— А я тут вроде посредника. Напекаю, что в следующий раз списать надо, какие, мол, товары сталкеры больше уважают, а какие и даром не надо. Нужный я раньше был человек. Институт, конечно, платит гроши, но не запрещает самостоятельные приработки. Всякую «бижутерию» у сталкеров скупал, прочую мелочевку, связи налаживал...

— Заодно и о настроениях докладывал, — добавил я, и Хорь заметно дёрнулся.

— Хочешь тут работать — никуда не денешься, — огрызнулся он. — Короче, пусть у меня побудут твои новые вещички — не надо пока светиться дорогой снарядой, а то у местной публики может возникнуть нездоровый интерес.

Хитёр торговец, вопросов нет. Мол, мы, конечно же, вам верим, но...

— Ладно, проехали... Похожу пока в старой рванине. В общем, обмозговать надо. Жди.

— Только не затягивай, — буркнул Хорь. — Со дня на день меня сшибут, и плакало наше мероприятие.

— Здорово, кислятина! Всё сидишь?

— Отвали. — Ересь апатично отвернулся к окну, всем своим видом показывая, что не расположен к разговору. Да и чёрт с ним. Не чудит — и ладно. Не будет мешать думать. Хорь сказал — не затягивай. Понятно, что времени у нас мало.

«Мужики, седьмой схрон заплесневел, протух, там сейчас опасно. Будете в Зоне — не заходите, там бюреров видели, очень злые», — нацарапал я стилем на экране ПМК и отправил послание в общую сеть. То, что НИИ в курсе всех новостей и переписки сталкеров, сомневаться не приходилось, и потому сообщение должно было не отличаться от обычного, «рабочего» трёпа бродяг. Не все поймут даже среди сталкеров, что это я написал, но Сионист, Лихо, Гопстоп и ещё десятка два опытных ходоков в курсе, что такое «протухший седьмой схрон» и кто такие «бюреры», предупредят, кого надо. Через пару-тройку дней в Чернобыле-7 станет заметно меньше народу. А теперь думай, голова.

В загашниках Бара не меньше двух с половиной тонн полезного барахла и продуктов. На себе это в Зону, понятно, не вытащишь. Даже один-единственный ящик, пусть списанный, через пропускник пронести не дадут. Вот если бы одну из тех машинок научных, для которых я в позапрошлом году дорогу провешивал... а, мечтать не вредно, хотя и не полезно ни хрена. Впрочем... хм...

На автомате пролистывая на ПМК разные новости, набрёл я на раздел «задания». Как правило, на что-то дельное сталкера звали лично, а мелочевку скидывали в сеть — авось кто позарится. Хороших заданий там отродясь не было, но это, пожалуй, самое забавное.

«Нужен проводник по окраинам АЗ в районе „новых“ территорий южнее Коржино и берегов Тетерева. Экспедиция из четырёх человек — два охранника, переводчик, учёный-француз, исследование новых образцов аномальной флоры. Оплата согласно тарифной сетке НИИ плюс премиальные».

Я улыбнулся. Ага, ищите дураков... шкурой рисковать в Зоне с такими довесками себе дороже, а европейцы, заразы, сверху ни цента не накинут, у них отчётность иная, мол, мы вам гранты выплатили, вот и будьте добры. А премиальные свои можете в аномалию засунуть, знаем мы, сколько это по нынешним временам. Давно торчит задание в сети, желающих не нашлось. Ждут сталкеры, чтоб у француза терпение лопнуло и осерчал он, скандал в НИИ устроил, вот тогда, сто процентов, сразу и «премиальные» подрастут не по лаборантским «тарифным сеткам», а раз этак в «дцать».

И тут меня осенило. Да так хорошо, свежо осенило, что я едва не выронил ПМК, высылая подтверждение на это задание.

— Слышь, Ересь! Живём! — сказал я, бухаясь на продавленную койку в казённой «лаборантской» квартире, из которой, если верить Хорю, нас скоро вышибут. — Интересные дела начинаются.

Философ что-то проворчал под нос, даже не обернувшись. А пока спать — скоро второй час ночи, а в НИИ приглашают в шесть. Довольны они очень, что Фреон подписался на это дело, и прямо с утра будут рады меня видеть, причём настолько рады, что даже «премию» обещали увеличить. Ну-ну. Посмотрим, как вы потом обрадуетесь, ребята.

— Спокойной ночи, Философ. Ложись дрыхнуть, завтра подъём рано.

На сей раз Ересь ничего не сказал, просто сменил сидячее положение на лежащее, всё так же уставился в окно. Ни тебе вопросов, куда, мол, зачем, ни привычное «а иди ты», ни ворчания. Молчит Ересь. Видел я такое... человек или перегорает, или бросает всё к чёрту, всеми правдами и неправдами выбираясь из Зоны. Посмотрим, что завтра будет. В НИИ я его, конечно, не возьму. Не внушает он учёным доверия, следовательно, на встречу с французом пойду один.

«Прости, Гриша. Нет больше моих сил. Я уйду от тебя. Знай, что так жить нельзя. Ты предал меня, обменял на свою проклятую работу. Поэтому не злись и не обижайся — я женщина и не могу больше стареть в этой грязи и нищете, не желаю выглядеть пугалом с заштопанными чулками и старушечьими пальто. На развод я

уже подала, если хочешь, дочь заберу с собой, в Москву».

Красивый у Маринки почерк. Аккуратный, округлый такой, ровный. И долго я стоял, не веря, не понимая, что это произошло, случилось, что Марина ушла. Хотя и ожидал такого. Говорили мне, что видели её в компании Васька, местного спекулянта или, точнее, предпринимателя. И в кафешку он её водил, на машине катал, и временами появлялись в доме цветы. Но, впрочем, мало ли злых языков, а цветы Маринке часто дарили — школа, ученики, там праздников хватает, то учителя день, то дата какая знаменательная. Не верил я или, точнее, не хотел верить. Ведь хорошо у нас начиналось всё, ещё в институте, ведь души я в ней не чаял, в своей красавице. И правды не видел. Никогда не видел, даже когда в глаза лезла, правда эта. Ждал, что наладится, утрясётся, слюбится, наконец... лучшим я был на курсе. Во всём первом, и, как планку взял, снизить её не собирался. Думал, за ум она меня полюбила, за успехи... и когда после дипломной поженились, как радовалась она, как глаза горели! Я-то думал, от любви, а она потом мне, много лет спустя, призналась, что другому радовалась: что москвичкой станет и в Ушлёпенск свой не вернётся. И предложение мне сразу, по окончании — оборонка, завидное место конструктора, глянулись мои дипломные чертежи главному, и... тогда же первый звонок. Переехал я из Москвы под Красноярск, в оборонный КБ, и родителям отписал, что жильём обеспечен, работа почётная, и потому квартиру пусть не делят, а сестре целиком и отписывают. Марина, как узнала, что уезжать придётся, лицом почернела. Чего только я от неё не наслушался тогда... ну, думал, беременность повлияла, нервы, стресс, переезд. Впрочем, квартиру дали хорошую, трёхкомнатную, оклад неплохой положили, и вроде успокоилась она, обвыкла. Родила и через год даже в школу устроилась, на педагогические курсы записалась. Думал я, жизнь налаживаться начала. Как оказалось, до поры...

Завод непростой был. Случалось всякое там. И накрыло как-то во время стендовых испытаний весь наш маленький, но благоустроенный секретный городок экспериментальным топливом — взорвался опытный двигатель ещё по дороге к полигону. И не керосином его заправляли, а на редкость ядовитой дрянью. Эвакуировали быстро, не успели мы много отравы нахватать. И за город, в двухэтажные кирпичные бараки, где одна кухня на коридор и «удобства» во дворе. Летом вонища оттуда, а зимой морозы, и не как под Москвой — трескучие, крепкие. В дворовых «удобствах» намерзло всё мерзостной такой глыбой, скользко, темно, холодно. Вода с колонки за сотню метров, по зимам паяльными лампами лёд отогревали. В бараках печное отопление, а школа, считай, за два километра, дочь третьеклашку туда хоть на автобусе довозили, а обратно ей пешком приходилось. Сказать, что доставалось мне тогда от Маринки, — ничего не сказать. Да только очень я увлечён был, настолько работой своей болел, что почти и не замечал житейских неудобств, тем более начальство наше третий год обещало «к Новому году переселить в квартиры». И четвёртый год обещало. И пятый тоже. А к началу шестого, когда уже понятно было, что обещать будут и дальше, написала мне Марина записку. Кстати, в тот самый день, когда Васёк, что на трассе торговлю открыл, квартиру в Москве выбил.

Когда до меня дошло в полной мере, что мне жена написала на тетрадном листке, то не злость даже, а пустота в душе поселилась, непонимание, обида, наконец. Ненависть уже потом пришла, много позже...

Развод оформили, дочь у меня осталась — не особенно новый Маринкин жених, Вася этот, хотел чужого ребёнка удочерять, а жена бывшая, видно, настолько была коммуналкой в бараке замордована, что и возражать не стала. И не то меня до тихой, но желчной ненависти довело, что ушла, бросила, а то, что за все последующие годы ни разу к дочери не приехала, да что там, даже открытки на день рождения не прислала. Смог я потом, когда поумнел, новыми глазами на бараки эти взглянуть и жену понять. Но вот почему она с дочкой так, простить никогда не смогу.

И дочь у меня была — золото, а не ребёнок. Только что с отцом ей не повезло. Ни разу

за всё время не спросила, почему у папы на столе пустые макароны на обед и почему папа так рано уходит и приходит поздно и даже вечером что-то чертит и рисует, словно ему на работе времени мало. Хозяйственная стала, молчаливая, спокойная — маленький взрослый человек. Успевала и по дому, и в школе. Только по ночам по матери тихонько так в подушку тосковала. А я работал... и работал. И ещё раз работал. Грамоты на стенки вместо обоев клеить уже можно было, когда КБ наше вместе с заводом вот так просто взяло да и накрылось. Разом.

Спать не придётся сегодня, по ходу. Снова мысли лезут, гадство это, ведь годы идут, а легче оно как-то не становится. Ни надежды, ни веры, ни радости. Говорят обычно — надо поговорить, рассказать, что на душе накипело, а не могу — противно. С кем говорить? Кому оно интересно? А те, кто выслушал бы и понял — ушли. Навсегда ушли... и не сочувствия мне нужно, не жалости, послал бы я всех жалельщиков в аномалию, причём глубокую. А чтоб вот так, как Хип — просто, легко, и правильно — «Понятно, дядь Фреон. Ничего себе — история», а Лунь бы промолчал, по плечу хлопнул и кивнул, мол, ништяк, брат, прорвёмся. Легче мне стало бы, факт, намного легче.

— Спишь, Ересь?

— Не...

— Тяпнем?

— Давай... а вообще с какой радости?

— Ну... за удачу. В Зоне она штука нужная. И... как бы тебе сказать...

— Ну, чего?

— Посадили твоего папашу, Эдик Соломатин. Вот. Хотел ещё на «долговской» базе сказать, да решил, что с тебя хватит. Новость попридержал.

И Ересь вдруг начал странно фыркать и отдуваться.

— Ты чего?

— Ну и лохи вы, блин... Ох... не могу... что тот «долган», что ты, сталкерок. Повелись на фуфло, как дебил на фантики. Ух...

— Не понял...

— Да ты ваще ничего до сих пор не понял. Я и жив только потому, что перепутали меня с тем покойным мажором. Не приняли бы за него, тот сохатый меня бы сразу к стенке определил, а так — шанец нарисовался, что вояки прилетят, и я им в ноги. Спасите, а то расстреляют, сдаюсь я. Глядишь, и вывезли бы за Периметр и, может быть, даже не посадили. Живым-то оно, сталкер, всё лучше, чем с пулей в репе. Ну, я так раньше думал.

— А теперь как думаешь?

— Теперь, веришь, по фигу. Не досталось мне правильного билета ни там, дома, ни здесь. Как Сионист Луню про меня тогда сказал — бросай этого чмыря, у него, мол, ни прошлого, ни будущего, один беспросвет, потому что такой сорт человека. Сорт, понял? И не он один меня к подонкам определил, а все абсолютно, с кем встречался. Всем начхать. Все морду воротят. И думал я, что ни хрена не так, что брешут про меня, но... по ходу, все брехать не могут. Если никому реально не нужен, то виноватых, блин, не ищи, лучше на себя со стороны глянь. Не нужен был ни матери-алкашне, ни папаше, которого даже в глаза не видел, ни тебе, и даже Лунь в команду не взял. А вместо любви там, на Большой земле, в натуре была блажь, чётко Хип тогда сказала. Ну, сталкерок, и кто я такой получаюсь? А, забей... ломы мне с тобой трепаться на эту тему. Наливай лучше, ты же вроде тяпнуть хотел.

— И что с мажором тем сделалось? — Других вопросов просто не нашлось, а молчание начало тяготить. Водка уже была налита в две железные кружки с обколотой, словно погрызенной эмалью.

— Да чё... сдох он на раз-два. Чучело... приехал в Зону типа за приключениями. Дома то ли с жиру сбесился, то ли решил перед бабой своей понтануться, типа крут. Вояки тогда всех кого не лень за Периметр пускали, ну и его тоже как будто не заметили. А он, придурок,

как в Зону зашёл, так сразу и влез в какую-то хрень, только шмотья по оврагу разлетелись. Нас четверо было, он типа главный, а я и ещё два каких-то левых чёрта с понтом дела команда. Бабла у него много было с собой, ну и обеспечил он всё, пушки там, жратву. Из всех, по ходу, я один и остался — как разошлись, тех двоих я потом и не видел ни разу, не в курсе, чё с ними вообще. Ещё вопросы будут, начальник?

— Нет вопросов. — Я выдохнул, заглотнул отвратительно тёплую водку, бросил на кусок «черняшки» пару пластинок купленного сегодня на «премиальные» лежалого, пожелтевшего сала. Эх, чесноку бы ещё или луковицу свежую, хрустящую, да ладно. Завтра с учёными переговоры вести. Двести пятьдесят грамм под сало не та порция, от которой Фреон косеет, но если с чесноком, то амбре наутро может быть нешуточное.

— Завтра, ну, может, послезавтра в Зону. Будем сопровождать «ботаника». — Я разлил по второй. — Ты молча слушаешься, громко ничего не спрашиваешь, интереса ни к чему не проявляешь. Инициатива будет наказуема, учти. Давай за то, чтоб всё прошло гладко.

— Угу. — Ересь запил водку холодным чаем из банки. — Как скажешь, сталкерок.

Эх, только бы прокатило. Ничего, я у «ботаников» всегда был на хорошем счету. Поверят, никуда не денутся.

— Вы в своём уме?

Собственно, примерно такого вопроса я и ожидал. Довольно странное требование сталкер выдвигает для пустяковой экспедиции. Подумаешь, француза аккуратно по окраинам поводить, чтобы он всяких цветочков Зоны на гербарий собрал. А тут — такое...

— Ни за что! — Ответственный за «полевое» оборудование быстро замахал руками и даже лоб складками собрал. — Ведь это нонсенс! Экспедиция короткая, провести нужно недалеко, всего лишь на несколько километров, и то по «новым» территориям!

— Напомните, сколько человек идёт? — Отступать я был не намерен. Натиск только начинался.

— Учёный, с ним переводчик и два бойца охраны.

— Итого четыре человека. Уверен, абсолютно непригодные к Зоне! Тут сам не каждый раз знаешь, вернёшься или нет, а тут четыре таких довеска! Да ещё и француз, которого, сами понимаете, вернуть нужно в полном здравии! Четыре человека на одного меня!

Я поднёс к лицу «ответственного» пятерню, чтоб до учёного наконец дошло, сколько людей собираются в Зону, а потом сложил «дулю»:

— И вот столько может вернуться.

Не давая противнику опомниться, я начал напирать, отвоёвывая новые позиции.

— А если Выброс? Вы можете его за сутки предсказать? Нет? А ты вообще в курсе, какие зверюшки на этих «новых» территориях обитают? И какой дурак тебе сказал, что там просто? Да под Припятью иногда легче бывает, чем в некоторых уголках «новой» Зоны.

— Ну, вы же хорошо знаете эти места. Найдёте, где спрятаться.

— Один если — да, найду. Но с четырьмя детишками — уже нет. Даёте вездеход?

— Нет!

— Тогда счастливо. — И я развернулся к двери кабинета. Уверенно так топаю, сердито, мол, сами своего француза по Зоне водите, лаборанты, чай, не все ещё уволились.

— Пойдите. Хорошо... дадим.

Я внутренне хмыкнул. Расчёт оправдался. Действительно, очень не хотелось бы «ботаникам» иностранного учёного в Зоне загубить. Чревато это серьёзными последствиями.

— Завтра в восемь машину подготовим. Вы уж постарайтесь... побережь технику. Водителя предоставим.

— Я уже провешивал дороги для ваших вездеходов. Справлюсь. Вы только водилу потолковее найдите, чтоб в Зоне был хотя бы раза три.

— Найдём. — И ответственный по оборудованию грустно углубился в какие-то бумаги. Малой ценой экспедицию организовать не удалось. Так... первый этап закончен.

— Дуй к Хорю, — сказал я Ереси, дожидавшемуся меня во дворе НИИ. — Скажи, чтоб склад подготовил к утру. А я пока с «ботаником» познакомлюсь.

Учёный оказался весьма пожилой, сухонькой женщиной в скромном деловом костюме. На вид ей было далеко за шестьдесят, но широкая белозубая улыбка на правильном, хотя и покрытом сетью мелких морщин лице, а также быстрые, молодые движения говорили о том, что стареть француженка отнюдь не собирается.

— Мари Лёпен, — представилась она, смело, по-мужски подав руку. — Бонжур, мсье!

— Зовут её Мари Лёпен. Здравствуйте, — перевёл немолодой, начинающий лысеть мужчина с лицом нездорового цвета. Взгляд, направленный на меня, доброжелательным никак не назовёшь, да и потряхивало мужика как следует — должно быть, сообщили, что в Зону скоро. И зря я, похоже, опасался своего лёгкого перегара — от господина переводчика дохнуло свежим коньячным выхлопом. Ощутимо так дохнуло. Нервишки, похоже.

— Тебя как звать?

— Игорь Михайлович. Мы брудершафта не пили вообще-то. — Ух и злющий взгляд у Игоря. Видать, настроился мужик, что проводников нет и не будет, а тут вот он я, нарисовался — не сотрёшь. В карман полез за фляжкой, руки аж пританцовывают, не сразу и пробку отвернул. Был в Зоне явно. Знает, куда завтра пойдём. Даже «хам» прошептал, думая, что не услышу. Ну, тут уж извиняйте.

— Вот что, уважаемый. — Я подошёл чуть ближе и коротким, жестким движением сунул кулаком по рёбрам так, чтобы не было заметно со стороны. — Политес будешь в другом месте разводить. И ежели в Зоне за соску свою коньячную хвататься начнёшь, ноги повыдергаю, спички вставлю и скажу, что так и было.

Закряхтел переводчик, глаза выпучил и начал наливаясь дурным цветом, но встретил мой взгляд и сразу сдулся, морду отвернул. Жаль, что французского не знаю — ох, как же не хочется брать такого субъекта в Зону. Гнилое в нём что-то есть. Нельзя людей, что перед ходкой вот так трясутся, в Зону отправлять. Намучаешься с ними. Не, ну его.

— В вездеходе посидишь. Гарнитура есть у всех, вот будешь на расстоянии переводить.

Кивнул. Коньяк опять в карман сунул. Вроде даже чуток успокоился, хотя и смотрит волком. Но бузить и возникать после моей плюхи не станет — гарантия. По нему это видно, что без такой короткой профилактики гундел бы он всю дорогу.

— В Зоне были?

— Были... два раза, — уныло протянул Игорь.

— С кем?

— Сионист водил вдоль нейтралки.

— Как звал вас?

— Её Манон почему-то, а я Толмач.

— Это ваши имена.

Француженка, услышав «Манон», живо кивнула и улыбнулась. Во даёт баба... Толмача, здорового, хотя и уже обрюзгшего мужика, трясёт, а она улыбается, спокойна, в глазах весёлые чёртики. Не понимает, куда завтра идти? Шалишь, брат, понимает она очень хорошо, как и любой «ботаник», что такое Зона. Лучше прочих знает, что может не вернуться. Но какая молодец, однако.

— Но пасаран? — спросил я. Вроде что-то героическое и, если ничего не путаю, французское.

— Уи, но пасаран, сталькер! — И рассмеялась, снова руку жмёт. А толмач скис, и чётко на его лице читается: «Занёс же меня чёрт сюда... погнался, блин, за длинным рублём... заявление пора писать, однако».

И понял я — буду беречь Манон. Обязательно верну в целости и сохранности. На обратном пути доведу вездеход до самого Периметра, чтобы уж точно. Просто так. Не за премиальные, не из-за аферы, что мы с Хорём задумали, а чтоб сберечь этого человека. Знал бы, подписался бы и так на это задание. Эх, Лунь... заразил ты меня чем-то, похоже.

— Я просто Фреон.

— Фре-он... требьен. — И снова улыбка. — Манон.

И по-французски что-то певучей, звонкой скороговоркой, а в глазах искры, довольна, причём, похоже, искренне.

— Она рада, что нашёлся смелый мужчина. Выражает признательность. Для науки очень важно это исследование — мутантная флора Зоны поможет вывести новые сорта... тебе интересно? — Толмач осоловело глянул в пол.

— Интересно. Переводи.

— ...лекарственных и разных там других растений. В Париже хотят создать особый ботанический сад, так как в последние полгода... — переводчик зевнул, — растения Зоны по каким-то причинам перестали гибнуть за пределами аномальных территорий и прекрасно себя чувствуют в обычных условиях. Слушай, тебе это реально надо? Она меня уже задолбала своей наукой, честное слово. Весь день выслушиваю от этой помешанной старухи, нашла, блин, собеседника.

— Слушай, ты бы поаккуратнее с выражениями.

— А... она по-русски ни в зуб ногой.

— Зато я понимаю.

Ну, невозможно, до чего противен мне этот Толмач. Вот же зараза. Не желаю я его брать с собой, и всё тут.

— Досадно, Манон, что вы на нашем языке никак не понимаете. Вот ведь довесок... — сказал я и, нисколько не скрываясь, добавил: — Дрянь, а не человек.

— Это я поняла давно, уважаемый Фреон. — Француженка хитро улыбнулась.

На Толмача было жалко смотреть. Он поперхнулся, выпучил глаза и забавно приоткрыл рот.

— Какого... хрена?

— Такого, Игорь Михайлович, что прежде всех достоинств я ценю в людях честность. Ценю настолько, что желаю точно знать, какого о тебе мнения собеседник, и языковой барьер в моём случае — лучшее оружие в борьбе за правду. Так что старая сука, она же сумасшедшая старуха, она же сухофрукт с этого дня не нуждается в ваших услугах.

— Так вы... — Я не договорил.

— О, мой дедушка из России. У него дома, в Льеже, мы разговаривали исключительно на русском языке. Испанский и английский я выучила много позже, в университете.

— Так это... у меня же ещё контракт на полтора месяца, — совсем тихо проговорил Толмач. — Значит, всё, что ли?

— Ну, вы же сами при мне сколько раз жаловались на жизнь, что этот контракт вам... кгм, как вы выражались, не упёрся. — Француженка даже не посмотрела на переводчика. — Вам ведь было плохо на этой должности, несмотря на хорошую оплату. Я вас освободила — и опять нехорошо? Загадочная русская душа... ну что, завтра в путь?

— Именно. До встречи.

И пока топал я до Бара, чтобы обсудить с Хорём кое-какие детали завтрашнего «мероприятия», где-то в душе начало покалывать. Удивительное дело, но стыдно было мне перед Манон за то, что использую её как средство, как рычаг в будущей афере, нельзя таких людей даже близко к грязи подпускать. И то, что наше с Хорём дельце не помешает научной экспедиции, не успокаивало. Ладно. Совесть сталкеру не положена, мешает она в Зоне жить, но как-то остро вдруг вспомнились те времена, когда был «правильным», интеллигентным инженером, вот таким же, как эти самые «ботаники».

Что-что, а техника для Зоны должна быть особенная. Не пройдут по страшной этой земле ни бронетранспортёр, ни даже танк — машины эти хоть и боевые, грозные, да против той же «плеши» или «воронки» полностью беззащитные. Что толку в броне, если давит танк так же легко, как пустую яичную скорлупу? или же просто убивает весь экипаж внутри, разом, моментально, а машина целая. Или вон, на юго-восток от Янтара длинная колонна танков стоит ещё со Второй катастрофы, и не подойдёшь к ним — жар прёт, как от печи,

выгорели машины вместе с людьми, а «жарки» и поныне там. От вечного жара побагровела броня от окислов, из открытых люков в небо горячий воздух столбами прёт, даже земля спеклась под гусеницами... нет, против Зоны слабы военные машины. Даже в воздухе Зона, и потому раньше времени сидят пилоты, которым приходится отыскивать безопасные тропинки в небе среди невидимой смерти, и не всегда спасают их мощные детекторы, сканеры и беспилотники, сопровождающие любой вылет. И даже когда изредка проглянет чистое небо среди привычной хмари, не увидишь в нём белую полосу самолёта — нет им дороги над Зоной, на какой бы высоте ни летали.

Толку от военных машин в Зоне не было, и потому собрали по заказу полтора десятка особых вездеходов. Конечно, проку и от них было бы мало, если, включив дуру, переть напролом «плеши», в сущности, совершенно без разницы, что трамбовать, — бронетранспортёр или вездеход научный. Но триста кило особой, специально для таких условий созданной аппаратуры за десяток метров засекут аномалию, толстые, проложенные поглощающим пластиком борта спасут от Выброса, особому покрытию не страшны кислоты и газовые аномалии, его не пробьёт «электра». А уж полный привод на все восемь широких рубчатых колёс вывезет машину на любом бездорожье. Радовались «ботаники» очень. До тех пор, как накрылась одна такая чудо-машина в аномалии, которую не смог засечь ни один бортовой детектор. И потому уже не один год провешивали сталкеры дороги в Зоне, каждый раз после Выбросов заново отыскивая безопасные пути к научным станциям. Никуда «ботаникам» без нашего брата не деться.

Внешне вездеход напоминал здоровенное жёлтое корыто, перевёрнутое вверх дном и поставленное на восемь широких колес. По бортам «корыта» было всего два окошка из толстого просвинцованного стекла, третье окно побольше предназначалось для водителя: широкий синеватый овал из какого-то особо прочного пакета, усиленного снаружи толстой стальной решёткой. Обзор из него, конечно, был слабый, но из жёлтой гладкой шкуры вездехода выглядывали объективы камер, «разглядывающих» пейзаж во всех частях спектра. Впрочем, сейчас меня интересовала исключительно грузоподъемность научной машины. На моей памяти, на двух таких авто перевезли всё оборудование полевой лаборатории «Позитрон» в районе Красного леса, а это, без малого, пять с половиной тонн. Грузовой отсек вездехода был весьма вместителен. А теперь скрестить пальцы.

— Есть такая традиция, Манон. Перед выходом в Зону нужно обязательно посидеть в местном Баре. Не пить, конечно, но... говорят, это приносит удачу.

— О, с удовольствием. Это ведь не займёт много времени? — Француженка быстро взглянула на часы.

— Нет, что вы... да и, полагаю, если не успеем вернуться сегодня, у вас будет больше времени на сбор образцов. Начальство НИИ вряд ли будет против... к различным неожиданностям они привыкли.

— Намёк понятен. Очень хорошо. Действительно, бывает очень обидно, что в Зону нас выпускают всего на какие-то два-три часа — совершенно не хватает времени. Но... боюсь, я не смогу вам за это заплатить. Если только обратиться к руководству с просьбой...

— Нет-нет. — Я снова почувствовал укол совести. — Мне вполне хватит... кгм... премиальных.

Когда Манон зашла в Бар, где предупреждённый заранее Хорь сервировал столик, я попросил водителя подогнать вездеход к дверям подсобки.

— Это зачем ещё? — удивился он.

— Там списанное и опасное оборудование. — Я со скучающим видом зевнул, махнул рукой. — Уничтожить его «ботаники» не могут, вот и попросили в Зону вывезти и в какой-нибудь подвал сгрузить, пока ящики совсем не прохудились. Всё равно машину гоняем, так хоть с пользой.

— Брешь ты.

— Тебя как звать?

— Семён.

— Пойдём, Сёма, чего покажу.

Лежали в подсобке Хоря два ящичка. Вроде как и на полках, но... отдельно. Ключи мне торговец выдал, и потому я на глазах водилы открыл тяжёлую дверь и выволок на асфальт большой ящик из толстого химически стойкого пластика, который мы не далее как вчера забили разным мусором, уложив сверху старый научный комбинезон и пару изношенных до почти полной непригодности автоматов. У Хоря нашлась ёмкость с «киселём» — НИИ заказывал когда-то, да так и не взял, и я, отогнав торговца подальше, вылил немного густой зеленоватой жидкости на комбез и автоматы. «Кисель» был старый, почти выдохшийся, но его хватило — в ящике не то что зашипело, а буквально затрещало, тяжёлая, кислая вонь ударила в нос, и прямо на глазах у одного из автоматов «отгорел» ствол, а на комбезе расплозились широкие дыры.

Когда я откинул замки и открыл ящик, из него выплыл клуб синеватого зловонного дыма. Сёма заглянул, пробормотал «фигасе» и поспешил удалиться.

— В натуре жесь, — поделился он со мной впечатлениями.

— Это ещё фигня... там ящики и похлеще есть. Внешне они, кажется, нормальные, но в них така-ая энергия, что ужас. — Я скорбно покачал головой. — Вроде автомат с виду обычный, а потом может так долбануть, что в этом городке камня на камне не останется. Или радиацией внезапно выплеснет и потравит всё тут. Потому, кстати, и складировали здесь, подальше от Института.

Семён немного задумался, опасливо поглядывая в сторону подсобки.

— И мне что, это всё везти? Ну на фиг... стрёмно. Я этой Зоны и так посмотрелся, но она хоть раньше за бортом была, а чтоб ещё и в машину её грузить — это спасибо.

— Не бойсь. — Эх, переборщил я немного со «страшилками», как бы не сорвалось всё. — Думаешь, если бы перевозить опасно было, «ботаники» машину выдали? Не, брат... они бы тогда сталкеров запрягли коробки эти в Зону выносить.

— И то верно. А почему именно Бар?

— Вроде как учёные посчитали, что из всех зданий Чернобыля-7 это ближе всего к Зоне. — Я начал импровизировать. — А значит, аномальная активность будет стабилизирована. Да и под замок, чтоб не растащили, сам понимаешь...

— А-а. Ясно. — Семён с важным видом кивнул, мол, всё понятно.

Я подозвал двух скучающих срочников — да уж, мощную охрану НИИ для учёного выделил — два пацана в обычном летнем обмундировании, за плечами АКСУ болтаются, вид удивлённо-напуганный. Совсем ещё сопляки. Ладно, пускай в вездеходе сидят и не высовываются. А пока...

— Эй, бойцы! А ну-ка ящики загрузили в бибику, да смотрите, поосторожнее, не роняйте. Ересь! Помоги ребятам.

Напарник выбросил недокуренную сигарету, неприязненно хмыкнул, но пошёл. И коробки с тушёнкой и концентратами, цинки патронов, кофры с комбинезонами начали откочёвывать из недр Бара в нутро вездехода. Водка, медикаменты, ящики с оружием, пластиковые запайки с десятками, если не сотнями ПМК, детекторов, боевые ножи, ремонтные наборы — много «списанного» добра накопили бывшие хозяева Бара. Бойцы даже немного взмокли, передавая по «цепочке» ящики и тюки. Эх, хорошо, что настолько вместителен вездеход. Пока водитель ругался сквозь зубы на бойцов: «Не ронять!.. аккуратнее, млин!.. не разбей, смотри... укладываем тихонечко, не кантуем, поди, не картошка...», я посматривал по сторонам. На счастье, утро выдалось очень спокойное — не то что «ботаников», которые могли бы заинтересоваться странными погрузками возле закрытого для прочих посетителей Бара, а даже сталкеров и просто обычно многочисленного «планктона» НИИ в научном городке видно не было. Надо же, как оно вышло: вместо меня Сёма на воинов прикрикивает, опасаясь, наверное, что «раньше времени долбанёт», и факт — грузят аккуратно, бережно, ничего не сломали, не побили. Пару раз выскакивал Хорь, довольный, словно кот, дорвавшийся до миски со сметаной. Немного нервничает, но руки потирает, глазёнки блестят, радуется. Погоди пока, ещё может всё псу под хвост полететь,

если на воротах пропускника въедливый лейтенант попадётся. Надеюсь, особо смотреть не будут — транспорт научный, документы в порядке. А на объяснение такой странной загрузки вездехода бумажки имеются, собрал Хорь в одну папку и копии актов о списании, и распоряжения об уничтожении. Эх... только бы поверили. Это не простоватый Сёма, что легко на ящик с «киселём» повёлся, там народ подозрительный встречается.

— Кажись, всё. — Хорь снова выскочил из Бара, быстро заглянул в машину. — Нормально. Ну, теперь пора...

— Пора, — кивнул я. — Народ, садимся. Фу, пронеси, нелёгкая...

Электродвигатели мягко заурчали, без труда стронув гружёную машину, и вездеход покатил к пропускнику. Полдела сделано.

— Здорова, Сёма! — Из кабинки возле ворот пропускника выглянул старший лейтенант Прокопенко, или Нюхель, как его прозвали сталкеры. Я выругался про себя — не вредный был этот товарищ, но жутко дотошный и подозрительный. Что, куда, зачем... документы не просто бегло просматривал, а, хищно щурясь, надолго подносил к самому носу, за что, кстати, и имя получил. Долго он бумажки изучал и не раз, бывало, звонил в НИИ, чтоб уж точно знать, что документы не поддельные. Доказать ему, что ты не верблюд, без справки от ветеринара было невозможно. Попали...

— Куда едем? — Нюхель уткнулся в пропуска.

— За кудыкину гору, — весело ответил Семён. Традиция, однако. Чтоб Зона не узнала.

— Ясенько. Угу... угу... на остальных документы?

Нюхель меня, конечно, знал, но всё равно проверил карточку доступа. Так же досконально изучил документы бойцов, даже фамилии переписал. Когда дошла очередь до Хоря, тот заметно сник, подавая свой пропуск.

— Выход не разрешён. Почему едем?

— Запрещен? — переспросил я, решив взять дело в свои руки.

— Нет, но... как бы не предусмотрено допуска. — Нюхель задумался.

— Сопровождаем французского учёного, — негромко проговорил я. — Биолог, по совместительству эколог-инспектор. Нужен переводчик, а данный сотрудник знает язык.

— Так это ж бармен наш вроде. На самом деле знает? — Нюхель с сомнением посмотрел на «данного сотрудника».

— Уи, уи, кес кесе, гарсон! — ненатурально осклабился Хорь. Уж лучше бы молчал...

— Ясно... — Старлей вернул документы, но сигнала к открытию ворот пока не дал. На его челе читались крепкие раздумья. Да, должен был быть переводчик по списку. Но мне сказали, что он уволен и в Зону не едет.

— Буквально полчаса назад нашли замену, — соврал я, как говорится, с места. Всё продумали, чёрт возьми... а про то забыли, как Хоря через посты переправить.

— Уи! — подвизгнул, словно поросёнок, Хорь, и мне пришлось двинуть его локтем по рёбрам.

— Груз есть?

— Ну, так. Везём хлам опасный в Зону выкидывать, — весело сообщил Семён, ткнув большим пальцем за спину. Краем глаза я заметил, как моментально вспотел лоб Хоря. Да уж... раньше он создавал впечатление куда более сдержанного и хладнокровного субъекта.

— Вот, товарищ старший лейтенант. — Я вырвал из рук бывшего бармена папку и передал военному. — Акты о списании, приказы на уничтожение. В НИИ опасно всё это оставлять, так что решили вышвырнуть, вроде раз Зона испоганила, пускай она же и хакает.

— Утилизация — удовольствие дорогое, — уже спокойно добавил Хорь.

— Давай глянем, чё у вас там. — И Нюхель направился к задней двери вездехода. Чёрт...

Дальнейшее иначе как везением объяснить было сложно. Оба «особых» ящика я ставил в вездеход лично. Тот, с «киселём», из яркого белого пластика на виду. Второй, поменьше, специально замаскировал, закрыв куском брезента, спрятал. И расчёт оправдался, хоть и был не особенно надёжным.

— А ну-ка, любезные... дайте мне во-он тот ящичек.
— Который, товарищ старший лейтенант?
— Что под брезентухой зашкерен, — победно ухмыльнулся Нюхель.
— Может, не надо, товарищ капитан?
— Надо, надо... уж сколько раз твердили миру, что лезть гнусна, вредна, — продемонстрировал старлей знание классики. — Да только всё не впрок. Открывайте.
— Опасно это.
— Ничё. Переживём.

И я медленно, с видимой неохотой вытащил ящик. Однако доволен Нюхель так, что просто удивительно. Сияет, как майское солнце — как же, сбылась мечта, выцепил злоумышленников, пресёк бандитизм. Небось мысленно уже звёздочку на погоны прикрутил.

Открыл я герметичную крышку, Нюхель, по своему обыкновению, сунулся в ящик чуть не с головой. После чего выпучил глаза, позеленел и отвернулся. Позеленеешь тут... двадохлых слепца, причём провалявшихся в контейнерах НИИ как минимум неделю, зрелище, мягко говоря, неприятное. И при жизни слепой пёс пахнет далеко не розами, а уж дохлый, да полежавший в тепле да сырости...

В общем, Нюхеля вырвало.

Согнувшись, он долго икал и отплёвывался, бурчал что-то бессвязное.

— Товарищ старший лейтенант... говорил, не надо, — с сочувствием в голосе проговорил я. — Ладно, не ожили, с этими тварями оно бывает... а ну как в лицо вцепились бы? Это ж трупный яд...

Старлея согнуло ещё раз долгим, но уже пустым спазмом. Боятся местные воины всяких тварей Зоны — и насмотрелись, и рассказов наслушались. А тут, что называется, собственным носом понюхал и в сантиметре лицезрел.

— У-увозите... н-на фиг! Открывай ворота... Ух, тва-ю мать...

Взвыли двигатели, и толстые, бронированные створки ворот начали плавно расходиться в стороны. Всё. Вырвались.

Ура.

Прокладывать дорожку в Зоне — дело для меня привычное. До Красного леса, бывало, технику доводил, а тут почти ерунда — до Кордона и обратно. За «довесков» спокойнее — сидят они за крепкими стенками вездехода, следить за ними не надо, в аномалию не влезут, не съедят их, да и Ересь сверху на «броню» сидит, обстановку наблюдает — обзор у него там хороший.

Привычно просматривал кусты, перепрыгивал валежник, поваленные стены давно брошенных домов, слушая сзади ровный, спокойный гул двигателей — хорошо, правильно ведёт машину Семён, не напирает, не отстаёт, а разные пни, канавки, лужи грязи для его авто всё равно что ровное шоссе. Радует и то, что вездеход плавающий — путь через речку срежем, потому как деревянные мосты через неё все обвалило, а те, которые бетонные, чем-то непонятным обросли, шерстью какой-то косматой. Без понятия я, чего от этих косм ожидать, и поэтому даже на вездеходе там проезжать не стану. В Зоне закон простой: не знаешь — не суйся.

Ох уж, территории эти новые... странные тут места. Вот, спрашивается, отчего это землю здоровенным пузырьком подняло возле заброшенного хутора? Искры вспыхивают вокруг аномалии, дымок курится, да ещё и десяток камней в воздухе висит. Покачиваются булыжники и медленно так крутятся, но не падают, а меж них серебристое колечко летает и так блестит ярко, словно от солнца зайчики ловит. Незнакомая штуковина и, очень даже может быть, «ботаникам» тоже ещё неизвестная и поэтому очень дорогая, только нипочём я за ней туда не полезу. В прошлом году проходил я мимо этого хуторка, чистое было местечко, а теперь вроде и «выворотень» впереди, и слева листья с гнилой травой в какие-то косы заплело, и вообще не нравится мне здесь.

— Стоп машина! — И я предупреждающе поднял руку. Семён среагировал мгновенно — короткое шипение, гул двигателей стих. Нет, водитель хоть и несерьёзным поначалу показался, но дело своё знал. Это в научном городке этакая была расхлябанность и балагурство, а здесь собран, глаза как льдинки, челюсти сжал — совсем другой человек.

— Что там? — послышалось из гарнитуры ПМК.

— Аномалии. Через хутор не пройдем. Давай направо, за мной.

И снова — медленно, аккуратно, внимательно. Гнилой дом, ещё один, между ними дюжина толстых сизых веревок, шевелятся. Поваленный забор, негромко хрустнувший под колёсами вездехода. И ложбинка, видимо, бывший пруд, дымит бледным туманом.

— Пройдёшь тут?

— Не вопрос, — слышу в гарнитуре. — Ты как, в обход?

— Да. — Не хочется портить новый комбинезон, что Хорь выделил. «Кольчуге», конечно, «серый туман» не повредит, это не «колючка». Но... всё-таки перестраховуюсь. А вот здесь можно и Манон позвать. Тут бывшие приусадебные участки, может, и найдёт чего.

Француженка в каком-то особенном, не знакомом мне защитном комбинезоне проворно прыгнула на землю. Цвет, правда, тот же, оранжевый, в Зоне совершенно, как мне кажется, не нужный. Заметны они издали, конечно, что в случае спасательной экспедиции помогает. Да только если и потерялся, отбился от группы «ботаник», спасти уже бывает некого, зато в прицел винтовки поймать оранжевое пятно очень легко — стреляют учёных мародёры, не опасаясь серьёзного сопротивления. Детекторы и оружие у «ботаников» неплохое, и шакалье хорошо это знает. Не раз находил я кости под грязно-оранжевыми лоскутами, а в кучах серого тряпья, что нет-нет, да и встречаются по сталкерским тропинкам, иногда можно увидеть и яркие, апельсинового цвета пятна... есть в Чернобыле-7, в одном из внутренних дворики НИИ, две стелы: погибшие и без вести пропавшие, или БВП. Официально смертность тщательно скрывается, и потому учёные сами, собственноручно поставили два высоких камня и прикрутили к ним таблички. Уже больше сотни фамилий на них...

— Держитесь рядом. Просьба такая, точнее, приказ. — Я опустил флажок перевода огня вниз, к стилизованной картинке дробовика. Нравилась мне эта пушка всё больше — простая в использовании и при странном внешнем виде и кажущейся громоздкости удивительно удобная или, как говорят, «прикладистая». Не утерпел я, потратил несколько дробовых патронов ещё на окраине Зоны, после чего высадил одиночными и короткими очередями полмагазина 5,56 по остову легковушки, целясь в ржавые пятна на дверях. Хорошо бьёт, точно, вопросов нет, отдача мягкая даже при стрельбе из дробовика, не говоря уже про нарезной малокалиберный ствол. Ну и если не соврал Хорь насчёт живучести, то вообще благодать. И, что ещё немаловажно, напоминала она внешне FN 2000, непопулярную среди сталкеров, так что покушений на моё оружие скорее всего не будет. Одна небольшая проблема — заметно тяжелее новая пушка привычного для меня автомата, но не беда — знаю сталкеров, что с двумя стволами ходят: дробовиком для тварей Зоны и автоматом для всех прочих тварей. Вот это действительно сложно — хребет у сталкера не железный, и приходится брать меньше припасов.

Первый «сбор образцов» продолжался довольно долго. Манон, забыв обо всём на свете, тщательно выкапывала какую-то совершенно для меня невзрачную травку, потом комок земли вместе с растением следовал в специальный контейнер, и поиски продолжались.

— Знаете, ботаника в Зоне — совершенно невозможная наука, — поделилась она со мной, запаковывая, наверно, уже десятый «образец». — Проблема в том, что мы просто не успеваем классифицировать новые виды. От Выброса к Выбросу погибает десяток видов растений и возникает примерно столько же новых. Изменения стремительны. Такое ощущение, что эволюция здесь, в Зоне, не просто сошла с ума, а стала буйно помешанной. Нам остаётся находить и сохранять по возможности только самые интересные образцы растений... вот. Обратите внимание на это...

Добросовестно сделав вид, что заинтересован находкой, я продолжал внимательно

следить за «пейзажем», потому как, кроме интересной, но в большинстве случаев безобидной флоры, в Зоне, к сожалению, обитала ещё и фауна. Сегодня нам везло — ни одной серьёзной зверюги не встретили, а несколько стаек слепых собак обошли вездеход на почтительном расстоянии, даже стрелять не пришлось. Оставалась последняя «точка» с опытной делянкой «ботаников», где они высаживали самую обыкновенную картошку, ячмень, пшеницу и прочее, интересуясь, что именно сотворит с ними Зона. Большинство растений, конечно, погибало ещё до Выбросов, остальное выжигали ядовитые дожди, но упрямые «ботаники» заново вспахивали «огород» и регулярно навещались на свои делянки. Дорогу туда я знал хорошо, довёл быстро и без приключений. Собственно, приключения начались позже.

— Всё разгромлено. — Манон поковырялась шпателем в перерытой земле, подобрала несколько хилых колосков. — Не знаю, удастся ли что-то собрать.

— Не удастся. Быстро в машину, — приказал я, медленно отходя к вездеходу.

Не было печали... молодцы, «ботаники». Нашли место для своих «делянок». Бывшее садовое товарищество и брошенный посёлок. Сады, заросшие бурьяном огороды, деревянные домики, погреба, а дальше, на пригорке, даже целые улицы ещё почти не тронутых запустением кирпичных домов. Аномалий поблизости нет, но... поспрашивать у сталкеров, можно ли устраивать опытную станцию вблизи брошенного села, никто не сподобился. До сей поры проносило, и я был очень рад, что сегодня у нас есть вездеход. Иначе, наверное, хана...

Молодец Манон. Ни вопросов, ни уточнений. Быстро заскочила в машину.

— Что там? — вяло поинтересовался Ересь, но дробовик приготовил.

— Крысы.

Полуметровая тварь сидела на ветке яблони возле ближнего к нам садового домика. Быстро мотая вверх-вниз заострённым рыльцем, крыса ловила запахи. Костлявые лапки, которых явно было больше, чем положено, прочно цеплялись за кору, пара недоразвитых конечностей торчала даже на спине, покрытой редкими пучками чёрной слипшейся шерсти. Тварь громко скрежетала жёлтыми резцами. Не прячется, не убегает. Значит, не одна она здесь.

Из всех мутантов эти твари, похоже, приспособились к Зоне лучше, чем любое другое зверьё. Унаследовав от предков-крыс живучесть и приспособляемость к практически любым условиям, а также всеядность и плодовитость, они оккупировали половину всех брошенных посёлков и городов. И если поодиночке они были трусливы и не опасны, то в крупных стаях теряли всяческий страх. Гопстоп рассказывал, что даже кровососы избегали появляться в местах обитания таких крыс, с пути стаи мутировавших грызунов убирались черныбыльские псы и тушканы, совершенно, до безрассудства смелые и злобные твари, кидающиеся даже на припятских кабанов.

Я начал отходить к вездеходу, когда тварь, распылив красный ромб пасти, громко заверещала. И со всех сторон — от дачных домиков, ворохов гнилой листвы, провалов на месте погребов — начали выползать крысы. Облезлые, двух и даже трёхголовые, слипшиеся боками крысы, безглазые и с вздутыми, как пузыри, глазами, совершенно голые, красные, и покрытые мокрой, липкой шерстью. Вокруг запищало, закрипело, послышалось натужное хрипение метровых гигантов, пока ещё неторопливой рысцой приближающихся к вездеходу.

— Давай к реке, — сказал я водителю, взбираясь на крышу вездехода, — там отстанут.

— Да чё там... крысы... — Ересь приложился и два раза выстрелил, причём попал — картечь свалила наповал трёх крыс и тяжело ранила четвёртую, двухголовую. Мутант с захлёбывающимся визгом начал злобно кусать кровоточащий бок, и твари, словно получив сигнал, разом бросились к вездеходу. Несколько мутантов намертво вцепились зубами в резину покрышек и повисли на ней, остальные начали прыгать, норовя забраться на крышу, но соскальзывали с бортов. И, когда вездеход тронулся, с сочным хрустом раздавив несколько тварей, я увидел буровато-серые потоки, выплеснувшиеся из открытых дверей брошенного посёлка. До них было ещё далеко, но в массе относительно мелких уродцев я заметил несколько настоящих гигантов с белыми безволосыми шкурами, собранными в

мелкие складки, которые, задрав дугой чешуйчатые хвосты, неслись на широких махах к вездеходу. Уже на автомате врезав Ереси по шее, от чего тот даже не вякнул, должно быть, понял, за что, я попытался снять одну из гигантских крыс. В оптику было хорошо видно, как маленькими жадными ртами раскрылись бескровные раны на теле одной тварюги весом, наверное, под центнер, как она споткнулась и кубарем покатилась, давя своих мелких сородичей. Но из подвалов вылезали новые... придётся уходить.

— Семён, шины не прокусят?

— Да ты чё, их пулей не прошибёшь, — услышал я в гарнитуре негромкий смешок.

— Полагаю, деланки следует перенести в другое место. — Из открытого люка по плечи высунулась Манон. В её руке я заметил лёгкий «Глок». — Вам нужна помощь?

— Благодарю, нет.

— Нужна. — Француженка утвердительно кивнула головой и выбралась на крышу. Я не мог поверить — в её глазах горел настоящий азарт. В другое время у меня бы не заржавело сбить кулаком не в меру ретивого «ботаника» обратно в люк, но... это был не тот случай. Так что я просто мягко столкнул учёного вниз, запрыгнул сам и захлопнул лючок.

Первый удар крысы-переростка слегка качнул вездеход, когда за корявыми деревьями уже показалась река. Под колёсами сочно хлопнуло, захрустело, заскрежетали по обшивке когти, за бортами взвизгивало, верещало, то и дело за круглыми окошками мелькали вздутые тела и длинные голые хвосты. Я представил, что случилось бы, если б не вышло выцыганить вездеход, и внутренне поёжился. Сталкеров, доставшихся черныбыльским крысам, обычно записывали в без вести пропавшие. Любой, даже самый прочный комбез эти твари распускали на мелкие лоскутки, которыми потом устилали свои гнёзда, растаскивали вещи из рюкзаков, а от тел вскоре оставались только начисто обглоданные черепа и несколько трубчатых костей.

Когда вездеход тяжело ухнул в реку и начал отдаляться от берега, мутанты тут же потеряли к технике интерес и начали подбирать раздавленные тушки своих собратьев, устроив несколько драк за особо лакомые куски. Это я уже увидел, подняв лючок и выбравшись на крышу для лучшего обзора: на воде тоже встречались аномалии, не менее опасные, чем на земле. Открытую воду вездеход преодолел быстро, с хрустом и чавканьем проломился сквозь прибрежные кусты и чахлый камыш и, вывернув пласты зловонной чёрной грязи, покатил к последней, намеченной уже мной, точке маршрута. До бывшего Кордона оставалось меньше шести километров, а по этим местам я ходил много и потому не опасался неожиданных подлянок от Зоны. Хорошо, что взяли вездеход. Мысль о том, что стало бы со всеми нами возле тех деланок, если бы не машина, окончательно успокоила тот маленький атавизм совести, который, оказывается, во мне ещё оставался. Да и Манон была довольна — на новых для неё местах обнаружились «невероятно интересные образцы». По идее, когда вскрыется наше с Хорём «дельце», не должны её сильно мурожить. Всё-таки иностранка. Вот кому всерьёз достанется, так это, наверное, Семёну и Нюхелю. Эх, жаль водилу, неплохой ведь он парень. С другой стороны, а не всё ли тебе равно, сталкер? Дело обтяпал, считай, снарягу хорошую поднял, пушку надыбал? Вот и будь доволен, не фигу разными Семёнами да Нюхелями голову себе забивать, дело это неблагодарное. Раньше, если уж на то пошло, ты вообще чихать хотел на всех, а сейчас чего-то беспокоишься. Но не идёт почему-то из головы мысль одна, так и стоят перед глазами лица Луны и девчонки его, и почти слышу слова Ереси: «А он смотрел просто и молчал». И сейчас словно стоят они и смотрят на меня, и ничего не могу я с этим поделать. Заноза в душе сидит... вон даже Ересь, подонок каких поискать, и то о многом задумался, молчал сутками, и, кроме как презрительного «сталкерок», я от него ничего другого не слышу. Ей-богу, врежу я ему как-нибудь за этого «сталкерка», но, если подумать, ему ведь в самом деле не за что меня уважать. И мордобоем, чувствую, этого не исправишь...

— В общем, вот что, ребята. — Я спрыгнул с вездехода, когда мы уже подъехали к тому самому хутору на старом Кордоне. — Ящики все тихонечко перенесите во-он в тот подвал. На лестнице не грохнитесь только. И там складировать.

Бойцы, апатично просидевшие всю дорогу в вездеходе и даже успевшие как следует выспаться, снова взялись за работу. Судя по их спокойным лицам, они умудрились проспять даже выстрелы и крысиную атаку. Впрочем, я сам запретил им выходить в Зону, а чем ещё заняться бойцу срочной службы, когда не гаркают, не гоняют и ничего не требуют? Правильно, дрыхнуть. Мало того, у меня создалось впечатление, что солдаты ещё не понимают, где, собственно, находятся.

— Эй, бойцы! Вы когда в местную часть прибыли?

— Позавчера...

— Что такое Зона, в курсе?

— Да, чё-то такое балаболит наш комвзвода, что тут радиация есть и всякие фиговины... ну, там, короче, так. А чё?

— Вы сами откуда такие?

— Я с Алтая, а Миха с Кубани.

Да, товарищи «долги», неплохо вы подкузьмили военным своим уходом с постов. Этих пацанов завтра в Зону отправят вместо профессиональных военсталов, что уже в Челябинскую Зону переброшены, и контрактников, которые хоть чуть, но соображали, как тут выживать надо. И эти двое — охрана учёного, причём иностранца... до чего же погаными должны быть дела у НИИ с их новым руководством, что они вынуждены необстрелянных срочников в сопровождение выделять. Уже смерти начались среди военных, а сколько их будет дальше... ничему, похоже, не учатся новые штабники.

— Понятно. Давайте, парни, побыстренько, без перекуров, а то уже через час стемнеет.

Хорь, довольный просто до невозможности, тут же метнулся распоряжаться, что куда положить и как разместить. Семён облегчённо выдохнул, глядя, как ящики с «опасным барахлом» покидают вверенную ему машину. Когда всё было выгружено, я подозвал бывшего бармена и жестом показал — мол, отойдём в сторонку.

— Ты же здесь останешься, верно?

— Ну так... товар выгружен, начну раскладывать, там, подмету, вычищу. Замки новые, двери смазать...

— Я не про то. Как учёному и водиле объяснить, что мы без тебя обратно поедem? И на последующем разборе полётов они, думаешь, не скажут, куда ящики сгрузили?

— А, это... фигня, не зарубайся. Официально мне предъявить нечего, я ведь просто воздух увёз. А неофициально — да, меня за это очень даже могут убить. Но кто этим займётся? Экспедицию не отправишь, бойцов не соберёшь — говорю же, для этого нужна не надуманная, а серьёзная официальная причина. Группу сталкеров нанимать, чтоб меня стукнуть, — сомневаюсь. Это денёжков стоит, тратиться надо, а с теневыми капиталами в НИИ сейчас очень большие проблемы. И нужный я буду для вашего брата человек, причём с охраной — «Свобода» поможет, я договорился. Так что не бойсь — долю получишь, как я и обещал. Молодчина ты, кстати. Ловко всё придумал с транспортом.

— Уи-уи, гарсон. — Я попытался улыбнуться, а Хорь, напротив, поскуцнел.

— Теперь тут мой дом, — сказал он грустно. — И не знаю даже, на сколько лет. Может, и насовсем. Ну да ладно, зато семья ни в чём нуждаться не будет, с квартирой, дети образование получают нормальное. Оно ведь того стоит, верно, сталкер?

— Верно. Оно того стоит.

— Эй... ты чего? — обеспокоенно спросил Хорь, но я, уходя в сторону, просто махнул рукой.

Не ожидал я такого. Ну, там, разговоры, конечно, разные ходили... да как оно обычно бывает? Где-то — не у нас, страна большая, мало ли, где что случается. За месяц или полтора до закрытия уже всю обсуждали, когда прикроют, даты называли, но... мне не верилось. Не могло быть такого, чтоб ракеты нашей стране стали не нужны. Не верилось и тогда даже, как приехали специальные машины и порубили на куски сотню наших «изделий», отличных, проверенных, все испытания прошедших. Не сегодня-завтра их на

вооружение принять хотели. Стоял я и смотрел, как тяжёлый нож на тросах превращает в металлолом те самые двигатели, в которые я душу и сердце вкладывал, и не горевал даже, как многие наши, а новыми глазами смотрел. И на семью свою потерянную, и на ночи бессонные, и на радость рабочих успехов, на все те похвальные листы и грамоты, и на бараки прогнившие. На мою жизнь падал тот тяжёлый косой нож, на куски меня рубил. Но нет, не горевал я. Просто новыми глазами смотрел.

Из бараков тех гнилых, грязных, нас, впрочем, не выгнали. Живите, сказали, что с вами делать... и с таким видом, словно одолжение сделали. Все наши, правда, жить в них не стали, а разъехались по родственникам и друзьям, кроме Павла Яковлевича, старого конструктора, соседа моего. Застрелился старик — ему-то ехать некуда было, он этим заводом и ракетами жил. Не понял я его тогда... но ещё верил. Верил в то, что со временем одумаются наши правители, вернут всё на свои круги, не может быть такого, чтоб КБ нашей стране больше не пригодилось. Крепко я в это верил, но одной лишь верой дочку не прокормишь. Написал сестре письмо в Москву — мол, некуда деваться, да только у неё к тому времени уже муж был и дети... конечно, не могла она меня к себе заселить. Но пообещала разузнать, у мужа, мол, связи имеются, найдёт что-нибудь. И он нашёл.

Под Каширой колхоз бывший развалился, земли в аренду сдавались, как раз занимался он этими вопросами, искал фермеров. Приехал в Москву с дочкой, встретился с ним, и в этот же вечер отвёз он меня туда. Квартиру в хорошем, крепком доме дал, с кредитом помог, оформил аренду на землю. И места хорошие — лес, река, поля, правда, к тому времени уже заросшие, красота, природа. После бараков тех протухших и зим трескучих мне места те раем показались. И ударился бывший инженер в сельское хозяйство, рьяно, изо всех сил. С местными познакомился, взял на работу несколько мужиков непьющих, что называется, под честное слово, сеструхин муж с техникой, удобрениями помог. И — понеслась... пахал я с утра и до вечера, книги по птицеводству и разведению свиней штудировал, когда и мужики подсказывали, как и что, для меня же всё это поначалу непонятно было. Коровник отреставрировали совместными усилиями, хоть и в долги залезли. Но первый урожай сняли на «отдохнувшей» земле отличный просто, на славу картошка да капуста уродились, с хорошим наваром удалось реализовать — дефицит случился, и Москва до картохи тогда жадная была... а потом пошло и пошло... квартиру я выкупил в собственность. Власть с арендой поблажку сделали образцовому хозяйству, в газетах статью напечатали. Коров, свиней завели, опытный участок с клубникой, теплицы. Народ ко мне на работу пошёл, арендовали ещё несколько гектаров земли. Коптильню я построил, начали окорока да колбасы делать — очень хорошо их раскупали. Думал, вот оно, прекрасно как складывается, всё выходит правильно, работа мне эта нравилась. Не сказать, что в деньгах купались, этого не было — большую часть заработанного обратно на хозяйство тратили, на солярку, ремонт, ещё один свиноводник строился, мужикам тоже платил я за работу. Но и нищеты той, с пустыми макаронами, уже не было. Телевизор цветной, импортный, по тем временам роскошь, мебель чешская, дом отремонтированный, свой, и по кредитам выплачивал. Но тут начальство сменилось в колхозе, и...

Делиться надо. Сказали мне это просто, без обиняков, прямым текстом. Злость меня тогда взяла. За аренду плачу, никому, кроме банка, пока вроде не должен, да и с ним скоро рассчитаюсь. Мне и ответили, что, мол, когда поднимался ты, не трогали, а сейчас нужно уметь благодарным быть тем людям, на чьей земле работаешь. Не выдержал — послал я их... и начались проверки. То один инспектор приедет, то другой. Придирки по мелочам, даже подстраивали всякие пакости: в молоко навозу кто-то плюхнул и в санэпидемстанцию доложил — штраф. Жижесборник какая-то подкупленная мразь в реку спустила — опять штраф. И намёки — делись. Совсем работать стало невозможно. Попытался пожаловаться, даже в милицию заявления писал — эти только посмеивались. И вредили.

Сжав зубы от злости и бессилия, начал платить. Присосались, паразиты, крепко, а тут ещё местные братки пожаловали. И та же песня — деньги давай, а мы охранять будем. Честно признался — свободных денег уже нет. Всё на хозяйство, аренду и в карманы

местной чиновной братии разошлось, так что извините, ребята, ни копейки. Покивали, уехали, сказав: «Если чё — не обессудь».

И «если чё» случилось.

Горела моя ферма ярко, на километры было видать зарево. Горели трактора, уже свои, купленные, горели теплицы, пылал свинарник, жарко, в красном, дымном пламени исчезала пасека. Обрушилась копильня с немецким, ещё не выкупленным оборудованием, дымил недостроенный колбасный цех. И второй раз за свою жизнь стоял я и смотрел, как умирает ещё одно моё дело, как пытались тушить начавшийся в десятке мест пожар, хотя этим ничего уже нельзя было спасти.

В милиции для виду повозились немного и расследование закрыли.

Страховые выплаты оказались мизерными. Долг перед банком, уже не такой большой, как раньше, погасить не удалось. Описали имущество и из квартиры переселили меня с дочерью в полуподвальное помещение старого дома в Кашире. Начал грузчиком подрабатывать да по ночам склад охранять. Чёрт с ним, не сломало это меня. Выдержал и снова начал лучшей доли искать да ждать, что стране мои таланты пригодятся. Ничего... всё путём было бы. Если...

Захворала дочь. Бледная стала и только тогда призналась, что болит у неё в боку, когда в первый раз в обморок прямо на уроке упала. И врачи начали мяться и глаза прятать, называя диагноз и стоимость лечения. Аукнулся тот взрыв двигателя под Красноярском, через столько лет отравы дала о себе знать...

Вторую ночь плохо сплю. Не дело это. Завтра в обратный путь вездеход вести, и голова нужна свежая, внимание острое. А вот не могу. Перепсиховал я и на пропускнике, и после разговора с Хорём, и потому сна — ни в одном глазу. Ночевали мы в вездеходе, разве что Хорь не пожелал расставаться с барахлом и потому закрылся в бункере, начиная его уже потихоньку обживать. Чтобы не будить всех, я перебрался в грузовой отсек, зажёл лампу и начал разбирать-собирать «фенечку». Хороший ствол... разобрался я в его устройстве моментально, дали о себе знать навыки технаря, и теперь изучал инструкции по уходу, прилагавшиеся к ЗИПу модульной винтовки. Благо, там был текст на немецком языке, который я частично знал, и понятные иллюстрации. Не соврал Хорь — крепкая конструкция, выносливая, по всему видать, но даже за самым надёжным оружием в Зоне особенный, тщательный уход нужен. От пушки тут вся жизнь твоя зависит, не должна она подвести в решающий момент, и тот сталкер, который своё оружие запускает, не бережёт, совершенно точно не жилец. Почистил. Смазал. И теперь уже собрал намного быстрее, руки запомнили последовательность движений, «привыкали» к новому оружию. Потом просто открыл лючок и выбрался на крышу вездехода. Не особенно умное решение, конечно, но старый Кордон всегда был спокойным местом, а подышать ночной Зоной хотелось больше, чем пресным, отфильтрованным воздухом грузового отсека.

— Вы позволите?

Ну да. Манон. Разбудил я её, видимо, хотя и старался не особенно громко клацать деталями оружия.

— Только если вы будете рядом с люком, — кивнул я. — Ночь здесь относительно безопасна, но...

— Понимаю. Полагаю, завтра вы уже не вернётесь в научный городок?

— Почему вы так решили?

— Это несложно. Я обо всём догадалась, когда вы заговорили о традициях посиделок в Баре. И ящиков в вездеходе стало гораздо больше за то время, пока я распивала скверное варево в том самом заведении. Ваш Хорь абсолютно ничего не понимает ни в кофе, ни в конспирации. — Француженка негромко рассмеялась.

— Догадались вы правильно.

— Говорю же — ценю в людях честность настолько, что хорошо научилась видеть фальшь.

— А вы не опасаетесь, что я за такое знание...

— Нет, нисколько. Если бы вы хотели просто доставить уведённые из-под носа НИИ припасы, стали бы вы с нами церемониться — высадили бы сразу, а не возили по всем намеченным точкам. И, полагаю, не от хорошей жизни вы решились на этот... шаг. Вот, возьмите. С этой карточкой вы сможете пройти на нашу научную станцию — она скоро откроется. Мари Лёпен будет далеко не последним учёным в штате, и... нам будут нужны опытные лаборанты.

— Благодарю. — Я положил карту доступа в нагрудный карман. Вряд ли когда я дойду до западных границ Зоны, сомнительно, что возьмут «неблагонадёжного» сталкера, особенно после нашего с Хорём дельца. Но — научила жизнь не разбрасываться возможностями. Не утянет меня пластиковая карточка.

— Вы хороший человек, сталкер Фреон.

— Чем же? — усмехнулся я. Давненько не слышал я в свой адрес ничего подобного.

— Сложно сказать. Я это просто чувствую. Спокойной ночи.

Да уж... видно, не очень хорошо вы понимаете людей, Мари Лёпен. Сдаётся мне, Ересь куда лучше во мне разобрался.

— Закрывайте люк, Манон. По ночам в Зоне опасно.

Хорь не спал. Сидя на тюках, он копался в какой-то пыльной коробке, которая, судя по её состоянию, находилась в бункере задолго до того, как сюда были выгружены наши ящики.

— Что тут?

— А... местная библиотека. Сталкеры, по ходу, натаскали, чтоб не скучно было «глушняки» да Выбросы пережидать. Глянь, десятка три книжек... и газет старых подшивка. Советских ещё времен... «съезд КПСС», ага... пятилетки, колхозники. Восемьдесят второй... за четыре года, как впервые долбануло. Хм... идея ничего. Книжечки прочитанные можно скупать по дешёвке, а потом другим продавать. Навар невеликий, конечно, но то, что у меня есть лоток с печатной продукцией, — это не хухры-мухры. Как считаешь?

Я не ответил. Мне, в сущности, было всё равно, какие там идеи посещают Хоря. А вот в коробке немного покопался. Две стопки книг, обветшавших уже, попорченных сыростью, тлением, пожелтевшие, с налётом плесени. Ходят сталкеры по старым домам в поисках хабара, в подвалы заглядывают, в брошенные квартиры, особенно на «новых» территориях Зоны. И помимо артефактов прихватывают иногда прочие вещицы... Третья шарахнула внезапно, страшно, эвакуировали всех в спешке, да нет, вру я, далеко не всех... много народу так в домах и осталось, когда Зона в одну ночь разбежалась на десятки километров в разные стороны, и вместо тридцатикилометрового в диаметре пятнышка, почти совпадающего с бывшей «зоной отчуждения», стала здоровенным таким, неровным пятном. С севера на юг — считай, семьдесят километров, а с запада на восток — все сто двадцать в самой широкой части. И границы у неё теперь не такие, как раньше — гладкие и ровные, а с выступами, языками, словно брызгами от падения здоровенного шматка жидкой грязи. Много земли накрыло... да и «брызги», говорят, далёко разлетелись, только на Украине с десятков крошечных «зонок» нашли, из которых одна только чуть больше гектара, а остальные вообще в два прыжка перескочить можно. Однако хоть и мелкие они, но самые настоящие... даже аномалии имеются, маломощные, правда, но есть. Ну да не о них разговор... всё, что за Периметром, может быть, и любопытно, да только нам не полезно, и потому не интересовался я этим вопросом.

А вот домами, что на «новых» территориях оставались, интересовался. И не только в плане артефактов. В прошлом году нашёл в подвале одного из таких домиков два больших бронзовых подсвечника, а в другом — набор столового серебра, правда, немного фoniaщего. В результате патронами и тушёнкой обеспечил себя на полгода, и даже на новый комбез осталось. Ну и прихватывал, бывало, пару приглянувшихся книжек из шкафов — оно очень выручает, когда вынужден сталкер в схроне торчать по несколько суток или дожидаться дельного заказа. А книги из Зоны — они особенные. Да, обожжённые «кислотным туманом»

так, что страницы по краям крошатся. Да, потемневшие от близкого присутствия «жарки», сыростью испорченные. Бывает, что и счётчик немного пощёлкивает. Но читаются они интереснее, что ли, ещё одна, своя у них история получается помимо той, что на страницах напечатана...

Вот потому и копался я в коробке. Плохих книжек сталкеры обычно с собой не берут.

— Слушай, мысль такая, — Хорь улыбнулся, листая книгу, — а давай эту Нюхелю на блокпост передадим! Пускай к литературе приобщается.

И торговец протянул мне ветхий томик Хэмингуэя «Прощай, оружие!».

— Ну, ништяк. В самый раз. Завтра бойцов и попрошу вручить лично от Хоря и Фреона. Типа, прочитали, возвращаем.

— Ага, — гоготнул Хорь. — Это будет весело. Завтра, кстати, скажи тем, кто в танке, что это, сбежал я к сталкерам. Ты точно хочешь обратно их провести?

— Точно.

— Да, как хочешь... мне кажется, проще было бы их бросить тут. Водила маршрут помнит, не заплутает, а если и вляпаются куда, нам-то какая забота? Спасателей вызовут, не пропадут.

— Нехорошо это, Хорь. Нельзя так. Я как бы обещал.

— Давно ли таким добрым стал? — Бывший бармен удивлённо поднял брови. — Хотя это не моё дело, поступай как знаешь. Главное, потом сюда возвращаясь, с одним человечком познакомлю. Он тоже в деле, вместе пойдёте выходы шукать.

— Не понял...

— Да он надёжный, не бойсь. Опытный, связи и знакомства имеет. И... ну, я уже договорился.

— Ещё сюрпризы будут?

— Да не... это всё.

— В общем, если узнаю, что ещё какие-то договора имеются, о которых мне неизвестно, — я легонько прихватил Хоря за ворот, — то пеняй на себя. Не расплатишься, учти. А пока, в качестве профилактики будущих сюрпризов, бумажку свою достал и порвал.

— Какую?

— Ту самую, где за пушки и комбинезоны наши вычесь собрался. Считаю, этим бараклом ты с нами за доставку товара расплатился.

Хорь поджал губы, вздохнул.

— Ну, ты и барыга.

— Чья бы корова, как говорится.

Торговец неохотно выудил блокнот, вырвал листок и вручил его мне.

— И ещё, — добавил я. — Если появятся новые условия, участники и прочие неожиданности, сам будешь искать проходы за Периметр. Понятно выражаюсь?

— Понятней некуда. — Хорь погрузился.

— Ну, вот и славно.

В Чернобыль-7 меня, как и следовало ожидать, не пустили. Причём, похоже, дело было не в том, что мы с Хорём облегчили запасники Бара на две с лишним тонны разного ценного барахлашка. Полагаю, за это время наше дельце могло даже и не раскрыться — ну, закрыт Бар и закрыт на всякие замки, Хорь даже бумажку прилепил изнутри: «Инвентаризация». Никого этим не удивишь, вопросов в первые два-три дня не вызовешь. Просто я издали заметил несколько карточек-пропусков, валявшихся возле терминала, и понятно было, что сталкеры-лаборанты сегодня стали просто сталкерами. Кроме того, мой ПМК отрубили от сети ещё рано утром, хотя мини-компьютеры Семёна и Манон исправно принимали сигнал. Не отключился даже ПМК Хоря — он до сих пор числился работником НИИ, а значит, начальство института пока не в курсе, какую свинью подложил им бывший бармен.

— Семён, тормозни здесь. Мне выходить пора. — Ох, не хочу я близко подходить к «нейтралке».

— Ты чё, в город не поедешь?

— Да не... дела ещё. Вот, книжку держи. Я у Нюхеля её брал почитать, вернуть надо. — И я передал водителю «Прощай, оружие». — Книга и в самом деле хорошая. Спасибо ему передай.

— Удачи вам, сталкер. — Манон улыбнулась. — Но пасаран! Помните, мы вас ждём на нашей станции.

— Счастливо. — Не оборачиваясь, я быстро потопал за покосившиеся кирпичные стены, за рухнувшую «водонапорку», заросли кустов. Вряд ли начнут стрелять, но... чем чёрт не шутит. Может, военным снова премии за отстрел сталкеров назначили. На спокойный, привычно-неторопливый шаг я перешёл, когда стена Периметра осталась далеко позади, скрылась с глаз за редким, покорёженным Зоной лесом. Вот и всё. Вольный бродяга, как и раньше, без прав, без документов, не существующий ни в одной официальной бумаге, вырванный из социума, даже из того маленького кусочка цивилизации, что был в Чернобыле-7. Странно, но я не чувствовал досады на то, что весь мой труд на благо НИИ пошёл прахом. Плевать. Не придётся больше таскать «капли», договариваться в подворотнях с барыгами, возиться с отчётами, бумажками, оформлять в Баре найденные арты. Снова один, хотя бы на путь до старого Кордона, где оставил Философа.

До бункера добрался я под вечер. Вокруг бетонной надстройки уже были вырублены кусты, убраны наслоения прелой листвы, и прямо над тяжёлой, бронированной дверью было аккуратно выведено свежей краской: «БАР „Схрон“».

— О, здоров! Я думал, всё уже, поминай как звали. — Хорь вынес из бункера охапку тряпья вместе с гнилыми остатками стула. — Классное тут подземелье, только что замусоренное. Прикинь, там чуть дальше ещё восемь помещений, и уровнем ниже второй подвал есть. Здоровый, но сухой, чистый, там зал и сделаю, только освещение проведу. Походу, уровень ещё ниже есть, но туда дверь намертво заварена.

— Это ещё прошлый торговец в старые времена термитом заделал. Спокойно жить хочешь — оставь как есть, не ковырай. Да, и дренажку прочисти, а то если сильный дождь — подтапливает.

— Да, сделаем. Тут знакомые ребята, что схрон предоставили, обещались водоочистную систему поставить. Ну и вообще...

— Ага. За спасибо.

— Ну, договорились, что доходом буду делиться. И дорожку, ежели найдётся, они тоже использовать будут. Подвал-то их. Да ты не зарубайся. Сказал я, что получишь обещанное, значит, получишь. Главное, тропинку отыщи, а уж за нами не заржавеет.

— А если вдруг не найду?

— Хреново, если не найдёшь. — Хорь поскуchnел. — Придётся обмен через вояк налаживать. Оно, конечно, получится, но сколько придётся за это отпиливать, я думаю, ты догадываешься. И вещицы, которые правильным дядям нужны, так просто за Периметр уже не переправить. Это в большую монету всегда влетало, очень большую, а сейчас, с этими новыми порядками, будет вообще беда. Проще говоря, дяди задолбались делиться. Ты уж постарайся, сталкер.

— Это как получится. Раз договорились — я в деле, хотя ничего не обещаю.

— Понятно. Ну, давай в бар. Знакомиться будешь.

Ересь и тот самый сталкер, с которым предстояло познакомиться, сидели на продавленном диване в одной из комнат бункера. Перед ними прямо на полу лежал лист фанеры, и уже на нём две открытые банки с тушёнкой, порезанный батон и даже нашинкованная колбаса. Початая бутылка водки на импровизированном столе была уже не первой — рядом с фанериной лежали два пустых флакона «справжньої хутірської перцівки», а Ересь заметно окосел и клевал носом.

— Приветствую, брат! Подходи, присаживайся. А то, поди, организм радиации по дороге нацеплял, вот и выведем.

— Наукой доказано, что водка в этом плане не помогает.

— Это я в курсе... но какой классный повод был, а? Теперь придётся просто тупо бухать без причины. Я Фельдшер буду.

— Фреон.

— Зда-р-рова, Фреон! — И сталкер крепко пожал протянутую руку.

Вихрастый, с открытым, улыбчивым лицом, в глазах смешливый прищур, и не поймёшь — то ли молодой, то ли уже далеко за тридцатник. Светло-русая борода, заплетённая в короткую косичку, крупная серьга в левом ухе — нечасто среди сталкеров встретишь такие «девайсы», видок от них получается едва ли не разбойничий. Но улыбка при этом совсем не злая, взгляд прямой, честный, даже любопытный. Но, самое интересное, комбез особенный, каких я уже года два не видел: лёгкий, камуфляжной расцветки, и эмблема на рукаве — зелёная волчья голова с надписью «ВОЛЯ», а вокруг стилизованного щита мелкой вышивкой «Liberté, égalité, fraternité». Давно я «свободовцев» в Зоне не встречал, а если и заходил на Армейские склады, старался базу их обходить. Тёрки у них с «Долгом» были всегда нешуточные, а я на «Росток» заходил часто, как, впрочем, и все наши. Мало ли...

— Ооо... парень скис. Баиньки. — Фельдшер легко подхватил уснувшего Философа и оттащил на стопку матрасов у стены. — Ну, давай за то, чтоб печень зря не пропадала, раз уж с радиацией такой облом. Горилка зачётная, не левак.

— Давай. Отчего бы за удачу не хлопнуть. — И я уселся рядом, заранее подцепил кусочком хлеба золотистого желе из банки. Да... хорошо пошла. Вкусно, скажем так, сивухой совсем не отдаёт. Добрая водка, не соврал Фельдшер, хотя недурно было бы её немного охладить перед употреблением.

— Нормуль.

— А я что говорил! Теперь ещё по чуть, пока не остыло. — «Свободный» сноровисто разлил ещё по одной. — А потом уж посидим, обсудим дела насущные. Ты же в курсе новостей, да?

— Каких? — Вторая пошла ещё лучше. Давненько такой хорошей горилки не пробовал. Если из запасов Хоря, надо бы ему попенять за то, что торговал паленкой. — Вчера ПМК отрубился, и тишина.

— Военные расстреляли прямо с вышек большую группу сталкеров. Утром как раз. Шли ребята вдоль нейтралки, оно раньше безопаснее было. А по ним с пулемётов. Все там остались, говорят, восемь человек. Из научного городка большая часть сталкеров уйти успела, кто-то предупредил, ну а тех, кто остался, повязали или постреляли — замес, говорят, страшный в городе был. Четыре военные экспедиции в Зону вышли, две из них — к «Ростку». Ведут какие-то сталкеры, шкуры. Но ничего, далеко не проведут. Давай за упокой погибших бродяг, сталкер. А заодно отходную по тем уродам, что воякам продались. — И Фельдшер снова взялся за бутылку.

Выпили, не чокаясь, и «свободный» продолжил:

— Перемирие у нас с «Долгом» пока. Дружить — не дружим, но грызню приостановили. Уроды они, конечно, слов нет, я бы сам военных к «Ростку» провёл, чтоб они сохатых пошерстили за ребят наших, но не те времена, брат. На, держи... коды поставь на свою машинку, чтоб сигнал принимала. На «Ростке» станция работает, и наши тоже оборудование подключают. Без инфы в Зоне беда.

Пока я вводил десятизначные коды, Фельдшер задумчиво катал опустевшую бутылку по «столу», казалось, напрочь забыв о моём существовании. Но потом словно очнулся и, улыбнувшись, хлопнул в ладоши.

— Эх, жизнь идёт дальше. В общем, наслышаны в «Свободе» о тебе, мужик. Вроде как ты неплохо в подземельях шарить, вот и попросили Хоря с тобой перетереть. Видишь ли, и так в последнее время «Свободе» нелегко живётся, а тут ещё и кислород нам перекрывают — старые каналы йок, денежка тоже йок, совсем плохо, однако. Глупые дядьки наверху большую бяку сделали всем и сразу, а пока поймут, если, конечно, поймут все местные нюансы, то уже поздно будет. Если не от пули армейской, так от голодухи вымрем.

— Ломать — не строить, — вспомнил я высказывание академика Яковлева.

— Точно, — кивнул Фельдшер.

Что за каналы — понятно. Все группировки в Зоне кем-то, да спонсировались. «Долг», например, почти не скрывал дружбы с военными и открыто сотрудничал с российско-украинскими вооружёнными силами, дислоцированными вдоль Периметра и на нескольких «внутренних опорных точках». Случалось, вместе вояки и «долговцы» «Монолит» шерстили, вместе и от мутантов отбивались, совместно в Зону ходили. И за всё это «Долгу» от новых штабников почётное звание присвоено: «незаконное вооружённое бандформирование». Так сказать, в благодарность. Хорошо помню лицо Седого в тот момент: сначала непомерное удивление, потом секундная растерянность, и вдруг заиграли у главного «долгана» желваки на скулах, сжались кулаки. Ох, не скоро военным удастся после такого фортеля доверие «долговцев» заслужить. Но и у чёрно-красных дела тоже скоро будут швах. Запасы у «Долга» есть пока, продержатся какое-то время. А дальше? У них же всё снабжение через военных и учёных шло...

— Слушай, а на «Ростке» «Позитрон-2», станция немаленькая, соответственно, «ботаников» море, лаборатории у них там полевые. Что с ними, не в курсе?

— Яковлев ещё держится, — сказал Фельдшер. — Сковырнуть такую фигуру не выйдет. Сам он упёрся, и нипочём с «Ростка» уходить не желает. «Ботаники» дружно подписали отказ эвакуироваться.

Ясно. Интересно, надолго ли хватит учёных. Снабжение у них тоже встанет — отговорка найдётся, мол, невозможно ни наземной технике, ни вертолётам добраться. Ещё чуть — и плакал «Долг». А также «Свобода» и мы за компанию. То-то «фримены» зашевелились, начали искать проводников. Знал бы, что с кем-то, кроме отмычки, по Зоне ходить придётся, послал бы я Хоря в глубокую аномалию.

— Тебе должны были сказать, что Фреон не любит попутчиков. — Я посмотрел в глаза Фельдшеру. — Особенно в Зоне.

— Говорили. Но дополнительный ствол и ещё одна пара глаз в таком деле лишними точно не будут. Не бойсь, обузой не стану. И ежели попутчиков не любишь, то Философ каким боком с тобой ходит?

Сказать ему или нет, что этот субъект — не совсем попутчик, а «страховка» на случай ненайденной аномалии? Или не нужно пока? Фельдшер этот вроде идеалист со взором горящим, не поймёт... а отношения портить перед ходкой не очень хочется — как бы не спелся он с Ересью, и тогда вполне может нарисоваться нехорошая перспектива для сталкера Фреона.

— А... отдельная история. Его, кстати, Ересь зовут. А всё-таки почему со мной идёшь?

— Ладно. — Фельдшер подтянул к себе рюкзак и вытащил оттуда небольшой металлический кейс. — Нужно мне за Периметр это вынести.

— Что там?

— Всё, что успели в Зоне насобирать. Сканы документов, фото, видео, обращения, статистика. Смерти. Короче, подробный срез всего, что тут творится. Несколько съёмных хард-драйвов в защитной упаковке.

— И зачем?

— В связи с новыми порядками потребовалось нашим... партнёрам. Ты же знаешь, мы информацию всегда очень тщательно собирали. Компромат на местных начальников копили, кино снимали, фотографировали, интересные бумажки временами тырили. Знаешь, всё равно бы сделали так, чтоб тайное явным стало, а уж по чьей милости информация всплывёт, не суть важно. Видишь ли... если проход найдём, треба ведь сделать так, чтоб как можно дольше этот самый выход не был найден всеми прочими заинтересованными пиплами. Вот и надо, брат, важнецкого козыря нашим союзникам вручить, на всякий пожарный случай. Ну, это мне по крайней мере так наше начальство объяснило. А там видно будет, для чего и почему. «Свобода» попросила — значит надо.

Но что-то погрузнел Фельдшер. Плечи опустил, снова начал катать пустую бутылку.

— Не нравится мне это всё, Фреон. Как по мне, давно бы эту инфу всем... знаешь, абсолютно всем людям показать и рассказать, что здесь на самом деле творится. Ведь врут, дико врут про Зону там, на Большой земле. Ни одной правдивой бумажки за Периметр не уходит, ежу понятно, и никто не знает, сколько здесь народу мрёт. Молчат, гады, или брешут по-чёрному. А это... неправильно. Ведь если бы по-честному, стал бы ты, Фреон, по подвалам ныкать и на птичьих правах существовать, если бы знало человечество про Зону? Ну, то есть всё знало? Нет, брат... был бы ты тогда большим белым человеком, героем, несущим свет в этот мир, прогресс бы двигал. Уважение, деньги, достойная жизнь, а если повезёт, то и старость. А не как сейчас — всякую мразь кормим, что на смертях сталкеров жиреет год от года, и подышаем безвестно в грязных канавах. А на этого глянь... Ересь. Знаешь, сколько таких желторотых враньём про Зону соблазнили? Сколько их тут по кустам осталось? Знали бы правду, то разве сунулись бы?

— Правду? Хм... ты всё справедливость хочешь найти, фримен? Чтоб по-честному? Э нет... не так мир устроен, пора бы уже понять, не сопляк, поди. Думаешь, если б узнали правду, всё так вот взяло бы, да и поменялось? Хех... не в правду человек верит, а в сытое брюхо и тёплый угол, да чтоб работать поменьше и послаще жрать. До фонаря им вся твоя истина, я тебе точно говорю, чихать им и на Зону, и на людей, что здесь живут. Ну, пошумят чуть, газетчики подзаработают, может, даже митинг где-нибудь в Европах состоится — людям, в сущности, иногда нужно немного покричать и ногами потопать для самоутверждения. На большее не рассчитывай.

— Хорошего ты мнения о людях, — удивлённо присвистнул Фельдшер.

— Поводов пока не было, чтоб его поменять, — огрызнулся я. — Ты вроде по делу хотел поговорить?

— Лады. Ну, по делу, так по делу. Вот, короче, что мы имеем...

Остатки трапезы были сдвинуты с фанерины, и на неё легла карта Зоны с «новыми» территориями. Глаз привычно отметил Янтарь, Склады, Тёмную долину, странные пометки в «новых» районах, и хоть и видел я такие карты не раз, не переставал поражаться, какой громадной стала нынешняя Зона по сравнению с той, старой.

— В общем, начать, наверно, лучше с Агропрома-2. Там к западу от бывшего НИИ продолжается подземная транспортная ветка... никто далеко не заходил, но здесь и здесь есть хреновины, напоминающие надстройки вентиляционных шахт...

— Забудь. Там всё затоплено.

— Бывал?

— Бывал...

В тоннеле было шумно от непрерывно сыплющихся с потолка капель. Удары множества водяных шариков о бетонные плиты подземной дороги создавали непрерывное, многоголосое эхо, к которому я, правда, уже привык и почти не замечал, вылавливая в этом звонком шуме иные звуки. Потому и запеленговал тихие, шлёпающие шаги и успел выстрелить на звук прежде, чем луч фонаря выхватил бледного, почти полупрозрачного уродца.

Нечто перламутрово-белёсое, студенистое, похожее на помесь обезьяны с жабой, открывало беззубую пасть и тянуло ко мне тонкие суставчатые лапки. Из простреленного горба, заменявшего мутанту спину, на размокший бетон выливалась маслянистая зеленоватая жидкость, под кожей сросшихся век шевелились незрячие глаза. Тварь перевернулась на живот и издала звук, похожий на громкую отрыжку, и дальше по коридору низко заурчало, хрюкнуло, и частые шлепки слизистых лапок стихли в одном из узких боковых ответвлений. Этот уродец, да ещё, пожалуй, нечто грязно-белого цвета с непомерно раздутой, словно пузырь, мягкой головой были единственными тварями, встретившимися в этом нескончаемом туннеле, да местами лежали промеж горок прочего хлама аккуратные кучки тонких, словно прутья, ломких костей. Бестолковое подземелье... можно было бы и не ходить. Не то что артефактов, но даже ничего похожего на

аномалию не нашлось, хотя последнее обстоятельство скорее радовало, чем огорчало. А так... мокрый бетон всех оттенков серого, весь в пятнах, наплывах, а сверху известковые сосульки на сводчатом потолке. Мелкое стекло от давно упавших на пол ламп дневного света хрустит под ботинком, лужи кругом, рыжая от ржавчины арматура, куски проводов в гнилой изоляции, обросшие плесенью шкафы из ДСП в боковых закутках. И холодно, кстати, ощущение такое, что до самых костей отсырел. Звук капель неуловимо изменился только под вечер, когда уже отмахал под землёй километра четыре, не меньше, а сам туннель заметно пошёл вниз, и оттого, наверное, отдельные лужи, встречавшиеся по пути, стали одной, но большой, от стенки до стенки. И дальше, насколько хватило света мощного фонаря, лужа не кончалась, за-то опускался потолок. Можно было бы пройти, чтоб удостовериться, что туннель действительно затоплен, но там, на самом краю освещенного пространства, стояли люди. По крайней мере мне так показалось вначале... десяток белых, морщинистых тел по пояс в воде, и оловянно блестят в свете фонаря пустые глаза. Неподвижно стоят, даже не шелохнутся, только быстро зевают черными ртами, словно рыбы, выброшенные на берег. Дальше я не пошёл, естественно, а сразу развернулся и обратно, к свету, держа наготове автомат и постоянно оглядываясь. Никто за мной не погнался тогда, не преследовал... но с тех пор по этой секретной транспортной ветке я не ходил, хотя заказы и случались пошукать там потерянный транспорт с боеприпасами.

* * *

— Там затопило всё, — добавил я. — И... недоброе место. Не пройдем.

— Ну, ты даёшь, мэ. Недоброе место, скажешь тоже... как будто в Зоне они для человека ласковыми бывают. Тогда что на Янтаре?

— Можно посмотреть. Но видишь, там вряд ли будут выходы в тоннели. Комплекс глубокий, но в целом... компактный, что ли, не находил я ничего такого, чтоб на пути сообщения указывало. Да даже если и есть, караванам далековато придётся ходить. Секретная лаборатория здоровая, это да, но... мне кажется, время потеряем.

— О'кей, как скажешь. Вычёркиваем. Глянь здесь ещё, к западу от Болот. Наши ходили, говорят, бункеры есть и вниз лестницы, но... сам понимаешь, спускаться стрёмно им было, так, на карте отметили — и домой.

— Посмотрим. Там может быть ветка от Городища до бывшего вахтового посёлка, что на «новых» территориях, и дальше на Большую землю где-нибудь в районе Петровского. Но это только предположения. Проверить надо.

— Решено. Завтра туда и намылимся. — Фельдшер сложил карту, зевнул и завалился на диван. Засопел он практически сразу. Немного завидую людям, способным вот так засыпать.

— Слухай, давай чутка тормознём, — негромко попросил Фельдшер, и я обернулся.

— Чего, притомился?

— Да не я. Вон, Философ прихрамывает. Надо бы привал устроить.

Я осмотрелся. Место для остановки было не очень подходящим: широкая, хорошо просматриваемая луговина с пластами слежавшейся, буроватой осоки, редкие ольховые гнилушки серыми столбами... и под ногами чавкает мутная влага. Западный край Болот... дальше будет ещё веселее. Хорошо, что ботинки «Кольчуги» непромокаемые. Был бы в старом комбинезоне, то воды в обувь уже набрал бы по литру.

— Садись, чудик. — Фельдшер выбрал кочку посуше. — Снимай боты. Твою налево... слушай, Фреон, ты где эту... Ересь откопал?

Вот уж не думал я, не гадал, что портянки Философ вязать не умеет. Носки-то свои он уже все издырявил, ни одной пары не нашлось, вот и выдал я ему вчера две новенькие портянки, вырезанные из мягких, но прочных подкладок «Покровов». На другое эти

костюмы не годились, а так как Хорь их забирать из Бара не стал, то я обеспечил себя хорошим материалом на год вперед. Но представить, что мой «напарничек» такое у себя на ногах накрутит, я не мог. Куски ткани на ступнях были просто завязаны узлами, и естественно, кожа на пятках была стёрта до крови. Всё, приехали.

Фельдшер сноровисто достал походную аптечку и на удивление профессионально начал обрабатывать потёртости. Пинцет взял, кусок ваты в какой-то буроватой жидкости обмакнул, после чего быстро и аккуратно почистил ранки. Ересь зашипел, дернул ногой, но «свободовец» держал крепко.

— Тихо, не рыпайся... сейчас повязку наложу...

— Слышь, ты прямо настоящий доктор. — Я смотрел, как ловко ложатся витки бинта. — Где так настропалился?

— А тебе имя ни о чём не говорит? — Фельдшер усмехнулся. — Ни разу и не спросил за всё время. Разговорчивый ты мужик, это я заметил... а настропалился в медакадемии. Я же по профессии хирург. Причём с небольшим стажем, ага. Ты сам-то кто?

— Инженер-конструктор.

— Ну на фиг? Так мы с тобой, получается, интеллигенция, блин?

— А то, блин! Интеллигенты и есть, а хрен ли? — улыбнувшись, кивнул я.

И Фельдшер весело, заразительно рассмеялся, не прекращая, впрочем, оказывать первую помощь.

— Я, честно говоря, решил, что ты вообще улыбаться не умеешь. Я уж про себя «несмеяной» прозвал, думал, тоскливый тип. Но теперь вижу, мужик ты, в общем, ништяковый, хотя и замкнутый.

— Спасибо за характеристику. — Надо же, разговор пустячный был по поводу профессий, считай что трёп, а вечные тучки в душе чуток разошлись. Нет, спасибо нужно будет сказать Хорю за попутчика. Понятно, что «Свободе» очень интересно будет, занимается ли их проблемой сталкер Фреон, или всё же решил-таки кинуть Хоря, получив задаток в виде пупки и комбинезонов. Не просто кейс за Периметр Фельдшеру вынести надо, а ещё и проследить за соблюдением «договора». Я это знаю, «фримен» это тоже знает, но об этом не говорим — зачем? Отношения портить в команде? Конечно, это обстоятельство раньше меня не сильно воодушевляло. А вот теперь даже рад, что Фельдшер с нами идёт. Тем более что кинуть торгаша никогда не поздно, если вдруг ходка невыгодной станет, и «свободный» в этом деле вряд ли мне сможет помешать.

— Да не за что. Обращайтесь. А ты, Философ, кем был в прошлой жизни?

— Автослесарь. Как раз отучился и корку получил... ну, сразу перед тем, как в Зону свалил.

— Значит, технарь? Это хорошо. — Фельдшер закончил перевязку, располосовал отрезок бинта и завязал концы аккуратным узелком. — Эх, жаль, нет у меня сейчас «куска мяса», если приложить, то за день заживёт. Знал бы, что экспедишн намечается, то не продал бы. А... если бы да кабы, да во рту росли грибы, я бы мультики смотрел... — вздохнул «свободовец». — Вечером ещё перевязку сделаем. А ты вообще как, со стволами дружишь? Ну, там, ремонт, если что, сделаешь? А то наш технарь, Зона ему пухом, помер недавно, но мастерская осталась.

— Да не... я в обычной технике мало соображаю. Просидел просто так, чтоб корка была, а там всех держали, особо не гоняли. Сидишь если тихо, то свой трояк получишь. — Ересь поморщился, надевая ботинок. — Кому оно сейчас надо, в железяках этих ковыряться? Гроши...

— Тьфу на тебя тогда. — Фельдшер махнул рукой, вздохнул. — Вот так, до зарезу мастер нужен, а где его теперь найдёшь?.. Может, ты, Фреон? Тоже вроде технической специальности.

— Нет, я по ракетам спец, вам оно не надо. Но с оружием дружу и, если мастерская хорошая, отремонтировать смогу. Мы часто сами разные детали собирали-вытачивали, практика есть.

— Конечно, к нам не пойдёшь?

— Конечно, — кивнул я.

— Почему?

— Не хочу. Просто не хочу.

Фельдшер подождал подробностей и, не дождавшись, пожал плечами.

— Ну, хозяин — барин.

Где-то вдалеке, в восточных трясиных, тяжело бухнуло, загрохотало, и на фоне серого облачного горизонта поднялся хорошо заметный клуб пара. Как бы Выброс не грянул... глубинные «жарки» обычно и активируются перед этой пакостью.

— Давайте в темпе вальса, мужики. Рассиживаться некогда. Ты как, топтать сможешь? — спросил я Ересь, и тот осклабился.

— А если не смогу, пристрелишь?

— Без проблем, — кивнул я вполне серьёзно. — Или просто брошу здесь. Достал ты уже меня конкретно своими закидонами. Цепляй рюкзак, пошли.

Пускать Философа вперёд здесь не следовало. Трава высокая, кочкарник, и здесь уже в отличие от того же Кордона встречались настоящие, первосортные подлянки. Например, «смерть-круги», которые только на Болотах и были. Вон, слева два остались, по правую руку ещё три видны... просто едва заметные пятна на траве. Везде буровато-рыжее с редкими зелёными прожилками, а пятно это просто жёлтое, мёртвое совсем, ни травинки зелёной. Бывает, и крысы дохлые внутри лежат, мухи, а то и целый слепой пёс — разлагаются медленно, месяцами. Приборы не засекают аномалию, и не видна она никак вообще, если на бетоне или асфальте разлеглась, и на болты тоже не реагирует. Только вот так, косвенно, и определишь по траве да кустам... потому и вёл я группу не по дороге сухой и на вид чистой, а по болотине рядом с обочиной. Я впереди, Ересь за мной, Фельдшер замыкает. Надо бы, конечно, Философа вперед пустить на тот случай, ежели «круг» проморгаю, но... перед Фельдшером как-то неудобно. «Свободные», слышал я, практику использования отмычек не одобряют. Поведать ему, что ли, историю обретения Ереси? Или ну его, лишний раз про «долговские» аукционы напоминать...

А места чем дальше, тем гнилее. Под ботинком уже не чавкало изредка, а бурлило при каждом шаге, не осталось даже гнилушек, только бесконечный больной ивняк прозрачными кустиками, да желтоватый туман с резким, неприятным запахом. Пару раз встречались трухлявые столбы с висящими до земли обрывками проводов, и поваленный, насквозь проржавевший трансформатор. А ведь по этим местам Хип своего мужика к Доктору на себе тащила... факт, по этим. И как только справилась, девушка-то она была не сказать чтоб атлетическая, скорее даже наоборот, тоненькая. Понятно, что Лунь к тому времени уже на скелет был похож, но... всё равно тяжело для девки. Сионист нашёл её уже тут, на Болотах, говорил, волокушу сделала Хип и тащила. Сколько километров от бывшего Бара прошла вот так... из больницы-то институтской вышвырнули тогда сталкера, сказали, не жилец, пускай помирает, но только чтоб не у нас. Главврач там редкой гнидой был, к бумажкам прицепился и ни уговоров, ни просьб самого Зотова слушать не стал — долой, и всё тут. Да и «ботаникам» сталкер, Зоной битый, тоже, в сущности, ни к чему — отработанный материал, смертник, никто. Хип в Бар прибежала в слезах, мужики, мол, помогите до Болотного Доктора дотащить. И — тишина. Все жрут, пьют, Саранча вообще сказал: «Забей, девка, не жилец он», и кто-то спросил, мол, сколько заплатишь. А с деньгами, как Лунь слёг, тяжело у них было, всё ушло на оплату лепилам, которые спасти — не спасли, и не особенно, кстати, старались, зато купюры с Хип стригли исправно. Главврач, именно тогда и приказал выбросить сталкера, когда у девушки деньги закончились. Призналась она, что с финансами голяк, и... опять все жрать и пить начали, и ноль внимания. Посмотрела она так на нас на всех, процедила «суки» и ушла. Не было в Баре людей в то время. Барин в разъездах был, Лихо в дальней ходке, Сионист только назавтра должен был вернуться. И интересно мне до сих пор, заметила она меня, возле дальнего столика стоящего, или нет? Хочется думать, что нет, потом-то они со мной нормально общались. А на следующий день Сионист из Зоны

вернулся, и поведал я ему про эти дела. Посмотрел он на меня так внимательно и минут через десять ушёл, даже хабар Барину не сдал. Рассказывал потом, что от Периметра успела Хип за сутки оттащить Луня на четыре километра в Болота. Говорил, что оба лежали в грязи, Лунь на волокуше из ивняка, кончался уже, считай, а она рядом, обнимала его, и тоже уже никакая, кровь из носа лилась. Ладно, у Сиониста «глаз» с собой был, кровь унял он ей, чуть силы «каменным сердцем» восстановил, и вдвоём они уже оставшиеся десять километров до Болотного Доктора осилили. Послушал я, что Сионист рассказал, и какое-то беспокойство в душе поселилось. В Зоне всякое случается, разных чудес я тут насмотрелся, но чтоб вот такое... не верилось мне. Неужели потащила? Причём понятно любому, что эта её затея совершенно точно безнадёжной была, самоубийственной, четырнадцать с лишним километров по самым жутким местам взрослого мужика волоком переть, считай, на себе. Неужели... решилась? Ведь бредом собачьим я всё это раньше считал, верность, сказочки про любовь и прочую чушь. Думал я, уверен был крепко, что бабы — все как есть продажные твари, вертихвостки, что им верить нельзя, и тут... в общем, поселилось во мне сомнение. Стал я присматриваться к этим двоим. И... сомнение это со временем горьким, невыносимым стыдом стало. До сих пор слышу, как Хип цедит сквозь зубы то самое короткое, шипящее слово: «Суки». Не забуду, факт. Потому что она это мне сказала, мне одному, хотя даже и не заметила в затемнённом уголке Бара.

— Ты чего плечи опустил, сталкер? — негромко спросил Фельдшер.

— Да так. — Ишь ты, беспокоится. Но это он зря — как бы я ни задумывался, а Зону всё равно сканирую, это уже на автомате, с инстинктами въелось. — Вон железяка валяется, видишь? Приметное местечко... значит, скоро будем под крышей.

От поваленного трансформатора до бывшей метеостанции километра полтора по такому вот кисляку топать. К ночи успеем, а там и переночуем в одном из домов-вагончиков. Сохранились они хорошо, достаточно крепкие, и, если по очереди, спать можно. Главное, чтоб Выброса в эту ночь не случилось... эх, отрубили наши ПМК от институтских серверов, а «свободовским» спецам я пока не доверял. Опять наудачу прёшь по Зоне, сталкер. Сколько раз говорил себе не надеяться на «авось»...

— Слышь, Фельдшер... тут такое дело. Видишь трясины справа? Короче, если что, сразу не стреляй. На этих местах мерещится... заметишь что странное, головой мотни резко или глаза на секунду закрой, оно и пропадёт.

— А если не пропадёт?

— Не пропадёт — тогда стреляй. Значит, не кажется.

— Ясно...

— А меня уже здесь типа нет? — буркнул Ересь.

— А к тебе типа лишний раз обращаться не хочется. Ты у нас вежливый, как я заметил.

Тонкий, жалобный плач... тень в тумане, похожая на человека, прямо сквозь кусты... ни треска, ни шороха, только тихонько так запищало в ушах. Начинается...

«Здорова, Фреон! — голос Барина, умершего больше года назад, да так натурально, так похоже, словно стоит он вон за тем покосившимся столбом, прячется в волнах тумана. — Иди сюда, чего стоишь? Иди!» И хоть понимаю я, что это глюк, что это просто память моя в этом месте чудит, а всё равно жутко делается. А слева словно набросили на серую хмарь повешенного на парашютной стропе Бивня, и вижу я боковым зрением, как дёргаются его ноги. Моргнуть, резко крутануть головой... пропало...

— Ох ты ж... блин... — выдохнул Фельдшер. — Это от испарений глючит?

— Нет... какое-то пси-поле после Третьей осталось. Здесь, на Болотах, таких мест хватает.

Ересь вдруг тоненько завыл.

— Там... там Хип стоит. Рукой машет...

— Глаза закрой, пройдёт...

— Да нет же, вон она. — Ересь упорно показывал в пустой прогал между кустами. — Ё... ох...

— Не смотри туда, дурак, сказали же. — Фельдшер несильно ткнул костяшками пальцев в затылок Философа.

Ересь отвернулся, рассеянно посмотрел на меня, его зрачки расширились, рот открылся, и он, дико взвизгнув, ломанул в сторону от тропы. Прямо в один из «смерть-кругов».

— Стой, придурок! — Я в несколько прыжков нагнал Философа, ухватил за шиворот и сильным рывком швырнул на землю, в холодную болотную жижу. Ещё бы три шага и... так, мол, и так, товарищи «долговцы», нет больше вашего «оправданного».

— Т-та-та-ам м... э... ты-ыыы а-аа эта... мма-ать... ах... — Ересь рванулся, вылупившись на меня диким, совершенно безумным взглядом.

— Обожди... щас... — К нам подбежал Фельдшер, и, оттеснив меня, вплепил Философу хлесткую пощечину. — Успокойся! Всё! Успокойся, я сказал!

Это подействовало. Ересь съежился, потёр покрасневшую щеку, и взгляд его стал немного более осмысленным.

— Сказали тебе — это глюки, понял! Чё увидел — отвернись... ух, ё... ну и напарник у тебя, вообще финиш. И, кстати, ты откуда Хип знаешь, чудик?

— Долгая история, — ответил я вместо Ереси. — На привале расскажу, а пока идти надо.

Метеостанция выплыла из тумана почти одновременно с тем, как затих тонкий писк в ушах и прекратились галлюцинации. Относительно чистое тут место, безопасное и Зоной не слишком порченное — с зелёных вагончиков станции даже не облезла краска, разве что потемнел крытый шифером сарай, и стала рыжей от ржавчины сетка на заборе.

Внутри крайнего вагончика было темно и прохладно. Сталкеры, временами заглядывавшие в это укрытие, соорудили из разного хлама подобие лежанок, посреди «помещения» стоял большой пень со столешницей, примотанной проволокой.

— Я по этим местам и не ходил раньше. — Рослый Фельдшер пригнулся, входя в овальный дверной — Глянь-ка, целая хаза... даже кровати имеются.

— Покойного Малика схрон. — Я уселся на крайнюю лежанку, подтащил рюкзак. — Он по этим турлам любил лазить, считай, жил в этом вагоне, а потом просто не вернулся с Болот. Где и как сгинул — никто не в курсе.

— Может, и не сгинул. — Фельдшер сел рядом, выложил на «стол» две банки тушёнки. — Мог и упорхнуть из Зоны. Знаешь, оно не всем по душе подолгу здесь жить. Некоторые уходят.

— Ага. На тот свет... к Периметру просто так не выйдешь, не говоря уже о том, чтоб перелезть. За полкилометра будешь гарантированный труп, причём в кусковом исполнении. Сам знаешь, какая там стена и пушки.

— Ну, стенка, положим, такая не везде, только возле крупных объектов вроде Чернобыля-7. А на других местах...

— А на других — восемь спиралей «гюрзы» на двухметровой стене, внизу «путанка» и сенсорные мины, а через пятьсот метров вышки с боевыми модулями. Хана со знаком качества...

— Да я не про то... может, он под землёй за Периметр утёк?

— Может быть...

Услышав мой ответ, Фельдшер вытащил карту и, подсвечивая диодным фонариком, начал изучать участки Болота вокруг отметки с надписью «какие-то стрёмные бункеры», мурча под нос: «Очень... очень даже... очень даже может быть, да-да-да...»

— Эй, Философ... ты каким боком Хип знаешь? — «Фримен» кивнул, сложил карту и сунул её в непромокаемый чехол. — Я с тобой говорю. Уснул? А... да ты, брат, никакой.

Ересь и в самом деле был «никакой». Он сидел в углу, подтянув колени к подбородку, и временами сильно вздрагивал всем телом.

— Хорошо, что я запасливый... — Фельдшер извлёк из рюкзака ещё одну аптечку лимонно-жёлтого цвета и выковырнул оттуда шприц-тюбик. — «Седатин-5». Мощная синь

для таких вот случаев. «Ботаники» не зря в свои аптеки эту штуку кладут... иначе бы крышами повреждались не в пример чаще.

Философ даже не дёрнулся от укола, но через несколько секунд осоловел, успокоился и широко, с подвыванием, зевнул.

— Откуда с Хип знаком? — повторил свой вопрос Фельдшер.

— Она классная... реальная, — лениво пробормотал Ересь. — Это... с Лунём ходила, да... меня подобрали и за Периметр хотели отправить... хм...

— Потому я его и взял с собой. Должок у меня был перед Лунём, — сказал я. — И выплатить не вышло... думал, хоть так, этого дурака от расстрела выручу.

— Сам дурак, — сонно вякнул Ересь, ухмыльнулся почему-то и начал сосредоточенно разглядывать сгибы пальцев.

— Да. Долги — дело святое. Но не в том смысле, что «долговцы», — кивнул Фельдшер.

Расспрашивать подробнее не стал, и на том спасибо. В Зоне есть такое негласное правило — если выручил кого, помог, то негласно тот человек становится тебе должен... не в том смысле, что заплатить там, отдать хабаром или ещё что. Просто надо помочь в ответ. Тоже выручить. А если вдруг не вернулся к костру тот, кому ты «должен», помоги его другу, нет друзей — знакомому, а если не знаешь таких — просто встречному, буде приключится с ним беда. Не забыть только прошептать тихонько про себя — «выплатил». Такие вот долги никто и никогда не спросит, в укор не поставит, но... поверье ходит среди бродяг, что Зона, которая свидетелем была, потребует со сталкера его должок. Глупости, конечно, но... соблюдали этот закон почти все, кто относил себя к честным бродягам, одиночкам. И я не исключение. Но тоже — почти...

Помогли мне Лунь и Хип? Помогли. Ещё как помогли. Должен я им крепко. Так, может, уже выплатил тем, что Ересь из-под пули выдернул и недавно к аномалии не пустил? Но ведь ходит он с тобой как отмычка... и не зря, наверно, Хип ему привиделась на болоте, рукой помахала? Может, не случайно это... а потом, кстати, глянул Ересь на меня — и заорал. Что же он увидел?..

— Слышь, Ересь... гм... Философ. Ты чего так шуганулся по дороге?

— Не надо бы сейчас, — поморщился Фельдшер.

— А, это. — Философ спокойно, как-то замедленно пожал плечами. — Было... в интернате. Ещё шкетом совсем я был, мы с пацанами в мае как-то с уроков утекли. Пруд у нас был старинный в парке, идти минут десять. Ну и мы бегали туда часто, купались, с тарзанки прыгали... я и прыгнул... а там глубоко так ныряешь, если с высоты, бывает, что до дна достаёшь.

Ересь замолчал. Потом замер, вздохнул и продолжил, но уже тише:

— Бухнулся я в воду... солдатиком... холодная ещё, зараза, была. Ну и нырнул до дна... у нас с пацанами игра такая была — кто со дна камешков наберет, тот, типа, крут, самый офигенский ныряльщик. А я вместо песка во что-то такое скользкое рукой попал, мягкое, как сейчас помню, глаза под водой открыл, да много ли там увидишь... поднялся наверх, воздухом дыхнуть, плаваю и не понимаю, чё там такое было. Тут он и всплыл, прямо перед лицом... этот... раздутый весь, глаза, считай, по кулаку... морда во... чёрный... и вонища. Милиция потом его верёвкой из пруда вытаскивала, а я с тех пор не купаюсь.

— Хренасе, — хмыкнул Фельдшер. — Клевое у тебя было детство, вопросов нет.

— Ну а там, на болоте... в общем, был ты тем самым утопленником. Только что в комбезе и с рюкзаком.

— Бреешь! — Холодок пробежался по спине. Ух ты, чёрт...

— Как хошь... — Ересь пожал плечами. — Это ж, по ходу, просто глюки были...

«Напарник» снова зевнул, издав длинный скулёж, хлопнулся на ворох тряпья и сразу заснул.

— Эх, сказал бы я Луню пару ласковых за Хип, — грустно вздохнул Фельдшер. — Я-то его самого лично не знаю, а вот девчонка из наших была, из «Свободы». Жаль её... весёлая

такая, симпатичная, ну да жизни ей, конечно, у нас не было. Сам понимаешь, народ всё больше мужики, а в Зоне баба большая редкость. Она-то ни с кем не мучила, защитить некому, а ретивое у многих играло... достали её, в общем, всеми этими намёками да приставаниями. И как-то не уследили... Кантарь, снабженец наш, вечером пришёл с окровавленной мордой, ругался, орал на всю базу, что, мол, убьёт, только найдёт... пока разобрались что к чему, упорхнула Хип... но Кантарю перед тем по морде и бубенцам так крепко настучала, что тот неделю ходил враскоряку. По пьяни он к ней полез, придурок, ну и получил от девки по всем статьям. Не успели мы остановить её, искали, да разве в Зоне найдёшь кого? Уже чуть ли не поминки устраивать собрались, но потом, правда, на ПМК новости пришли, что она с каким-то крутым одиночкой ходит и в «Свободу» возвращаться не планирует. Знаешь, а с Хип на базе веселей было. Как-то светлее, что ли. Кантарь, скотина... если бы не он, может, до сих пор девка живая была.

— А где он теперь? — интересно мне вдруг стало. Может, и доведётся когда встретиться. Случаются иногда в Зоне узкие тропинки, не разойдёшься...

— Ну, этого не знаю. Тип он гнилой оказался, косяков много нацеплял, наш главный и выпер его из «Свободы». Вроде в одиночки подался, а там не в курсе.

— Ясно. Ну, ты первый дежурить будешь? — Я поднялся, закрыл скрипнувшую дверь, так как вечерняя промозглость Зоны уже начала просачиваться в вагончик, а сейчас начало осени, ночи холодные. «Кольчуга», конечно, греет нормально, не простынешь, а вот Фельдшер в своём камуфляжном комбинезоне вполне может простудиться... и так уже ноги промочил. Предлагал я ему костюм сменить, ну или хотя бы нашивки спороть на время — так нет, упёрся. Идейный попался «фримен», а мне размышляй теперь, что будет, ежели на группу «Долга» набредём. Перемирие — перемирием, а не уверен я на все сто, что «долганы», если встретят, с миром отпустят. Скорее всего — положат всю нашу компанию. Места дикие, глухие, мало ли, отчего пропадают люди... кстати, насчёт перемирий..

— Слушай, Фельдшер... слышал я краем уха, что у вас недавно мир был с «Монолитом». Это как?

— Ух... была такая тема. — «Свободовец» кашлянул почти недовольно. — И вспоминать не особо хочется.

— Ну а всё-таки?

— Как-то «долги» крепко «монолитовцам» всыпали... отбили в Красном лесу крупный пункт на тамошней «палестинке», взяли много добра... у фанатиков, ты же знаешь, снабжение просто блеск... стволы отличные, патроны, жратва — всё на высшем уровне. А вот с людьми в последнее время — беда. Вот и заявились, блин... пятеро рядовых полузомби и шестой вполне себе нормальный, на голову здоровый мужик. Правда, как потом оказалось, это он только на вид был здоровый. Вышли, чтоб наши дозорные их заметили, оружие демонстративно покидали на землю, даже ножи, и, руки подняв, медленно так к нашей базе потопали. Я тогда на Армейских складах был, вахту держал, сам всё видел. С главным связались, он говорит — не стреляйте пока, но под прицелом держите. Так и сделали. И что меня удивило... пять стволов этому парламентёру в морду смотрят, пальцы на спусковых крючках дрожат, а он не просто спокоен — безмятежен. Улыбка такая чуть отрешённая, чуть ли не светится... реально, счастье у мужика в глазах такое, что даже страшно. Ну, сказали мы, типа, стой, а то стреляем. Остановился, вздохнул, обратился к своим: «Остановимся здесь, братья», и только потом к нам: «Я желаю говорить с вашим начальником или его заместителем». Наш дал добро... обыскали мы их, а то мало ли, бомбу пронесут или отраву какую... и только сказать хотели, чтоб он проходил, а свита оставалась, так он кивнул, словно услышал, обернулся: «Братья, подождите меня здесь». И смотрит на нас реально как на детей неразумных — так снисходительно и без злости. И... веришь, сочувствие во взгляде было. Он жалел нас, прикинь! Офигеть... ладно. Прошёл он и о чём-то там говорил с начальством, дословно не в курсе. Я свиту этого «монолитовца» сторожил. Те пятеро спокойно на асфальт кружком сели, по-турецки ноги подогнули и забубнили вполголоса, стали чуть раскачиваться. На нас — ноль внимания. Шлемы только сняли... и узнал я среди

них Осота, бывшего кореша своего. С трудом, но узнал... лицо его точно, но глаза... знаешь, как у младенца взгляд бывает? Светлый и бессмысленный? Когда такое у взрослого увидишь, не по себе делается... я ему: «Осот, ты ли это?» — а он даже не обернулся.

Поговорили они быстро, и «монолитовцы» сразу ушли, а главный приказал пять ударных групп сформировать и подготовиться. Нас «Долг» крепко побил тогда, кусок территории отхватил и готовился к новому налёту... а мы уже сильно обескровлены были, и сами б не справились. А тут... в общем, был неплохой шанс. И дождались этого самого шанса... на границе с «Ростком» сперва «Монолит» на сохатых налетел, и, когда те в бой втянулись, мы с флангов добавили... поверь, таких красивых люлей «должары» ещё не отхватывали, до сих пор им, наверное, икается. Ну а как совместно всыпали «долгам», так и разбежались, словно и не было никогда такого договора. Зато теперь «Долг» вспоминает это и всем трындит, что «Свобода» фанатикам продалась. Не было у нас дружбы с этими. Просто временный совместный интерес, а так война не прекращается. Фанатики, что с них взять...

Фельдшер помолчал.

— Веришь, злой я на сохатых. Руками глотки бы давил за наших ребят... но, если бы войнушка эта кончилась, если б знал я, что «должары» стрелять в нас больше не станут, забыл бы. Реально забыл всю злость, постарался бы по крайней мере точно. Паршиво это, брат, когда человек в человека стреляет. Очень паршиво. Зона теперь здоровенная, чего делить, спрашивается... артов и аномалий на всех хватит.

— Это ты верно заметил. — Я достал банку «фасоли с говядиной» из научного сухпайка, срезал крышку и начал размешивать содержимое пластиковой вилкой: консервы эти вкусные, но не люблю я, когда мясо и бобы в банке отдельными кусками лежат. Фельдшер принялся за тушёнку. — Но... шёл бы тогда в одиночки. Вот это реальная свобода, ничего никому не должен, живи, как хочешь. — Я подчистил кусочком хлеба дно банки. — Вы все вроде за свою волю выступаете, а в группировке состоите. Мне это непонятно, если честно.

Фельдшер не ответил. Просто улёгся на ворох лежалого, спрессованного тряпья и засопел. Ладно, пусть его... посидим полночи, посторожим. Тем более плохо я стал засыпать после того самого известия, что на Свалке получил.

* * *

Как-то странно всё это... дурной сон, затянувшийся, навязчивый кошмар с медицинским запахом, больничными коридорами в холодной, синей краске, белые палаты, врачи, стыдливо отводящие взгляд, и врачи равнодушно-циничные. Да, восемьдесят тысяч долларов. Болезнь запущенная, куда вы раньше смотрели, а ещё отец! В Германии это умеют лечить... у нас нет таких специалистов и материальной базы... извините, не можем помочь... поддерживающая терапия... простите, посетителям пока нельзя...

И в продолжение ещё один неудобный, колючий бред... и пахнет уже дорогой кожей кабинетов, какие-то пошлые коврики под ногами... приятные дни... что у вас за проблема?... восемьдесят тысяч?... простите, нет... нет, столько не соберём... да, мы всё понимаем, да, это очень печально, но поймите... мы бюджетная организация... попробуйте через газеты...

Я её даже не узнал. Это была не она совсем... худенькое серое создание с запавшим ртом, тёмные веки. Я даже говорил им в морге, что они что-то напутали, и санитар странно смотрел на меня, быстрыми затычками докуривая вонючую сигарету. Я ничего не понимал... никого не узнавал... странные люди, непонятные взгляды. Кружева, чем-то похожие на белую пену, в длинном красном ящике. Лето, жарница, много деревьев вокруг, а под ногами — прямоугольная яма, глина сухими жёлтыми комьями, да, тогда была сушь... что-то говорят, шепчутся: «А его-то бывшая даже не приехала с дочкой попрощаться. Вот ведь гадина».

Ни мыслей у меня, ни слёз, ничего, только бездонная, сосущая пустота внутри и всё то

же ощущение дурного сна, не прекращающегося с наступлением утра. И два тёмно-зелёных пластмассовых венка лежат на горке — один от школы, другой от местных чиновников.

«А его-то бывшая даже не приехала с дочкой попрощаться. Вот ведь гадина».

И только через четыре дня до меня дошло, что на самом деле случилось, и я как-то вдруг проснулся от того непрекращающегося кошмара. Невыносимо горько подступило к горлу, мир почернел вокруг, а ещё через неделю чёрное горе превратилось в жгучую ненависть. Ненависть шепнула мне, и достал я из сейфа охотничий билет, ружьё и патронташ — всё, что оставалось у меня от прошлой, фермерской жизни, и всё, что требовалось в жизни нынешней. Оружие почистил, разобрал, зачехлил. И ненависть повела меня по предрассветной серой мгле до утренней электрички на Москву, а после пересадки — в один элитный коттеджный посёлок.

Отправлял я письма и телеграммы... или без ответа, или отписывалась «У меня своя жизнь, отстань. Денег Василий соберёт. Жди перевода».

Прислали.

Десять тысяч рублей.

Захватил я их с собой. Как и телеграмму «я оплакиваю но просто не смогу на это смотреть не позволит муж виноват во всём ты никогда не пиши больше».

Хорошо живут, однако... первый раз в гости, и даже странно — два этажа, высокая двускатная крыша, и Василий машину свою блестящую, чёрную из иланга поливает, а на травке целая батарея разных шампуней да восков для ухода. Жарко, и потому в одних трусах он, а от машины сверху горячее дрожание быстро так поднимается. Вытащил я из чехла ствол, цевьё прищёлкнул на ходу, собрал ружьё. Заметил он меня, когда уже загнал я в патронники два тяжёлых красных цилиндрика, а рот открыл, когда клацнула, закрываясь, двустволка. Да, отрастил он брюшко как надо и ряшку наел не слабую. Смотри, затрясся, к дому попятился, видать, всё правильно понял.

— Привет, Вася!

— Э-эй, ты чего? Не дури! Я...

Договорить я ему не позволил. Выстрел как-то сразу смял ему лицо, картечь, пройдя навывлет, оставила на двери дома россыпь тёмных метин и широкое алое пятно. Вася свалился сразу, навзничь, широко раскинув руки.

А вот и Марина выскочила в халате, посмотреть, что это такое на улице грохнуло. Ну и подурнела же ты, подруга! То ли подтяжка неудачная, то ли винцом злоупотребляем наряду с сигаретами, но пародией ты стала на ту смешливую, весёлую Маринку из моего далёкого уже прошлого. Глаза воспалённые, покрасневшие, табачная серость на зубах... ба, да ты, по ходу, подшофе. Сейчас протрезвеешь.

Дикий, сверлящий визг, выпученные глаза, и, запутавшись в полах халата, упала она, гулко стукнув локтями по полу, после чего, не прекращая визжать, на четвереньках рванула обратно в дом. После выстрела визг превратился в тошное гортанное бульканье, с каким она обычно полоскала горло во время своих бесконечных простуд. Я вошёл в дом, «переломил» двустволку и под цокот выпавших гильз вложил в патронники ещё два заряда.

Она ещё была жива и ползла на локтях, оставляя сплошную тёмно-красную ленту на дорогом, под цвет морёного дуба, ламинате. Я нажал оба спусковых крючка практически одновременно, и дуплет в доме прозвучал оглушительно громко и резко, так, что тонко зазвенел хрустальный сервиз в шкафу. После чего вышел на улицу и сел на пороге.

Точно помню, как возилась на клумбах семейная парочка в соседнем коттедже, а напротив, через пыльную дорогу, возле настоящего особняка в бассейне плескались поддатые мужики в компании взвизгивавших девах в микроскопических купальниках. А тут — тишина... опустел посёлок как-то вдруг и сразу, даже в окна никто не выглядывает. Должно быть, вызывают милицию. Пускай звонят, мне уже всё равно.

Время шло, милиция всё не приезжала, и потому я просто ушёл из затихшего посёлка, с размаху зашвырнул в омут мелкой гнилой речки ружьё, а потом просто сел в электричку и долго ехал, сам не зная, куда и зачем. Никто меня не искал, милицейские патрули не

останавливали на полустанках, где иногда приходилось даже ночевать. Деньги постепенно кончались, и к тому времени, как я проехал на электричках и пустых «товарняках» почти всю Брянскую область, вышли совсем. Бесцельно шатаюсь на станции Навля и собирая в карманах последние монеты, которых должно было хватить на полбуханки хлеба, встретил Витю Островидова, с которым когда-то работал в секретном КБ под Красноярском. И хотя оброс я к тому времени дикой щетиной, а куртка и джинсы уже требовали срочной стирки, узнал он в начинающем бомже своего бывшего коллегу, почти друга. И... и началось...

Фельдшер проснулся за несколько секунд до того, как его ПМК издал тихий прерывистый писк. Я взглянул на часы — половина четвёртого утра... надо же, как незаметно пролетело за невесёлыми думками время ночной вахты.

— Всё тихо было?

— Да, нормально. В седьмом часу толкни... дальше места пойдут плохие, к бункерам будем долго добираться. Да и... опасаясь я насчёт Выброса.

— Хорошо. — «Фримен» уселся возле крохотного окошка, положил на колени автомат, а я просто откинулся на пахивающие сыростью и плесенью обрывки старых матрасов и какие-то слежавшиеся, замасленные болоньевые куртки с вылезающим синтепоном. Заснуть получилось быстро.

Когда из утреннего тумана показались первые песчаные взгорки, поднимающиеся из заржавленной, металлически поблёскивающей жижи Болот, я жестом приостановил группу. Теперь дорожка будет куда сложнее, чем по кочкарнику, и хоть и поросли холмики корявыми соснами, а на песке видны куртины тростника и отдельные островки травы грязно-зелёного цвета, места здесь гиблые.

— Ересь, видел, где гайки упали? Пошёл туда. — Я отступил в сторону, пропуская вперёд отмычку, и, оглянувшись, заметил неприязненный взгляд Фельдшера.

— О как! Видал? — фальшиво усмехнулся побледневший Философ, растягивая в ухмылке дрожащие губы. — Ништяк у меня напарничек?

— Иди давай, — спокойно повторил я, и Ересь начал медленно подниматься по пологому песчаному склону туда, где улеглись возле большого валуна несколько брошенных гаек.

— Чего ж ты, мэн, так гнило поступаешь? — тихо спросил Фельдшер. — Не ожидал ...

— Ты мне морали будешь читать в другом месте, уважаемый, — так же негромко ответил я. — Лучше подумай, кто вас вести будет, если на этих пригорках я гикнусь? Ересь выходы найдёт за Периметр? Можешь ты вперед меня пойти... если, конечно, задание твоего начальства не слишком важное, да и вообще ты для них лишний человек. Есть такая штука — целесообразность.

— Есть, — согласился «свободовец». — Да только трендел мне кто-то, что он должок Луню и Хип выплачивает.

— Уже выплатил. Я этого субъекта из-под «долговской» пули на «Ростке» выдернул, знаешь ли. Стрелять его хотели за воровство, мародёрство и подставу. Да, он с мародёрами какое-то время ходил, если ты не в курсе. Теми, что хотели Хип убить вместе с Лунём.

— Фига себе. А такой вроде парень с виду нормальный... но всё равно. Так нельзя.

— Лады. Так нельзя. Скажи тогда, а как здесь можно? — Я посмотрел Фельдшеру в глаза. Он не ответил, но я почувствовал холодок, погасивший начинающуюся дружбу.

Ересь тем временем дошёл до валуна, подобрал гайки и обжёг меня ненавидящим взглядом:

— Можешь идти, сталкерок. Чисто тут.

— Ну, вот и ладно... — Я прошёл по следам Философа до следующей остановки, броска двух-трёх гаек и опять по следам отмычки...

Местность заметно поднималась, и хотя запах Болот был ещё крепок, лужи и мокрая,

чавкающая травяная губка остались позади. Под ногами мерно похрустывал хрящеватый песок, шелестели куртинки травы, и отдельные деревца вскоре превратились в редкий сосновый лес. Зона похозяйничала здесь вовсю — сосны были жутковатыми пародиями на своих высоких, стройных сестёр, растущих за Периметром. Стволы деревьев были похожи на застывших змей в крупной красноватой чешуе коры, сосенки завязывались узлами, петлями, а то и вообще лежали на земле, протягивая к небу слабые ветви с желтоватой хвоей. В таком же слабом, больном подлеске местами вспыхивали ленточки холодного синеватого огня, тусклого при свете дня, пахло разогретой древесиной и озоном, и уже пару раз на лысых полянках с трескучим, мощным ударом бил в брошенную гайку подземный разряд, разбивающий маленький кусочек металла на сотню горячих оранжевых брызг. А потом в лесу оглушительно треснуло, повеяло в лицо тёплым ветерком, и я поднял руку.

— Стоять.

В последнее время «электры», «статики» и «дуговые» начали выкидывать странные фокусы. Вот и сейчас между покореженными стволами деревьев плыл в нашу сторону яркий фиолетовый сгусток света, слегка задевающий кустарник, и хорошо было видно, как тонкие веточки после коротких желтых вспышек мгновенно обращаются в облачка дыма. Шаровая молния... далеко не редкость по «электрическим» местам Зоны. И при этом крайне неприятная штука.

— Ложись! — приказал я, Ересь и Фельдшер хлопнулись на землю. Надеюсь, не сильно взорвётся, зараза. Главное, чтоб до нас не долетела...

От попадания заряда картечи шаровая долбанула так, что ударной волной качнуло ветки сосен, а в ушах засел неприятный резкий свист. Деревце, стоявшее рядом с взорвавшейся молнией, буквально растёрло в мелкую щепу, а на траве остался широкий выжженный круг.

Слышал я от некоторых сталкеров, что бывают «шаровые» с «сюрпризом». Но не слишком доверял этим рассказам, а вот теперь видел своими глазами: по густо дымящей траве, по тлеющим щепкам плавно катился небольшой шар, светящийся чистой, небесной синевой. Он казался очень тонким и лёгким, не тяжелее мыльного пузыря, и горячий дым временами подхватывал этот шарик, приподнимая его над землёй, и тогда на фоне дымных струй было видно, как в глубокой, чистой синеве артефакта играют световые сполохи вокруг засевших внутри картечин.

— «Лунный свет»? — спросил поднимающийся с земли Фельдшер.

— Он. — Я кивнул и, подойдя, осторожно поднял артефакт.

На руки словно сразу надели пуховые варежки. От глянцевитых, тонких стенок «лунного света» расходилось мягкое, ласковое тепло, пробоины от картечин затягивались на глазах, зарастали трещинки, а три большие дробины внутри вдруг засеребрились, расплавились и просто вытекли наружу, упали на землю круглыми свинцовыми кругами.

Вещь довольно редкая, и в старые времена послал бы я Хоря с его заданием — в руках у меня сейчас был и нулёвый, прямо со склада, комбинезон не самой плохой модели, и новое оружие с запасом патронов, и «натовские» сухие пайки, и даже нычка денег на чёрный день осталась бы. Тот самый барыга, что скупал у меня «медузы» и «чертову кровь», отслонявил бы никак не меньше шести тысяч зелёных рублей. Эх-х... но какой красавец, а? Приятно так, слегка щекочет подушечки пальцев, греет ладони, а внутри играют, переливаются волны синего света, вспыхивают и гаснут огоньки, похожие на далёкие зарницы в вечернем небе. Даже мысль странная проскочила — оставить себе, но... нужны будут нам и патроны, и консервы. Придётся-таки загнать торгашам в каком-нибудь сталкерском лагере или даже Банзаю на «Ростке» — за такой «элитный» хабар даже официальные «премиальные» будут если не высокие, то весьма и весьма приличные. Хм, кстати, сердце кровь живее погнало, вот он, азарт сталкерский, ни с чем не сравнимый адреналин. Находку — в рюкзак, можно и без контейнера, безвредный он для здоровья, говорят, даже полезный. Первый хабар ходки — и сразу «лунный свет». Неплохо совсем. Что-то вроде страховки у меня получилось на случай провала «операции», этакая нычка на плохие времена. И трофей, кстати, полностью мой,

собственноручно «отстрелянный», так что извините, мужики, делиться не буду. Передумал.

— Не кислая штукавина, — кивнул Фельдшер. — Повезло тебе.

И смотрит внимательно. Изучающе так. Догадываюсь, «фримен», какие мысли у тебя сейчас в голове бродят. Думаешь, наверно, а не кинет ли нас вольный бродяга Фреон? Что ему эти выходы искать, если он уже хабара срубил и скорее всего ещё срубит? Не зря ли вообще связались с этим «специалистом по подземельям»?

Вот почему и не люблю я ходить в компании. Есть ещё опасность одна, очень серьёзная такая бяка, периодически с теми случающаяся, кто в Зону командами ходит. Сколько раз уже было, что уходят четверо — пятеро, а возвращается один с редким, драгоценным артефактом в контейнере и потаённым безумием во взгляде. Может, и погибли его кореша в аномалиях или когтях мутантов, он так в принципе и расскажет всем, и рассказ этот не проверишь, в Зону просто чтоб посмотреть, правда оно или нет, не сходишь. Но... с большим трудом мне в такие байки верится. Да и не хочу, чтоб мне кто спину прикрывал, не желаю никому доверять или оглядываться на товарища по ходке, чтобы вовремя уловить то самое холодное, задумчивое выражение на лице и странный блеск во взгляде. Истину одну в Зоне я усвоил крепко — никому не верь, ни на кого не полагайся, ни с кем не дружи. Были люди, которым доверился бы, да вот не успел...

Опасаться пули в спину в данном случае не стоило. Крепко я «Свободе» и Хорю нужен, так что не тот случай, чтоб за хабар завалили. Так что пока всё путём, ничего ты, Фреон, не теряешь. Маячит в мыслях та самая пятизначная циферка в зелёных рублях, что бывший бармен на листке нарисовал. Заплатят, конечно, меньше, если вообще заплатят, но попытка не пытка, а вот Фельдшер меня точно беречь будет, «Свобода» кого попало на это задание не пошлёт. Ну а пошукать ценных штуквин Зоны в процессе поисков никто мне не запретит. Найдём мы тот выход или не найдём — это слепыш надвое гавкнул, но вот хабара я точно наберу. В «подземках» такие вкусные штукавины порой валяются, что определённо удачно я дал согласие Хорю на этот «экспедишн».

— Не бойсь, не кину. Подписался, значит, в деле, ты не думай, — сказал я Фельдшеру и, надо же, угадал — расслабился немного «фримен», вздохнул.

Достал гайки, бросил, и Ересь снова пошёл их подбирать, а я сверился с картой. До «стрёмных бункеров» оставалось меньше полукилометра.

Сосновая роща кончилась внезапно, невысоким полутораметровым обрывом. Дальше, насколько хватало обзора, в жидком синеватом тумане простиралась ровная пустошь, поросшая редкими кустиками полыни. И в двухстах метрах — широкая бетонная площадка, и по её углам четыре приземистых строения, напоминавших издали макушки исполинских черепов, зарытых в землю по самые глазницы, — входы. Вдоль площадки лежала рухнувшая решётчатая мачта антенны, причём в бинокль хорошо видно, что рухнула она не просто так: плиты в центре площади были заметно вмяты в землю, раздавлены до такой степени, что железобетон раскололся сотнями трещин, «паутиной» разбегавшихся из центра мощной гравитационной аномалии. На расстоянии было даже видно дрожащее «зеркальце» спрессованного «плешью» воздуха и раскатанные в блин швеллеры антенны. Понятно, почему «фримены» называли местечко «стрёмным». Впрочем, «колпаки» бункеров внешне не пострадали, надеюсь, есть там незаваренные двери и незатопленные помещения — Болота всё-таки рядом, грунтовых вод хватает с избытком.

В следующую минуту я понял, что двери скорее всего не заварены и под землёй почти наверняка есть сухие бункеры. Потому что над одним из зданий прямо в воздухе висел кусок ржавой арматуры, а возле почти нового на вид ЗиЛа слегка шевелилась низкая, но при этом очень широкая копка грязного чёрного тряпья.

— Придётся обождать, други. Там местечко пока занято.

«Свободовец», который и без моей подсказки засёк бюроера, молча кивнул, и мы улеглись в сухую траву за более-менее густыми зарослями молодых сосенок. Подслеповаты карлики, но каким-то странным чутьём могут засечь сталкера даже на расстоянии. Может, интуиция у них особенная, может, телепатия, как у изломов, но за двести метров не почует, а

искушать судьбу, приближаясь к такому во всех смыслах неприятному мутанту, я не хотел. Подстрелить так, чтоб сразу насмерть, из имеющихся в распоряжении калибров не выйдет, даже если в башку попасть — не факт, что сразу сдохнет, живуч бюрер невероятно. А что такое раненый карлик в подземелье — а он именно туда и свалит, — мне объяснять не надо. Это называется: «мужики, собираемся и дуем в другое место. Про эти бункеры можно надолго забыть».

Кстати, странно, что сталкеры, да и «ботаники» их упорно карликами называют. Фига себе, карлик... некоторые под полтора центнера весом могут быть, не беда, что ростом мне всего по грудь, но зато в плечах в два раза шире, башка размером с хороший котёл и ручищи такие, что голову взрослого мужика одной ладонью в кашу давит. Но самое паршивое в этих созданиях то, что...

— Ох ты ж, ё... — негромко выдохнул Фельдшер, который тоже не отрывался от бинокля. Сказал он это одновременно с громким, хлестким щелчком, похожим на выстрел из крупнокалиберной винтовки. Просто кусок арматуры, висевший в воздухе, видимо, с места преодолел звуковой барьер, прежде чем глубоко вонзиться в сероватый бетон площадки. Из копны тряпья вдруг показалась багровая, в волдырях ручища, бюрер начал покачиваться. Я увидел, как из стенки ближайшего к нам строения начал большими кусками выкрашиваться бетон, а из пыли и разлетающихся камешков показался извивающийся, словно оживший, металлический прут, через секунду оторвавшийся с хорошо слышным лязгом. Затем обломок арматуры плавно поднялся вверх и замер в воздухе, застыл и мутант-телекинетик.

— Чего он делает? — тихо спросил, почти прошептал «фримен».

— Сходи спроси у него. Может, тренируется, а может, просто дурью мается. Пойми этих уродов... странно, что он днём вылез. Интересно, один он там или целая кодла?

— А если грохнуть его? — предложил Ересь.

— Наверняка не положу. Первым выстрелом убить скорее всего не выйдет, а очередью — бесполезно. Эта скотина умеет пули останавливать...

Вдалеке снова сухо и громко треснуло, и на этот раз досталось ЗиЛу — машина качнулась, поднялся прорубленный арматурой капот, и на бетон с хорошо различимым звоном выпала какая-то деталь. Бюрер снова вытянул гноящиеся руки, и от упавшей вышки легко отломился большой кусок швеллера килограммов, наверное, под десять. Железяка тут же взлетела так высоко, что начала казаться просто соринкой на ровной серой пелене облаков.

— Что делать будем? — поинтересовался Фельдшер.

— Не знаю пока, — признался я. — Что делать, что делать... ждать. Или свалит карла по своим делам куда-нибудь далеко, или опять в бункеры залезет. Тогда отменяются наши исследования.

— Ясно... — проворчал «свободовец», снял рюкзак, вытащил из широкого бокового кармана ГП-30 и начал присобачивать его к своему автомату.

— Хиловат твой гранатомёт, приятель, против такого уroda. — Я с сомнением глянул на усилия Фельдшера. — Осколками посечёт, но не насмерть. Проходили.

— Да я знаю, — кивнул «фримен», извлекая из другого кармана самодельный брезентовый «кошель» на пять гранат, вытащил серебристый цилиндр ВОВ-25, аккуратно загнал его в ствол. — У меня тут другая мысль появилась. Можно рискнуть...

Уперев автомат прикладом в землю, «свободовец» долго целился, затем подствольник звонко хлопнул, и я увидел быстрый серый росчерк улетевшей гранаты. Бюрер тем временем обернулся на выстрел, и я разглядел в бинокль его широкую багровую морду, словно наспех слепленную из жжёной, в потёках и пузырях, пластмассы. Граната разорвалась в метре от него, гулко, сочно бабахнув и подняв облачко синего дыма. Бюрер хрипло взревел, схватился за глаза и начал вперевалку бегать кругами.

— Ну что, завалил? — спросил я. — Щас он очухается и в подвалы утечёт. Да ещё и выходы завалит...

— Погодь... оп-па! Смотри! Хана парню.

Я снова приложил к глазам бинокль. А молодец «свободный»... точно рассчитал. Напуганный неожиданным взрывом, получивший по морде осколками и скорее всего ослеплённый мутант бежал прямо в «плешь». Аномалию он почуял слишком поздно и, разогнавшись, уже не смог свернуть. Бюрера поволокло по плитам, и в его рёве больше не было боли и ярости — он завывал, как сирена на базе «Долга», пытаясь зацепиться ручищами за металлические петли, местами торчащие из бетона. Карла вопил всё громче, потом вдруг разом смолк и, громко лопнув, словно громадный бурдюк с требухой, растёкся тонким слоем, украсив площадку всеми оттенками сизого и красного.

— О как! Кто не рискует, тот живет на пенсию. — И «свободовец» начал снимать гранатомёт с автомата.

— Молодчина. А чего гэпэшку снимаешь?

— А... неудобно с ним постоянно таскаться. Нужен, скажем так, нечасто.

— Ништяк... здорово! Вот это я понимаю. — Ересь уважительно покосился на Фельдшера. — Не то что некоторые: «Не знаю... подождём... может, уйдёт». Тыфу, блин.

— Не. Не сработало. — Фельдшер аккуратно уложил снятый гранатомёт опять в рюкзак. — Ты эти дела брось.

— Сработает как-нибудь. В челюсть, — пообещал я, снова принимаясь исследовать в бинокль площадку и постройки. — У меня иногда возникает ощущение, что кое-кто просто мечтает получить по морде.

— Ты меня просто задрал уже! — прошипел сквозь зубы Ересь. — Может, на хрен тогда спасать было, если чморишь постоянно? Урод...

— Вы ещё подеритесь, — добавил Фельдшер. — Слушайте, может, хорош уже цапаться, раз в одной команде оказались?

— Это ты с ним в одной команде. А я у вас двоих заместо ходячей гайки, — огрызнулся Ересь.

— И чё ты предлагаешь? — спросил я спокойно, как мог. Ересь уже начинал временами не просто злить, а буквально бесить. Вообще без понятия парень, до сих пор, похоже, не врубается в свою ситуацию.

— Ты ведь в курсе, что мне просто деваться некуда. — Философ смотрел куда-то мимо меня. — Но ты очень ошибаешься, сталкерок, если думаешь, что я тебе всё это забуду или уважать начну.

— А мне не нужно твоего уважения, мародёр.

— Повтори, чё сказал... — Ересь сощурил глаза.

— Чё слышал, вориная...

Я не ожидал, что Философ может броситься на меня, и потому пропустил первый удар. Хорошо врезал, тварь, я даже почувствовал привкус крови из разбитой губы и, прежде чем Фельдшер успел встать между нами, вlepил Ереси в скулу так, что его развернуло к обрыву, и он едва не свалился вниз. Впрочем, помотав головой, он снова бросился в атаку, но был профессионально опрокинут «фрименом» и аккуратно уложен лицом в опавшую хвою.

— Дурить будешь ещё? — почти ласково спросил «свободовец», вывернув Философу руку. — Ты, чел, в реале нарываешься на траблы. Другой бы тебя давно за меньшее пристрелил.

— Отпусти, падла!.. — Ересь задёргался, пытаясь вырваться, но из хватки Фельдшера выскользнуть было сложно.

— Я спрашиваю, дурить будешь?

Философ хрюкнул от боли, когда Фельдшер ещё немного приподнял вывернутую руку.

— Нет, всё нормально... отпусти...

— Смотри, друг, обещал.

Когда Ересь поднялся, я вручил ему потерянный в драке дробовик.

— Ты уверен?.. — осклабился окровавленными зубами Философ, принимая оружие.

— Уверен. Давай вперёд.

Смотри-ка ты, удивился, даже ухмылка исчезла. Странно, по-новому взглянул, пожал

плечами, но тут же снова ухмыльнулся и сполз по склону к брошенной мной гайке.

Дошли до бункеров мы быстро, без приключений, хотя пустошь, едва покрытая растительностью, буквально дышала смертью — зигзаг получился очень серьёзный, я то и дело останавливал Философа и долго прикидывал, в какую сторону завернуть. Надеюсь, если выход будет под этими подземельями, нормальную дорогу не придётся провешивать заново после каждого Выброса.

К запаху свежих внутренностей добавился тяжёлый дух брошенного подвала. Его ни с чем не спутаешь — прокисший, холодный, сырой, смесь мокрого бетона, залежалого тряпья и разбухшей бумаги. Именно так пахло в постоянно залитых погребах барачников под Красноярском, такой запах бывает в давно заброшенных колодцах отопления, так несло из чёрных подвалов Припяти... знакомый запах. Привычный.

— Двери вниз точно открыты, — сказал я, ещё не доходя до первого здания, и Фельдшер удивлённо покосился, как, мол, узнал. Однако боец он, по всему виду, неплохой — вон как чётко гранату из подствольника положил. Чувствуется опыт, да и стреляет, думается мне, тоже отлично, здоровый, как медведь, нисколько за переходы не выдохся. В плане «войны» он мне скорее всего сто очков форы даст... а вот сталкер из него не очень. Ветер на всех нас дул, а запахи только я один отметил. Мало того, даже тоненькая ниточка озона проскочила в сыром духе, горьковатая вонь лежалых, но ещё не совсем догнивших костей, мокрая ржавчина — значит не только открыты подвалы, но и «электрика» в них есть, оборудование скорее всего там же бросили — нотка ржавчины и нагретой изоляции сильна определённо... и явно кто-то большой сдох там, причём сдох довольно давно, больше двух месяцев, или же просто бюрократ объедков накидал. Много может поведать простой ветерок в Зоне.

Двери вниз действительно были открыты. Точнее, выломаны. Тяжёлые створки с винтовым замком были просто оторваны от петель, и сколы металла на месте запоров уже успели потерять блеск, хотя и не взялись ещё ржавчиной. Лестница в несколько десятков ступеней уходила дальше, в темноту, откуда с едва слышным шорохом вылетал ровный, холодный ветер — признак того, что туннели идут далеко и скорее всего имеют открытые выходы в других местах.

— Ништяк, — немного бледно улыбнулся «фримен». — Ну что, народ, чувствуется ли у вас в нижних полушариях мозга лёгкое нервное напряжение? Лично в моих — очень даже чувствуется. И не сказать, чтобы лёгкое.

— Так, мужики, я первый. Пока не позову, замрите, чтоб ни шороха, ни звука... а ещё лучше — отвалите от входа шагов на десять.

— Чё, разве я не первый иду? — поинтересовался Ересь.

— Не сейчас. Там ты мне только мешаться будешь. — Я приладил на голову ремень мощного фонаря, вздохнул и, стараясь не хрустеть бетонным крошечком, начал медленно идти вниз. Фонарь выхватил широким световым пятном грязный кафельный пол лестничной площадки, следующий марш уходил направо... ещё площадка, дальше вниз... однако глубоко. Едва слышно пиликнул ПМК, потерявший сеть, ничего страшного, под землёй это обычное дело. Лестничные марши местами скрывались под наслоениями какой-то бурой грязи, запах подвала всё усиливался.

Лестницы кончились на глубине примерно пятиэтажного дома, выложенная плиткой площадка продолжалась дальше, упиравшись в вывернутую решётку и разбитый в куски стол, щит с надписью «Стоп! Проверка документов» лежал чуть дальше по коридору. Стены, пол и даже потолок были отделаны одинаковым белым кафелем, грязным до такой степени, что сероватый налёт почти глушил блики от налобного фонаря.

То, что я сделал дальше, повергло бы в шок любого нормального сталкера, если, конечно, слово «нормальный» подходит к нашему брату. Я выключил фонарь и уселся прямо на грязный пол, стараясь не шуршать складками комбинезона и дышать как можно тише. Коридор сразу погрузился в густую, непроглядную тьму, стало так тихо, что я начал слышать удары сердца и шёпот слабого сквозняка в ржавых перилах лестницы. Спокойно,

расслабленно, без напряжения слушать тьму, по возможности не шевелясь и медленно-медленно дыша носом. Не нужно обращаться в слух, просто отпустить его на волю... свет уже не мешает, да и включенная в фонаре лампа в такой тишине будет вполне различимо звенеть... тихо... спокойно...

И слух начинает свободно блуждать по коридорам, комнатам, галереям, шахтам. Вот ровный, мягкий шум сквозняков, обычный в таких подземельях. Низко гудит «электра», едва слышно щёлкают по летающим пылинкам крошечные разряды. Тренькает и шипит лампа дневного света, совершенно диким, невероятным образом продолжающая светить при отсутствии электричества. Звонко хлопнулась на пол капля воды. Слушаем, слушаем тьму, узнавая все звуки и шорохи, раскладывая их в уме на безопасные, непонятные или откровенно тревожные. Нет ли сухого, костяного стука кикимор, вальсирующих где-нибудь в угольной черноте давно забытых коридоров? Не послышится ли гулкое, натужное сопение бюроера или хлюпающий вздох кровососа? Не захрипит ли в соседнем помещении заблудившийся и догнивающий свой посмертный век зомби, не слышны ли его неверные, спотыкающиеся шаги? Не скрежетнут ли резцы тушканов или мутировавших крыс? Слушай, Фреон, внимательно слушай подземелье, но только не перестарайся — в такой темноте и тишине начинают иногда мерещиться странные звуки и мелькают перед глазами бледные лица...

— Эй, мэн! Ты там жив вообще? — Голос Фельдшера прилетел ко мне неожиданно громко, разбился скрежещущим эхом от кафельных стенок, ухнул в коридорах. Пришлось включить фонарь и подняться.

— Спускайтесь!

Я дождался, пока вся команда будет в сборе, подошёл к Фельдшеру и отозвал его в сторонку:

— Послушай, друг. Не в обиду, просто на будущее. Помнишь, что я сказал перед тем, как сюда спуститься?

«Свободовец» хлопнул себя ладонью по лбу, покачал головой:

— Прости, брат. Косячину спорол... как-то из головы вылетело. Но ведь полчаса — ни слуху ни духу. Я уже как-то и психовать начал.

— Просто больше так не делай.

Хм... Неплохо. Значит, я тут полчаса сидел... бывает, что при таком сосредоточении теряется чувство времени, я это проходил несколько раз, а бывает, что и Зона интересный фокус выкинуть может. Редко, но случается, что на поверхности и внизу часы по-разному тикают. Было ведь как-то раз, что один сталкер, Бонча, в Зону ушёл и пропал. По нему уже поминки справили не раз и даже забыть успели, а он через год к Бару вернулся и даже не понял, что столько времени ходил. Он-то был уверен, что всего на два дня ходка была, кстати, по Болотам, и долго не мог понять, что над ним не прикалываются. Его с тех пор Бойчей Два Денька и прозвали.

— Сколько на твоих котлах?

— Половина восьмого.

Фельдшер быстро глянул на часы, подсветив фонариком. Ну, у меня на ПМК столько же... значит, просто времени не заметил, увлёкшись «прослушкой» подземелья.

— Слушай, а ведь этих зданий на картах вообще нет, — поделился со мной «свободовец». — Наши их случайно нашли. Веришь, ни в одной карте, и даже на старых аэрофотоснимках, я обратил внимание, всегда облачка были на этом месте.

— Кто бы сомневался, — буркнул я.

— Интересно, вояки это выкопали или «ботаники»? Я, конечно, слышал, что здесь рыть начали ещё в шестидесятых, но чтоб вот так, чтоб столько их по Зоне было... интересно, чьё же это тут хозяйство.

— По виду — ботанические уголья, лаба заброшенная. Вон, кафель кругом. — Я оглянулся на спутников, чтобы дать краткий инструктаж. — В общем, так, мужики. Сдаётся мне, вы по подвалам ещё не лазили. Поэтому не пугаю, просто предупреждаю. В Зоне и

снаружи-то ходить плохо, а по таким ямам лазить — в три раза поганей. Поэтому идти будем небыстро, башкой крутить по сторонам часто, а вопросы спрашивать очень тихо — тут слышимость хорошая. Я иду первый, Ересь за мной, а ты замыкаешь.

— А чё, я уже типа не отмычка? — поинтересовался Философ.

— Нет. Просто здесь толку от тебя как от козла молока. Да... поменяйтесь стволами на время. Тут из автомата стрелять не советую — рикошеты будут непредсказуемые.

Ересь, услышав распоряжение, неловко снял дробовик с плеча, попытался перехватить и просто уронил на пол. Оружие громко, жалобно лязгнуло, ладно, что у этого «помповика» конструкция крепкая, не разлетится.

— Блин, зараза, — прошипел Философ и закрутился на месте, — где он тут грохнулся?

— Я возьму. — Фельдшер спокойно поднял «помповик», но свой АК-74М не отдал, забросив автомат за плечо. Да уж... расстаться со своим оружием в Зоне, хотя бы даже на время, для бывалого сталкера всё равно что голым в ходку отправиться. А этому рыжему, похоже, вообще по барабану, есть у него ствол или нет. Совсем ещё салага... ничего, если не сдохнет вскорости, истину эту усвоит. Кстати, когда я ему этот новый юсовский дробовичок подогнал, отличную, в сущности, пушку, даже и не заинтересовался он им ничуть. На привале как-то даже в грязь бросил, придурок, вместо того, чтоб аккуратно к дереву прислонить или на сухую траву положить. Никакого уважения к оружию... может, и не прав я, но для мужика это странно. Угробит пушку. Одно слово — Ересь.

— Слушай, свободный... что скажешь насчёт этого ружья?

— Ништяковая пушка, знаем такие. — Фельдшер слегка подкинул дробовик за пистолетную рукоять, положил оружие на сгиб левой руки. — Винчестер тыща трёхсотый, облегчённая модель, без приклада... и грязнючий как чушка. А так надёжная фузея... наши не жаловались.

— Почистить можно, а вообще он новый совсем, всего раз стреляли. Тебе нравится?

— Ага.

— Дарю.

— Респект! Буду должен. — «Фримен» заулыбался, перехватил дробовик удобнее, провёл по нему рукавом. — Но автомат я не отдам, уж извиняйте.

— Так и не надо. Главное, чтоб таскать не тяжело было.

— Не-е... он для меня легенький, не утянет. Спасибо, сталкер.

— Э-э... а я чё, без волыны остался? — вякнул Философ.

— Натурально, без волыны, — кивнул я. — Сам купишь когда, на свои кровные, тогда, может, и научишься ценить оружие. А пока не заслужил.

— А-а... мне по фиг. Меньше таскать, — отмахнулся Ересь.

— Как скажешь. Двинули, мужики.

Короткий коридор заканчивался ещё одной решёткой и вращающейся дверью — то и другое было выломано и отброшено к стене, и там же лежали горой тряпьё, наломанные ветки кустов и слои спрессованной прелой травы. Явно берлогу здесь бюрер обустроивал... грязное, в сущности, создание: рядом с лежбищем виднелись почерневшие кучки экскрементов и куски мяса гнилостно-зеленоватого цвета, в которых с трудом угадывались недоеденные тушки слепых собак. Вот, собственно, почему так отвратительно несло прогорклыми миазмами из подвалов... ничего, сквозняк наружу идёт, скоро перестанет вонять. Меня другое беспокоит — карлы существа любопытные, и по такой грязище, что он в пропускнике развёл, его разлапистых следов море... а вот дальше второго поста с надписью «пропускной пункт первого уровня» относительно чисто. Ни одного отпечатка... избегал он по — чему-то дальше лезть. Зато мы туда прём.

Коридор заканчивался широким помещением с рядами металлических шкафчиков. Похоже, всё-таки лаборатория — на десятке стеллажей лежали белые и синие халаты в целлофановых упаковках, некоторые шкафчики были открыты, и в них даже висела сменная одежда. На столике в углу под слоем пыли я разглядел костяшки домино, на шахматной доске до сих пор стояли фигуры, а по всему полу были разбросаны бахилы, обычная

«гражданская» обувь и даже женские «шпильки» — бывшей хозяйке, видимо, было не до них. Похоже, бросили здесь всё как есть, и не то что в спешке эвакуировались, а бегом... бункеры эти до две тысячи седьмого года как раз на «чистых землях» были недалеко от старого Периметра. Впрочем, тогда, видимо, «ботаникам» повезло — успели они покинуть «объект». Слышал я как-то в коридорах НИИ шепотки учёных о «двенадцатой биологической», что, мол, везунчики они, вовремя сориентировались, и никто пострадал. По ходу, она и есть — «двенадцатая». Возле стола разломанного папки валялись, грязные, конечно, и с краю подпаленные, но «Журнал выдачи пропусков объекта № 12» на одной из бумажек читалось неплохо. Уже чуть легче. Объекты «двадцать четыре» и «тридцать», о которых говорить вообще нельзя было, со всеми сотрудниками так в «новой» Зоне и остались, причём сверху поступил приказ уничтожить абсолютно все данные, где были лаборатории, чем занимались, кто там работал... и уничтожили. Да так старательно, что ни один из сталкеров, да и скорее всего учёных даже примерно не знал, где находятся эти самые «двадцать четвёртая» с «тридцатой»... о них даже громко говорить опасались, так как болтливый народ очень быстро исчезал даже из коридоров НИИ. Сталкеры, которым, в сущности, начхать на эти самые опасения, всю судачили о пропавших «лабах», но в отсутствие достоверной информации крохи правды настолько обросли небылицами, что доверять им не стоило.

«В общем, оно и хорошо, что двенадцатую народ вовремя покинул, — думал я, осматривая на предмет каких-нибудь „необычностей“ раздевалку и первый за ней отсек собственно самой лаборатории, — иначе как минимум полсотни зомби шаталось бы. А то и кикиморы, не к ночи будь помянуты». Аномалий пока вроде не было, признаков каких-либо тварей тоже, единственно, на слое пыли хорошо видны следы ботинок, оставленные здесь достаточно давно. Значит, был один человек, судя по рисунку протектора — в «Кольчуге-М» старой модели. И обратных следов нет... одно из двух.

— Есть небольшие новости. Возможно, приятные.

— Я врубился. Думаешь, Малик прошёл? — Фельдшер тоже увидел следы.

— Скорее всего. Сталкерюга был опытный, просто так бы не полез... — поделился я своими соображениями. — Видимо, деньжат подкопил и утёк из Зоны. Жаль только, паразит, на ПМК никому ничего не скинул напоследок.

— Будем надеяться... кстати, и Периметр отсюда не так чтоб далеко, и вблизи ход сообщения, по идее, быть должен, если одну взорванную ветку от Тёмной долины дальше провести.

— Пойдём.

Лаборатория была очень странная, хотя и точно биологическая. Коридор от раздевалки заворачивал в очистные камеры, где валялось несколько прелых рабочих спецовок и целый ворох одноразовых бахил. Защитных комбезов или шкафов под них я пока не заметил, значит, будем надеяться, что баловались здесь не с вирусами и не с боевыми отравляющими веществами. Мало того, она чем-то даже напоминала физическую: в одном круглом зале висел на тонких тросах громадный обруч, обмотанный тысячами витков медной проволоки, а на стенах и даже на потолке торчал целый лес коротких пластмассовых штырьков. Зачем, к чему всё это — непонятно, однако внутри этого обруча стояли большие клетки из прочного пластика, и на прутьях я заметил следы зубов. «Импульсный пси-регрессор второго типа» — это название тоже мне ничего не объясняло, хотя и стало заметно не по себе в этом круглом помещении. Задерживаться я здесь не стал, повёл отряд дальше... планировка подземного комплекса оказалась довольно запутанной. Аномалий пока не было, и признаков жизни — тоже, хотя местами встречались виварии или с пустыми клетками, или с высохшими до черноты трупами собак и крыс. Местами, в отдельных клетках, лежали даже останки слепых псов и «кошаков», а в одной из формалиновых банок плавала побелевшая, вздутая голова кого-то, при жизни очень похожего на контролёра.

— Привал, — скомандовал я, взглянув на часы. Исследовали мы совсем немного, быстро двигаться по таким местам нельзя, и потому за три часа обошли далеко не всю

лабораторию, даже, наверное, не половину.

— А мы здесь заразы никакой не цепанём? — Ересь начал заметно нервничать уже после первого вивария.

— Ежели тут не было сибирской язвы, то, наверно, не должны, — негромко сказал Фельдшер. — Здесь заночуем?

— Да. Выход из этого бывшего зверинца один, клетки никто не потревожил. Да и освещение имеется. — Я кивнул на мерцающую лампу дневного света над дверью.

Никто из «ботаников» ещё не объяснил, почему в Зоне продолжают светить лампочки. Пусть тускло, неровным, трепещущим светом, но горят, причём только те, что застали Третью катастрофу в Зоне. И совершенно не важно, что провода могут быть оторваны, что лежит ртутная «трубка» на столе и давно вывинтили лампочку из цоколя, забыли на полке — светят годами. Люминесцентные тихо тренькают, гоняя за тонким стеклом волны бледного, призрачного света, горят неяркие жёлтые спирали ламп накаливания даже не в полсилы — в четверть, причём совершенно при этом не греются, холодный у них «накал». Странная штука, непонятная до лёгкой жути... горит лампочка без проводов, просто так. Подойдёшь, тронешь слегка — гаснет мгновенно, а потом медленно, неохотно разгорается заново. Гопстоп рассказывал, что в одно сельпо закрытое залез через окна. Товар там на месте весь оставался, никем не тронутый, хотя и испорченный полностью — «свет-плесень» не то что вещи, уже прилавок дожирала, всё в труху. А вот полсотни ламп в картонных упаковках оставались. Так вот, ни одна не горела, но в подсобке в цоколе торчала грязная, вся в какой-то шелухе лампочка. Она одна и светила, а пятьдесят её новых, ни разу не включавшихся товаров — шиш. Странные тут закономерности... Зона. Или взять те же радиоточки... до сих пор кое-где «Пионерскую зорьку» в домах по утрам услышать можно. А, ладно... потом как-нибудь.

— Чё-то не так здесь, да, Фреон? — поинтересовался Фельдшер, вытряхивая в уголок из большой пластиковой клетки мумию кошки.

— Да, есть немного... а ты чё делаешь-то? — спросил я.

— Да вот... посидеть здесь не на чем, табуретки эти все заняты... а мне как-то стрёмно немного, когда покойник под задницей лежит. Извини, конечно, киса, но тебе уже всё равно, где валяться...

Фельдшеру наконец удалось вытрясти трупик, и он загнал его ногой в щель между клеток.

— Ну, так что тебе не нравится? — «фримен» повторил вопрос, усаживаясь на клетку.

— Бюрер не пошёл дальше в лабораторию. Там, в прихожей, на пропускнике, и обустроился. А сюда — ни ногой. И я понятия не имею почему.

— Пси-поле, наверно. Карлетоны его очень стремяются.

— Откуда такие данные?

— У нас база на Складах, а рядом — хуторок такой гнилой с погребками. Там мерещится иногда чушь разная, особенно перед Выбросом. Всякой там твари по паре, а вот бюреров — ни одного за всё время не видели. Реально они обходят хуторок этот. Может, и здесь та же фигня. Меня по крайней мере разок глюкнуло в одной комнатке, чуть мордой в пол не стукнулся.

— И когда это было?

— Да вот, минут пять назад...

— Дружище, ещё раз такое случится, сразу говори. — Я проверил, переключен ли флажок «феньки» на стрельбу дробовыми, осторожно выглянул из-за двери. Вот это погано... очень погано. А я-то, дурак, предупредить забыл, что ежели башка кружиться начинает, то лучше из подземелья сразу выскакивать.

— Думаешь, контролёр?

— Нет, не он. Следов на полу не видно. По ходу, иллюз.

— Тва-ю налево... — негромко выдохнул Фельдшер.

— Глаза закройте... оба. Быстро! — прошипел я. — И чтоб ни звука! Что если

услышите — молчать! Орать буду если, рёв, визг там или ещё что — сидеть на месте! О-ох... но если чётко скажу, — и я начертил на пыльном полу «хана», — тогда отстреливайтесь от всего, что увидите. За меня не бойтесь, не подставляюсь.

Так вот почему бюрер не лез дальше, вот кого он здесь чуял, подлец... и не надо было тебе, Фреон, даже заходить в эту чёртову лабораторию, ведь должно было насторожить то, что карла по этим коридорам явно не гулял — чёткая у него граница была: до двери в раздевалку. И кому он за постой недожранными собаками платил — тоже понятно теперь. Мясо с гнильцой, размякшее — самая вкуснятина для беззубых, слабых челюстей этой твари, иллюза, будь он неладен.

Я вышел из вивария, прикрыв за собой подгнившую дверь.

— Уже знаю, что ты здесь!

Тишина, только мой голос громко ахнул в кафельных коридорах. Молчит, гадёныш... и это плохо. Значит, очень зол.

— Я не буду стрелять! — В подтверждение положил на пол «феню» — толку от неё в этой ситуации нет совершенно. Иллюз может сделать человека слепоглухим за долю секунды — выстрелить ни в монстра, ни на звук уже не выйдет. Матёрые твари способны отключить даже осязание — и человека ждёт страшная, совершенно дикая смерть в полнейшем безумии — такого испытания не выдержит ни одна психика. Оставалась только одна надежда — что тварь, как и излом или контролёр, понимает речь, и с ней можно будет мирно разойтись. По крайней мере так утверждали «ботаники». О говорящих иллюзах рассказывали у костра сталкеры... да, договориться. Попытаться это сделать. А вдруг...

— Уже знаю, что ты здесь! — бодро гаркнуло из темноты соседнего лабораторного отсека. — Я не! Я! Я не буду! Стрелять-стрелять! Я!

Абсолютно ничего человеческого не было в этом голосе. Гавкающий, отрывистый, он выплёвывал слова, словно из жестяной, лужёной глотки какого-то безумного механизма, и от этих звуков начала стынуть кровь в жилах. «Приехали», — подумал я...

— Мы уйдём. Прямо сейчас!

— А-аа ААЗ, — откликнулся иллюз. — Дьом. У-дьом ща-аа АААЗ!

Из черноты лабораторного отсека выплыл здоровенный белый шар. Я никогда раньше не видел этих тварей так близко... ох и до чего же страшен...

Морда иллюза была очень похожа на человеческое лицо... только безобразно, жутко растянутое на шарообразном черепе во все стороны, от чего губы широко разошлись, открыв гладкие бледные дёсны. К безразмерной тылке летящей по воздуху головы было как будто подвешено тщедушное багровое туловище с широкой, костлявой грудной клеткой, впалым животом и крошечными, атрофированными ногами, не достававшими до земли. Руки, напротив, были очень длинны, пальцы, похожие на паучьи лапки, непрерывно шевелились.

— Аггн-гг ГЛА! — оглушительно гавкнул монстр, медленно, плавно подлетая всё ближе, и я заметил, что он совершенно слеп — в растянутых до состояния узких щелей веках не было видно глаз, а только какая-то красноватая масса.

Тварь, обдав меня сильным, приторным запахом парного молока, остановилась в полутора метрах. Я почувствовал, как ноги стали ватными, а под капюшоном зашевелились волосы.

— Мы не причиним зла... мы уйдём. — Голос стал немного писклявым, дрожащим.

— Мы НЕ! НЕ! — Пасть монстра разверзлась в широкую пещеру, а мир вдруг мгновенно исчез в полной черноте. Уже очень тихо, одним только дыханием прошептал своим ребятам «хана», не чувствуя даже удара о кафельный пол, а только слыша, как сухо клацнули застёжки «Кольчуги» о плитку. Слух он мне оставил. Один только слух в бесконечной чёрной пустоте небытия...

— Дгхрррааннг... сшшхрррррр, — послышалось во тьме, иллюз снова оглушительно гавкнул, опять поползло откуда-то справа тихое, хриплое шипение, а потом была просто чернота перед тем, как меня вдруг начало отпускать...

Зрение и осязание возвращались долго и неохотно. Перед глазами висел чёрный,

непроглядный занавес, и только по краям зрительного поля я с трудом различал белые квадраты плиток. Руки и ноги словно затекли после неудобной позы, казались набитыми ватой.

— Слышь, Фельдшер... помоги...

Меня подхватили сильные руки, и я, ещё ничего не видя перед собой, почувствовал, как меня куда-то несут и укладывают.

— Ну, Фреон, ты ваще... с такой тварюгой договорился... с иллюзом... охренеть... расскажу — брехуном обзовут. Ты веришь, я чуть червяка не родил, пока он там лаял. — Я унюхал водочный запах за секунду до того, как холодное бутылочное горлышко коснулось губ. — Ты лежи...

— Кой... на фиг лежать? Валить отсюда надо... срочно... где Ересь?

— Отрубился парень вместе с тобой... должно быть, zenки открыл. Пока ещё не очухался.

— Уходим! — Тьма перед глазами немного рассеялась, и я рванулся к двери, но только растянулся на полу. В голове металась одна мысль — бегом отсюда, как можно быстрее, но ноги и руки не слушались — меня начало трясти крупной дрожью.

— Он ушёл, слышишь? Ушёл вообще! Да, из подземелья... в последний раз заорал с улицы, я слышал чётко! — Фельдшер удержал меня за плечо.

— А если вернётся? Тогда что? Не будет здесь дороги, понял! Не будет, пока он не сдохнет или сам не уйдёт. Убить его под землёй нереально, скорее друг друга перестреляем.

— Смотри, — тихонько сказал Фельдшер. — Мне почему-то кажется, что не вернётся он сюда.

И «свободовец» протянул мне кусок серой бумаги, оторванный от обложки лабораторного журнала. На нём были коряво, по-детски нарисованы красным карандашом два человечка, один из которых с ненормально раздутой головой шёл за другим в сторону от четырёх полукругов, очень похожих на бетонные надстройки подземелья. Рисунок хромал на обе ноги, но этого, с большой головой, точно вела девочка. Это была именно девочка в платье-треугольнике с грубо нарисованными длинными волосами.

— Это было вложено тебе в руку. — Фельдшер выглядел совсем убито. — И можешь меня пристрелить, если я хоть что-нибудь понимаю.

На следующее утро мы нашли Малика.

Он оказался совсем рядом, в соседней с виварием душевой. От сталкера оставался только разорванный вдоль спины и вывернутый наизнанку комбинезон, пара десятков костей и аккуратно уложенный в раковину череп. ПМК, полупустой рюкзак, несколько банок консервов и тронутый ржавчиной АКСУ лежали тут же. Пулевых отметин на стенах я не нашёл, магазин автомата был полон, хотя пружина подавателя, похоже, уже пришла в негодность. Без боя сдался мужик... и мне стало страшно от понимания того, как именно погиб сталкер, сколько времени он здесь умирал от ужаса и жажды, не в силах даже ощупью найти выход.

— Прав был Лунь, — тихо прохрипел осунувшийся после вчерашней встречи с иллюзом Ересь. — Как же он был прав... эх, дурак. Знал бы, что такое тут есть, что это не сталкерские пугалки для новичков, а в реале Зона такая, — свалил бы отсюда в тот же день... тогда бы это прокатило. Точняк получилось бы свалить. Дебил, млин... на хрена я вообще сюда сунулся...

— Найдём выход — вали без проблем, — буркнул я, обыскивая рюкзак погибшего сталкера. — Извини, брат... сам понимаешь, не нужно тебе всё это, а нам сгодится. Ребятам скажу — помянем, вспомним тебя добрым словом.

— Ты что, с покойником разговариваешь? — Фельдшер подошёл, присел на корточки. — Странно. Ему по барабану — душа отлетает когда, то ей, по моему мнению, на тело по фиг становится.

— Если она есть, эта самая душа, — буркнул я, копаясь в рюкзаке. — Вот, держи...

патроны для твоего автомата, лишними точно не будут. А тут... вот же гадство, а. Глянь!

Искал Малик выход за Периметр. И понятно почему. На дне рюкзака, под сопревшей, разъеденной плесенью тканью лежали деньги. На вид — не меньше тридцати тысяч долларов в бумажных свёртках, перекрученных изолентой. И толстые пачки пятитысячных, всё так же аппетитно красноватых, тоже в связках. Заработал Малик себе на жизнь... то-то из ходок не вылезал и, видать, сорвал-таки куш... наградила Зона. Правда, по-своему наградила, так, как только она одна умеет.

Лежат денежки на дне рюкзака. Да только понятно мне уже, что не про нас они. Зона, стерва... не тронуты вещи в рюкзаке, а от особенной, едучей плесени только дно выгнило и запасной свитер, в котором деньги завёрнуты, тоже весь в труху превратился. И не деньги это теперь, а одна видимость. Мне прикасаться к ним не нужно, чтобы понять — зола это. От малейшего прикосновения развалятся. Впрочем, попытался ухватить стопочку долларов, приподнял, а она — как талый снег в ладони развалилась, грязью серой, влажно ватой, и кисло так завоняло.

— Ну и паскуда же ты, Зона, — проговорил я, отряхивая ладони. — Что называется, ни себе, ни людям.

Фельдшер, не веря, поднял рюкзак, и пачки купюр шлёпнулись на пол, разбившись на куски, словно сырая глина.

— Засада. Вот же ж блин горелый на всю морду... — печально вздохнул он.

Ересь молча подошёл к серым и красноватым кучкам и начал в них остервенело копошиться, пытаясь найти уцелевшие деньги.

— Уймись. Не наши это бабки, а Зонины. — Фельдшер хлопнул парня по плечу, и тот как-то разом успокоился. — Какие наши годы... срубим ещё. Только бы ход найти, а дальше правильные дяди нам всем отбашляют.

Тем временем я подобрал две банки консервов и внимательно их осматривал. Пятнышки на них есть, это да, этикетки почти отвалились, но крышки не вздутые, в лаборатории круглый год прохладно, и не просрочены они ещё, судя по выбитым на крышках цифрам.

— Сталкер, это уже совсем... мелочевка. — Ересь, к моему удивлению, не сказал привычное «сталкерок». — Не стыдно по мизеру трупиков обирать? Хорь нам жратвы с собой много дал. На хрена?

— Знаешь, Философ, не в обиду... ты в Зоне со вчерашнего дня, если с моим стажем сравнивать. Сто процентов, что тебе здесь ни разу не приходилось по неделе голодать, когда пустую водичку на костре кипятишь и её, родимую, вместо чая хлещешь. Да, сейчас хавки у нас полные рюкзаки. Это сейчас. Однако её уже немного меньше с начала похода. А чё будет через неделю, две? Может, у тебя где тайник продуктовый есть?

— Да ну нахрен эти банки... — Философ отвернулся. — Может, они заразные какие... или с радиацией. Да и просто... с трупиком рядом валялись.

— Вот за такую консерву, — я подбросил в руке банку «гречневой каши с говядиной», — здесь иногда в спину стреляют.

— Факт, — кивнул Фельдшер. — И даже за меньшее убить могут. Да что там могут, убивают... только в путь.

Спасибо, брат Малик. За две сотни патронов к автомату, за три банки каши с мясом и две со сгущёнкой. За пару тёплых стелек в ботинки и хороший, крепкий складной нож юсовского производства. За ПМК с инфой — нипочём этой маленькой умной машинке сырость и время, заработала, хотя и заблокировала вход в систему. Но это ничего, Фельдшер обещался на следующем привале взломать защиту. Может, где интересные районы сталкер отметил, памятки на «грибные» места Зоны.

Спи спокойно, друг.

Поиски в лаборатории мы продолжили. Глупо, наверное, но почему-то поверил я этому листку с корявым детским рисунком. Почти точно знал, что не вернётся в своё логово иллюз. И видел я ещё следы на слежавшейся, влажной пыли. Отпечатки босых ног, которые могли

принадлежать только девушке лет двадцати... узкая, аккуратная такая ступня, пальчики отпечатались, и совершенно дико мне было такое видеть. Там, где взяла меня та тварь и лишила всех чувств, прямо к тому месту, где я лежал, — цепочка тех странных следов. И обратно — по своим же отпечаткам ушла. Кто она была, зачем спасла, почему увела тварюгу из лаборатории и как ей вообще это удалось — не знаю. А ведь слышал я тихое хриплое шипение где-то в стороне, прерываемое иногда лаем иллюза. Переговаривалась она с ним, что ли? Спорила? И кто — она? И почему ты, Фреон, так уверен, что именно она, а не он? Решил по следам? Но сам-то подумай, откуда в дремучей, нехоженой Зоне может взяться босая девка? Непонятно, и от того — очень неуютно мне в этих коридорах. Зона — она в принципе такая, сам чёрт не разберётся в тех штуках, что тут постоянно случаются, но... но это уже слишком.

Фельдшер никого рядом со мной тогда не заметил, Ересь и подавно. Однако и бумажку я сохранил в нагрудном кармане, и следы хорошо запомнил. Если бы не это, если бы не пришла та, босоногая, то... до сих пор лежать бы нам в этой лаборатории кулями, и не то что ползти куда, а даже понять, где низ, где верх, не смогли. Иллюзу оставалось бы только дожидаться, пока сдохнем и хорошенько протухнем. «Свободный» до сих пор думает, что это я группу из этой капитальной задницы вытащил, с тварью договорившись, даже Ересь хоть немного, но начал уважать, не крысится, «сталкерком» не называет. Но моей заслуги никакой здесь нет. Группу-то я свою фактически угробил, и если б не чудо это непонятное, то всё, хана со знаком качества для всех нас. Называется, расслабился сталкер, думалку вовремя не включил, тишину на входе не дослушал. Здесь такие вещи не прощаются. Ладно хоть, что «свободный» следы те не заметил, а то спрашивать бы начал... и плох тот проводник, который на такие вопросы только руками разводит.

Основные лабораторные отсеки закончились. Пошли технические помещения, небольшие склады, буквально заваленные горами подшитых в папки листов и бобин с магнитной плёнкой, душевые и туалеты. В некоторых комнатках были компьютеры почти современного вида — лаборатория была брошена в две тысячи седьмом, а существовала ещё с советских времён — на некоторых папках подожжённых, но так и не сгоревших архивов под слоем старой копоти угадывались цифры «1988». Интересовался этими бумагами Фельдшер, задерживался иногда над покоровившимися фотографиями, графиками и таблицами и наконец не выдержал:

— Слышь, Фреон, я чё-то не догоняю. Не, нам говорили, конечно, что Зона не с две тысячи шестого года началась, но думал я — брехотня досужая.

— Дружище, вы же, как ты сам говорил, инфу в Зоне собираете. А ты такой махровый наив выдаёшь...

Фельдшер обиделся.

— Я вообще-то не аналитик, а сталкер и боец. Не моё дело в бумагах найденных копошиться — на это специальные ребята в нашем штабе сидят. Им и относил.

— А самому полазить, полистать — неужели не интересно?

— Читал, конечно... но там всё больше другая инфа была, часто даже мне не очень понятная. Я-то врач по образованию, не физик... а по биологии мне особо и не удавалось ничего найти. Сам я в две тысячи девятом в Зону пришёл, сразу к «Свободе» прибил.

— Тогда понятно... не брехотня это, друг. — Я приостановился, внимательно разглядывая поворот коридора, бросил пару гаек, сверился с показаниями детектора. Нет аномалий... удивительно. — В две тысячи шестом первый Выброс был, потому так и считается. А Зона на двадцать лет раньше началась.

— О как... значит, не ввали наши долгожители... — Фельдшер даже присвистнул.

— Слушай, давай потом я расскажу. На ходу здесь трепаться не дело... тварин и аномалий пока нет, но уж лучше на привале поболтаем, лады?

— Угу.

Да уж, Фреон... зря ты про наив брякнул. Сам-то хорош. Пока лаборантскую карточку не заработал, ничего ведь не знал толком, тоже думал, что Зона впервые о себе в шестом

году заявила. А вот когда начал для «ботаников» информацию собирать, когда по Зоне в подземных комплексах ползая, когда послушал учёные разговоры в курилках НИИ, вот тогда-то полная картинка и нарисовалась.

А Зона началась с аварии на ЧАЭС. В тот же самый год, как впервые рвануло и потравило всё вокруг радиацией. Когда начали эвакуировать людей из зоны отчуждения. Когда провели колючей проволокой границы этой самой зоны, которую тогда ещё никто не называл с большой буквы. Когда начали строить первые корпуса НИИ, а первым учёным было строго запрещено говорить слова «аномалия» и «артефакт». И тогда же, сразу после эвакуации, полезли в оставленную людьми Припять мародёры, начали бродить по брошенным посёлкам любители дармовой наживы — вещей в покинутых домах оставалось много, люди-то думали, что уезжают ненадолго и скоро вернуться. Несмотря на все усилия военных и милиции, мародёрство процветало... и даже не того тогда власти опасались, что радиоактивные ковры и телевизоры на рынках всплывут, а совсем, совсем другого...

Начали воров, кроме вещей, выносить странные слухи. Кто-то говорил о синих огнях на ночных улицах Чернобыля. Кто-то на ровном месте вывихнул ногу и заявлял потом, что держало его на земле как будто бы неподъёмной тяжестью. Ещё кто-то видел мутанта, хотя за год-полтора ну никак не могли они появиться, или рассказывал о «крысиных кладбищах» из сотен мёртвых зверьков. Большинство людей этим байкам не верили, но правительство почему-то крепко нервничало, всякий раз усиливая охрану старого периметра. Ловить мародёров стали чаще, но те, кого не поймали, способствовали дальнейшему распространению странных, фантастических, а иногда и пугающих слухов о Припяти и Чернобыле. Засекречивание информации, тайные строительства в зоне, отказ впускать журналистов со временем могли бы произвести сенсацию при первой же утечке. А сенсации были тогда совсем не нужны... и тогда одна светлейшая голова придумала весьма замечательную штуку. В газетах, журналах, журнальчиках, газетёнках замелькали НЛО, зелёные человечки, барабашки и контактёры. В периодике стало пестро от сообщений о зомби в деревне Плевакино, о крысах-мутантах в московском метро, о снежных человеках в тайге... позже появились десятки ярких изданий в чёрно-красных тонах, где полуголые девки обнимались с «колдунами» и «пришельцами». «Потаённые силы», «Секреты власти», «Эзотерики тайн» завалили прилавки газетных киосков. Пипл какое-то время кушал. И, наевшись досыта, махнул рукой: «О каких, к чёрту, аномалиях под Припятью вы тут распинаетесь? Да вы чё? Уже не интересно... ага — ага. А один колдун недавно через горы телепортировался к тибетским посвященным — вот оно в реале было. Даже в газете напечатали...»

И вот эта идея одного совсем неглупого человека сохранила тайны будущей Зоны лучше самой строгой секретности. Слухи продолжали выползать, но просто захлёбывались в мутных потоках газетно-журнальной чертовщины. Ни один уважающий себя журналист не желал больше писать о «чудесах», ни одно уважаемое издание не хотело дискредитировать себя статьями об «аномалиях» и «мутантах», и потому спецслужбам лишь изредка приходилось устраивать несчастные случаи особенно болтливым людям, которые были в курсе настоящих «чудес». Система функционировала, лаборатории по старому Периметру строились, начали работать НИИ «Агропром» и НИИ селекции и генетики, который в секретных документах уже значился как НИИАЗ, то бишь Научно-исследовательский институт изучения аномальной зоны.

И работала система эта практически без сбоев. Учёные начали накапливать материал о редких тогда ещё «жарках» и «трамплинах», отлавливали первых не менее редких мутантов, как величайшие драгоценности, берегли «медузы» и «капли», которые отправлялись в Москву и Киев в тщательно охраняемых броневиках для досконального изучения в закрытых институтах. Военные в те времена уже стреляли в мародёров, из разношерстного племени которых потихоньку начали отпочковываться первые сталкеры, именно сталкеры, которые искали в зоне не цветмет и фарфоровые сервизы, а охотились уже за артефактами...

И так бы тихо и незаметно это всё проходило дальше, как оно обычно и проходит в

таких случаях. Учёные тихонько искали и тайно изучали, сталкеры тайком в зону заползали, и по ним военные постреливали, но опять-таки без шумихи и лишней болтовни.

Но в две тысячи шестом году «зона отчуждения» вдруг стала Зоной. Скрыть тот самый первый Выброс, вспышку которого видели за сотню километров, спустить на тормозах «жёлтой» прессы грандиозный ажиотаж не получилось. Спешно были брошены на «ликвидацию Второй катастрофы» военные части, которые почти в полном составе и погибли; никаких новостей не было ни с Агропрома, ни с уничтоженных до последнего человека Армейских складов. Периметр спешно усилили — Зона была уже совсем не та, что раньше.

Тогда же, в две тысячи шестом, в Зону ринулась волна сталкеров. Которые тоже начали массово гибнуть, но немногие выжившие выносили такие штуки, которые позволяли разбогатеть сразу и всерьёз. Началась лихорадка... сколько народу погибло тогда, я до сих пор не представляю... понятно, что тысячи...

А в две тысячи седьмом, всего через год, ахнула Третья катастрофа, Выброс неслыханной, устрашающей мощи, стремительно превративший Зону из маленького пятнышка на карте в большое грязное пятно.

— Держи. — Я передал Фельдшеру свой ПМК с открытой заранее папкой с текстами. — Накидал я там немного своих мыслей и наблюдений из того, чем НИИ со мной поделился. Есть кое-что и про старую Зону, что до две тысячи шестого года была. Хочешь, на свои хард-драйвы перекачай. Может, вашим правильным дядям пригодится.

— За это спасибо, почитаем. — «Фримен» подключил к моему компьютеру тонкий шнур и «перебросил» файлы. — Но на мои диски залить уже не выйдет — там такая защита, что без специального ключа всю информацию потерять можно.

— Как знаешь.

Негромко пикинул детектор аномалий, отмечая гравитационные возмущения впереди и справа, на тёмном экране загорелись синие столбики уровней интенсивности. Ну вот, наконец-то... а то я уж было совсем решил, что тут, под землёй, Зоны нет — вялая и, похоже, уже доживающая свой век «электра» нашлась только в одной из вентиляционных шахт, и то почти у поверхности. Кстати, неплохая мысль относительно этих подземных помещений есть. За все Выбросы ни одна аномалия следов тут не оставила, одни только «плешь» с «электрой» и есть, да и те снаружи. Может, «палестинка» подземная? Ежели лишнее барахло отсюда вышвырнуть да чутка благоустроить, чем не подземный лагерь для нашего брата? А уж если и выход за Периметр есть, то...

— Слушай, Фельдшер... как бы это сказать. Заметил я, что лаба чистая, не фонит, аномалии только по верху да тут, с краю, нарисовались. Раз уж весь «Росток» под «Долгом», так, может, вам здесь лагерь разместить? И тоже сталкеров привечать, бар там, ночлег обустроить? Вы же вроде с вольными бродягами не в контрах.

— Мысль неплохая, — кивнул «свободовец». — Но... ух, не мне это решать. Месседж кину начальству, может, и заинтересуются. Но видишь, в чём трабл... людей у нас сейчас очень мало, едва «палестинку» нашу на Милитари удерживаем. Просто не хватит сил. А вы, вольные, чего не возьмётесь?

— У нас каждый сам себе группировка. Бесплезняк, — отмахнулся я.

— Помнишь, ты спрашивал, отчего я в одиночки не иду?

— Ну, было дело, — согласился я.

— Вот потому, собственно, — усмехнулся Фельдшер.

Детектор показывал высокую аномальную активность уже в следующем помещении. Прибор засёк уже больше пяти очагов, и это даже сквозь толстый бетон стены. Похоже, совсем рядом подземная ветка, которая, по идее, от Тёмной долины идти должна. Вроде дошли... вот он, выход к секретной подземке.

— Чего-то мне вдруг как-то перехотелось туда гулять, — задумчиво пробормотал «фримен».

В принципе я был с ним солидарен. Подсобные помещения лаборатории закончились

небольшим складом с пустующими стеллажами, и у дальней стены пол слегка уходил вниз к большим воротам, рассчитанным скорее всего на въезд лёгких грузовиков. И если в брошенной лаборатории почти не было признаков влияния Зоны, то в неровном свете десятка мерцающих люминесцентных ламп эти ворота выглядели, мягко говоря, жутковато.

Не ржавчина даже, а какая-то иссиня-чёрная накипь давно съела всю краску, покрыв металл уродливыми пузырями и желваками размером с кулак. Мало того, застывшие потоки этой массы разбегались от ворот на пол, стены и потолок длинными, неровными языками, словно в створки с размаху бросили большую бочку загустевшей краски. От металла исходило лёгкое тепло, ощутимое даже на расстоянии, и по складу гуляли странные сквознячки.

— Ну что, приехали? — Ересь с облегчением сбросил на пол рюкзак и уселся на него сверху. — Я туда не пойду, ну на фиг...

Проверяя путь гайками, я приблизился к воротам. Слабое тепло превратилось в хорошо ощутимый ровный жар, и вблизи стало видно, как мелкой сеткой трещин взялся нагретый бетон, а сами ворота заметно просели на петлях. Детектор надолго «задумался», а потом выдал на экран жёлтый квадратик с буквами «а. н. т.» — «аномалия неизвестного типа», и рядом несколько графиков — торсионное излучение, гамма-фон, ловушки нейтрино и прочее. Нечасто это случалось с моим отличным, самой последней модели научным детектором, чтоб вычислил он «аномалию неизвестного типа». Новые аномалии, да и некоторую часть «старых» он попросту игнорировал, как, впрочем, и любая другая научная машинка. Не придумали ещё такого детектора, чтобы по Зоне позволял свободно, без оглядки гулять. «Занести показатели в базу данных?» Я нажал «подтверждение» и дождался, пока детектор «запомнит» характеристики. Лишним оно не будет... раньше, кстати, за такую информацию «ботаники» платили щедро. Как сейчас — не знаю. Теперь-то между мной и «наукой» злые дяди с автоматами дежурят, а я уже скоро неделю как не лаборант.

— Обидно, блин, — вздохнул Фельдшер. — Столько прошли по этим дурацким подвалам, вот он — выход, и... эх... кстати, предлагали мне наши в нагрузку к автомату две тротилловые шашки. Не взял. А оно бы сейчас пригодилось.

— Слушайте, народ, — Ересь осмотрелся, — тут же, типа, склад?

— Ну, типа да, — кивнул я.

— Короче, мысль у меня... я же это, после пэтэухи на складах грузчиком подрабатывал. И везде обязательно помещение с хламом было... ну, его типа каждый раз должны завтра вывезти, и оно годами пылится. Сто пудов, тут где-нибудь есть вот эти железные шкафы с лампочками и кнопками... в лаборатории-то их до хрена было. Должны же они перегорать?

— А чувак здраво мыслит... — усмехнулся Фельдшер. — Слышь, у них же внизу съёмные колесики есть, я обратил внимание, что там специальные гнёзда под них предусмотрены. В шкафчике этом килограмм двести будет точно, на руках же его «ботаники» таскать не будут?

— Предлагаешь разогнать и туда, к воротам?..

— Дык! — «Фримен» улыбнулся. — Ворота, по ходу, на соплях, может, и вынесем, а?

Ересь как в воду глядел по поводу запасов хлама на складе. В одной из боковых комнатух действительно стояли в ряд не меньше десятка железных «комодов» с тумблерами, счётчиками и рядами разноцветных кнопок. На некоторых «гробах» были следы копоты, от них до сих пор пованивало горелой изоляцией. И — факт, все шкафы были поставлены на колёса. Правда, насчёт двухсот килограммов Фельдшер поскромничал — мы буквально умылись потом, прежде чем вытолкали на сравнительно невысокий уклон один из таких «гробов».

— Ну, взялись? — весело гаркнул «свободовец», наваливаясь плечом на железный торец шкафа.

— Взялись, — кивнул я, начиная толкать махину, негромко хрюкнул от усилия Ересь, и шкаф, пронзительно свистя колесиками, начал набирать скорость.

На склоне, ведущем к воротам, уже прилично разогнавшуюся научную технику немного повело в сторону, «гроб» начал крениться, готовясь завалиться на бок, с треском отлетело от крепления одно из колёс, от чего угол шкафа громко заскрежетал по бетонному полу.

Упасть «гроб» не успел, так как на очень хорошей скорости гулко врезался в правую створку ворот. По — сыпались куски чёрной «ржавчины», разбивавшиеся внизу на целые рои ярких жёлтых искр, где-то сверху глухо, но мощно кракнуло, и штыри, удерживающие петли ворот, начали на глазах вылезать из трещиноватого, потемневшего бетона. Первой вывалилась наружу, в тоннель, правая створка, гулко лязгнув при падении, левая упала чуть позже, почти поперёк прохода, подняв воздушную волну, от которой немедленно погасли все лампы на складе. Единственным источником света остались наши фонари и занявшийся ярким оранжевым пламенем научный «шкаф», в котором начали выгорать печатные платы и изоляция. Из раскалённой, багровой тьмы тоннеля прилетел обжигающе горячий, удушливый ветер, поднявший с пола пыль и обрывки бумаги, и в красноватом зареве хорошо видны были провалившиеся остовы нескольких грузовиков и почерневшие, местами оплавившиеся балки перекрытий. Было даже странно, что туннель до сих пор не обрушился...

— Хрена себе, сауна. — Фельдшер закрылся рукой от летающей пыли и плотного жара. — Дышать нечем.

— Ну, первый пункт можно смело вычёркивать. Идём отсюда. — И я первым повернулся спиной к дышащему жаром проёму...

Не пустила нас Зона дальше. Ну что ж, бывает... никто и не обещал лёгких путей. Да и, наверное, к лучшему, что уходим мы с «двенадцатой». Иллюз очень даже может вернуться в свою берлогу, и второй встречи с этой тварью я, наверное, уже не выдержу.

— Ну, как? — Хорь, уже обустроивший «торговую точку» и даже успевший огородить металлической сеткой свой «прилавок», посмотрел на нашу команду.

— Каком кверху, — буркнул я, проходя мимо торговца в бункер.

— Ты б, мил человек, сперва нас накормил, напоил, в баньке попарил, а потом уже и спрашивал. — Фельдшер сбросил рюкзак, потянулся и сладко зевнул.

— Ага... это меня скоро попарят. В баньке. Веничком по филею. — Хорь взгрустнул. — У меня связь сначала с вами отрубилась, а потом и вообще ПМК работать перестал... по ходу, бывшее моё начальство с НИИ канал отрубило. Значит, не нашли... вот блин. А я уже сообщил.

— Чего ты сообщил? — Фельдшер непонимающе взглянул на торговца.

— Что, типа, есть туннель, уже нашли... сам же отписывал про те бункеры, что, мол, ветка там с Тёмной долины есть.

— Я только предполагал... эх, ты, чуча! Вот сам и оправдывайся. — «Фримен» виновато взглянул на меня. — Ну... да. Нужно было иногда мессаги кидать, как там и что. Ну, просто надо...

Надо же, и «свободный» знает, зачем он со мной, и я это знаю, и даже Ересь, по ходу, в курсе, зачем это «фримен» сообщения через каждые несколько часов пишет. Однако как будто даже совестно «свободовцу» за роль конвоира. Глаза опустил, вид очень даже виноватый... хороший он всё-таки мужик.

— Да ладно, ерунда. Возражений нет, — отмахнулся я. — Чего уж там...

— Что будете дальше делать? — Хорь пытливо взглянул на меня.

— Сначала — долго спать. Потом снова спать, но уже меньше. А перед всем этим — заправиться горячим питанием. С этим как, в твоём «Схроне» налажено?

— Ещё не совсем. Насчёт поесть горячего — чутка обождите. Где дрыхнуть, тоже есть. Но уже, извиняйте, не бесплатно.

И торговец отвернулся к стеллажам, где продолжил налаживать полки. В принципе без претензий, всё правильно — Зона, альтруистов нет, а свою часть договора Хорь пока выполняет.

— Вот это, — я достал из рюкзака «лунный свет», — по скромным подсчётам, в Зоне тянет на шесть тысяч долларов. Минимум. Сколько на Большой земле — даже не берусь предположить. Держи.

— Вот же ж ты зараза, сталкер, — укоризненно покачал головой Хорь. — А когда я в Баре работал, то от тебя, кроме хлама, ничего и не видел.

— Что было, то прошло. Ну, берёшь?

— Само собой.

Торговец бережно принял из моих рук сверкающий синий шар, от которого как будто стало светлее в «Схроне». Я даже почувствовал сожаление — не хотелось мне расставаться с такой красотой... но деньги будут нужны. Да, деньги.

— Столько налички свободной у меня сейчас нет. Могу на руки дать две, а остальное под запись. Идёт?

— Идёт.

Хорь быстро начал записывать что-то в блокноте, подложив копирку, а затем выдал мне долговую расписку.

— Вычитать за жратву и постой буду из записей. Хотите, набирайте товар на эту сумму или просто приходите лопать и ночевать. Но учтите, долго разлёживаться не дам... скоро торговля начнётся, и без снабжения я не протяну. Ищите, блин!

«Фримен» остался поболтать с Хорём, Ересь устроился в уголке, открывая ножом банку тушёнки, а я просто, не ужиная, побрёл к старому, пахнущему плесенью дивану, буквально на ходу проваливаясь в сон. Ходка была непростой, не сказать, чтоб неудачной, хабара я неплохого намыл, но и едва группу не угробил, и по результатам выхода за Периметр тоже пока нет. Ух, всё-таки намного проще одному ходить. Мысль эта была последней перед тем, как я провалился в сон.

Впервые за несколько дней я наелся. И не просто так, а буквально до отвала, и баночный колбасный фарш с почти целым батоном белого хлеба, запитый тремя кружками крепкого сладкого чая из термоса, показались мне настоящими деликатесами. Островидов, или, как странно называли его сопровождающие не то друзья, не то подчинённые, Остряк, приволок мне целый рюкзак снеди, закупленной тут же, в вокзальном магазинчике. Сопровождавших было шесть человек, и Витя, познакомив меня с ними, сказал просто — «мои люди». Я обратил внимание на некоторую странность в общении — по именам они друг к другу не обращались, только по прозвищам, и первое время откровенно дичились моей компании. Остряк, выслушав мою историю, без лишних разговоров включил меня в «штат». Так я, ещё даже не понимая, что к чему, стал участником какой-то «работёнки», «ходочки», «дельца». В негромких разговорах в полупустом плацкартном вагоне я иногда слышал «зона», «штуки», «схрон», но естественная в таких случаях мысль, что прибился я к уголовникам, меня посещать не торопилась. Не тот человек Витя, да и эти его «люди» на бандитов похожи не были... по крайней мере мне так казалось. Но вот что странные, какие-то диковатые, молчаливые — это да. Никто из них первым со мной не заговорил, на любые вопросы или просто отмалчивался, или отвечал односложно. Очень тихие, какие-то даже малозаметные, что ли, осторожные... я и разговоры-то их только тогда слышать начал, когда Островидов меня отрекомендовал как «своего парня, надёжного».

Сам Витя со мной был не особенно откровенен. Объяснил только, что дела мои гнилые были, прямая дорожка либо в бомжи пролегла, либо на нары. Что, мол, ловить мне теперь на Большой земле нечего. Что теперь в команде я. Всё... ни о том, что такое Большая земля, ни о том, куда и зачем едем, — ни слова. А если учесть, что мне тогда и в самом деле было начхать на то, что случится со мной дальше, я не особенно приставал с расспросами. Несет по течению — ну и пусть дальше несёт.

Границу уже к тому времени давно независимой Украины пересекли в пустом товарняке. Проверки не было — Остряк негромко переговорил с машинистом поезда, сунул конверт, и дверь нашего вагона так и не открывалась почти до самого Киева. Не доезжая

пригородов, поезд сбросил ход, завернул на запасной путь, мы просто спрыгнули из вагона.

Два дня и две ночи пришлось провести в каких-то брошенных сараях недалеко от шоссе — лето ещё не кончилось, и было тепло так, что одну ночь я спал под открытым небом. На рассвете третьего дня на шоссе тормознул сто тридцать первый ЗиЛ с кунгом и дал длинный гудок. «Пора», — тихо, словно только для себя одного, сказал Остряк, и мы пошли к машине. «Порядок?» — спросил он у водителя, тот что-то негромко ответил, хлопнула дверь, и потом я просто долго смотрел в небольшое окошечко армейского кунга на пролетающие мимо столбы, дома, редкие заросли придорожных кустов. Спутники мои молчали почти всю дорогу, лишь во время остановок поговаривая о каком-то «выбросе».

ЗиЛ согнали с узкой, кое-как асфальтированной дороги только под вечер, водитель завёл машину далеко в густой подлесок и заглушил двигатель. «Люди», выскочив из машины, быстро прислонили к ЗиЛу несколько срубленных берёзок и куда-то ушли, чтобы вернуться с большими, облепленными влажной землёй ящиками. Я почти не удивился, когда под несколькими слоями прорезиненной ткани в ящиках оказались новенькие АКМ-74 и патроны к ним, упакованные почему-то не в «цинки», а в матерчатые мешочки. При этом кто-то ворчал, что с «комбезами» вышла «засада», потому что «какая-то тварь надыбала тайник и всё сперла».

— Держи. Пользоваться не забыл как? — спросил меня Витя, вручая автомат и запас патронов.

— Не забыл.

— Вот и ладно.

А и изменился же ты, Виктор Островидов, добряк, балагур, рафинированный интеллигент, примерный семьянин, руководитель проектного отдела КБ. Вроде и ты, лицо узнаю, а в остальном — совсем другой человек... во время дороги и кратких разговоров отмечал я странности, которых не видел раньше: молчаливость, замкнутость, даже жёсткость. А теперь вот хорошо рассмотрел, что складки глубокие от крыльев носа легли. Что лицо обветренное, загорелое, и глаза не то чтобы злые стали, но очень близко к тому. Ледок в них метаящий засел, жёсткий такой, внимательный взгляд... и ещё курить бросил Витя. Факт... ни разу не увидел я у него сигареты, хотя в КБ курилку на перерывах он обычно так задымлял, что можно было просто зайти и подышать вместо того, чтобы тратить своё курево.

— Витя, ты вообще что удумал?

— Ну как... в зону же идём...

— Какую зону?

Обернулся Остряк. Посмотрел внимательно, хмыкнул, покачал головой.

— А какая ещё есть? В эту самую Зону, понятно... ну ты, блин, даёшь. Я-то думал, ты в курсе, раз ничего не спрашиваешь. Но... как бы тебе... не хочу я, чтобы ты бомжесвал или на нары отправился. Хотя... хотя чёрт его знает, что лучше. Ладно, щас...

Островидов обернулся и начал отдавать приказы:

— Сайд, Рокер, бегом к КПП на разведку, посмотрите, чем там вояки занимаются. Камыш, к рации, послушай эфир... и следи за датчиками, здесь уже должно ловить торсионку. Кацо, а ты расскажи Фреону, что тут почём, пока время есть.

Что-то, а командовать Витя не разучился, организатором он всегда был хорошим. Слушалась его нынешняя «свита» быстро и беспрекословно. Кацо подошёл, хлопнул по земле, мол, присаживайся, и начал говорить. Просто рассказывать, даже не глядя на меня, успевая одновременно с этим набивать патронами запасные магазины для автомата. А я сидел, пытаясь хоть как-то сообразить что к чему, уместить в голове эту новую информацию. С удивлением узнал, что про Зону теперь только ленивый не знает, но, видать, выпал я из жизни крепко со всеми этими последними событиями. В общем, рассказу Кацо я не очень-то и поверил. Я вообще мало чему верил в последнее время, хотя и машина, и автоматы, и взгляд бывшего главного инженера были вполне реальными.

Сигнала ждать пришлось долго. Весь остаток дня и вечер Камыш внимательно смотрел на экран маленького ноутбука, временами переводя взгляд на странные приборы, разложенные на полу кунга. И только за полночь он крикнул: «Есть! Начинается, мужики. Бегом в машину!», а по рации кто-то забубнил: «Внимание! Выброс! Всему личному составу немедленно проследовать в укрытия! Повторяю! Выброс...»

— Гони, — крикнул Островидов в окошечко водителя, и машина, взревев двигателем, вылетела на узкую, захлавленную дорогу, затем, через минуту бешеной тряски, притормозила, и в кунг заскочили ребята, отправленные на разведку.

— Ништяк, мужики. Армия по блиндажам попряталась, Выброс на носу.

Двигатель снова взревел, и через полминуты машина с лязгом и грохотом вынесла шлагбаум, похоже, армейского блокпоста — из маленьких окошек кунга ничего видно не было, тем более трясло так, что даже приподняться было почти невозможно.

— Ты смотри, без стрельбы обошлось... ну ты, шеф, голова, — перекричал шум мотора один из парней. — Сколько до погребов?

— Четыре километра ещё. Надеюсь, в темноте вешики видны, дорога тут есть для машины... ого!

Тяжёлый, зубодробительный гул накатил со всех сторон, от которого, казалось, начали мелко вибрировать внутренности, а к горлу подкатила сильная тошнота.

— Ништяк садануло... однако первый звоночек, — крикнул, по-моему, Кацо. — Знатный Выброс намечается, мужики!

И окошечки кунга вдруг высветило густым, насыщенным багрянцем, опять загудело вокруг, и я слегка приоткрыл рот, чтобы не так ощутимо била по зубам мелкая, но противная, болезненная вибрация. Багровый, неприятный свет погас, но зато в голове ровно, громко запело на одной ноте, словно я разом приложил к ушам две телефонные трубки. В нос ударил резкий запах рвоты — кто — то не выдержал накатывающей волнами дурноты.

— Долго ещё? — едва расслышал я голос.

— Уже ря... ом... — разобрал я ответ водителя, но тут в небе оглушительно, трескуче грохнуло. Окошки залило огненно-рыжим светом, постепенно тускнеющим до светло-вишнёвого, и двигатель машины вдруг заглох одновременно с новой волной тошнотворного гула, отдавшегося в голове острой болью.

— Бежим! Здесь меньше полукилометра! Успеем! — гаркнул Остряк.

То, что я увидел потом, до сих пор вспоминается так же чётко и детально, словно это случилось вчера.

Я раньше никогда не видел такого неба, подсвеченного больным розовым огнём, от чего низкие тучи выглядели громадными кусками окровавленного мяса, шевелящимися, какими-то удивительно объёмными, между которыми пробивалось рыжее, злое мерцание. Под этим кошмарным небом ночь превратилась в багровые сумерки, и под ежесекундными вспышками чудных оранжевых и ярко-зелёных молний засверкали крупные капли начинающегося ливня. Остряк бежал впереди меня, направляясь к хорошо видимым в красном зареве домам какой-то деревни, иногда оглядываясь, и я видел сильный, неподдельный страх на его лице.

— Бежим, мужики, БЕЖИМ! — едва услышал я сквозь давящий вой в ушах, затем у меня в носу что-то тихонько хрустнуло, и по губам к подбородку побежала тёплая, липкая струйка.

Небо на секунду полыхнуло тусклым серым светом, от чего тучи из красных стали вдруг чёрными, и сразу после этого мир словно резко оторвали от меня, бросив его куда-то вверх и в сторону, и по сухой траве бежало уже вовсе не моё, а чужое, непослушное тело. Когда в сознании совсем почернело, я до боли прикусил язык, и снова накатила невыносимая тошнота, взорвалась в голове вспышка боли. Зрение почти перестало работать, но мне было ещё видно, как споткнулся Камыш, как его повело в сторону, а затем он просто перестал бежать, упав на колени и задрал к небу лицо.

— Е-му... хана! Всё-о! — сорванным хрипом остановил Остряк Рокера, метнувшегося

на выручку другу, и я, оглянувшись, увидел, как Камыш при попытке подняться просто рухнул лицом на дорогу и уже больше не шевелился.

Когда и как свалился Кацо, никто не видел, но в глубокий погреб мы прибежали уже вшестером. Потерю заметили не сразу, так как все вповалку лежали на холодном земляном полу, хрипя и сморкаясь кровью, до белых кругов в глазах сжимая веки от невыносимой головной боли. Выброс кончился через двадцать минут... но я был уверен, что он длился несколько долгих, страшных часов, и когда последние раскаты грома утихли, когда прекратился назойливый «телефонный» вой в ушах, Рокер щёлкнул фонариком.

— Мужики... хана Кацо. Нет его с нами, — прохрипел он.

— И Камыша тоже Зона прибрала...

Остряк, скрючившись, сидел у картофельного ларя, набитого сгнившими до черноты овощами. Он молчал, обхватив голову руками, и Рокер тихонько ткнул его в плечо.

— Не зарубайся, мужик. Не ты виноват... кто ж знал, что машина накроется? Все под Зоной ходим. Сам знаешь, как оно тут бывает.

— Жалко ребят, — вздохнул ещё один, пока мне не знакомый парень в армейском камуфляже, который, кажется, и был водителем ЗиЛа. — Надо было по-моему. На лапу воякам дать, и все дела.

— Угу умный какой. Они тебя после за блокпост пропустят, а потом машину в ключья из пулемётов и посекут. Оно им выгодно... и бабки наши у них, и отпуска с поощрениями от начальства. Так что не трюнди... всё правильно Остряк сделал.

И на этом все разговоры закончились. Никто не заснул до самого утра, сидя в углах воняющего гнилым картофелем подвала, слегка освещенного маломощным подвесным фонариком.

Утром мы увидели Камыша. Парень сидел, сгорбившись и низко опустив голову, на рассыпавшейся поленнице в нескольких шагах от погреба. На окрик он поднялся и неуверенной, шатающейся походкой двинулся к нам. Так я впервые понял, что у Зоны есть лицо... обвисшее, с полуоткрытым ртом, забитым хлопьями густой пены. У Зоны были глаза... бессмысленные, почерневшие, налитые кровью. Сама Зона в облике Камыша ковыляла к нам, бессвязно мыча и роняя слюну на грязную камуфляжную куртку.

— Камыш... братишка. Ты чего? — выдохнул Рокер, отступая назад, к погребу.

— Это уже не он, — глухо проговорил Остряк, доставая пистолет. — Зомби.

— Может... может, ещё нет, а? Антишоковое ввести, нейростимулятор...

— После Выброса? Нет, дружище, он мёртвый... как будто сам не знаешь.

Хлопнул выстрел, и во лбу бывшего Камыша появилось тёмное треугольное пятно. Он остановился, поднял руку и начал ощупывать бескровное отверстие. Остряк выстрелил ещё два раза, прежде чем зомби свалился на землю, и практически разбил ему голову, выпустив остаток магазина почти в упор.

— Зачем... — натужно завыл сквозь сжатые зубы бывший водитель ЗиЛа, падая на колени и сгребая пальцами землю в горсти. — Зачем я на это подписался, а? Ну ёлки ж, а... ну, на хрена?..

— Харе канючить. Тебя предупреждали, но ты сам захотел, — не оборачиваясь, проговорил Остряк. — Поэтому заткнись и поднимайся.

«Интересно, а предупреждал ли меня кто-нибудь?» — подумал я вместо того, чтобы спросить это вслух. Но так и не спросил. Ни разу.

Вот и интересно мне до сих пор... спасибо сказать Остряку, Витьке Островидову, напарнику моему первому и последнему, пусть Зона ему пухом будет, или же проклятие бросить его костям, до сих пор, наверное, лежащим в тех самых «смерть-кругах» на Болоте.

— Странно ты как-то спишь, дружище, — заметил Фельдшер. — Вроде и на диван хлопнулся, вздремнул полчасика, и вот уже два часа в потолок пялишься.

— Да так... прошлое не отпускает, — усмехнулся я.

— Знакомо.

— Кем был-то?

— Говорил же — врачом. Хирургом. Причём неплохим, надо сказать. — Фельдшер прикрыл глаза и откинулся в старом, но ещё крепком кресле, которое Хорь, видимо, решил не выбрасывать.

— Я в курсе. Подробнее бы.

— О как. Ну, лады. Только, чур, история за историю.

— Договорились.

— Эх-х... с чего бы начать... ну, я-то сам из семьи докторов. Говорят, конечно, что дети не любят ходить по стопам родителей, но вот со мной совсем другой случай. Я медициной со школы болел, да, мечтал хирургом стать. В восьмом классе ещё начал в Сеченовку готовиться. Химия там, биология, всё чётко, знал я эти предметы получше учителей, батя вузовские учебники достал, когда для меня школьные слишком простыми стали. На олимпиады ездил... даже международные. Физику, алгебру подзабросил я тогда, бывало, двойки проскакивали, но после первых результатов перестали меня по этим предметам пекать, даже на выпускных бумажки с решением подложили. Поступил без вопросов. Ну и отучился до третьего, перешёл на хирургию, красный диплом, ординатура, окончил на ура. Предложили направление в какую-то районную клинику, я туда устроился. Денег, конечно, особо никаких, бюджет, но сама работа нравилась очень. «Больших» операций немного было, в основном переломы, гнойники, два раза удалял аппендицит. Ну, обычная, нормальная работа. Года полтора я в поликлинике той отработал, и позвали меня в область, в крупную больницу. Перевёлся. Работы больше стало, попадались сложные, интересные случаи, и мне потихоньку начали доверять серьёзные операции. И никого я, брат, за всё время не зарезал. Даже в самых плохих случаях справлялся, людей спасал... эх, на словах это не передать. Чувствовал я, что правильно живу, что вот оно, призвание и признание. Что жизнь — штука классная. С одним стоматологом познакомился... красotka вообще. Свадьбу уже планировали. И вот не было печали...

Приехали как-то по зиме какие-то шишки из Москвы к губернатору по случаю его юбилея. Ну, всё как полагается, встреча, поздравления, на охоту поехали. Егеря потом рассказывали, что загон за две недели подготовили, лосей специально из питомника завезли, охотничьи домики обустроили, всё чином. А те приехали и... ну, короче, просто перепились на природе и начали по бутылкам меткость свою показывать. Ор, стрельба на весь лес, какие уж там, к чертям, лоси, друг друга бы случайно по дури не задели, охотнички хреновы. Одного губернаторского родственника на геройство потянуло по пьяной лавочке, пошёл в лес дичину искать. А дело-то зимой, мороз под двадцать был, так что ещё повезло, что нашли быстро, всего-то три пальца на ногах отморозить успел. Привезли его к нам, и вижу я, что надо пальцы эти ампутировать, некроз уже начинался. Объяснил ситуацию, с грехом пополам убедил высокопоставленную родню, что таблеточками и примочечками уже никак, только резать. Ну, вроде уговорили дурака, когда я ему в красках расписал, что такое гангрена, хотя до этого трясся он и блажил на всю больницу, что, мол, врачи уроды, им бы только резать, а чтоб лечить нормально, как в Европе, образования не хватает. Согласился он, сволочь трусливая, но с одним условием — чтоб полная анестезия была. А мужик, знаешь, боров поперёк себя шире, салом заплыл безобразно, испитой, прокуренный весь, печень уже с износом, одышка, в сердце шумы. Какая ему, на фиг, общая анестезия? Чтоб три пальца на ноге отрезать? Вообще бред... я говорю ему, что под местным обезболиванием всё быстро и хорошо сделаю. Побелел пациент, орёт белугой, кому-то позвонил, и набежали эти, в кожанках с рациями, и говорят, чтоб делали так, как он скажет, а то, мол, башку прошибём, ноги узлом завяжем, а потом вы же за это членовредительство и сядете. И матом восемь этажей сверху накидали. Всеволод Яковлевич, анестезиолог наш, наотрез отказался наркоз делать, начал объяснять этим, что нельзя, что помереть может, а им по фигу. Деньги совали. Но тот повязку сорвал и из больницы домой пошёл, не могу, сказал, греха на душу брать даже из-за такой сволочи, я, мол, Гиппократову клятву давал. Как ни странно, не

остановили его молодчики, выпустили и через полтора часа другого врача привезли, молодого. И не надо мне было на операцию соглашаться... ох, не надо. Чем я думал тогда...

В общем, кончился губернаторский братишка прямо на столе. Я даже и разреза первого сделать не успел, как на осциллографе нитка поползла. И реанимировать не вышло... сделал массаж сердца, вентиляцию, атропин, но... организм просто в ноль убитый был. Бились мы, бились, а потом, когда уже понятно стало, что точно кончился пациент, анестезиолог этот новенький на пол сел и тихонько так: «Хана мне... убьют теперь». Всё, думаю, приехали.

Суд был, разбирательство, анестезиолога посадили. Я с большим трудом, но отмахался, что не виноват, что был против наркоза, Яковлевич подтвердил. Но по судам таскали чуть не каждый день... и один журналюга, сволота, статью в местную брехаловку написал на первую полосу: «Молодой хирург зарезал родного брата губернатора. Заказ или случайность?» Падла... потом, конечно, опровержение, извинения в той же вшивой газетёнке, но, правда, уже мелким шрифтом и на последней странице.

Из больницы меня сразу же вышибли. Даже без объяснений, просто сказали — пиши по собственному желанию, а если упрёшься, то пеняй на себя, попросаешься с дипломом. Начал я мыкаться по поликлиникам, больницам — нигде не брали даже на должность санитаря. Невеста моя, увидев такие дела, попросила остаться друзьями и вскоре за другого выскочила. Записался на биржу, дал объявления в газету... и через пару дней постучался ко мне человек один. Объяснил я ему все как есть, а он и спрашивает — семья, мол, дети имеются? Нет, говорю. Он — а ты с огнестрелами, ожогами там, рану зашить, это как, дружишь? Диплом показываю и характеристики с работы. Посмотрел он и говорит, ништяк, мол, ты нам подходишь, друг. А знаешь ли ты, чувак, что есть такая Зона, а в Зоне есть группировка из хороших людей, которым врач вот так нужен, позарез. И ни чиновников там нет, ни прочей бяки, и все друг другу братья. Вначале думал — секта. Ну а потом, как материалов подсобрал, знающих людей поспрашивал, так и рванул сюда сразу. И, веришь, не жалею.

— Да, брат. История, — кивнул я. — Одно мне только непонятно. Говоришь, врач «Свободе» нужен, причём даже очень. А ты вот со мной по Зоне таскаешься, какие-то диски выносишь, как будто для этого дела другого бойца не нашлось. Нестыкуха, однако.

— А ты внимательный, — проворчал Фельдшер. — Ничё... расскажу потом как-нибудь, а то сейчас, веришь, не хочется. Тёрки у меня с начальством. Не совсем, но что-то наподобие.

— Как скажешь.

— Как скажу? А так, что твоя очередь, друг, про себя рассказывать. — «Свободовец» приглашающее взмахнул рукой.

И я просто взял, да и рассказал ему всё, в подробностях, хотя и планировал кратко, сухо доложить, где и с кем жил и работал.

Фельдшер слушал внимательно, молча, даже не разбавляя мой рассказ междометиями и вздохами. И только под конец тихо сказал «фигасе» и вздохнул.

— Да, друг... вот это финиш. Жизнь тебя, конечно, по голове не погладила. Но вот бабу свою бывшую с её новым мужиком ты в реале зря завалил. Очень зря.

В другое время я бы злобно огрызнулся и снова «ушёл в себя». Но в Фельдшере не было ничего такого, что вызывало бы злость или раздражение. Странноват он немного, временами чересчур, на мой взгляд, говорлив, но ощутимо идёт от него что-то, определённо светлое, правильное, что ли. Как от той парочки, Луня и Хип. Того же сорта человек, что в Зоне редкость необычайная. Такие здесь долго не живут. Злиться не получается на него.

— Почему же зря? — спросил я вместо того, чтобы матерно послать и отвернуться к стенке, сделав вид, что сплю.

— Я врач, Фреон. И я в курсе, как легко бывает отобрать жизнь и каких усилий стоит её вернуть. Легче тебе не стало ведь, факт, можешь даже не спорить с этим. Ты миру отомстить попытался, а пострелял-то людей, которые тебе лично ничем уже не мешали и давным-давно стали чужими.

— Смотрю, ты правильный, — усмехнулся я.

— Какой есть. Чего-то наш Философ примолк и задумался. Может, расскажешь чего?

— А не хочу, — тихо пробурчал Ересь. — Ничё интересного.

— А всё-таки?

— Папа как сел, так, считай, и не выходил. — Философ пожал плечами. — Неделя, может, две на свободе, а потом опять на кичу. Домой ни разу не заявлялся, я его только на паре фоток и видел. Мамашка не просыхала. Мне и семи лет не было, как её родительских прав лишили. Детдом, позже интернат, после девятого — занюханная пэтэуха, там все наши выпускнички учились, стал типа автослесарем, а в реале воровал, лохов по подъездам прессовал на бабки или мобилы, как, в общем, и наши все. Работы один хрен не было, чем заняться? А уж жильё потом дали — в натуре, как Фреон рассказывал, такие же бараки, если не хуже, коммуналка тухлая. Мы и на хрен никому не нужны были, чтоб нам квартиры выделять, ясен пень. Ну, чё... родных нет, работу такую дали, что зарплата не то что маленькая, а ваще ржач. Манал я такие бабки, которых даже на жильё не хватало. Ну и покатилося... с пацанами по вечерам лохов трясли, драки, пьянки, дискачи по пятницам, кто-то на иглу подсел и скололся на хрен, кто колёса жрал, а кто и заживо начал гнить с какой-то мутной сини в таблетках. Житуха была — зачепись весёлая. Народ по вечерам дома сидел и рыла на улицу не высовывал, каждую неделю по пьяни кого-нибудь мочили, нашего Мухосранска даже менты шугались. Из пацанов местных только некоторым свезло — в Москве устроились в реальные бригады, вроде зажили, а наши все... хрень одна. А потом какой-то мажор московский к нам приехал и начал народ набирать — у него типа тут знакомые были из наших местных бандюков. Нормально так отбашлял, договорился типа, лошара столичный. Ну а чё? Гусь при бабках, кормит-поит, стволы подогнал, снарягу тоже, в Зону, говорит, пойдём, и я у вас буду начальник. Трепался, что тут можно реальные баксы поднять. Ну и порешили мы с пацанами, как в эту самую Зону придём, свалить от этого лоха и уже на себя пахать. Но пацаны эти для меня были левые, с другого района, я их не знал ваще, не нравились они мне очень. Сдаётся, могли бы и пришить за ствол или жратву. Потому и разбежались мы, когда этого мажора в овражке одном на шмотья разбросало.

— Философ... а вы, случаем, не помогли тому мажору в овражке-то? — спросил я.

— Не... чё ж мы, звери? Кому оно надо, чувака ни за хрен собачий валить? Просто бы обобрали да кинули, и всё. Недалеко ж было, он бы спокойно и вернулся. Хотя... те мутные пацаны могли бы и вальнуть. Они реальные бандиты были, ваще отморозки.

— А ты не такой?

— Слышь, харе уже подкалывать. Не такой, значит. Я ваще никого даже в Зоне ещё не завалил, если чё.

— Как Философом стал?

— А... ну, я ж ещё тогда мало чё отдулял в этой Зоне, не знал, чё к чему. Мне, по ходу, свезло просто, что живым к каким-то сталкерам прибился, ну, они меня и довели до Чернобыля-7, в Бар. Как зовут, спросили. Имя я им назвал, они говорят, что здесь так нельзя, должна быть погоняла. Ну, я сказал, типа меня Философ теперь зовут, а они в непонятках, почему это. Я говорю, что Философ — это мужик такой умный, прошаренный, и много чего я им ещё нарасказывал, а они вдруг заржали и говорят, что зовут меня теперь Ересь.

Фельдшер негромко хрюкнул от смеха, потёр нос.

— Не обижайся, чувак... и вообще ересь по-гречески — «учение», и потому обидного, в сущности, нет ничего. Ух...

— Эй, народ, вы ещё трепаться не устали? — В комнату вошёл Хорь с кастрюлей и тремя алюминиевыми ложками. — Тут вы горячее заказывали. Извольте. Борщ!

— Ну на фиг! Настоящий? — изумился Фельдшер.

— Само собой, нет. Баночный. Но, ребята, это ещё как сварить. Тушёночки добавил, картофельного сублимата, сала шматочек. В общем, цимес. Лопайте, пока не остыло. Ложки чистые, лично на каждую поплевал и протёр.

— Ага. — «Фримен» подставил пустой ящик. — Благодарствую!

Борщ, конечно, только назывался так, роднило его с настоящим украинским блюдом только наличие свёклы, но штука всё же получилась очень вкусная — Хорь постарался. В три ложки мы мигом опустошили кастрюлю, после чего нам подали крепкий чай в закопченном, мятом чайнике, тоже обжигаяще горячий, дымящийся, и пачку сухарей с изюмом.

— Да, чуваки. Так жить можно. — Фельдшер улыбнулся, расслабленно откинувшись в кресле с большой кружкой крепкого до черноты чая. — Только сигары не хватает.

— Когда пойдёте выходы шукать? — поинтересовался Хорь.

— Утром, послезавтра.

— А почему не завтра, Фреон? Время только тянете.

— Отдохнуть нужно хорошенько, сил набраться, — начал я объяснять. — Сталкер не каждый день в Зону ходит, должны быть перерывы. Иначе просто перегоришь... ходки-то дальние, непростые.

— Эх, мужики... вы это лучше им объясните. — Хорь ткнул пальцем вверх, вздохнул. — Мне на днях уже открываться нужно, охрана подойдёт, помощник, а снабжение не налажено.

— Тебе этого товара надолго хватит.

— Ну, не знаю. — Торговец развел руками. — Это как дела пойдут. Короче, мужики, не тяните резину.

Отужинав, Фельдшер и Ересь завалились спать, а я из своего личного ящика, в котором хранил ненужные в ходках вещи, достал тёплый, домашней вязки свитер, положил его на колени, разгладил. Вынул из складок шерстяной ткани записку.

Снова, раз уже, наверное, в сотый, прочитал:

«Андрейка, милый! Береги себя там, в этой своей зоне. Вот, это для тебя:
Говорят, там даже летом холодно. Обязательно возвращайся, я очень жду тебя.

Лена»

По-хорошему, надо бы мне порвать и выбросить эту бумажку. Выкинуть из головы. Продать или подарить этот свитер, он-то мне, в сущности, не особенно и нужен, «Кольчуга» отлично греет даже в промозглые декабрьские ночи, а морозов здесь, в Зоне, уже много лет не было. Но... не могу. Кажется мне иногда, что не Андрею тому несчастному, Зона ему мягкой постелью, записка эта адресована. Что не для него неизвестная мне Лена свитер этот вязала и не его она из Зоны ждёт. И представляется мне небольшая однокомнатная квартирка с мягкими коврами на полу, торшер с тёплым жёлтым светом. Шторы бархатные, и за окном ночь, а в доме пахнет горячей картошкой и только что поджаренными котлетами, потому что ждёт она, Лена, из смерти, из тьмы меня ждёт, знает, что скоро постучусь я в дверь, голодный и усталый.

«Обязательно возвращайся, я очень жду тебя».

Как же хочется думать, что ждут тебя там... что это о тебе бессонными ночами волнуется маленькая, хрупкая женщина с печальными глазами, сидит у окна, закутавшись в тёплый халат, и смотрит в ночную тьму. Я почему-то Лену эту представлял себе именно так. И от мыслей таких всякий раз подкатывало к горлу, и, как и раньше, обещал я себе избавиться от записки и свитера, но только не сейчас, а завтра. А потом... потом всё повторялось. Даже злился я на себя... тоже мне, фантазёр. Никто тебя не ждёт, никого у тебя давным-давно нет, размышчался, романтик, блин. И добро бы, какая польза от этого была. Ни хрена это для сталкера не полезно — мечтать, а скорее, очень даже вредно.

— Слушай, сталкерок, — очень тихо сказал Философ, который, оказывается, не спал, а тоже думал о чём-то своём. — А ты в реале думаешь, что Хип и Лунь погибли?

— Ну, да. А к чему такой вопрос?

— Да это... короче, сдаётся мне, что на глюк не похоже было. Ну, тогда на Болотах.

Она там стояла и рукой мне махала... странно, что вы этого не видели. И уroda того она от тебя оттащила.

— Иллюза? — По спине пробежал холодок.

— Его самого... я глаза закрыл, правда. Но почему-то закрытыми видел всё чётко, как днём. Она его за руку взяла и увела. И по лестнице как она его тащила, я тоже видел. Только Хип почему-то не говорила... шипение было вместо голоса. А потом у меня башка дико заболела, и я вырубился. Чё это может быть, а?

— При глючило... иллюз мозги плавил. — Я постарался, чтоб прозвучало это естественно. — Я на Болоте часто мёртвых вижу... ну или живых двойники. Глючит там серьёзно, а тут ещё и тварь добавила.

— Ага... наверное, так и есть. — Ересь зевнул и повернулся на другой бок. — Но, блин, как чётко видел...

Через несколько минут он уже тихо посапывал.

В Зоне и так с погодой обычно не ладится, слякотью и дождями сталкера не удивишь, но сегодня местный климат просто превзошёл сам себя. Дождь, начавшийся ещё до рассвета, к часу пополудни превратился в тяжёлый, холодный ливень, шумно сыплющийся с почти чёрного неба, все знакомые тропки к Агропрому залило глубокими лужами, а сам дождь был настолько густым и шумным, что по такой погоде идти было просто опасно. Хорошо хоть, что уговорил я Фельдшера сменить его лёгкий зелёный комбинезон на «Кольчугу-2М», иначе промок бы «свободовец» до нитки, а если учесть, что осенью в Зоне редко бывает выше плюс десяти, то простуда была бы обеспечена. «Фримен», впрочем, бережно отпорол нашивки клана от своего старого комбинезона и приделал их к «Кольчуге», причём даже расцветку выбрал не тёмно-серую с пятнами бурого и тускло-жёлтого, под обычные цвета Зоны, а серовато-зелёный пятнистый камуфляж, больше всего похожий на цвета «формы» своей группировки. Говорил я ему, что, мол, не дури, возьми обычный комбез, под одиночку сойдёшь, так нет, на дыбы встал, не желаю, говорит, под кого-то подделываться, я «свободовец», и пусть все это знают... где-то он вроде умный, а где-то вообще дурак дураком. Не убыло бы с него, если б нашивки в карман положил и потом, когда после дела разбежимся, опять на место пришпандорил. Вот и думай, что будет, ежели на отряд «долгов» нарвёмся, да и у некоторых вольных бродяг вполне может быть зуб на «Свободу». Пытался я это ему объяснить, да куда там... «Я от сохатых никогда не прятался, а с одиночками у нас всегда был пису пис, в смысле, миру — мир». Ну а спорить со «свободовцем» — дело априори бесперспективное. Может в такие дебри смысловых переплетений пуститься, что через десять минут забываешь, о чём, собственно, спорили. Не морду же ему бить, в самом деле. Кстати, «фримен» и настоял на этом маршруте, а спорить с ним мне уже настолько надоело, что я согласился. Да и за Агропромом на «новых» территориях места хоть и опасные, гнилые, но в плане хабара уловистые. Можно прошвырнуться.

— Слышь, Фреон... а вдруг там нет ни хрена? — Фельдшер задумчиво рассматривал падающие с потолка капли. — Скорее всего ты был прав, мэн. Тоннель и дальше под водой идёт.

Я вздохнул и сжал зубы, чтобы не выругаться. Нужно было нам пройти под проливным дождём весь старый Кордон, по западному краю выйти на границу Агропрома и по этим, уже достаточно «гнилым» местам отмахать пять с половиной километров к «новым» территориям Агропрома-2, чтобы здесь услышать это предположение.

— Помнится, я про то же самое тебе на Кордоне говорил. Надо было переться под ливнем в такие турлы, чтобы ты со мной наконец согласился? — Я почувствовал нарастающее негодование. — Ты что, издеваешься?

— Не обижайся, дружище... просто у меня одна беда после Выбросов случается. Чего если услышу, так мне время нужно, чтобы, значит, дошло до мозга. Разве ж я теперь виноват, что тебе из-за нашего взаимного непонимания в такую даль приспичило идти?

Я присмотрелся. Ну, точно. Со слишком уж серьёзным лицом говорит Фельдшер.

Понятно.

— Ржать изволите, сударь?

— Ну а почему нет? А то что-то у вас двоих фэйсы такие постные, словно на лимонной диете год сидели. Никуда это, ребята, не годится. Давайте-ка лучше...

Фельдшер не договорил. Даже сквозь шум дождя, который и не собирался стихать, пробились звуки выстрелов. Два коротких, сухих хлёста СВД, и сразу за ними частый, трескучий перестук длинных автоматных очередей. Звуки стрельбы скоро стихли, и только несколько раз щёлкнули пистолетные выстрелы, едва различимые за сочным плеском ливня.

— Мужики, валим отсюда, — скомандовал я, первым выскакивая под дождь, и Фельдшер даже не спросил почему. И так ясно, что те, кто в перестрелке выжил, попрутся именно к этому долгострою, других зданий поблизости нет, а что там за публика и какие у них намерения, сказать сложно. В Зоне вообще от людей держаться нужно как можно дальше, даже от тех, с кем «шапочно» знаком. С мародёрами и так всё понятно... да и одиночки — народ не особенно предсказуемый. Может, в лицо тебе и улыбнётся, братишкой назовёт, а на секунду отвернёшься — пулю в затылок на счёт раз получишь. Зона тут, и разбираться вряд ли кто будет, отчего сталкер пропал. А теперь, в компании со «свободовцем», ещё и «долговских» патрулей избегать надо. Начальство им приказало «фрименов» пока не трогать, но ведь у каждого второго «долгана» если не друга, то знакомого «свободные» завалили, и логика в таком случае будет простой: начальство далеко, если что, не увидит.

«Кольчуга» — одежда непромокаемая, однако когда в грязь бухнулись, за ворот противной ледяной стружкой начала затекать вода. Порядочно мы от стройки отошли — места тут чистые, ни сарая, ни ямы какой, укрыться негде, хотя по поводу ям — на границе с Агропромом в них лучше не лазить. В подвалах недостроя на метр «киселя» натекло, и ещё на полметра сверху — воды. Не смешиваются они, однако от такого соседства вода шипит, как газировка, и помаленьку выпаривается. Нет уж. Во впадины лучше не соваться.

Людей не видно было долго. Уже почти сорок минут лежали мы в грязи, прячась за жидкими кустиками чернобыльника, и Фельдшер предположил, что ушли стрелявшие другим путём, но я был уверен в том, что придут они под крышу. И не ошибся.

Дождь лил уже не сплошной серой стеной, а накатывал отдельными волнами, от чего видимость улучшилась. И даже без бинокля хорошо было заметно, как к брошенной стройке подошли шесть человек и начали подниматься по лестничным маршам на третий этаж — стены ещё не были построены, и бетонный скелет недостроя в некоторых местах просматривался насквозь.

— Слушай, а чего мы ждём? — тихо спросил Фельдшер. — Давно бы ушли.

— Хочу глянуть, кого постреляли, — ответил я, осматривая пути отхода.

Уйти, конечно, можно было бы сразу, а не валяться в грязи под дождём. Не потеряли бы ничего, но... если в Зоне была перестрелка, а похоже, что это была именно перестрелка, пусть и короткая, то нужно глянуть. Хотя бы для того, чтобы завтра не попасть в такую же... много мародёров в Зоне под честных бродяг косят. Годами, бывает, гада не выловишь, а всё потому, что свидетелей не бывает, которые бы те самые выстрелы в спину услышали. Стреляют, сволочи, втихаря, когда уверены в том, что никто не видит и не слышит.

Фельдшер всё понял быстро, я даже не договорил. А то, что пришлось пояснить, так и неудивительно — те, кто в группировках, поодиночке обычно в Зону не ходят. Большая редкость одинокого «долговца» или «фримена» увидеть. А на группу мародёры не полезут — чревато. Они лучше вольного бродягу дождутся, что — бы один меткий выстрел — и сопротивления точно уже не будет. Знаем эту шакалью тактику. И потому не столько даже цеховая солидарность была среди сталкеров, а просто ледяная ненависть к мародёрам и в особенности тем уродам, что под своих косят и в спину стреляют.

Крюк пришлось сделать большой — обзор был из бывшей стройки отличный, а дождь к тому времени почти кончился. До густой рощицы, где, по ходу, и случилась стрельба, мы шли по оплывшим траншеям теплотрассы, хорошо хоть, не залитым «холодцом», но при

этом очень скользким от размякшей под дождём полужидкой грязи. Потом, когда впереди показался вихрь из грязных капель и дрожащего воздуха, перебрались в частый тальник на берегу круглого прокисшего озерца и уже по топкому чёрному илу добрались до лесочка. У опушки, и это я увидел издалека, стоял научный вездеход, из открытого люка которого поднимался дымок. Пожара, впрочем, не было — почти не горят материалы, из которых вездеход сделан, и горючки в нём нет — электродвигатели на «вспышках», что в Зоне самое оно. Но не рассчитана эта машина на расстрел из «Мухи». Её броня от «электры» спасёт, от Выброса, от нападения тварей, но не от кумулятивной гранаты — чернело в боку вездехода небольшое рваное отверстие, оплавился многослойный защитный пластик. И лежали рядом с машиной два бойца-военстала из тех самых, наверное, что на полигонах двухмесячную подготовку прошли. Не позарились мародёры даже на их защитные костюмы — толку в Зоне от тяжёлой бронезащиты нет никакого. Что, собственно, и было видно — расползлись на земле под пробитыми шлемами размытые алые пятна. Вот они, два выстрела из СВД, и против пуль с закалённым стальным сердечником не сдюжили титановые шлемы с броневыми вставками. Военсталов сняли первыми. А уж бойцов сопровождения и учёных полосовали потом из автоматов почти в упор, уже не опасаясь сопротивления.

Манон я нашёл на полянке. Француженка лежала на спине и казалась неожиданно сильно постаревшей. Впервые я не видел её улыбки: лицо учёного было строгим, даже сердитым, словно ей вдруг помешали в проведении какого-то сложного, ответственного опыта, полузакрытые глаза уже остекленели, а на земле под пробитым в нескольких местах оранжевым комбинезоном почти не было крови — похоже, всё смыл дождь. Рядом с ней лежала сумка для образцов с перерезанным ремнём, в грязь были втоптаны тонкие пластиковые контейнеры и россыпь пузырьков с реактивами — кто-то просто вытряхнул сумку и разбросал ногой её содержимое, наверное, искал артефакты. Ещё двоих учёных я нашёл чуть поодаль, у поваленной треноги с мудрёным научным прибором, разбитым пулей. Этих убили в спину, просто расстреляли очередью вдогонку, и сняли с трупов дорогие детекторы, забрали оружие, вывернули на землю содержимое рюкзаков. Недалеко от этого места лежали знакомые мне два бойца-срочника из сопровождения. Им перерезали глотки, не желая, видимо, тратить дорогие патроны, и значит, ребята просто сдались и, я уверен, молили о пощаде.

Закрыв глаза, я глубоко вздохнул.

А потом снял с плеча «фенечку» и переключил её на стрельбу одиночными.

— Эй, не дури, давай вместе... — сказал Фельдшер, но я просто прошёл мимо него к опушке рощицы, за которой в трёхстах метрах возвышалась недостроенная пятиэтажка не то дома, не то нового корпуса НИИ.

— Слушай, сталкер, уймись... у них СВД, снимут тебя сразу и всерьёз... да стой ты! А, блин! — И «свободовец» снял с плеча автомат, уходя немного в сторону.

Оптика, защищенная кожухом из прочного пластика, осталась чистой, и настройки не должны были сбиться с тех самых пор, как я её пристрелял. Правда, далековато, без малого две сотни метров...

В перекрестие прицела я довольно быстро поймал одного из мародёров. Высокий, худой, он беспечно сидел на штабеле кирпича, явно ни от кого не прячась. В одной руке он держал пластиковую бутылку, а в другой бинокль, при помощи которого осматривал местность. Винтовка и раскрытый «сухой паёк № 3», с каким обычно и ходили в Зону учёные, лежали рядом. Затем бинокль был отложен в сторону, и мародёр начал выбирать что-то в раскрытой коробке пайка. Обернулся, что-то сказал, ухмыльнулся. Выудил пальцами пластинку, похоже, консервированной ветчины, бросил в рот, прожевал, а потом, запрокинув голову, начал пить из бутылки! В прицел мне было хорошо видно, как гуляет кадык на смуглой, зарастающей чёрной бородой шее. Я приложил палец к спусковому крючку, слегка надавил, и под перекрестием появилась надпись «189 m.» и красная точка поправки. Хоть и говорил Хорь, что компьютером машинка не оснащается, но лазерный дальномер и автоматизированный баллистический вычислитель в ней всё же имелись. Мне

оставалось только выдохнуть и плавно выжать спуск.

От попадания пули бутылка лопнула, разбросав брызги напитка и куски белого пластика. Мародёр мешком перевалился через кирпичный штабель, мелькнули нескладные длинные ноги, и тут же в соседнем окне быстро выглянул ещё один, и, прежде чем он успел скрыться, я выстрелил в белое пятно лица. Не знаю точно, попал ли... но бельгийское оружие удивило. Не случайно военсталы так его уважают.

А теперь к ржавому бульдозеру, откуда потом можно будет быстрой перебежкой добраться до высокой стопки потемневших от непогоды бетонных панелей.

Огонь по мне открыли сразу. Слева и справа на непросохшей после дождя глине поднялись фонтанчики грязных брызг. Стреляли по мне два человека... причём экономно, короткими очередями, и не столько даже стараясь поразить, сколько не дать высунуться из-за бульдозера. А двое других, ну или трое, если промазал я вторым выстрелом, сейчас будут обходить, чтобы уж точно никуда я не делся. Система проверенная, почти безотказная. Да только, ребята, не один я здесь. Вам, правда, знать это совсем не обязательно, а пока я вас буду немного дразнить, чтобы вы никуда не отвлекались. Два три неприцельных выстрела, снова в укрытие, а на ржавом ноже бульдозера с лязгом разбиваются пули, на размокших кусках опалубки появляется цепочка отверстий, злобно высвистывают рикошеты. Стреляйте, сволочи, вот он я, высунулся немного, спрятался. И те стреляют. Точно, с двух стволов бьют, надеясь зацепить пулей. И всё внимание, похоже, на меня. Ну, вот и хорошо. Потому что «свободовец», умело прячась за строительными бытовками и остовами грузовиков, начал подкрадываться к заброшенной стройке.

Фельдшер, успевший незаметно подобраться на точный выстрел, ужалил короткой очередью, и я, выглянув, увидел, как вываливается из окна тело в камуфлированном комбинезоне.

И всё.

Выстрелы стихли. И только издалека слышался короткий, словно оборванный крик ужаса, после чего наступила тишина. Я осторожно высунулся из укрытия, ходя делать этого, конечно, не следовало бы. Хитрый, опытный мародёр может иногда затаиться даже на несколько часов, прикинуться мёртвым, спрятаться... когда Гвоздя брали, Сионист рассказывал, что в такой же примерно стройке полчаса лазали — нет бандюги. Случайно один сталкер заметил, как в воде подвала слегка шевельнулась трубка пластмассовая, в которой проводку в квартиры прокладывают. А дело в январе было... Зону хоть и не замораживает по зиме, но холодно было тогда, слякотно. Кто же мог подумать, что Гвоздь в подвал нырнёт, в гнилую воду, и будет через трубку дышать, ожидая, пока сталкеры уйдут. Выволокли его, и перед тем, как расстрелять, узнали, что он два года вольных бродяг по местным тропинкам бил и в случае облавы в воде отсиживался. В лицо им смеялся, сволочь, когда к стене ставили...

Фельдшер, как ни махал я ему, чтоб спрятался, всё-таки полез в окно первого этажа, после чего просто вышел, уже не скрываясь и забросив автомат на плечо.

— Там все готовы... Фреон, глянь, какая тут фигня интересная приключилась. За нас половину работёнки кто-то сделал.

«Свободовец» поманил меня рукой, после чего молча показал на три тела.

Всё было понятно. Точнее, почти всё. А если ещё точнее, то ничего я не понял.

Видно, что и между собой не особенно ладили шакалы. По крайней мере двое тех, что посланы были меня с флангов брать, пока их дружки держали «одинокую» сталкера, решили, видимо, шкурой понапрасну не рисковать. Не в обход они двинулись, а спрятались совсем рядом со стройкой, дожидаясь, в чью пользу расклад повернётся. Понятна их логика была вполне — на двоих добычи явно больше достанется, чем на четверых. А там уж как повезёт: или своих же дружков пристукнуть, если те снимут всё-таки сталкера, или же сталкера завалить после перестрелки. Одного, правда, не рассчитали — что сзади подойдёт к ним кто-то и разmozжит головы так, что осколки черепов уйдут глубоко в глину. Кто-то, оставляющий на грязи следы босой женской стопы.

Третий, тот, наверное, кто решил убежать после выстрелов Фельдшера, и наверняка тот же, кто успел закричать от ужаса, был убит таким же могучим ударом, но уже не в голову — глубокая вмятина в спине показывала, что позвоночник и рёбра были раздроблены на мелкие осколки. Потому, наверное, заорал мародёр, что успел он увидеть своего убийцу, и побежал, от ужаса даже не попытавшись стрелять, от чего удар и пришёлся в спину. И — те же следы, что и в двенадцатой лаборатории. И снова — никого поблизости, кто бы мог их оставить.

— Ты что-нибудь понимаешь? — просто спросил Фельдшер, мотнув головой в сторону следов и погибших мародёров.

— Нет, — честно признался я.

— Тут был глюк, — уверенно заявил Ересь. — Тот же самый, что и в тех подвалах.

— О, нарисовался... — Я оглянулся к подошедшему Философу. — Ты где во время боя был?

— Не, ну ты, сталкерок, в реале отжигашь, — Ересь сложил пальцы «пистолетиком». — По-твоему, я, как последний укуроч, должен был кричать «пиф-паф» и «эй, чувак, я в тебя попал и ты, типа, убит»? Кто, блин, мою пушку Фельдшеру подарил?

— Прав Философ. Ну, выбирай себе оружие... — кивнул «свободовец».

Ересь, к моему удивлению, просто подошёл к одному из трупов и поднял АКСУ.

— Ты чего? Есть же нормальные вёсла, вон, «калаш» семьдесят четвёртый, полноценный. А этот коротыш так себе...

— Я с этой пушкой лучше знаком, — буркнул Философ. — Да и легче она, чем твой автомат, а если вблизи засандалить, то не хуже ваших стволов порвёт. Знаем.

— Как хошь. И вообще, откуда знаешь по поводу глюка? — спросил я.

— Ну, не знаю. Чувствую... — Ересь сделал неопределённое движение рукой. — Похоже на то, как там было.

Мы поднялись на третий этаж. Возле трупа того длинного и худого мародёра, которого я застрелил первым, Фельдшер надолго задержался.

— Помнишь, сталкер, ты говорил по поводу Кантаря. Что, может, и доведётся пересечься на узкой тропинке. Как в воду глядел, однако. Ну, вот он. Да уж... а когда-то из одного котелка питались, братками друг другу были. Вот уж не чаял я тебя, Кантарь, тут увидеть. Был ты гниловатым мэнном, но что вот таким шакалом станешь, не ожидал.

«Свободовец» подошёл к СВД, поднял винтовку, осмотрел, хмыкнул.

— Ты подумай... и ствол наш. «Свободовский», вон клеймо «киселём» на коробке выправлено, чтоб, значит, уже не спилить. Вот ведь гадёныш... из честного ствола такую мерзость творил.

— Тут был ещё один. С ним вместе. — Я запоздало вспомнил то белое пятно лица в оконном проёме, по которому стрелял. И вроде даже попал... хотя то-то и оно, что вроде.

— Пойдём, глянем. — «Фримен» осторожно пошёл по коридору к тому самому окну. — Ты, мужик, в него попал. И надо сказать, попал реально.

Бетонные плиты были почти сплошь залиты кровью. Цепочка частых алых пятен уходила дальше, заворачивая в одну из комнат. Фельдшер приложил палец к губам, но я и так шёл тихо, чтобы услышать частый влажный хрип и бульканье.

Сидящий в углу мародёр доживал свои последние минуты. Пуля попала ему в переносицу и вышла за ухом, в ране от дыхания бурлила и брызгала кровь. То, что я принял за хрип, было на самом деле слабым гортанным кашлем, и с каждым выдохом бандит выплёвывал на комбинезон немного алых брызг. Оружия у него с собой не было, да и вряд ли он смог бы его поднять. Один глаз мародёра налился красным и закатился, но другой смотрел на нас с осознанной, лютой ненавистью.

— А... Банкир. И ты с ними был, да? — без злости в голосе, почти печально проговорил Фельдшер, присаживаясь рядом с ним на корточки. — Вот уж не думал, что ты, сволочь, «Свободу» бросишь, чтоб к Кантарю прибиться. Держи вот, напоследок.

«Свободовец» поднялся и дал от бедра короткую очередь. После чего обернулся и молча прошёл мимо меня. Лицо Фельдшера было страшным. Скорбь на нём мешалась с

отвращением и непониманием.

— Ты чего, друг?

— Кантарь всегда был мразью... но Банкир? Мы ведь с ним почти друзья были. Нормальный он был чувак, можешь мне поверить.

— Вот что, Фельдшер... нет здесь, в Зоне, нормальных людей, пора бы уже это понять. Все зверями становятся. Этот твой нормальный чувак, как ты говоришь, глотки тем солдатикам резал. Может, и не сам, но рядом точно стоял, а это одно и то же.

«Свободовец» отвернулся. И надо было бы мне замолчать, по своему обыкновению не выпустить мысли наружу, но, как говорит Лихо, попёрла вдруг «дурная масть», завёлся я не на шутку:

— Ты нормальный? Мне про жизнь человеческую заливал, мол, отнять легко, и ты, типа врач. Однако и глазом не сморгнул, как того, из окна, очередью снял и своего бывшего приятеля добил. Вот скажи мне, ты нормальный после этого?

Фельдшер снова не ответил.

— Да здесь все волки, в этой Зоне. Все мрази со знаком качества. Как и везде... ты своей группировкой тут хвастаешься, мол, братья, свобода, равенство, и вы, типа, классные до невозможности. Кому ты баки забиваешь? Любой дурак тут знает, что воюете вы с «Долгом» не за идеи, а за хабаристые места, и давно вы не свободные, а с потрохами проданные вашим спонсорам на Большой земле. И на нашивке твоей не «воля» нужно написать, а «жизнь за бабло». Что, не так?

«Фримен» в несколько быстрых шагов подошёл ко мне и сгрёб за грудки, прижал к стене.

— Чего ты от меня хочешь, сталкер? Я что, по-твоему, такой debil и этого не понимаю? Думаешь, кайфово мне от всей этой хрени? Скажи, думаешь? А-а... к чёрту.

Фельдшер грохнул по стене кулаком, выпустил меня и уселся на бетон, опустив голову на руки.

— Ты, сталкерок, не совсем прав.

О, и Ересь голос подал. Злоба и затаённая желчь никуда из этого парня не делись, но чувствую я, как потихоньку слабеет в нём ненависть ко мне. Меняется он, не быстро, но меняется. По глазам это видно очень. Огрызается, конечно, часто, но после одного разговора с Фельдшером, который я случайно подслушал, перестал он в открытую нападать. Объяснил ему «свободовец», что такое отмычка и что многие сталкеры именно так и начинали. Даже прознал откуда-то, что Фреон сам больше года в ходячих гайках у Остряка прослужил, и Ереси это тоже рассказал. Как и то, что у нормальных, опытных сталкеров отмычки живут и здравствуют гораздо дольше, чем если бы ходили они по Зоне с какой-нибудь сволочью или, того хуже, в одиночку.

— Я, канешн, не как ты. В Зоне недавно. Но насчёт того, что все волки, ты это зря ляпнул.

— Уж не себя ли в пример поставить хочешь, а, Философ? — спросил я, с интересом глядя на «напарника».

— Не... ты в курсе, о ком я.

И понимаю я вдруг, что прав бывший мародёр.

— Во-во, — кивнул Фельдшер. — Я же вижу, мэн, как у тебя лицо меняется, когда разговор заходит про нашу девчонку «свободную» и того бродягу, что с ней ходил по Зоне. Так что не надо было спич толкать, что, типа, все уроды со мной вместе. Знаешь, я в детстве кино одно видел. Ну, сказку. Ни фига не помню, о чём она... единственно, поразила меня одна штука. Там люди свои сердца на золото меняли, у местного дьявола. Он у них из груди огонёк вытаскивал и в пещеру относил, а взамен сердца давал камень. И в пещере там много-много было этих живых огоньков, и, значит, получалось, что по свету тьма народу с камнями в груди ходила. Напугала меня эта сказка. Так запала, что с тех самых пор, с детства, делю людей на тех, что огонь свой не продали, и тех, у кого за рёбрами бульжник лежит. До сих пор от этой привычки не избавился. Может, и глупо это, не знаю... но кажется мне, что

людей с огнём в груди больше. Намного больше, сталкер. И продавать они его не будут.

— Идеалист.

— Может быть. Однако видел я раз, как ты свитер один из ящика доставал и тетрадный листок и всё это дело долго разглядывал. Не любопытен я, не люблю в чужую жизнь лезть, но ты забыл вещи обратно в свой сундук запрятать перед тем, как с нами в ходку уйти. Я их убрал, а то мало ли, торговля у Хоря начнётся, и прихватит кто-нибудь вещички. Так вот, Фреон. Ты свой огонь не продал. И вряд ли когда продашь. И потому не говори больше той хрени, которую я от тебя сегодня выслушал. Не убедительно.

Фельдшер немного помолчал.

— И ещё. Крепко я жалею, что не довелось мне с этим Лунём познакомиться. Явно был мировой чувак, раз уж Хип из всех его выбрала. Такие девчонки, как она, с кем попало не ходят.

— Можешь поверить, мировой. Расскажу как-нибудь.

И странно мне. Зона и смерть для меня понятия почти одинаковые. К смерти здесь привыкаешь. Тут, как говорится, или — или. Или свыкаешься с мыслью, что безносая тётка всегда рядом и в любую секунду готова положить тебе руку на плечо, что сидит она с тобой у костра, стережёт твой сон, прячется на тропинке и в тысяче обличий наблюдает из-за всех углов за каждым твоим шагом. Или просто перегоришь, как старая лампочка, сойдёшь с ума в два счёта.

И когда чётко осознаёшь, что смерть рядом и с тобой по Зоне буквально под руку ходит, то со временем притупляется у сталкера чувство потери. Да, больно, если погибает не друг, нет друзей у тебя, Фреон, так и не появились за всё время, а просто хороший знакомый. Да, тяжело это. Горько в душе. Выпивает бродяга стакан сивушной водки, поминает добрым словом тех, кто уже никогда не вернётся к костру, вздыхает, задумывается. Но завтра новая ходка в Зону, потом ещё одна, другая, третья, и ни стремления, ни возможностей вспоминать и вздыхать уже нет. Поэтому время постепенно вымарывает из памяти лица друзей, и в какой-то момент ты со смесью удивления и печали понимаешь, что не можешь вспомнить улыбку и взгляд человека, с которым когда-то был дружен, с которым вместе отбивался от мутантов или делил одну на двоих банку тушёнки. Погибшие в Зоне уходят от нас особенно быстро и навсегда, лица их стираются в серой пелене небытия, и только иногда в тревожных, странных снах мёртвые молча улыбаются нам из темноты, удивляя или даже пугая.

Но не уходят из мыслей, из памяти седой не по годам сталкер и смешливая девушка, до сих пор стоят они перед глазами. Запали в душу их лица крепко, навсегда, и я уже точно это понимаю — ни время, ни Зона не вытравят эти воспоминания. Помнишь, стоял ты, Фреон, и смотрел, как рубит нож твои ракеты, как пшиком оказалось то, во что ты верил и чему служил? Помнишь, конечно. Как и свою пылающую ферму. Вспомни, тоже ведь стоял и смотрел на огонь, в котором умирала ещё одна часть твоей жизни. Как и у могилы дочери, которой никто не смог или не захотел помочь. И когда с этой потерей от твоей жизни не осталось ничего, ни семьи, ни родины, ты пришёл в Зону, не сам, правда, а по странному стечению обстоятельств, которое люди называют судьбой. Для того, наверное, чтобы молча стоять тогда на Свалке и смотреть на то страшное сообщение в ПМК, где сухим канцелярским языком сообщалось о смерти людей, ставших для тебя почти родными. И о каком теперь огне в груди может идти речь, «фримен»? Где ты его рассмотрел? Плохо, да что уж там, совсем не знаешь ты людей, бывший врач, боец «Свободы». Ни огня у меня в груди нет, ни камня. Просто пепел. Да только говорить об этом не хотелось, ни к чему всё это. И потому вместо очередной «дурной масти» я махнул рукой и просто сказал:

— Ну, пойдём, мужики. Разберёмся с бараклом.

Тайник оборудовали быстро. Сложили трофейное оружие, патроны, запаковали детекторы и мини-компьютеры в ящики от сухпайков, заложили всё рубероидом от дождя и ненужных глаз. Особенно тщательно, аккуратно спрятали две модульные «эфэнки» погибших военсталов — дорогие это пушки, и сразу Хорю их продавать не след. На обратном пути заберу и придержу на чёрный день, тем более что «фримен» перевооружаться

не пожелал, сказав, что таким стволам не доверяет. Мародёры «поделились» с нами и тремя «Мухами», которые я тоже спрятал в отдельном тайнике — «Долг» неплохо платит за тяжёлое оружие.

Несмотря на гундёж Ереси, я настоял на том, чтоб погибших «ботаников» и солдат перенести в подбитый вездеход. Невыносимой для меня была мысль, что Манон и другие учёные достанутся местным падальщикам. В Зоне давно никто никого не хоронит, здесь хоронить опасно, да и не подарит местная земля покоя мёртвым — вылезут в виде зомби или разлетятся десятком кикимор по окрестным подвалам. Если и хоронить, то за Периметром... да и то говорили, что не всегда это помогает.

Фельдшер согласился с моей просьбой, Ересь хоть и недовольный, но тоже подключился, и мы втроём перенесли всех погибших в вездеход. Я включил один из ПМК «ботаников», благо, тот оказался не запаролен, и поставил сигнал «аларм», так как рация в вездеходе была разбита взрывом. Этих учёных будут искать обязательно, всё-таки представитель Европы потерялся, просто так в БВП не запишешь. Авось засечёт сигнал какой-нибудь высотный беспилотник связи, заберут их, похоронят по-человечески. И теперь уходить дальше, на запад от Агропрома, оставляя за собой шесть побитых мародёров, разбитый вездеход, мёртвую Манон с постаревшим, сердитым лицом. Может, и прав «фримен» в том, что нужно всему миру рассказать, что здесь творится, какие тут порядки, сколько здесь стоит жизнь. А вдруг что-нибудь, да изменится? Перестанут гибнуть учёные, перестанет лезть в Зону всякая погань вроде того же Кантаря, закончится вечная эта грызня между группировками за влияние над Зоной, кто-то же нас всех разделил и властвует теперь, жирея на человеческих жизнях? А, брось ты, сталкер... опять размечтался. Не будет такого. Всегда найдётся кто-то умный на Большой земле, охапками стригущий купюры, потому что для этого умного всегда найдутся дураки, согласные ползать по радиоактивной грязи и за бесценок доставать бесценные штуки. Так мир устроен. И не тебе, Фреон, об этом думать. Сам-то ты в Зоне только затем был, чтоб заработать побольше. Тот один случай, когда не за деньгами ты в Зону шёл, а совсем за другим, в расчёт не бери. Тем более ничего у тебя тогда не вышло. Хм... да уж. А так — деньги и только деньги зовут сталкера в Зону. Романтика? Адреналин? Чушь собачья... достаточно в первый раз припереть из Зоны хотя бы «выверт» или «чёрный блеск» и получить за него двести, триста, пятьсот долларов, подержать купюры в руках, услышать их шелест, почувствовать запах — всё. Пропал человек. И совершенно не важно, какие деньги он получит за артефакт, в долларах ли, в рублях, в Зоне и гривна успешно ходила до тех пор, пока Украина на евро не перешла, а на дальних западных территориях, сталкеры рассказывали, евриками иностранные «ботаники» и перекупщики давно уже расплачиваются. В ходу даже именные расписки с личными печатями торговцев. В общем, не важно, как деньга выглядит. Воздействие на человека оказывает она одинаковое. И ведь что интересно, мрут сталкеры пачками, особенно новички. И каждый из них, в Зону уходя, уверен в том, что уж его-то минуют клыки мутантов, пули и аномалии. И кто не вернулся — о тех скоро забудут. А о тех, кто хабар притащил, на всю округу развоняют. Тот сталкер, что поумнее, о своих успехах молчит в тряпочку, и торгаши тоже не особенно разговорчивы, но ведь всегда найдётся идиот, что по глупости или по пьяной лавочке начнёт выпячивать свои находки и достижения. Даже если и врёт, но слухи пошли, глаза загорелись, и к «хабаристым» местам пойдёт десяток бродяг, зачастую просто для того, чтобы уже никогда не вернуться. Да уж... деньги. Жизнь за бабло. Фельдшеру этим в глаза ткнул, а сам-то, когда «лунный свет» надыбал, первой мыслью было «шесть тыщ зелени», и уже потом только увидел, что красивая эта штука очень, и тепло от неё ласковое идёт. Продал... конечно же, продал. Что ещё мне с ним было делать...

— Да вроде нормальное село, — прошептал Фельдшер. — Может, поближе подберёмся?

— Слышь, «Свобода», не шипи над ухом. Пойдём, когда скажу. — Я снова поднёс к глазам бинокль.

Западнее Агропрома, там, где начинались «новые» территории, Зона была особенно коварна. Хотя бы даже тем, что десятки, если не сотни свежих сортов смерти были иногда не видны даже наметанному, опытному взгляду. Привычные «жарки», «карусели» и «воронки» были и здесь, но с две тысячи седьмого года Зона разродилась множеством новых, часто даже неизвестных аномалий, причём больше всего досталось «новым» землям. И если бывшую «зону отчуждения» покидали вполне организованно, успевали заколотить окна в домах, вынести самые ценные вещи, то отсюда люди просто бежали, бросив всё как есть, лишь бы успеть уйти от смерти, за одну ночь разбежавшейся на многие десятки километров во все стороны. Посёлки, городки, хутора с две тысячи седьмого года не развалились даже, как насквозь гнилые, давно трухлявые дома старой Зоны, а только немного посерели от непогоды, заросли бурьяном, репейником, во дворах поднялась высокая, быстро желтеющая трава. Микольшино, Степановка, Приборск, Карпилово и множество других городков, сёл, деревень остались почти такими же, как и в день Третьей катастрофы. Морозов, зимы в Зоне нет совсем, климат хоть и мокрый, но без резких перепадов, и потому долго будут стоять дома, не один десяток лет гнить им без человека.

Мы лежали на сухом взгорке, покрытым мелкой упругой травой. Странное дело... на границе с Агропромом лило как из ведра, а здесь сухо, даже пыльно, в канавах по обочинам старой асфальтированной дороги на квадраты потрескалась глина. В одной из канав крутило столбом серую пыль и мелкий травяной сор, но, похоже, не аномалия там, а просто «стационарный участок устойчивой турбулентности воздуха», или, проще, «ветродуйка» — штука не опасная и в Зоне встречающаяся повсеместно. А за шлагбаумом, на котором висело какое-то странное белёсое тряпье, стоял ржавеющий трактор с плугом, и уже над ним действительно какая-то гадость в воздухе разлеглась, похожая на огромный мыльный пузырь, по которому стремительно носились радужные разводы. Других аномалий со взгорка видно не было. Просто заросший до самых окон небольшой посёлок на двадцать домов с высокими шиферными крышами, три дачи на отшибе из посеревшего бруса, колодец у дороги, загнивший пруд с рыжей водой. Тихо, только шелестит под ветром трава. Крепкие дома ещё, везде целы стёкла, не повалились ещё высокие шесты с антеннами и скворечнями, на водонапорной башне из красного кирпича до сих пор сохранилось гнездо аиста. «Нормальное село», — сказал Фельдшер. Ага, как же... на старых, пока ещё не обновлённых картах Зоны в ПМК над квадратиками Тереховки стояли два чёрных крестика и три красные точки. Можно даже посмотреть, что крестики это «Сокол 15.09.2009» и «Васята 1.01.2011», а в точках, то есть без вести пропавших, числятся сталкеры Кислый, Гоша Бабник и Холодок, и тоже в одиннадцатом году. Давно числятся в БВП, значит, тоже можно кресты ставить. Вот тебе и нормальное сельцо, ничего не скажешь...

Спешить в таких делах нельзя. Тем более здесь места для меня незнакомые, нехоженые, да ещё и на «новых» территориях. Смотреть пока. Если понадобится — час, два лежать на пригорке и наблюдать, пока не станет мне точно ясно, как идти.

— Фреон, может, я сметаюсь туда, а? — ну, неймётся Фельдшеру.

— Слушай, «свободный»... здесь пять человек накрылось. Вот, глянь. — Я передал ПМК. — Смотайся, если жить надоело.

— Фигасе... — вздохнул «фримен».

— А чё меня не пошлешь? — Ересь прищурил глаз.

— Пошёл как-то раз сталкер в Зону с двумя новичками, — негромко поведал я. — Ну, впереди аномальное поле. Гарантированная смерть. Один новичок спрашивает: «Я там пройду?». «Нет, — отвечает сталкер, — помрёшь». А второй такой: «Понятно. А я?»

— Вот блин. Второй, по ходу, ваше дурак был, — заметил Ересь, и Фельдшер громко хрюкнул от смеха, пряча лицо в локоть. До Философа тоже дошло, но чуть позже, и он тихо, со всхлипом, рассмеялся. — Жжешь, сталкерок.

— Чего?

— Ну, типа выражение такое. На хи-хи когда пробивает.

— На хи-хи от других штук пробивает, парень. — «Фримен» отсмеялся, снова

приподнялся на локтях. — Я, конечно, не приветствую этого дела и сам не шмалю, но наши как-то раз деляночку за складами вскопали. За месяц целый лес вырос — человек потеряется. Аномальное воздействие, всё такое... под четыре с половиной метра кусты синевато-зелёного цвета, и, считай, сразу зацвели. Запах был — ё-мое. Ещё на подходах дуреешь, башка болела... ну, сняли пробный урожай наши агрономы, курнули. Я их откачивал после — крыши им снесло, как ураганом, вообще невменяемые стали с двух тяжёлых. Сидели у окон, слюни пускали и гоготали, как кони, а у одного измены начались, орал, что все вокруг мутанты и людьми прикидываются. Знаешь, как по территории складов носился, что твой сайгак, и орал притом безобразно... ладно хоть, ствол у него без патронов был. Начальство наше и порешило срубить эту рощицу от греха подальше, только пару растений на семена оставило.

— И чё? — Ересь заинтересовался.

— А ничего... Выброс случился, и засохли они на корню, не выдержали. Не успели семена дать...

— Вот же засада. — Философ заметно приуныл. — Это ж какие можно было балабасы поднять... ох, ё... да я бы и дунуть не отказался.

— Так подняли. Урожай получился под тонну считай — там же реально лес был. Стволы у земли с руку толщиной. Заказчики с Большой земли вместе с артами взяли небольшую партию, типа, на пробу. Эффект был... впечатляющий, скажем так. Потом всё разом скупили и денег «Свободе» отсыпали — я манал. И обещали два раза по столько же за семена этой самой «псевдошмали» дать. Ну а с этим уже фигня вышла, факт. Больше у нас таких цветов не выросло.

— Нашёл чем хвалиться, блин... наркоманскими байками. А ещё врач, — буркнул я, осматривая посёлок. — Отрава же, дрянь несусветная. Потому про вас дурная слава и ходит, что «свободовцы» пыхари через одного.

— Зануда и сноб, — вздохнул Фельдшер. — Так наше руководство потому и снесло урожай, в свои закрома спрятало. Ежели боец укуранный в ноль, то он в Зоне гарантированный покойник, а если ещё и сохатые полезут, так хоть руками его, болезного, бери. Чего греха таить, покуривают некоторые из наших, но башки не теряют. Просто эта трава четырёхметровая особенно свирепая была, вообще смерть.

— Не сами скурили, так народу продали. Вот молодцы, блин... очень хорошее дело сделали.

— Слышь, мэн, ты заманал мораль читать, — беззлобно огрызнулся «свободовец». — А почём ты знаешь, что арты, которые ты в Зоне надыбал, на лекарства пойдут и прочие полезные штуки? Может, из них какую-нибудь особенно ядрёную бомбу замастырят безответственные очкарики?

— Что и требовалось доказать.

— Реально зануда. Я «свободовец», сталкер. И считаю так, что у человека всегда есть свободный выбор. Не хочешь — не кури, кто тебя заставляет? Хочешь — заверни косяк, это ведь твоя жизнь и твоё здоровье, своей башкой думаешь, а не дядиной. Все знают, что полезно, что вредно, и никто не запрещает включить мозг, покопаться в умных книжках. А не хочешь думать сам, добровольно идёшь со стадом в яму — значит дурак, туда тебе и дорога. Будет на планете больше свежего воздуха. Последнее дело, мэн, подойти к какому-нибудь чуваку и начать ездить ему по ушам советами, о которых он не просит. Типа, так не делай, здоровью вредишь, ай, как плохо... если чувак тупорез, ты один фиг ничего с него не добьёшься, кроме мата и агрессии. А умному советы не нужны. Да, продали мы траву. Получили деньги. Закупились припасами, консервами, оружием, медицинскими комплектами, которые многим нашим ребятам жизнь спасли. А если б не продали, дурачьё с Большой земли другой бы синью затарилось на те же деньги, свинья грязи найдёт. Ну и где наши ребята накосячили?

Я вздохнул. Чувствовал я неправоту «фримена» в этом вопросе, но спорить с ним — дело бесперспективное. Так-то у него всё ладно выходит, хотя и отдаёт цинизмом. Да ладно,

нашёл, о чём думать, сталкер... раньше тебя эти вопросы вообще никак не задевали. Да и сейчас это последнее, о чём стоило бы беспокоиться.

— Харе, мужики. Прекращаем трёп, это дело на привале хорошо, а до него ещё добраться надо.

И снова к биноклю... глаза уже болят, честное слово. Действительно, ну, ничего такого не видно в посёлке, не считая этого пузыря над трактором. Ни проплешин, ни выгоревших участков, нигде воздух не дрожит. Обычные крыши из серого, покрытого пятнами лишайника шифера. Обычные стены и окна с целыми стёклами. Детский трёхколёсный велосипед у калитки, заборы, столбы с оборванными проводами. Тишина, только шуршит, посвистывает неугомонная «ветродуйка» у обочины. А так — тихо совсем, даже ветка не шевельнётся. Ладно, пойдём потихоньку. В другое время обошёл бы я этот посёлок десятой дорогой, но было подозрение, что как раз тут, под слоем земли, пролегает та самая затопленная ветка от Агропрома, да и вполне может быть, что в подстанции или трансформаторной будке выходит замаскированная вентиляционная шахта. Так что посмотреть надо... да и ночь скоро. Каким бы жутким, гнилым посёлок ни был, но ночевать в Зоне под открытым небом слишком опасно, а если забраться на чердак и лестницу втащить или в погреб залезть, ежели там «киселя» нет, — от половины тварей уже защита. А о том, чего я на самом деле боялся, даже и говорить неохота. Подумают ребята, что совсем Фреон крышей поехал. Ждать больше нечего, всё уже осмотрено, и пора идти. Подъём — и вперед...

Ересь своё дело выучил чётко: болт с пучком магнитофонной ленты тюкнул об асфальт, прокатился, замер, и отмычка уже намного спокойнее, чем раньше, пошёл его подбирать. Бросок, снова ждём, и очередная гайка летит уже к обочине — очень мне не нравятся лохмотья на шлагбауме и «мыльный пузырь», который уже вполне различимо шипел, словно радиоприёмник, не поймавший сигнала. Обойти по широкой дуге, дальше...

Вот и Сокол. Ну или Васята, теперь уже не поймёшь: лежит на пороге маленького кирпичного домишки пустой комбинезон, выцветший до грязной белизны, откатился в сторону углепластиковый, усиленный кевларом шлем, тоже пустой, а рядом ржавый до красноты дробовик и рюкзак, весь в каких-то полосах и странных пятнах. Ни костей, ни волос, ничего нет — только густые чёрные разводы на плитках дорожки и крыльца. И ничего такого не вижу, что могло сталкера уработать, — обычный порожек, дверь деревянная с вычурной алюминиевой ручкой, полутёмная терраса. Может, ничего уже и нет, была аномалия, да сплыла, однако уверен я: там оно. До сих пор там, висит в воздухе дверного проёма невидимой дрянью, и в дом этот я точно не пойду.

В гарнитуру «Кольчуги-2М» входили такие полезные штуки, как вмонтированные в один из слоев нетканого материала тонкие эластичные провода. Достаточно было воткнуть штекер в детектор на поясе, как «просыпался» маленький, не больше стёклышка от наручных часов, но при этом прочный и гибкий монитор на левом запястье. А из ворота костюма можно было вытянуть крошечный наушник, смоделированный таким образом, чтобы не глушить внешние звуки, но при этом подавать сигналы, хорошо различимые для тебя, но совершенно неслышные окружающим. Исключительно полезная это вещь, настолько просто и грамотно сделанная, что не нужно уже было бояться выдать себя писком детектора, зачастую настолько громким в местной тишине, что проще было ходить по Зоне с барабанным боем и надписью на всю спину «пристрели или съешь!». Детектор в прохладное, безветренное утро слышно было порой за полсотни метров, факт, что много бродяг из-за этого с жизнью попрощались. А в беззвучном режиме машинку держать — тоже засада: постоянно перебегать взглядом с экрана на местный пейзаж и обратно удовольствие сомнительное, да и внимание рассеивается. Ходит среди бродяг байка одна, что легендарный Ворон, первый из всех сталкеров и, пожалуй, самый удачливый, не в Зоне сгинул, как думают, а в центральный отдел НИИАЗ, что в Москве, на должность главного консультанта устроился. И большую часть самых полезных штук, что в Зоне выжить помогают, именно он и разработал. Правда это скорее всего. «Ботаническая» оранжевая дрянь, на разработку

которой громадные деньги были угроханы, для местных условий оказалась почти неприменима. Сами же «ботаники» перед выходом в Зону старались испортить свои «Ксеноны», хотя бы даже гвоздём порвать или кислотой из пробирки обжечь, благо, что такого вредительства никчёмному комбинезону хватало с избытком. А потом заявку оформляли не на что-нибудь, а именно на «Кольчугу». Киевский «Покров» вплоть до пятой модели оказался тоже порядочной дрянью, практически ни от чего не защищающей, зато замечательно горящей: пластиковая броня, рассчитанная на защиту от пистолетных пуль и осколков, от оных совсем не спасала, но зато весело загоралась даже от угля из костра. Торговцы, по дешёвке накупившие «Покровов», старались всучить их зелени, настырно прущей в Зону, или же распускали на тряпки: мягкая и очень прочная подкладка этих костюмов была обработана особым антисептиком и годилась как в качестве перевязочного материала, так и в роли портянок: ни запаха, ни грибка не будет, проверено.

В наушнике едва слышно начало тикать, словно к уху поднесли наручные часы. Порядок... значит, детектор работает, ловит торсионное излучение, сканирует гравитационные искажения и тепловые очаги. Нет сухого, царапающего звука счётчика — значит порядок и с радиацией, не слышно и короткого частого писка — похоже, аномальная активность невысока. Впрочем, это только похоже. Например, не чувствует детектор одну из самых странных и при этом поганных аномалий — «струну». Бывает, что тянется между холмами, домами или даже стенками в коридоре тончайшая ниточка не то скрученных в жгут энергий, не то какой-то загадочной материи, настолько тонкая, что глазом она не видна, и только при ярком свете может быть заметно лёгкое серебрение, словно от осенней паутины в лесу. Сволочная это штука... от гаек и болтов толку никакого нет, разве что случайно её при броске заденешь. От приборов тоже пользы ноль. И как бы медленно ни шёл, говорят, даже не чувствуешь первую секунду, что паутина эта уже и комбез без всякого сопротивления разрежала, и тело глубоко расплалась. Бывало, и пополам сталкера вместе с рюкзаком, если быстро шёл, руки-ноги отлетали. «Струны» только на «новых» территориях попадаются, и если где эту пакость нашли, то туда сталкеры почти не ходят или же прут длинный срезают и перед каждым шагом пространство перед собой обмахивают. Помню я, как меня ледяным потом прошибло в Красном лесу, когда брошенная гайка аккуратно пополам развалилась, словно не из стали она была, а из тёплого масла, и на срезах так гладко и ровно вышло, что настоящие маленькие зеркальца получились. А здесь улочка между домами узкая, мало ли...

— Слышь, Ересь... на вот, хворостину возьми. — Я отломил длинный прут ивняка. — Будешь вперёд идти, перед собой помахивай.

— Чё, это типа мух гонять? — Ишь, лыбится...

— Делай, что говорю.

Посмотрел на меня Философ, сразу посерьёзней и взялся за ветку.

И не отпускает меня неприятная такая щекотка, знакомая ещё с детства... вот как на качелях взлетаешь и вниз ухаешь, а в мыслях, что верёвка старая, перетёрлась уже на гвоздях, и вот-вот на землю с размаха брякнешься и что-нибудь себе переломашь. Пять человек тут гикнулось... ну и местечко, ё-макля. И добро, аномалии было бы видно здесь — так нет же... посёлок как посёлок. Нормальный. Чистый.

— Пошли отсюда, — глухо, как-то давленно буркнул Фельдшер.

Я обернулся.

Белый «фримен», как простыня. На лбу пот выступил, и смотрит умоляюще, сглатывает.

— Ты чего?

— Не спрашивай, просто давай уйдём.

Ну, раз такое дело, то дальше уточнять не надо: сразу на сто восемьдесят, и по своим следам. Так оно надёжнее. Дошли до пригорка, с которого я на село смотрел, «фримен» на землю уселся, флягу нащупал и присосался к ней.

— Вот что, брат. Ночевать я там не буду точно. Уж лучше здесь костерок развести и

ночь не спать.

— Объясни, — потребовал я, как только Фельдшер отдышался.

— Прибило меня возле ближних домов. Так прибило, что сил нет, вспотел, как свин. Там хана, сталкер. Даже если шахты есть, нам до них не добраться. Нельзя там человеку быть. Это капут. Гарантия.

— Ну, с чего ты взял?

— Не знаю... это... опа! Смотри!

На посёлок быстро ложилась странная тень. Улица, дома, пруд на глазах потемнели, словно вдруг набежала грозовая туча, хотя небо уже несколько часов было равномерно серым, светлым. Сама земля пропотевала густыми синими сумерками, и в окнах домов было уже черным-черно. И меньше чем через пять минут в Тереховке вдруг наступила тёмная пасмурная ночь, столб темноты длинным, узким конусом ушёл в небо. И всё это в полной тишине.

Такого я раньше никогда не видел. В Зоне всякое бывает, и полностью привыкнуть к её фокусам сложно, хотя со временем и вырабатывается что-то вроде иммунитета к чудесам. Однако от вида тьмы среди белого дня, широкого круга глубокой ночи, в которую погрузилось селение, стало крепко не по себе. Или активировали мы какую-то редкую аномалию, или сама она периодически просыпалась, но прав Фельдшер в одном точно — если б задержались там, то в сталкерских картах стало бы над значком Тереховки на три крестика больше.

Сильнейший приступ дурноты начался вначале у Ереси, наверное, потому, что в посёлок он первый вошёл и покинул его последним. Парень упал на землю, захрипел, и из носа в траву часто закапала кровь. После него свалился и я — волна тошноты поднялась от желудка, отравила рот кисло-горьким, желчным привкусом, ослабели мышцы, а мир завертелся вокруг меня в сумасшедшей кадрили. Потом глухо охнул Фельдшер и, согнувшись, словно от удара под дых, вылил на землю только что выпитую воду, но на ногах устоял и, шатаясь, словно пьяный, добрёл до кривого деревца, где сбросил рюкзак.

От дурноты помутнело в сознании, глаза показались двумя раскалёнными шарами, едва уместяющимися в глазницах. Земля, несмотря на то, что я лежал, вставала подо мной на дыбы, крутилась каруселью, бешено раскачивалась, и потому я старался вцепиться в траву, сухие корни, чтобы только удержаться, не свалиться с неё. Желудок крутило и рвало жестокими спазмами, чьи-то жёсткие, шершавые руки сдавливали почки и, словно тесто, начали месить внутренности. От сверлящей боли почернело в глазах. Кажется, я заорал перед тем, как потерять сознание.

Когда слипшиеся глаза наконец открылись, я обнаружил, что лежу на боку недалеко от взгорка, лицо греет небольшой костерок, а вокруг уже стемнело.

— О, очухался... — Шатающийся, бледный Фельдшер подошёл ко мне, присел на корточки, подтащил к себе походную аптечку. — Ты как на нейростимуляторы реагируешь?

— Положительно... — прошамкал я непослушным, заложенным густой слизью ртом.

— Тогда держи укольчик. — «Свободовец» с треском сорвал оболочку с одноразового шприца, сломал носик ампулы, сноровисто сделал укол. — И таблетку под язык... не глотать, не жевать. Просто держи во рту... на вкус мерзость, но помогает на ноги встать.

Не знаю, какая уж там мерзость, но никакого вкуса я так и не почувствовал, да что уж там, даже таблетку не ощутил. Словно набили в рот мягких шерстяных тряпок, а язык и губы заложили похожей на тесто слизью. Ощущение пакостное.

— Фто... что с Ересью?

— Плох Философ. Совсем никакой, в сознание не приходил. Не знаю, дотянет ли до утра. Мотор у него полчаса назад остановился, пришлось с толкача заводить... ну, ударом в гру... грудину. — Говорить Фельдшеру явно было трудно, пару раз он замолкал, коротко, утробно всхлипывал, борясь с рвотным позывом. — И... хрен его знает, что там было. Не радиация, точно, не пси-поле. Чем-то нас... очень странным накрыло в этом чёртовом селе. Ты лежи. Я к Философу пойду. Ему, по ходу, больше всех досталось, и надо посмотреть.

Чтобы отплеваться от слизи, я положил белый кружок таблетки на тыльную сторону ладони, которой до этого провёл по лицу. На коже остались тёмные крошки засохшей крови. И стоило пошевелиться, как от нового приступа тошноты потемнело в глазах.

— Лежи, говорю, — повторил «свободовец».

Однако я уже поднимался, нашаривая оружие. Ночь на носу, и, как бы погано ни было, валяться нельзя. И спиной к огню, чтобы глаза привыкали к темноте, чтобы лучше видеть ночную Зону в слабом свете костра. Раз уж довелось ночевать под открытым небом, то до самого рассвета никакого сна, а постоянная готовность к круговой обороне. Одна из самых пакостных ситуаций — ночёвка вне укрытия, да ещё и в малознакомом районе...

То, что накрыло нас в посёлке, отпускать не собиралось. Было так плохо, что даже мысль о том, что, наверное, это уже хана, вызвала только вялый протест и что-то, отдалённо похожее на страх. Держать тело в вертикальном положении было всё сложнее, сознание лениво плавало по серой пустоте, и глаза никак не могли привыкнуть к темноте. Оружие периодически вываливалось из рук, и я, преодолевая нежелание двигаться, нашаривал его ощупью и снова пытался рассмотреть что-то в ночи, но видел только мутную клубящуюся черноту и оранжевый круг постепенно гаснущего костра.

Через целую вечность тяжёлого, тошного полусна я услышал, как свалился на землю и начал бредить Фельдшер. Как он весь остаток ночи громко требовал скальпели и зажимы, отчитывал нерасторопных помощников, ругался и просил, чтобы кто-нибудь включил свет в операционной, как похрипывал Ересь и тихо трещали угольки. Руки отказывались держать оружие, ставшее вдруг очень тяжёлым и скользким, и я уже много раз ловил себя на том, что сию, сжимая в пустых ладонях воздух.

Да, это, наверное, хана... кто знает, какой неизвестной гадости успели схватить наши тела на той пустой улочке и что она с нами сделает... не в курсе, как контролёры или кровососы, но снарки и зомби раньше совершенно точно были людьми. И я то был в чёрной, ночной Зоне, то вдруг ясно, чётко видел ватманский лист с почти законченным чертежом и слышал беззлобное ворчание коллеги по поводу накрывшегося отпуска в Пицунде. А за окном кабинета снег, свежий, чистый, и стекло по краям взялось ледяными узорами, намекая, что уже через несколько дней Новый год, праздник, и пора бы сегодня уйти с работы чуть раньше, ведь дома ждут Маринка и дочка-егоза... Потом вдруг опять тошно, давит жгуче-болезненным спазмом желудок, и вот ты уже очнулся, понимая, что снова потерял автомат, но сил и желания искать его просто нет, и костёр погас, но всё так же громко бредит Фельдшер, зовёт медсестру, и тяжело хрипит Философ, значит, все пока живы. Пока... а сознание крутит и крутит калейдоскоп воспоминаний, перетасовывает их, как колоду старых, засалившихся карт, и швыряет их передо мной в каком-то диком, ненормальном пасьянсе. Хочется пить, но подняться и поискать фляжку я не могу. Остаётся только смотреть с самого краешка сознания за вихрями прошлого...

* * *

— Этого было недостаточно, сталкер. Не с тем ты к нему пошёл. — И Болотный Доктор сменил на моём горячем лбу прохладную тряпицу. Инъекция «Жизни» уже вывела из организма несколько смертельных доз радиации, но не отпускала дикая слабость, и полопавшаяся волдырями кожа пока не хотела заживать... говорили мне, что даже стоять со мной рядом было опасно, что фонило, как от самого Саркофага. Хватило только сил дотащиться до «Ростка», потому что, наверное, шёл быстро, по своему маршруту, наплевав на все правила, да и на себя наплевав тоже. Кровью начало рвать ещё в Припяти, на границе Красного леса вколол я себе последний «Седатин-5» и мышечный стимулятор... к постам «Долгов» подошёл уже не своими силами, а на одних только медикаментах. Повезло мне. Крепко повезло, что Доктор тогда на «Росток» зашёл за детенышем какого-то чудного, редкого мутанта, не позволил убить его на Арене, а обратно в Зону выпустил. Рассказывали потом, что «долговцы» не посмели заступить Болотнику дорогу, отходили с

его пути без слов, пряча глаза, хотя до этого грозились в пыль сапогами втоптать «мутантского лекаря». Потому что, наверное, никто до, да и после не видел Доктора в таком гневе. Нет, он не кричал, не бранился, а нахмутив брови и глядя прямо перед собой, просто шёл к зданию, где «долги» в своё время открыли Арену. И под этим холодным, прямым взглядом никто не дерзнул не то что задержать Болотника, но даже пикнуть, расходились в стороны суровые бойцы с Зоной, отворачивались, словно нашкодившие школяры при виде строгого пожилого учителя. После того случая и стал хиреть местный «Колизей», популярность Арены падала, и Седой, став генералом «Долга», первым же своим приказом ликвидировал это сомнительное заведение. И начали отловленных бандосов не с тварями Зоны стравливать, а просто стрелять у стенки после «аукционов».

— Этого было недостаточно, сталкер. Не то ты хотел и не того попросил.

— Его там нет, Доктор... Саркофаг... пуст... только кости кругом...

— Он есть, Фреон. Но если ты привык врать сам себе, то не жди, что Монолит тебя услышит и тебе явится. Желание ты себе внушил, и оно не стало истинным.

И Доктор снова водит по моим ранам синеватым камешком, от которого по телу разбегается шерстяное покалывание, и смотрит куда-то сквозь меня и что-то, по-моему, видит...

— Если ты сам не слышишь своего сердца, то как Камень сможет узнать от тебя правду, как он разберёт, чего же ты на самом деле хочешь, если в твоей душе пепел и бардак вместо желания, единственного, выстраданного, которое если не исполнится, то и жить больше ни к чему? Тебе нельзя было ходить туда, Фреон. Таким, как ты, он не явится. Такие, как ты, увидят в Саркофаге только гору сожженного и переплавленного мусора.

Без злости говорит Доктор, без осуждения, ровно и спокойно: «Таким, как ты». Просто рассказывает, печально качая седой головой.

— Доктор... я же дочку у него хотел попросить... неужели это желание мелкое? Неужели дочь вернуть — это пустяк? Что ты такое говоришь, Доктор? У меня ведь дочь умерла на Большой земле...

— Знаю. Если бы хотел ты этого на самом деле, то нашёл бы Камень.

— Ну а чего же я тогда хотел, а? — уже хрип из глотки, давит дыхание. — Чего?

— Всё сначала начать. Новую жизнь ты хотел, другую семью, другое призвание. Отбросить и забыть всё, что с тобой случилось, вернуться назад, в свою счастливую молодость, чтобы пойти оттуда совсем другой дорогой. Вот о чём кричит твоя душа, вот что должен ты был спросить у Монолита. Да только этого своего желания ты и сам не понял... потому и придумал, что дочку из мёртвых вернуть хочешь. Хуже всего, сталкер, самому себе врать...

— Не было его там... не было никакого Монолита... только грязь и пекло... мусор и разломанный бетон... нет его там...

— Ну, нет, значит, нет. Просто не ходи туда больше, сталкер. Не нужно тебе этого делать. И вообще... забудь об этой сказке. Ни к чему тебе мои... фантазии.

— Но ведь Камрад ещё до Третьей ходил и девчонку свою мертвую вернул... вернул ведь! — Слезы больно вгрызлись в полопавшуюся кожу. — Живая она, из Зоны за руку её привёл, это как, а? Даже дозу не схватили. Говорят, уехали они, дети уже... как это, Доктор?

— Слышал такое... — Болотный Доктор отводит взгляд. — Болтают, наверное. Зато Живчик ни с чем вернулся, только всех своих ребят положил. Забудь, Фреон... просто выбрось из головы мои слова и живи дальше, не рви душу. Я замечтавшийся старик, болтающий невзвесть что...

— Сталкер... Фреон... ты глянь, чего тут есть, — слышится голос Фельдшера, и я с трудом открываю глаза. Серое утро, слабость, шершавая чугунная гиря перекачивается в черепе при попытке перевернуться на бок. Тошнит. Всё-таки вырубился я ночью, не смог

«отстоять вахту», упал лицом прямо в траву, где теперь лежат куски свернувшейся в желе, но ещё не подсохшей крови. И во рту тоже металлически-солончатый привкус, сердце колотит с переборами, в лёгких хрип. Оборачиваюсь к Фельдшеру... ох, бедолага. Белый он, глаза ввалились, а вокруг рта и носа кровавые разводы.

— Глянь, Фреон...

И держит он в одной руке маленький, не больше кулака, шарик, мерцающий тусклым изумрудным светом. «Душа»... знакомая штука из Зоны. А в другой — лист бумаги с детским рисунком, таким же липистым, корявым, как и тот, что нашли мы в двенадцатой лаборатории.

— Это ништяк, мэн... значит, будем жить. На троих хватит её. Да, мощная «душа», таких я ещё не видел...

И ползёт «свободовец» к лежащему пластом Философу, и уже вижу я, что последние часы доживает парень и дышит через раз, и не только из носа и рта кровь шла, а даже как будто из глаз. Расстегнул Фельдшер молнии на его костюме, приложил «душу» к впалой, бледной груди, придавил артефакт к коже. С силой прижать его надо, но сил, видно, не осталось, и потому навалился «фримен» своим весом, надавил локтем...

«Душа» — артефакт мягкий, упругий. На ощупь — мячик резиновый. А в прозрачной зелёной глубине, если сдавить пальцами, искорки бегают, и такое ощущение, словно в руке по костям лёгкий холодок разбегается. Фонит «душа» немного, поэтому долго держать его не след, и без того в Зоне навалом источников, откуда может сталкер нацеплять радиации. Однако в некоторых случаях совершенно необходима эта штука.

Сама по себе «душа» не лечит, это не «светляк» и не «чёрное сердце», которое всего несколько раз за всё время находили. Нет в этом арте целебной силы, «ботаники» давно это выяснили, но... что-то она такое делает, от чего организм разом высвобождает часть резервов и начинает буквально «пахать» на сверхскоростных оборотах. Даже раны зарастают... нужно только крепко сдавить «душу» и прижать её к коже. Единственно, часто этой штукой пользоваться нельзя, иначе организм на износ пойдёт.

Ересь с громким, захлёбывающимся взрёвом втянул в себя воздух, выгнулся, но Фельдшер придавил артефакт к его груди ещё сильнее, и в сдавленном шарике «души» начали ярко, в ритме бьющегося сердца, мерцать жёлтые вспышки.

— Врёшь... не помрёшь, — кивнул «фримен». — Сейчас, брат, поставит тебя на ноги эта штукенция.

Философ открыл глаза, начал громко, хрипло кашлять, выплёвывая сгустки крови, и вдруг задышал свободно, не захлебываясь.

— Лежи, не рыпайся... не всё ещё. — Фельдшер чуть ослабил нажим, и я увидел, как заметно побледнел изумруд «души», словно вытекла из него яркая, насыщенная зелень.

— Х-холодно, мля... — простонал Философ. — Чё за фигня...

— Не выражайся, брат. Эта фигня тебя с того света тащит. Потерпи чуток... во-от, теперь порядок. Полежи.

Фельдшер убрал артефакт, и на бледной коже осталось размытое лиловое пятно.

— Больно, ё...

— Ништяк. Зато живой. — «Свободовец» пошел ко мне.

— Эй, ты бы сначала себе... — попытался я протестовать, но «фримен» уже расстегнул мою «Кольчугу».

— Больной, не вякайте. Самолечение чревато последствиями.

От прикосновения артефакта глубоко по мышцам, по костям пробежал мороз, сразу стало холодно, хотя от самой «души» кожу начало жечь. Холод побежал по сосудам, зашепотало в горле. Голова закружилась, захотелось спать, но слабость и тошнота отступили. Сердце гулко стукнуло, и вдруг начало работать размеренно, сильно.

— Всё, Фельдшер, хорош... себе оставь.

— Не бойсь. Я себя не обижу... да мне и по рукам уже пошло немного.

Когда «свободовец» приложил «душу» к себе, она уже совсем потеряла цвет и

хрустела, словно плёнка от сухпайков. Однако сил артефакта всё же хватило на то, чтобы глаза Фельдшера посветлели, а с лица сошла бледность.

И «душа» умерла.

Артефакт развалился сотнями тонких прозрачных листков, тут же подхваченных ветром. «Одноразовый» он в отличие от всех прочих штукосин Зоны, и не покупает его никто, кроме самих сталкеров, — опять-таки, это единственный из всех известных артов, который не живёт вне аномальных территорий. Оттого, кстати, так его и называли, раньше он был «душой Зоны». И силу потеряв, уже не восстанавливается, как живучий и безумно дорогой «светляк».

Но хоть и не очень редкий, хоть и на «один раз», но артефакт этот оказался в нужном месте и в нужное время. Вместе с вырванным листком лабораторного журнала, и пусть не было видно на сухой траве следов, я уже понимал, что наведалься к костру та самая, что спасла нас от иллюза и помогла в перестрелке.

Потому что на детском рисунке широко, довольно улыбалась девочка в чёрном платье, в руках-граблях которой был выведен зелёный кружок. И стояла она у дымящего костра, возле которого лежали три человечка. А вокруг, по краю рисунка, что-то на собак отдалённо похожее с пустыми, безглазыми мордами. Штук десять. И все сидят.

— Глюк ночью заявлялся, — уверенно сказал Фельдшер. — Причём тот же самый, что и в прошлые разы. И сдаётся мне, эти собаки или с ним... ней были, или же она их к нам не подпустила, пока мы в отрубе валялись. Вот что, Фреон. Давай колись. Что-то мне кажется, что ты в курсе, кто нас бережёт.

— Когда кажется, молиться надо. Веришь, не больше твоего понимаю.

— Это точно мёртвая Хип приходила... она меня и после смерти охраняет, — прошептал Философ. — Это Хип... она ещё с Болот за нами ходит.

— Значит, не понимаешь... — крикнул Фельдшер, полез в карман. — Тогда держи ещё. Это на покойниках со стройки лежало. Придержал я тогда эту бумаженцию. Не хотел, чтоб ты опять замкнулся и молчал часами.

«Фримен» достал вчетверо сложенный листок бумаги и передал мне.

Опять рисунок. Большой квадрат с окошками, в них люди-овалы со спичками рук-ног. Зато оружие прорисовано чётко: видно, где автомат, где винтовка, и всё стреляет — огоньки красными кистями, чёрточки летящих пуль. А возле квадрата-стройки три безголовых человечка, зачирканных красным карандашом. И всё та же девчонка в чёрном треугольном платье, но на этот раз «злая» — зубы оскалены, волосы дыбом. Руками машет возле тех, безголовых.

И мысль у меня вдруг. Дикая, страшная.

Видно, давно она у меня зрела, да только сейчас и тюкнула в темечко.

— Фреон... я ведь из местной сети архивы сообщений и новостей поднял. Не нашли ни Хип, ни её мужика. Ни одного трупа «долганы» не надыбали, даже своих. Кровища, мутанты побитые, лоскуты от комбезов, куски костей и раздолбанное оружие...

Значит, и «свободный» о том же подумал... но нет. Вряд ли может такое быть.

— После «карусели» человека можно в горсть собрать, — буркнул я. — Говорят, цепанул всю группу недобитый контролёр, силёнок ему не хватило зомбировать всех, вот и загнал ребят в аномалии. Хитрая сволочь.

Я вздохнул и поднялся с земли, удивляясь тому, что уже почти не штормит.

— У Луны, да и Хип детекторы были отличные, самой последней модели, из тех, что к ПМК подключаются. Они и успели дать сигнал в сетку, что в «карусель» их хозяева зашли, после чего, понятное дело, отрубились. У «долганов» в это же время ПМК из сети тоже разом пропали. Что можно подумать?

— Жаль... ну а вдруг?

— Вдруг только в сказках бывает. Собирайся, анархия, пошли до хаты. Нет здесь выхода. Ересь, то — же подъём. Разлёживаться в «Схроне» будешь.

Значит, опять Хип приходила... не двинулся ли наш Философ крышей после пси-поля

на Болотах? Понятное дело, что это не может быть она... но кто-то же за нами по Зоне ходит босыми девичьими ногами? Кто-то же разбил головы мародёрам вблизи Агропрома? И артефакт принёс, рисунки эти подкидывал? Вспомни, излом вас тоже не тронул, хотя на старом Кордоне кровососу башку отрубил, и что там был именно излом, нет сомнений — только он может так врезать. Но тварь эта опасна до предела, не отпускают изломы человека живым, обязательно грохнут — если бывают, хоть и очень редко, «мирные» встречи с сытыми кровососами, то в случае с изломом чуда не случится: или ты его, что сомнительно, или он тебя, что скорее всего.

Ох, как же всё это странно. Непонятно. И несмотря на то, что складывались эти странности для нас пока удачно, мне это всё равно крепко не нравится. Страшно даже, когда Философ про мёртвую сталкершу загоняет, что ходит возле лагеря по ночам. Волосы дыбом под капюшоном поднимаются от мысли, что, может, и не Хип это была.

Не готов я к такому. И просто боюсь.

Прав был тогда Доктор. Не тот я человек, чтобы к Монолиту ходить. Некоторым желаниям лучше не сбываться.

А пока — назад. В бункер «Схрон» отлежаться, отоспаться, восстановиться. Напиться горячего чаю или чего покрепче, почитать что-нибудь, отвлечься, просто поваляться на пахнущем плесенью диване, глядя в потолок и не думая ни о чём. В последние дни страшно мне в Зоне бывает. Слишком страшно, и это плохо. Какой же из меня проводник, если вместо того, чтоб безопасный путь отыскивать, шарю я взглядом по окрестным кустам и окнам заброшенных домов, ожидая увидеть в них серое личико с ввалившимся ртом. Что прошибает меня холодным потом при малейшем непонятном шорохе, и у посёлка я несколько часов лежал не только потому, что пути изучал, но ещё и потому, что попросту трясся, как зелёный новичок, и себя успокаивал.

Надо будет поговорить с Хорём. Перегоревший сталкер становится бесполезен, это гарантированный смертник... наверное, уже и Фельдшер, и Ересь отлично понимают, что Фреон снова угробил свой отряд. И что сегодня, как и в прошлые разы, выручил всех нас этот странный «глюк», а вовсе не «опытный сталкер, специалист по подземельям».

И получается, что пора с Зоной завязывать. Значит, это уже хана. В следующий раз чуда не будет. А если и не завязать, что, конечно, не получится, то просто бродить по окраинам да мелочь собирать. На тушёнку с хлебом хватит — и то добро.

— Сталкер, ты офонарел? — спокойно, даже как-то печально поинтересовался Хорь.

Скорее, от моего признания «офонарел» сам торговец, отсюда и какая-то обречённая печаль в голосе. Смотрит исподлобья, глаза несчастные, руки опустил. Уж лучше б выматерился он, что ли...

Накатило на меня нешуточно, да ещё и спиртным я чуток усугубил, потому и рассказал я ему всё. И что хватит с меня дальней Зоны. Что и Ересь, и Фельдшер могли под моим мудрым руководством много раз в Зоне просто по-глупому помереть. Что толку от меня как от сталкера и проводника — ноль. Что я начинаю бояться Зоны не тем привычным страхом, который выжить в ней помогает, а таким, что трясутся поджилки, диким, парализующим, что для сталкера означает конец карьеры или смерть в следующей ходке.

И в тяжёлом, затяжном молчании смотрел на меня Фельдшер, как-то совсем уж притих Философ, а я сам, без приглашения, тянулся к бутылке горькой настойки, плескал себе в кружку, выпивал и продолжал вещать. Что в команде реально работать не могу, не соврал «ботанический» отдел кадров в своём досье на сталкера Фреона. И о том, что смертей я и так достаточно за свою жизнь насмотрелся, чтобы ещё двух человек угробить. Высказался по поводу идиотизма всей этой затеи с выходами за Периметр, которые, может, есть, а может, и нет их в природе. Что большим дядям не фиг страдать патологической жадностью, а как в старые добрые времена — подкупить офицеров на одном из пропускников, благо, человечество от Зоны уже начинает зависеть и так подсел на иглу артефактов, что по карману дядям не ударит лишний десяток — другой миллиончиков, потраченный на нужды

местных вояк.

— Я тебя спрашиваю, что ты мне тут вывозишь, сталкер? — снова спросил торговец, меняя интонации. — Слушай, может, тебе просто мало, а?

Ничего, видно, не понял Хорь.

— Друг, ты же вроде в курсе, что иногда случается со сталкерами такая бяка, перегорают люди. — Я снова потянулся к бутылке. — Так вот, я уже начал. И этим ходить со мной теперь опасно — могу в аномалию завести и не заметить. Веришь, когда один по Зоне лазил, оно мне было проще.

— Ты что, за нас боишься? — удивлённо спросил Фельдшер.

— Хрень не молоти, — грубее, чем следовало, оборвал я «фримена».

Вот ещё тоже бред... за них я боюсь. Чёрта лысого. Зона здесь, и за каждую жизнь переживать — нервов не хватит. Друг он мне разве? Да какой там... «свободовский» гарант моей благонадёжности и одновременно курьер от анархистов за Периметр. Видать, в коробочке ценные диски лежат, которые если в аномалии сгорят, то не беда, главное, чтоб в неправильные руки не попали. До сих пор поражаюсь, как он мне про эту посылочку рассказал. На дурака Фельдшер не похож. Значит, доверяет, как самому себе, или же просто выхода другого не видит. Ведь просил он, если с ним что случится, коробочку ту в «жарку» или «карусель» закинуть, чтоб наверняка. Не Ересь же он об этом попросит, честное слово...

Не страдал я никогда такой штукой, чтоб за кого-то переживать. Привык, что чихать на всех, так как всему миру, в сущности, чихать на тебя. Что всегда был, есть и будешь один, друзей в Зоне нет и быть не может, и башка у сталкера должна болеть только по поводу собственной шкуры. И всегда эта философия была безотказной, пока... ну, пока вдруг перестала она быть правильной.

Ничего я не могу поделать с чувством пустоты в груди. Не грусть, нет, не горе, не память. Просто пустота там, где раньше была вера в счастье, надежда на лучшее, там, где у меня хранилось то небольшое светлое, что успел я собрать за свою, в сущности, никчёмную жизнь. Где хранились у меня улыбки Хип и то, как на неё Лунь смотрел, где берег я отражение чужого счастья и надежду на то, что уж у них-то обязательно должно быть всё хорошо, иначе никчёмным становится всё на свете. И в этом же уголке души я берёг память о Манон. Жила у меня там мысль, что помог я стоящему, правильному человеку, что сделал наконец что-то хорошее, пусть даже и проворачивая аферу с институтским барахлом. Но даже этой доброй мысли не осталось, потому что Манон больше нет, её застрелил мародёр, который, по сути, тоже сталкер, как и «долган», или одиночка, или «фримен». За идею здесь, в Зоне, наверное, только «Монолит» рубится, и то далеко не факт. А все остальные, по сути, сталкеры, что жизнь кладут за деньги. А во всё остальное время врут. И про свои «идеи», за которые якобы сражаются, и про «азарт Зоны» врут, потому что азарт возникает у них только от денег, и про дружбу врут, потому что там, где деньги, никакой дружбы нет и быть не может, что друзьями в Зоне бывают до первого редкого и дорогого артефакта. Врут напропалую и себе, и окружающим. Брежут самозабвенно и так много, что сами запутываются в собственном вранье и начинают в него верить. Как сказал Сионист: «Сталкер — это тяжёлый, ярко выраженный случай человека». Правда, при этом стоит отметить, что под словом «человечность» циничный и начитанный сталкерюга понимал вовсе не правду, великодушие, доброту или милосердие, а совсем иные, прямо противоположные качества.

И случается порой, что от этой вечной лжи, от этой гадости, что творится вокруг него, срывается сталкер в Зону. Но уже не за деньгой, а потому, что всё вокруг обрыдло, что тошнит уже от вечного и бессмысленного мотания «пошёл-нашёл, продал-пропил, купил чего, потратил всё, опять пошёл», которое рано или поздно закончится отнюдь не хеппи-эндом. И кажется сталкеру в один прекрасный или не очень день, что у него появилась Мечта. И невдомёк бедолаге, что эта его мечта лишь клубок собственной лжи, и тащится сталкер через всю Зону лишь затем, чтоб, если повезёт, дойти до Саркофага, увидеть внутри него гору спёкшегося, обугленного хлама. Те немногие, что смогут вернуться, расскажут, что никакого Монолита нет и скорее всего не было никогда. А ведь Доктор сказал, что просто

нужно быть честным с собой, несмотря на то даже, что это «просто» бывает в тысячу раз труднее самого похода к Саркофагу.

Вот и сейчас ты опять врёшь, Фреон, и себе, и «фримену». И почему-то до сих пор не хочешь признать, что гложет тебя, да что там, люто грызёт мысль, что ты два раза уже точно загубил свой отряд и один раз подставил под пули. Что тебе больше не хочется рисковать жизнями Фельдшера и этого прохвоста Философа, которого ты неизвестно за каким чёртом взял на поруки. Что не хочешь признать того, что за каждым твоим шагом смотрят теперь так и не состоявшиеся, но такие близкие друзья, навсегда потерянные, но при этом родные до боли в сердце люди. Что тебе, прожжённому Зоной сталкерюге, давно забывшему слова «совесть» и «друг», когда-нибудь станет больно и стыдно за поступки, о которых в недалёком прошлом ты забыл бы через полчаса.

Может быть, Фреон, это всё с тобой творится просто потому, что ты перегораешь, что, наконец, укатала тебя Зона так же, как и других сгоревших бродяг, что безуспешно пытаются выживать в «Шанхае» — лагере вблизи от «Ростка». Что отходил ты своё по Зоне, шесть лет здесь — срок для сталкера почти неприличный. Да и вообще... просто отходил своё Фреон.

— Мужики, чего такие лица постные? — Я улыбнулся, потому что стало вдруг всё просто и легко, даже свободно в груди. — Давайте ещё по чуть накатим, а?

Инициативу никто не поддержал. Хорь вздохнул и ушёл к прилавку, ничего не сказав. Там кто-то постучал о доски — торговля в «Схроне» уже началась. Молчали Фельдшер с Философом. Ну, раз так, то опять один... я, не скромничая, вылил в кружку всё, что оставалось в бутылке, махнул в три больших глотка и вытащил сигарету из пачки Хоря. Сколько не курил? Лет, наверное, десять... однако табачный дым не начал драть глотку, не закашлялся я, но и удовольствия никакого не получилось. Недокуренная сигарета зашипела в масле шпротной банки.

— Адьёс, народ. Я на боковую. Завтра всё выяснится... утро вечера мудренее.

Как ни странно, притворяться спящим на этот раз было совсем нетрудно. Я лежал на продавленном диване с закрытыми глазами, и было мне спокойно, почти безмятежно. Всё в порядке, всё наладилось... не нужно больше ни о чём беспокоиться. Я почти лениво перебирал страницы своей жизни, попутно отмечая, что улёгся и заснул Ересь, долго, беспокойно ворочался на своём лежаке Фельдшер. Дождавшись, пока и он не начнёт похрапывать, я неслышно поднялся, вытащил из секретного кармашка комбеза доллары, две тысячи наличными, что выдал мне Хорь за «лунный свет». Тысячу — Ереси, за отворот рубахи, тихо, осторожно, чтоб не проснулся парень. Вторую — в нагрудный карман «свободовца», и ему же — расписку ещё на четыре штуки в зелёных рублях. Честный он мужик, разделит с Философом по совести. Затем в первый раз за всё время надел я свитер убитого Андрея, удивляясь, как мягко, тепло он греет, вытащил из ящика записку Лены и свой ПММ. Проверил магазин, сунул пистолет за ремень, прикрыл его свитером.

— Далеко собрался?

— Подышу чуток, а то чего-то мутит меня, — буркнул я бодрствующему Хорю, поднимаясь вверх по лестнице, и тот кивнул, снова уткнувшись в какую-то книжку из своей «библиотеки».

Осенними ночами в Зоне бывает особенно темно, почти до черноты. Но над «Схроном» поднял Хорь на высоком шесте фонарь, заметный издалека, зазывающий из Зоны усталого сталкера. Этакий маяк получился... и освещал он, впрочем, не так чтобы много, но мне не составило труда добраться до северного холма, с которого раньше хорошо была видна бывшая «Деревня новичков» и, если день был светлым и без туманов, даже заброшенный блокпост военных, оставшийся там с тех пор, как была Зона маленькой и почти незаметной для человечества.

Есть на этом холме приметный валун... здоровенный камень. В одной из выемок на его замшелых боках можно было сесть, удобно откинувшись спиной. Однако затягивать с этим всё равно не стоит.

В свете налобного фонаря записка казалось слишком яркой, белизна тетрадного листка

немного резала глаза. Я снова перечитал знакомые строчки, не торопясь, глядя на каждую букву, выведенную аккуратным женским почерком. Разгладил листок ладонью, глубоко вдохнул неожиданно свежий, холодный воздух ночной Зоны. Достал пистолет.

Вот так оно здесь и бывает. Не я первый, да и, наверное, не последний, кто выстрелит в себя после неудачной жизни, неудачного похода за Желанием, когда в самом существовании, в этом вечном и бесцельном копошении здесь больше нет никакого смысла. Застрелился ведь Живчик, который, как и я, не нашёл Камня в горячей тьме четвёртого энергоблока. Но у него хотя бы Зона была... а у меня теперь нет даже этой малости. Не смогу я больше сделать ни одной ходки. Не хватит меня ещё на один детский рисунок, не выдержу при виде следов босой девичьей ноги в радиоактивной грязи. Так что не жди, Фреон. Не позволяй себе передумать сейчас, чтобы не дожить потом свой век во вшивом, пропитанном смертью и безнадёгой «Шанхае» у «Ростка» вместе с опустившимися до предела бывшими сталкерами.

Затвор с лязгом вернулся в переднее положение, дослав патрон, и я приложил дуло к виску, ощутив кожей холод металла. Спусковой крючок плавно подался под нажатием пальца. Внутри, где-то в самой глубине моего существа, шевельнулся вялый протест, кольнул страх, но это прошло сразу, буквально за долю секунды. Интересно, есть что-то после смерти? Честно, то не хотелось бы мне, чтоб было.

— Нельзя.

Что-то больно, до хруста в кости, схватило меня за руку, дёрнуло её вверх, и пуля ушла не в висок, а в низкое чёрное небо.

— Нельзя. Умрёшь. Нет.

Это было настолько неожиданно, что сердце ухнуло в пятки. Не человек. Каким бы опытным ни был сталкер, подойти так, чтобы я не услышал шороха одежды или хруста травы под ногой он бы не смог. Тем более что сила узкой, бледной ладошки, мелькнувшей в свете фонаря, была точно нечеловеческой — хватка пальцев напоминала стальные кольца, жёстко впившиеся в кожу. От рывка фонарь свалился с головы, с коротким хрустом ударился о камень и погас.

— Доктор не велел. Должен жить.

Тихий, хриплый, странно монотонный голос. Человек не может так говорить, что-то очень чужое было в том, как были произнесены эти слова. От этого голоса по спине пробежался мороз, словно ожили вдруг давным-давно забытые детские ужасы, неожиданно заговорившие со мной ночью из тьмы полуоткрытого гардероба. Она пришла. Она всё-таки пришла. Будь ты проклят, Монолит...

Крик ужаса вырвался наружу тихим хрипом:

— Таня... дочка?..

— Нет. Завтра ты идёшь, идут они. Где мост. Где поезд. Там ждать. Не надо стрелять. Выход. Выход помогу искать.

— Кто ты?

— Пенка...

И хватка исчезла. Я почувствовал лёгкую волну воздуха на лице и через секунду далеко в стороне негромкий сдвоенный удар в землю, а потом тихий хруст кустарника. Ушла... уф...

На запястье начали наливаться кольцевые синяки, мышцы ныли и дёргали. Пистолет, вырванный из руки, на слух отлетел куда-то в траву, и я нашёл его через несколько секунд. Оружие было погнуто так, что о восстановлении речь не шла — заклонило намертво.

— Да твою ж мать! Фреон! Вот дурак-то, а... ох, дура-ак... — послышался издали крик Фельдшера. — Позднyak по ходу, братцы... я выстрел слышал... ой, бли-ин.

— Ага. Он какой-то чудной уходил, — обеспокоенно добавил Хорь.

— Ну и хрена ли ты не остановил его, чудило? Фак... вот же зараза. А до меня не допёрло тогда, чего это он вдруг таким спокойным стал... ну, Фреон, а...

Послышались шаги. По краю валуна мазнул луч света.

— Вроде здесь выстрел был. Смотрим. Учудил, сталкер...

Фельдшер увидел меня, выругался одними губами, подошёл быстрым шагом.

— Жив?! Куда попал, показывай... ну? — «Фримен» прихватил меня за комбез, начал искать. — Чего молчишь?

— Промазал я... вот блин. Не дали... — Я сунул под нос «свободовцу» распухающую руку. — Зона не позволила, зараза...

И Фельдшер с короткого замаха ощутимо врезал мне по шее, придержав за шиворот, чтоб я не свалился. После чего обнял медвежьей хваткой так, что из лёгких вышел воздух.

— Чего же ты, чертила, удумал... вообще офигел. Ну, разве можно так? Идиотина ты, Фреон... у-ух, п-падла... живой...

— Ну, ты даёшь, сталкерок, — пробубнил Ересь. — А мне чё без тебя делать? «Долганам» сдаваться? Слышь, это... и вообще. Короче, так больше не делай. Не подставляй бригаду.

И Философ хлопнул меня по плечу, криво улыбнувшись, хотя в глазах я увидел беспокойство и страх. Испугался, видать, бывший мародёр. Неужели... неужели и правда команда получилась? Странно вообще, что после вчерашнего признания Фельдшеру и Хорю, да, похоже, и Ереси до меня дело есть. И это после таких-то косяков, что по моей милости едва отряд не загубили.

— Друг, это ведь последнее дело — пулю себе в лоб пускать. Нельзя так, понимаешь? Чего за дурь тебе в башку ударила? Надо жить, пока живётся, а в Зоне всегда подохнуть успеем. Не, брат, это ты чушь спорол...

Фельдшер не замолкал до самого бункера. Он же и достал бутылку, налил полный «граненец», сказав, что, мол, это штраф за дурость. И после долго рассказывал что-то, да только я, приняв на грудь ещё немного спиртного, заснул, а точнее, вырубился прямо за столом.

Не она.

Я теперь почему-то точно был уверен, что там была не она. И факт — стало намного легче.

Не знаю, какие силы поработали над железнодорожным мостом и насыпью, но подходить близко к ним я не решился. Всё — и состав, до сих пор стоящий на рельсах, и фермы моста, и даже выломанные и местами выгнутые в небо балки — было сплошь покрыто не то гигантской плесенью, не то густой паутиной. Цепочка «трамплинов» и две мощные «карусели», «жившие» у моста не один год, исчезли, уступив место новой аномалии. Ну а то, что «паутину» явно сплели не пауки, было понятно даже издалека — по серым полотнам лениво ползали тонкие ветвистые молнии, а на обломках рельсов раскачивались и шипели широкие синие кисти света, хорошо видные даже при свете дня. Похоже, какая-то новая «электрика» поселилась на мосту, и в другое время я бы хорошенько полазил вокруг да около: не исключено, что недавняя и, по виду, очень мощная аномалия разродилась какими-нибудь недешёвыми штуkenциями.

В другое время да, поискал бы. Но не сейчас. Не сказать, что теперь не боялся я Зоны, хотя тот, нехороший страх точно ушёл, но немного трясло меня от предстоящей встречи с «глюком». Вон как Фельдшер на меня посматривает с самого утра, небось уверен, что точно Фреон крышей повредился. Зато Ересь поверил сразу, но ждёт он здесь понятно кого — Хип. Вбил себе в голову парень, что жива девка, но я-то точно знаю, что не человек ко мне этой ночью приходил.

— В общем, так, мужики. Кто бы ни пришёл, сразу не стреляйте. Но оружие держать под рукой. Мало ли...

— Слышь, Фреон... ты уверен, что не показалось? Всё-таки шок, дело такое. — И снова взгляд. Не по себе Фельдшеру тоже, однако по глазам вижу, что сомневается «анархия». Да что уж там... откровенно не верит. Признаться, я бы тоже не поверил. Однако мой «Макаров» действительно уделан до полной неработоспособности: отлично видно, как выгнуло кожух затвора вместе со стволом, выкрошились от давления пластмассовые

накладки, оружие заклинило так, что пришлось его и бросить у Хоря — даже магазин с патронами намертво сел. Теперь разве что выпиливать.

— Угу. И пистолет я рукой смял. От шока. Ты же пушку видел, как её перекалило, — сказал я. — Не, брат. Это она его уделала, чтоб я себе башку не прострелил.

— Ясно... но что-то мне как-то неохота знакомиться, дружище. — Фельдшер поёжился. — Не, я, конечно, мэн без предрассудков, но... блин, а если и в самом деле мутант? Я их реально стараюсь, если честно. У нас на Складах чел есть один, Якуш звать... так он хвалился, что один раз с контролёром мирно разошёлся. Может, и брешет, но в принципе не похож чел на выдумщика... говорил, что, как увидел тварь, оружие сам бросил и от ужаса даже глаза закрыл. Считай, нос к носу столкнулись в одном доме, в Приборске. Рассказывал он, что даже руки поднял и заскулил, мол, чувак, не надо меня есть, я тебе ничего плохого не сделал, и ты меня отпусти. И обдулся, короче... Якуш чувак без комплексов, всё рассказал и сам при этом ржал. Это... понюхал его контра, на ухо поворчал, кислятиной какой-то выдохнул и по шее врезал. А потом просто ушёл. Мэн повалился, отдулся, что его не едят и не зомбируют, руки в ноги и дёру. У-уф... не, ну их всех. Я бы на месте Якуша не только малую, но и большую нужду в штаны справил. Ужас вообще.

— Брешет, — предположил я. — Контролёр тварь умная, но... проще с кровососом поладить.

— Сталкерок, это Хип была, — уверенно заявил Философ. — Она тебе не дала пулю в репу пустить. С ней по-любому какая-то хрень случилась, может, Зона изменила, может, ещё что... но она живая. Я это точно знаю.

— Откуда?

— Ну... просто знаю. Меня иногда в Зоне грузит немного... особенно когда на привале или минута спокойная. Задумаешься так о чём-нибудь, а потом — бац! Я так первый свой артефакт надыбал, «чёрный выверт». Сидел, сидел, и приглючило меня, что в земле какая-то фиговина лежит. Веткой песок расковырял — и вот оно. Ещё когда с Лунём ходил.

— Знаешь, Философ, а может, к нам? — Фельдшер оглянулся. — В «Свободу»? Ты, по ходу, мэн с чутьём, будешь артефакты собирать, с интересным народом познакомлю.

— Не. Мне бы только за Периметр выйти. Манал я эту Зону. — Философ скривился.

Ну, его право. Тысячу долларов, кстати, не вернул, в отличие от Фельдшера. А я не стал напоминать. Странно это... день назад за меньшее душу бы вытряс из парня, а сейчас даже рад. Пусть его... сам ведь отдал, да и за Периметром эти деньги ему крепко пригодятся. Выведу я его, если выход найдём. Может, тогда перестанут мерещиться Лунь с подругой своей, может, тогда и зачтётся мне должок перед ними за то, что помогли мне человека в себе сохранить.

— И это... короче, спасибо тебе, сталкero... Фреон. В реале спасибо.

Вот это да. За всё время в первый раз услышал я от Философа такое. Видно, как он всё утро на меня смотрел и вопроса этого ждал. Не дождался. Не сразу, видно, дошло, что не спрошу я с него эти деньги. Ну, а Фельдшер отдал всё и сразу, сказав, что чужие баксы карман не греют. Чудной он всё-таки человек.

— Идёт, — как-то сразу осипшим голосом произнёс «фримен».

— Во... этот мутант башку кровососу отфигачил. — Ересь сделал шаг назад. — Ты ещё мне не поверил тогда, сказал, что брешу. Он по-любому.

— Она скорее всего, — поправил я.

Некоторые мутанты в Зоне из тех, что внешне человека напоминают, да что уж там, по мнению доброй половины «ботаников» от него же и происходят, во многом людей копируют. Например, те же карлы, контролёры и, в особенности, изломы всегда стараются какую-нибудь одежду найти. Бюрер так и вообще может на копну стать похож из-за множества тряпья, что на себя накручивает, причём копну грязную и часто невозможно вонючую: до тех пор на себе таскать тряпки будет, пока не сгниют и не расплзутся. Грязные твари на редкость... контролёры тоже находят какие-то обмотки, снарка без противогаза редко в Зоне увидишь, хотя лучше б его, гада, вообще никогда не видеть: тот же зомби

гнилой с полопавшейся кожей, только что крепкий, прыгучий и с невероятной реакцией. Хуже них, наверное, только кикиморы. Однако ни одну из этих тварей с человеком не спутаешь, хотя общего, факт, много. Но и жутко нечеловеческого хватает: у контролёров башка бугристая, неправильной формы, лба вообще не видать, только два холма над висками, и на них не то шерсть лишайная, не то вылезающий, слипшийся в коросту волос. И ходит он семеня и как-то странно дёргаясь, руками взмахивает, трясёт его, словно припадочного. А уж морда... лучше её вообще не видеть. С бюрером и так ясно всё даже издали. Снорки из-за сопревших, полопавшихся связок спины только на четвереньках и прыгают, рассказывали, что даже позвоночник у некоторых тварей полностью сгнивал и выкрашивался, однако на крепости их плотных, как тракторная крышка, перевитых сухожильными лентами тел отсутствие хребта, похоже, никак не сказывалось. До сих пор «ботаники» страдают оттого, что непонятно им, как это снорки жрут и бегают без крови и нервной системы, а зомби без глаз видят, и мало того, некоторые из них даже немножко думают, хотя мозги давно в кисель расплавились и через нос вытекли...

Но излом в этой честной компании особнячком держится. Потому что не просто похож он на человека. Вылитый. Только хорошо намётанный взгляд отметит, что лицо у случайного попутчика чуть длиннее, чем обычно, скулы с боков сдавлены, да глаза вроде меньше, чем от природы положено. Сутулится слегка, иногда немного прихрамывает... один признак — всегда у твари, кроме старого, зачастую рваного комбеза, или пыльник, или просторный плащ имеется. Это уж обязательно... потому что ему руку прятать нужно. Ручища у него что надо: не нагибаясь, может по земле ладонью похлопать. И ладонь соответствующая, кулак размером с голову. И ни одна тварь Зоны, за исключением, наверно, только химеры, псевдогиганта или болотного кровососа, не посмеет заступить излому дорогу. Он, правда, и не воюет особо с местным зверьём, он людей в Зоне ищет... потому и говорят новичкам никогда и ни при каких обстоятельствах не подпускать к себе словоохотливого сталкера в пыльник или длинном плаще. Особенно если сутулится он слегка и оружия с рюкзаком при нём нет.

И сейчас к нам шёл именно излом. Плащ с низко надвинутым капюшоном, слегка раскачивающаяся, словно прихрамывающая походка выдавали его сразу, и оттого рука непроизвольно дёрнулась к оружию, а по спине пробежал лёгкий холодок, факт, излом... хотя на вид он как будто немного мельче своих собратьев. Может, молодой... впрочем, ни молодых изломов, ни их детёнышей, ни даже самок ещё никто и никогда в Зоне не видел.

— Опасности вам от меня нет, — довольно чётко, выговаривая каждую букву, произнесла фигура в плаще, и я узнал тот самый голос, услышанный ночью, разве что сейчас в нём не было хрипоты. — Оружие брать не нужно.

Да, человеческого в том, как были сказаны эти слова, было мало. Эта чуждость угадывалась в, казалось бы, незначительных, но совсем других интонациях, непривычных для слуха пауз между словами, рубленых фразах. Нет, изломы точно владеют речью намного лучше. А вот сам голос был, пожалуй, вполне человеческим. Девичий. Звонкий. Чистый.

И оттого, наверное, я непроизвольно охнул, что лицо, а точнее, лик под капюшоном не был похож ни на морду излома, ни на человеческое лицо, да, пожалуй, ни на что, виденное мной раньше.

Известково-белый треугольник с громадным чёрным глазом почти на треть лица, от чего второй глаз, ярко-синий, раскосый, казался совсем небольшим, хотя и был обычных, «человеческих» размеров. Высокий лоб с заметными буграми у висков. Маленький острый подбородок, крохотный нос и рот. Странное дело, но лицо при этом вовсе не выглядело уродливым или отталкивающим. Страшным, чужим — да. Но только не уродливым. И, могу сказать точно, ни я, ни кто-либо из знакомых сталкеров никогда ничего подобного не встречал, и ни от кого я не слышал о таких мутантах.

Не излом это... но правая рука точно изломья, длинная, считай, до земли, с роговыми зубьями на ребре ладони. И не контролёр, хотя бугры над висками похожи очень, правда, без коросты и паразитов. Волосы у контролёров тоже почти не растут, а тут длинные, ровные,

пепельно-серые, и... ох, ё... по ходу, резинкой в хвост собраны, как у самой обычной девки за Периметром. Ничего себе, номер.

— Слышь... опа... точняк, это оно кровососа завалило. Я ж те говорил, а ты не верил... ооо... — шёпотом, на одном выдохе прошептал Ересь.

— Здарова... мэн. — Фельдшер сделал несколько шагов назад.

— Пенка?.. — спросил я, хотя и так понимал, что это именно та, что следовала за нами всё это время, и та, что вырвала из моей руки пистолет.

— Да, это моё имя. Его дал мне Доктор. Мы должны идти. Огонь в небе. Выброс. Скоро вам опасно. Знаю укрытие.

— Значит, ты не Хип. — Ересь в отличие от Фельдшера и меня, похоже, почти не опешил.

— Нет. Но я знала её. Идём. Пора.

— Они погибли? — быстро спросил я.

— Ушли. Ушёл Доктор. Ушёл Лунь. Хип тоже.

Понятно... а на что ты надеялся, Фреон? Что выжили они? Ушли, значит... но Лунь рассказывал, что Доктор никуда не уходил, а при нём умер, как только завещания составил. С тех пор на Болотах всё никак не могут тропинку к его дому найти, кружит сталкеров по трясинам, а в тумане иногда можно услышать горестный вой в той стороне, где раньше Болотник обитал. До сих пор отпевают его мутанты.

— То есть как ушли? Куда? — Философ, видимо, не понял.

— Ушли совсем. Так, что никогда не вернутся. Их больше нет.

— Но я видел... Хип...

— Я чувствовала память. Видела у тебя в голове. Ты тоже можешь говорить разумом. Можешь видеть. Как Доктор умеешь. Другие не могут. Но ты умеешь плохо. Ты тупой. Ты чувствовал меня, но неправильно видел. Хочешь, учу.

Почернел лицом Философ. Видать, до последнего надеялся. И вижу я, что погано ему сейчас стало настолько, что даже и удивляться не может. Плечи опустил, губы сжал, всхлипнул. И до самого Выброса молчал парень, даже взгляда не поднимал.

На границе с Тёмной долиной имелся недострой ещё советских времён. Что собирались тут сделать, было неясно: успели возвести только «скелет» здания, да так и бросили строительство ещё до Первой катастрофы. Может, больница, может, школа это должна была быть или санаторий... скорее, последнее, так как, по слухам, места здесь до Зоны очень даже красивые были, сосновый бор имелся, озеро с песчаными бережками. От бора не осталось даже пней, всё выжгло «кометами» и даже землю коркой спекло, до сих пор трава не растёт. А от озера осталась широкая заболоченная впадина с большой лужей в центре, и вода там странного, почти сиреневого оттенка, круглый год парит не то от тепла, не то кислотным дымком. Гиблое место, абсолютно непроходимое. В болотине не сказать, чтоб много жидкой грязи, не завязнешь точно, однако народу здесь гробанулось немало. Года два валялось в луже что-то прозрачное, напоминавшее не то большой кристалл, не то растрескавшуюся трёхлитровую банку. По ночам, говорят, синеньким светилось. «Ботаники» давно на эту штуковину облизывались и премию сталкерам за неё назначили весьма неплохую. Вон возле лысой кочки что-то серое, плоское лежит, торчат из грязи рубчатые подошвы — сталкер Римыч за премией ходил. А рядом, метрах в пяти, холмик светлый, чуть в зелень отдаёт, если не приглядываться, то и не заметишь, — это Барону скупщики обещали куш за уникальный артефакт. Но, видно, плохой пример оказался заразителен: на противоположном склоне среди кисточек сухой травы и грязевых разводов лежат два черепа, уже беззубых, разваливающихся, а под лоскутьями гнилого камуфляжа почти не видно костей — позеленело всё под цвет созревшего ила и выпцветающего тряпья. И кто они были, что за ребята в Зоне сгинули, никто не знает. Среди «ботаников», видно, понимающий человек нашёлся — премию отменили, и особым роботом, специально для этого собранным, артефакт из гиблого болотца выцепили. Гопстоп ругался страшно... он специально для этого болота радиоуправляемую машинку замастырил, немало денег на неё грохнул, и на

следующий день уже хотел идти артефакт вытаскивать.

Хорошо бы на время Выброса ветер от болота не в нашу сторону дул. Иначе в подвалах стройки вонь будет совершенно непередаваемая: смердела сиреневая лужа безобразно. Однако заворачивать к Хорю в его «Схрон» было уже поздно. Небо немного потемнело, нахмурилось, и первый, слабый пока ещё «тум-mmm» лениво прокатился где-то над тучами. Минут десять-пятнадцать до начала «рояль-капут», а ПМК молчат как партизаны. Вот что значит надеяться на «долганов» со «свободовцами»... с тех пор, как отрубили ПМК сталкеров от институтских серверов, началась просто беда. Вместо новостей и полезной информации приходилось читать «долговские» агитки и неуёмный трёп «обо всём на свете», в том числе кто какой косяк скурил и кто кому недавно морду набил. Сухие, но довольно ценные и точные прогнозы «ботаников» относительно Выбросов и метеорологии Зоны сменились натуральным бредом вроде: «Не, пацаны, сегодня точно Выброс будет. Сабантуя вчера не было, однако репа трещит как будто с похмела. Пиплы! На всякий пожарный далеко от схронов не гуляйте». Правда, и откровенно тревожные новости временами проскакивали. Недавно прочитал в ПМК, что пропали отряды военных, отправленных на «Росток». Просто исчезла радиосвязь, а вертолёт, отправленный на разведку, рухнул в трёх километрах от Периметра, точнее сказать, осыпался: попала машина в мощную воздушную аномалию и разлетелась в клочья. Что до «Ростка», как и предсказывал Седой, дошли через несколько дней два десятка человек из четырёхсот солдат и сразу сдались «долговцам». Что «Долг» прекратил продавать продукты и боеприпасы сталкерам, а своим бойцам назначил жёсткие нормы выдачи — даже легендарные «долговские закрома» в последнее время начали стремительно пустеть. Хорь рассказал, что лидер «Свободы», на которую он теперь фактически работал, приказал не продавать патроны и консервы. Узнал я, что группу сталкеров, пытавшихся обменять артефакты на тушёнку возле одного из блокпостов, военные попросту ограбили, после чего расстреляли в упор, и бродяги теперь перестали доверять даже хорошо знакомым офицерам. После того случая двое сталкеров ночью перебили из «Винторезов» половину личного состава одной крупной опорной точки недалеко от Агропрома. Военные в ответ начали долбить из пулемётов по всему, что движется из Зоны, по слухам, даже накрыли по ошибке своих же ребят, оставшихся в живых после неудачного похода к «Ростку». Взаимная ненависть пришла на смену когда-то нейтральным, почти деловым отношениям между сталкерами и военными. НИИАЗ тоже страдал нешуточно: выходы учёных в Зону после гибели сразу нескольких экспедиций прекратились полностью. Институт не получал ни информации, ни материалов. Научная работа практически стала, а после известия об увольнении академика Яковлева и ликвидации его научной базы на «Ростке» большинство учёных отказались продолжать работу. На голову новой администрации НИИ посыпались нешуточные «траблы», как сказал бы Фельдшер. Европейские институты, фактически полностью профинансировавшие все исследования НИИАЗ, включая закупки оборудования и возведение Периметра, обошедшегося им в многие и многие миллиарды долларов, выразили жёсткий протест, причём не администрации Института, а напрямую президентам обеих стран — исследования Зоны и поток артефактов из неё были уже слишком важны не для отдельных государств даже, а для мирового сообщества. Естественно, и генералы российско-украинского военного контингента, и новые начальники Института были жестоко, образцово-показательно выпороты, и часть из них была не то, что уволена, а надолго села, причём посадили и того самого майора, с которым общался Седой. Глотнув настоящей Зоны, большинство «военсталов», тех самых, что прошли двухмесячную подготовку на специальном полигоне, уволились через неделю-полторы, не соблазнившись даже повышенным окладом и премиальными. Среди срочников начались массовые дезертирства. Погано было и официальным властям, и «неучтённым лицам». В Зоне начался полный беспредел — сталкеры уже не справлялись с мародёрами и бандитами. Наша встреча с бандой Кантаря у Агропрома, как оказалось, была лишь одной из десятков подобных — сеть ломилась от сообщений о грабежах и перестрелках. В «Шанхае» возле «Ростка» начался настоящий

голод. Многие из «перегоревших» сталкеров и сомнительных личностей, которые могли раньше заработать на свою банку тушёнки и поллитру сбором разного мелкого хлама на Свалке, теперь начали устраивать засады или сбиваться в банды. Система взаимоотношений, построенная с таким трудом, давшаяся большой кровью как сталкерам, так и военным, учёным, была развалена полностью. Для нас наступали не просто тёмные, а чёрные времена.

Возможно, поэтому я и согласился на уговоры Хоря. Убедил меня торгаш. Выход за Периметр нужен сталкерам как воздух. Но только... не одному ему я путь выдам. С Фельдшером бы договориться, чтоб не одной только «Свободе» дорожка эта была известна. Хороший он мужик, действительно хороший, поймёт, что путь нужен для всех, что надо забыть вражду и взаимные обиды. А уж я Седому растолкую, что почём, что война войной, но на дороге подземной, если такая найдётся, чтобы ни одного выстрела не было, ни одного кособокого взгляда. Тем более слышал я, что на какой-то железнодорожной станции «долги» с «анархистами» под одной крышей сидят и не дерутся. Значит, опыт мирного сосуществования есть, вот пусть и закрепляют. А на «дядь правильных», под которых Хорь стелется, я чихать хотел. Перетопчутся. Торговца нашего я, конечно, подставлю не хило, но тут уж ничего не поделаешь.

Второй удар Выброса грохнул громко, сердито, и в тучах медленно разгорелось красное зарево.

— Идите в Тёмную долину. Там у больших домов я буду вас ждать. Здесь мне нельзя. Много людей. Выход там.

И Пенка, ничего больше не объясняя, отправилась в сторону Тёмной долины, легко перешла болотистый участок и скрылась в густом ивняке.

Выброс снова дал о себе знать неприятным, давящим ощущением в висках, и перед очередным тяжёлым ударом странного грома начала ощутимо кружиться голова. Нам ничего не оставалось, как быстро добежать до подвала несостоявшегося санатория. Который оказался уже занят.

Пахнуло свежим сигаретным дымком, тёплым запахом костра. Ещё не доходя до захламливаемой, засыпанной битым кирпичом лестницы, я заметил лёгкий, едва заметный отсвет огня на плитах. Не вовремя... если бы не Выброс, развернулся бы я на сто восемьдесят от этой стройки, ушёл как можно дальше и отряд свой увёл — с людьми в Зоне встречаться плохо, порой даже хуже, чем с мутантами. Но деваться было некуда: небо залило болезненным румянцем, тучи местами угольно почернели, и от горизонта пробежала меж тёмных облаков серия тусклых вспышек. Однако...

— Подождите тут пока.

— Друг, какой, на фиг, ждать? Через несколько минут накроет. — Фельдшер посмотрел на небо, зябко повёл плечами.

— В подвале люди. Ждите, сказал.

«Свободовец» удивлённо, даже уважительно глянул на меня, второй раз, кстати, хоть и объяснил я ему подробно тогда ещё, у двенадцатой лаборатории, что самые незначительные, казалось бы... хороший боец. Хороший, наверняка даже замечательный врач. Но по Зоне вне группы не ходил точно и скорее всего большую часть времени просидел на Армейских складах, штопая пораненных «фрименов». Внимательность ему определённо нужно развивать.

Ох уж эти люди... в бинокль увидишь какую группу, то не высовывайся, жди, пока не свалят. В посёлок брошенный, если знаешь, что там уже кто-то шурует, не заходи. Человек в Зоне — та же тварь, только куда более хитрая и практически непредсказуемая. Польза от встречи всегда сомнительна, ну, разве что потрепаться или обменять патроны на тушёнку, и то только в том случае, когда хорошо знаком с человеком. Все остальные встречи в самом лучшем случае бесполезны. В худшем — случится перестрелка, особенно по нынешним временам.

— Эй, народ! Пустите в подвал непогоду переждать? — спросил я на расстоянии, приготовившись уже залечь: у некоторых особо впечатлительных бродяг не заржавеет и

очередью полоснуть просто так, на всякий случай. Тварей, имитирующих речь, по Зоне бродит немало.

— Баловать не будешь? — голос отдался коротким эхом. — Кто таков?

— Фреон, вольный, со мной группа.

— Не знаем такого. Ты первый иди.

— В случае чего прикройте, — негромко попросил я и быстрым шагом направился к подвалу. Ремень «феньки» небрежно, мирно придержан, однако если сильным рывком потянуть его вверх, а левой рукой перехватить буквально выпрыгивающее из-под правого локтя оружие, то остаётся только нажать спусковой крючок, от бедра посылая веер пуль. Навык давно наработан, а бельгийский автомат подходил для этого «номера» как нельзя лучше: плавные, «зализанные» обводы корпуса не цеплялись за рюкзак и одежду, не было и выступающих, угловатых деталей и рукояток. И если откроют по мне огонь из укрытия, в подвал полетит РГД — всегда, даже в самые незначительные ходки брал я с собой две-три наступательные гранаты. Пусть немного лишней тяжести, пусть и далеко не всегда они действительно нужны, но, например, в таком вот бетонном подвале взрыв если не посечёт осколками, то жестоко оглушит. Да и многие твари панически боялись вспышки и сильного грохота, а контролёр так и вовсе от близкого разрыва гранаты помирал сразу и всерьёз: взрывную волну и множество осколков в разные части тела тварь переносила намного хуже, чем те же пулевые ранения, от которых вполне могла и оклематься.

Поэтому усики предохранительной чеки отгибаются прямо в кармане большим пальцем, чтоб можно было вырвать её быстро и без напряжения. Сколько бывало случаев, когда некоторые особо талантливые сталкеры пытались вытащить чеку в горячке боя, удивляясь, отчего это кольцо никак не выдергивается. Никола Свисток вообще попытался сделать это зубами, за что, кстати, впоследствии новое имя получил, так как при отсутствии двух верхних резцов и одного нижнего шипящие согласные выходили у него с довольно забавным, почти мелодичным свистом. От этого воспоминания я непроизвольно улыбнулся, хотя, по большому счёту, поводов для смеха было совсем немного: над головой наливался силой Выброс, а в лицо мне смотрели три дула.

— Мужики, мир. От Выброса бы спрятаться, а дальше разбежимся.

— Добро. Заходи. И своих ребят зови. — Стволы опустились.

В неровном свете костра я рассмотрел троих сталкеров. Похоже, из дальней ходки — лица осунувшиеся, усталые, обветрены до красноты. Наверное, и про Выброс уже знали, ну или просто ночевали здесь — костёр горит давно, видно по толстому слою свежего, не слежавшегося пепла. На удивление, в подвале почти не ощущалось действия Выброса, только слегка мутило, кружилась голова, а сверху уже всю гроыхало, на лестнице ярко отсвечивали всполохи молний. Значит, или место очень хорошее, или сам всплеск аномальной энергии хиловат оказался. Раз к разу не приходится, бывает, что даже в надёжных схронах люди гибнут, но сейчас ни «тошниловки», ни прочих сюрпризов под двойным слоем железобетонных плит не ощущалось.

— О как... сердится Зона, — пробурчал один, глядя, как сыплется песок между плит от особенно мощного, тяжёлого удара, упавшего с неба. — Да, мужики, вовремя вы на огонёк зашли.

Впрочем, без прямого приглашения к костру подходить не принято, и потому мы уселись возле стены, выбрав в подвальной грязи место посуше. Некоторое время сидели молча, рассматривая друг друга. Оружие под руками, глаза немного прищурены. Изучают. Опасен я или нет? Не мародёр ли? Хорошие вопросы... но то, что ни один из них к нам спиной не повернётся, это уж точно. Они, похоже, честные бродяги: комбинезоны хоть и изношены, однако крепкие, «рабочие», подлатаны добротной, «с душой». Мародёры в плане защитного костюма не особенно разборчивы — им по аномалиям не лазить. С другой стороны, видят вольные бродяги, что комбезы у нас новые, дорогие, и рюкзаки не тощие.

— Здорова, бродяги, — сказал после долгого молчания один из сталкеров, коренастый, с тяжёлым, сумрачным взглядом и заросшим густой щетиной подбородком. — Меня

Ермаком кличут. Я, значит, старший, а эти парни, что со мной, значит, Шкет и, значит, Гоблин. Вот, значит, мы.

— Фельдшер и Е... хм, Философ. Сам я Фреон.

— Добро. Три эф. — Сталкер гоготнул. — Со «Свободы» будете, значит?

— Только я, — отозвался Фельдшер.

— Ну, добро. Хорошая у вас, паря, группа. Уважаю, значит. Сам бы к вам на Армейские пошёл, да грехи не пускают. Вы это... харчем богаты?

— На переход есть, — ответил я. — Лишнего, извиняйте, не водится.

— Угу. Есть «каменный цветок», значит. Поменяемся?

Ермак вытащил из рюкзака контейнер и вытряхнул из него прямо на бетонный пол серый, с яркими жёлтыми прожилками камешек. Артефакт тут же начал слегка подпрыгивать и покачиваться, по светящимся полоскам побежали мелкие бирюзовые искорки. Небольшой, грамм семьдесят, и не сказать, чтоб особенно красивый, есть и куда более ценные «цветки», но триста-четыреста зелёных рублей он стоит.

— Значит, чтоб пожрать на три раза всем нам. Ну, там, тушёнки, сухарей, всё такое. — Ермак глянул из-под бровей. — Считаю, задарма отдаю.

— Извиняй. — Я покачал головой. — Правда, только на ходку припасов. Не можем. Здесь торговец недалеко, в бункере, где раньше Деревня новичков была.

— Да был там, на днях. — Сталкер вздохнул. — Деньгами даёт, значит, а жратвы и патронов не допросишься. И везде такая же фигня... что на «Ростке», что тут. И к научным базам уже, значит, не подлезешь — метут из пулемётов, сволочи. Стал бы я в другое время такую цапку на тушёнку менять.

И задумался Ермак. Смотрит, что-то прикидывает. И взгляд нехороший. Крепче я взялся за ремень «феньки».

— Значит, так, мужики. Обиды не держите. Все под Зоной ходим. И это... руки от стволов уберите.

Быстрый Ермак. Не успел я моргнуть, как он перехватил автомат, направил ствол мне в лицо, а Шкет с Гоблином взяли на мушку мою команду, да так быстро и слаженно, что мы бы просто не успели поднять оружие.

— Без обид. Не дёргайтесь... не будете дурить — не постреляем, Зона видит. Рюкзак распаковывай, Фреон.

— Некошерно поступаешь, мэн, — с укоризной произнёс Фельдшер.

— Знаю, — легко согласился Ермак. — Ну а чё делать? Ребята мои сегодня четвёртый день, как не жрамши, да и у меня скоро брюхо к хребту присохнет. Тут уж не до политеса. Не хотите так меняться, придётся под стволом.

— Ты же знаешь, что такое мародёр, а, Ермак? — спросил я, развязывая шнур на горловине рюкзака. — Что не к лицу бродяге такими делами грешить?

— Дык я ж тебя не граблю. — Ермак кивнул в сторону подпрыгивающего на полу «каменного цветка». — Я, значит, с тобой меняюсь, понял. А за мародёра, без обид, можно и в таблетку схлопотать больно.

— Встретимся, сталкерюга, — прошипел Ерень.

— Обязательно, — кивнул коренастый. — Разочтёмся за сегодняшнюю бяку, значит. Я ж не падла какая, чтоб беспределить. Должен буду.

— Слышь, босс, а может, хрен им, а не артефакт? Чё ты с ними базаришь? — спросил, по-моему, Шкет. — Под стволом всё равно не рыпнется и так всё отдаст.

— Руки, значит, сейчас заняты, — буркнул Ермак. — А то дал бы я тебе, парень, по щам, да не раз и больно. Думай, что говоришь. Фреон, ты, значит, его извини. Салажонок он ещё.

Я выложил на пол четыре банки тушёнки, две мяса с фасолью и две сгущённого молока. Сверху лёг пакет пшеничных сухарей и батон в запайке.

— Больше не дам.

— Больше и не надо. Благодарю за обмен... держи цапку. — Сталкер ногой поддал

артефакт в нашу сторону. — Контейнер у вас свой должен быть. Штуковина, значит, плохой радиацией фонает слеганца, в руках долго держать не советую. Счастливо.

Дождавшись, пока Выброс стихнет, троица, не опуская автоматов, проследовала к лестнице и довольно быстро, даже торопливо покинула подвал.

— Мож, догоним? — спросил Ересь.

— Да сиди ты... — Я подошёл к костру, уселся на крепкий с виду ящик. — Такие дела, Фельдшер. Ты посылочку свою донеси, кому надо. Если так дальше дела пойдут, мы в Зоне как вид вырем. А арт попробую сторговать в Тёмной долине. Там у ваших вроде что-то вроде небольшой базы есть. Проведёшь?

— Видишь ли, дружище. Как бы тебе сказать... не очень жаждают меня видеть в «свободных» лагерях. Собственно, потому и послали с Армейских на... кгм, ну, в общем, далеко послали, за Периметр, чтоб, значит, народ не смущал.

— Подробнее?

— Гниёт «Свобода», брат. На корню гниёт... взбесило меня тогда, у Агропрома, когда ты про продажность «фрименов» заговорил. И, чёрт возьми, прав ты, мэн. Совсем не та теперь наша вольница.

— А что ты хотел... без спонсоров ни одна группировка не обходится. Ты уж извини, я сам тогда лишнего наговорил...

— Да не, мэн. Всё ты правильно сказал. Не свобода и равенство, а в реале жизнь за бабло, вот это меня, да и не только меня, конкретно выбешивает. Раньше, видишь, мы и верно были свободными. Не дяди с толстыми кошельками диктовали, а мы им условия ставили, и дядям просто некуда деваться было. Раньше они от нас зависели, вот в чём фишка. Чуть что не по-нашему, хрен им, а не артефакты. Тут же и оружие, и снабжение, и любой каприз, только вы, братцы «фримены», не сердитесь. Вот это, я считаю, правильно было. Идеологически верно, понимаешь? Не они в аномалии лезят, не они жизнью каждый день рискуют, вот пусть и танцуют под нашу дудку, раз уж их кошелёк только от нас зависит.

Фельдшер помолчал, горько вздохнул, и появился вдруг в глазах у него злой блеск.

— Случилось, что атамана нашего, настоящего, идейного «фримена», в перестрелке с сохатыми уродами убили. А взамен него сопля к власти пришла, сука продажная. Как-то прохлопали мы момент, и без сходки, без особых выборов выскочил он, как прыщ. И начал, «мол, давайте без диктатуры и прочей фигни, за Периметром друзья, а не денежные мешки, будем с ними дружно жить, ведь за одну идею рубимся». Эх, если бы тогда и заткнули ему пасть, может, и не было бы в «Свободе» такого гадства. И вот так, постепенно не мы сами стали себе головой, а спонсоры эти закордонные. Купили они наших нынешних командиров с потрохами, а рядовой «фримен», сказать стыдно, и смирился.

«Свободовец» невесело усмехнулся, потёр нос.

— В общем, среди массы согласных остались такие, как я. Народ смущающие. Вызвал меня главный наш, и прямо заявил, чтоб, мол, уходил я, иначе грохнут. Видишь, он мне обязан был крепко. Я его с того света вытащил. Потому, говорит, и я сейчас твою шкуру спасаю. Лучше за Периметр. А чтоб не бедствовал ты и на квартирку минимум заработал где-нибудь в Подмоскovie, передашь кое-что нашим спонсорам. Заодно и за сталкером посмотри, очень его дело «Свободе» нужно, всем её людям. Но в лагерях наших больше не появляйся. Так вот. Выгнали меня, Фреон.

— И за что? — Ересь, похоже, не понял.

— Да за разговоры некошерные. Говорю же, пиплов смущал. Что вместо идеи, свободы и братства нашего деньги вылезли. Я не говорю, что бабло вещь ненужная, нет, штука это приятная и во всех отношениях вкусная. Хреново только, когда она на первый план выходит, и, если случилось такое, пропал человек. Совсем пропал, скурвился, опустил. Потому, брат, и больно, и обидно мне было смотреть на то, во что «Свобода» превращается. Не за этим, понимаешь, совсем не за этим я в Зону приходил, чтобы на ту же тошнотную хрень смотреть, которой за Периметром вот так, под завязку, наелся. Я сюда к свободе, братству и равенству пришёл, раз уж больше нигде на нашей планете таких вещей и в помине не

осталось. Так-то, брат. Передам я большим дядям эту коробочку, шут с ними. Правда — она всё равно себя покажет. А если нет — то я правде помогу. Есть у меня дубликаты тех дисков. Нашему технику спасибо, разлузгал он хитрую защиту, что твои семечки, и все харды переписал. И ещё, Фреон. Короче, ежели грохнут меня по дороге или в аномалию вляпаюсь, ты дорожку найденную не одному только Хорю передай. А всем, понял? Даже «долговским» козлам расскажи, чёрт с ними... среди них ведь тоже, по идее, люди должны быть. Теперь-то ясно вам, отчего это единственного своего врача «Свобода» на такое дело направила? Дошло?

И Фельдшер рассмеялся. Станный он человек. Действительно, странный. Кто другой рассказал бы такую байку — не поверил бы я ни за что. Ну, не бывает в Зоне таких людей, не живут здесь идеалисты дольше недели. А тут — верю «фримену». И самому от этого удивительно.

— Тихо, парни, тихо. Не торопимся. Места тут гнилые, — сказал я негромко и предупреждающе поднял руку. Тем более что сегодня шёл я без отмычки, и никакого права на ошибку не имел. Не нужен мне пока Ересь в качестве авангарда. Наверное, потому, что в Тёмной долине обзор нужен широкий, так как в плане аномалий место это паршивое на редкость, а Философ спиной загораживать будет. Да, не сегодня... пусть лучше за мной идёт, рюкзак тащит. Так от него пользы больше.

«Большие дома»... здесь домов немало, если на восток, то «новые» территории Тёмной долины с десятков крупных посёлков отхватили, не считая хуторов. И что в прошлом, до Третьей, препоганейшее было это место, так и сейчас оно лучше не стало — соваться в «новые» хутора считалось у сталкеров за гарантированное самоубийство. В этих фермах, перелесках, холмах пропало больше душ, чем на Кордоне, Свалке, Армейских и Красном лесу вместе взятых. Тёмная долина — людоедка не хуже Припяти. Чёрные места, причём во всех смыслах, — темно тут, сумерки постоянные, и если временами проглядывает над другими землями Зоны чистое небо, то здесь круглый год холодно и свинцовая хмарь почти над головой. Так... «большие дома», значит. На севере Тёмной долины их нет точно. Там Сухостой, остатки лесничества, а дальше уже Красный лес и Припять. На восток — посёлки, «новые» территории, которые накрыло во время Третьей катастрофы сразу же, меньше, чем за полчаса, эвакуировать никого не успели... и тему эту предпочитают обходить до сих пор. Только по самым скромным подсчётам, осталось там больше двух с половиной тысяч человек. И сверху ещё полсотни сталкеров можно смело накинуть — на «нехоженных», очень опасных местах и хабар соответствующий, уникальный попадает, какого нигде больше не найдёшь. Никто из бродяг оттуда не вернулся, и как отрезало у сталкеров на восток Тёмной долины ходить. Дурная слава пошла про эти места. По старым картам и аэроснимкам с беспилотников, залитым в ПМК, сильно «больших» домов в этих гиблых посёлках не было, максимум трёхэтажки из белого кирпича, да еще, пожалуй, старинная церковь у большого кладбища. Не подходит... о каких ещё «домах» могла Пенка сказать? От гигантского недостроя, где до Третьей обретались «свободовцы», остались только пологие холмы из раздавленного в щебень бетона, и над серыми горами ходят миражи из тугих жгутов скрученного воздуха, полыхают радуги, а в низком небе угадываются концентрические облачные кольца — не первый год сидит на бывшей стройке «воронка» колоссальных размеров, самая, пожалуй, большая из всех известных аномалий такого типа. Из всего комплекса зданий сохранилась только двухэтажка возле проржавевшей заправки, да две нефтяных цистерны, внутри которых давно какая-то жутко ядовитая дрянь фиолетового оттенка, отчего к ним лучше не подходить ближе, чем на десять метров. А вот двухэтажка вполне себе чистая. Там сейчас «филиал» «Свободы», пусть и двадцать бойцов всего, но, как ни крути, серьёзная сила, с припасами, укрытиями, и людей хватает, чтоб «фримены» Тёмную долину до сих пор своей считали. Пенка туда не пойдёт однозначно, она людей, как я понял, избегает. Не котельную же считать «большими домами»? Хотя, по логике, здание не маленькое, труба кирпичная метров на сорок в небо, пристройки рядом имеются, сараи,

бытовки. Рассказывали, что котельную эту в восемьдесят шестом уже под ключ сдали, готова была полностью, однако, так и не заработала она.

— В общем, так, народ. Где котельная, в курсе?

— Ну а как же. — Фельдшер даже улыбнулся. — Считай, родные пенаты. Мы же здесь поначалу обитали. Но... мэн, ежели ты хочешь там заночевать, то не советую. Место это теперь очень стрёмное. Пипл, что здесь обретается, настоятельно не рекомендует даже днём туда заглядывать. В котлах что-то мерзкое завелось.

— Мы подходить и не будем, — кивнул я. Прав «свободовец». Именно от котлов какая-то ржавчина расплзается по полу, даже бетон пузырями пошёл, да и полные подвалы «киселя», который временами выплескивает во двор, отчего весь асфальт давно до земли выело, а отдельные потоки и до шоссе добегают. — Просто сдаётся мне, что там наша новая знакомая ждёт.

— Ясно. Двинули потихоньку.

Перелесок впереди. Елки на вид обычные, трава почти до пояса, прелью лесной пахнет. Если бы не чёрные, прелые проплешины местами да отдельные скелеты мёртвых, но не гниющих деревьев, то обычный лес. Разве что кустарник под еловыми лапами очень странный, словно вырвали десяток пней, да так и воткнули в землю корнями кверху. Ни листьев, ничего нет, только какие-то слизистые нити до земли свисают. Не нравится мне лесок этот, почему — не в курсе, просто не нравится, хоть и знаю я почему-то, что сами эти странные кусты безобидны. Поэтому две гайки, журча хвостами из магнитофонной плёнки, летят далеко в сторону от опушки, хорошо, правильно падают, и начинаю я огибать рощицу широким крюком. Аномалий на пути вроде нет, ну или я их пока не вижу, не хрустит подлесок под какой-нибудь массивной тварью. Ветерок почти чистый, разве что прелый чуток, немного мокрой ржавчиной припахивает, а так ни псиной, ни протухшим мясом, ни уксусным запахом не веет. Хотя могло бы... трупов самой разной степени сохранности по Тёмной долине ходит много. Опасность от них куда меньше, чем от снорков или кровососов, при случае можно и прикладом отбиться, если, конечно, зомби малой компанией нападут, медлительные они, неповоротливые. Но, по мне, так уж лучше вообще их не видеть, к такому зрелищу привыкнуть нельзя... безрукие, с вывалившимися потрохами, засохшие до черноты или, наоборот, безобразно вздутые от сырости, гнилые, но, однако, ходячие. Лично знаю четырёх бродяг, что от этого зрелища «перегорели». Одному повезло за Периметр уйти, а трое спились и где-то сгнули... ну или остались бродить по Зоне вот в таком же виде. С другой стороны, если зомби очень старый, то он почти не воняет, спекается весь в грязную такую желтизну с серыми пятнами, кожа да кости остаются. И, подлец, не шатается повсюду, а лежит где-нибудь в кустах, в траве неделями без движения, как труп и положено. Прелой травой его закроет, да и по цвету маскировка подходящая получается — рядом пройдёшь, в луговой пестроте не разглядишь. А он, сволочь, выметнется прямо под ботинком, в штанину вцепится и начнёт ногу жамкать. Прокусить не прокусит, особенно если защита хорошая вроде «Кольчуги», но синяки от зубов останутся, да и крыша слетает от таких встреч на счёт раз. Прикладом ты его, конечно, отшибёшь, расстреляешь, но сниться он тебе после этого каждую ночь будет. Проходили уже как-то раз, повторять не хочется.

Бывал я в Тёмной долине и раньше, да не раз. Можно здесь пройти, если, конечно, смотреть в оба и ни на что не отвлекаться. Но о быстром движении забыть можно сразу, за час полтора-два километра покроешь, не больше. Интересно, как Хорь планирует караваны через эти места наладить? Даже если и найдём тоннель, что вряд ли, тушёнка и патроны золотыми покажутся — не найдёт он дураков, чтоб через Тёмную долину с грузом ходить. Потери будут, и немалые, что в одну, что в другую сторону. Я потому этот район и не рассматривал как вариант. Впрочем, ладно, рано гадать. Выясним всё у Пенки, если получится с мутантом хоть какой-то разговор, конечно. Потому что, кроме Тёмной, остаётся один только Янтарь, а я почти на сто процентов уверен, что из его подземных комплексов никаких транспортных веток нет — излазил я их в своё время, скажем так, капитально.

— Стоп.

— Что там? — тихо, вполголоса спросил Фельдшер.

— «Марево». Обождём.

За рощицей лощинка, словно от пересохшей речки. Ну, может, и была она здесь когда-то, однако сейчас по камешкам и чистому, словно отмытому песку вместо воды медленно плывут волны тяжёлого, серого газа. После Выбросов это бывает... придётся ждать, пока схлынет эта дрянь. Слышал я, от «марева» даже «Абсолюты» не всегда спасают.

Придётся сесть на холмике из песка, спиной к спине, ждать... час, может, два, пока не побледнеют серые потоки, да и после очень осторожно идти придётся — местность в Тёмной долине холмистая, а в Зоне это дело поганое, «электрика» лютовать будет, да и «мясорубок» тут море, на холмах они почти незаметны.

— И как тут ваши выживают, непонятно, — поделился я мыслью. — Единственное более-менее похожее на «палестинку» место у старой заправки. Не понимаю. Тяжко ведь здесь.

— А вот так! «Свобода» нигде не пропадёт, «фримены» Зоны не боятся. — Фельдшер улыбнулся. — Зато наши места, и все это знают. Сохатые заглядывают, понятно, да только это им дорого обходится. Ты думаешь, зачем мы наш схрон Хорю под лавку передали? Снабжение через Кордон наладим, а потом и в Тёмной долине полноценную базу обустроим, «научников» со временем пригласим, не всё же им у псевдоармейцев на «Ростке» околачиваться? Ведь мы, по идее, «ботаникам» намного полезнее будем, «Свобода» за изучение Зоны ратует. Да и знаем мы её лучше, чем те чёрно-красные дуболомы, это я уж тебе гарантирую. А вообще с учёными дружить круто, чуваки. Цивилизацию двигать, быть сопричастными, так сказать, к прогрессу, с умными, правильными людьми общаться. Это реально здорово. Надо, по-любому надо связи с НИИ налаживать.

— Однако не похоже, чтоб учёные торопились со «Свободой» сотрудничать, — заметил я.

— Это досадно, конечно. Промах, признаю. Тут уж «долганы» нас обскакали, ничего не попишешь, — вздохнул Фельдшер. — Руководство у них быстро сообразило что к чему. Ещё не вечер. С «ботаниками» мы подружимся со временем, я точно говорю, и всем от этого лучше станет.

— Только что сейчас толку от этого нет ни вашим, ни «долговцам», да и ваще никому, — заметил Философ. — Нашли о чём трепаться. Какая тебе, на фиг, дружба с «ботаниками»? Кому вы нужны? Проснись и пой, на...

— Тебе не говорили, что старших перебивать плохо? — беззлобно спросил «свободовец».

— Прикинь, не говорили, — усмехнулся Ересь. — Я не настолько крут, как два других очень опытных перца, куда уж нам до вас. Но базарите вы сейчас реально не по делу. Базу, там, фигазу ботаническую, да мы, типа, круче, чем «долговцы», мы с учёными дружбаны. Чихать на вас «ботаники» хотели, неужели до сих пор не допёрло? Я, конечно, молодой, тупой, это мне вон даже мутант вякнул. Но вы, по ходу, ещё тупее.

— Объясни.

— Я вот с Лунём, а потом с Фреоном какое-то время по Зоне ходил. С «ботаниками» немного общался, ну, другие разговоры слушал. Понял одну штуку, что ты, сталкерок, что ты, «свободный», и на хрен никому из «ботаников» не нужны. Они вас реально слили воякам, когда вы пользу перестали приносить. И кашлять они хотели на ваши жизни, и если мы здесь все передохнем, как собаки, ни один «ботан» не почешется даже. Вон, рассказывали, типа один академик орал, что, мол, сталкеров не трогать, военных нам в Зоне не надо. Хвалило его сталкерё и в Баре, и на «Ростке», мол, какой классный, за вольных бродяг подписался. Ага, как же... он не за вас, лохов, рубится, а за свои ботанические интересы.

— Э, брат, ты сгущаешь. — Фельдшер покачал головой. — Ни к чему всех «ботаников» сразу в сволочи записывать. Везде есть хорошие люди.

— Ага. До хрена хороших кругом. Бабульки у нас возле интерната сидели. С внуками, такие все добренькие... директриса гоняла нас на «трудовое воспитание», грядки им копать-полоть, типа, уроки доброты, мать их. Когда на огородах пахали, так были сынки и касатики. А потом по улице я шёл мимо их лавки, где они по вечерам треплются. Так вот, одна бабка другой втирала, что интернатских лучше в детстве усыплять на хрен, как собак, а вторая кивала, типа, да, отребье, из них только уголовники и наркоманы вырастут. А мы им с пацанами все грядки перелопатили, воды с колонки натаскали. Вчера, значит, молодцы, когда на них пахали, а сегодня вдруг уродами стали, и за что — непонятно. Я тогда в первый раз выводы сделал, и веришь, потом редко в людях ошибался. Так что вы бы, такие офигительно умные, не трепались насчёт «ботаников», что на словах вас расхваливают, а лучше башкой подумали. Слили они вас, понятно? Взяли и бросили, как хлам. Теперь бродите, выходы ищите, а вон те чуваки уже четыре дня не жравши были, и таких, сто пудов, сейчас половина Зоны. Базу они учёным обустроить собираются. Лохи, блин. Катались на вас, как хотели, а вы и довольны, тупорезы, уже заранее на задние лапки встаёте, чтоб, значит, погладили и лаве дали. В реале хрень несёте, слушать противно.

И такая едкая, созревшая злоба в глазах, такой почти звериный оскал у парня, что не по себе мне стало. Диковат всегда был Философ, замкнут, да что уж там, не особенно умным я его считал. Вон чего наплёл, все у него если не гады, то лохи. Не прав он, конечно. Ну а с другой стороны, если подумать хорошенько... профессор Мирошников не тебя ли, Фреон, попросил слазить в Агропромовские подземелья за образцом тканей кикиморы? Как отправил до тебя ещё шесть человек, которые оттуда не вернулись, а тебе, можно сказать, просто повезло? Понимал он, на что тебя посылает? Само собой, понимал. Ёкнуло ли у него в душе хоть раз за тех бродяг, что уже не вернутся из тех кошмарных подвалов? Судя по всему, нет. Спокойно он так тебе расписывал, что именно надо достать, в какой контейнер положить, и ни одна жилка на его лице не дёрнулась. Деловито, просто, словно за хлебом в магазин посылал, и ведь ни слова, зараза, о том, что шесть человек до меня угробил. Это я уже потом узнал, когда вернулся с башкой кикиморы и двумя её костяными белёсыми руками, похожими на сухие ветки. Колошматил я эту тварь из автомата почти в упор, три магазина выпустил, пока крутилась она юлой во тьме подземного коридора, и даже на расстоянии веяло от неё чистой, концентрированной смертью, от которой вымораживало в жилах кровь. И когда уже кончились патроны, долго гвоздил я её куском ржавого швеллера, удивляясь, отчего это она всё никак не умрёт и отчего так стремительно уходят силы из рук и кружится голова. Сколько она у тебя успела жизни вытянуть, пока бил ты её, Фреон? Сколько потом тянул из тебя живое тепло обрывок так и не умершей твари даже через специальный защитный контейнер, где она всю дорогу скреблась и возилась, словно гигантское насекомое в коробке? Помнишь, с каким трудом удалось Болотному Доктору, тогда ещё в первый раз, спасти твою жизнь, как ты потом больше года замерзал даже возле самого большого и жаркого костра? До сих пор ведь зябко тебе бывает осенними ночами, ломит суставы в левой руке от плеча и до пальцев, потому что именно в ней ты нёс рюкзак с «трофеем». Напоминание тебе о той глупости... Сионист рассказал, что на хилую, выдохшуюся тварь повезло мне выйти, что не напала она сама и не до смерти меня уделала. И вот до сей поры я единственный из сталкеров, кто не просто выжил при встрече с кикиморой, но даже и кусок от неё «ботаникам» припёр. С тех пор, кстати, и считается, что я «спец по подземельям», а по сути, наверно, просто жадный дурак. Вознаграждение за тот незабываемый «образец» действительно жирным было, которое ты потом в больничке институтской и спустил на лечение, так как бесплатно сталкерам местные врачи помогать отказываются, вспомни того же Луня. Если бы к Доктору не отвели меня тогда, был бы мне однозначный капут. Да и сколько было, что посылали «ботаны» нашего брата сталкера на верную смерть? Сколько раз большие награды назначали за уникальный артефакт в какой-нибудь особенно подлой аномалии, заранее зная, что большинство бродяг так и останутся лежать тряпьем ещё на подходах. И, если по-честному, Ересь не открыл нам Америку, а просто натякал носом в очевидные факты.

Высказался Философ и успокоился чуток, только что через зубы раздражённо сплёвывает с сочным таким цыканьем, ну шпана шпаной, да и что с бывшего гопника взять. Однако и у меня мысли невесёлые возникли, да и Фельдшер крепко задумался. Как Гопстоп говорит, «попадание по центру». Неприятно такое от салаги слышать, что уж там. Вот тебе и Ересь. Не ожидал, честно говоря.

«Марево» заметно схлынуло, и по сухому руслу медленно ползли уже отдельные, узкие струи странного серого газа. Можно и перескочить, а потом через гряду низких холмов добраться до радиоактивного озера. Оттуда должна быть видна труба котельной... Пенка, зараза. Не могла дожидаться по-человечески, утrepала к чёрту на куличики. Ищи её теперь...

— Так, народ. Выдвигаемся. Идёте за мной, вот эту серую пакость надо перепрыгивать, смотрите не вляпайтесь, а то мало не покажется. С того берега по моим следам. Башкой по сторонам вертите.

Лощинку перешли и по краю глубокой балки миновали скопление «трамплинов»: гравитационные искажения медленно крутили в воздухе столбы мелкой грязи, камешков и выдранной с корнями травы. Пришлось надеть респираторы и защитные очки — поднятая с земли грязь была радиоактивной, счётчик начал потрескивать, а возле «трамплина» мелкий мусор может попасть и в глаза, заскрипеть на зубах, отчего риск словить вовнутрь «горячую частицу» увеличивается в разы. И вообще в плане радиации Тёмная долина до сих пор довольно грязное место. Гайка, взмахнув хвостом из плёнки, полетела вперёд, но на землю так и не упала и, упруго отскочив прямо от воздуха, с протяжным стоном ушла в небо. Значит, в сторону, метр за метром прощупывая безопасную тропинку. «Трамплин»... никогда не угадаешь, что сотворит с тобой эта аномалия. Может, лёгкой контузией и парой синяков отделаешься, а может, и тяжёлым, раздробленным переломом, после которого или ампутация, или долгая, мучительная смерть. А то и вообще сделает «трамплин» из сталкера много мелких кровавых брызг, сколько раз такое бывало. Поэтому не торопись, Фреон, проверяй каждый свой шаг...

Прошли и эту беду. Уф. Вот оно, гнилое озеро, в котором давно вместо водной глади густая зловонная каша из всплывшего на поверхность зеленовато-чёрного ила. Бурлит в плавнях у берегов, сопит болотный газ, и даже сквозь респиратор чувствуется тяжёлый влажный запах гниющей воды. Счётчик начинает немного потрескивать даже на расстоянии, потому лучше к берегам не подходить — и без того хватает в Зоне мест, где можно цепануть дозу. А на трёх островках даже трава не растёт, только торчат из земли редкие ольховые гнилухи — там фон просто смертельный. Потому, наверное, и лежат на влажной илистой слякоти несколько мерцающих пятен, и видно в бинокль, что это две «чёртовых крови», «медуза» и «русалочья слеза». Ну и пускай лежат... не добраться до островков этих даже в тяжёлом научном скафандре, не говоря уже про наши «Кольчуги» — три смертельные дозы гарантированно получишь. И, что интересно, время идёт, а радиоактивность озера только возрастает год от года, да и, наверное, вся «грязь» Тёмной долины в это болото и собирается постепенно. Часа три на обход до трубы той самой котельной, что отсюда уже хорошо видна. А в бинокль легко различаю сутулую фигурку в тёмном плаще, сидящую на створках поваленных ворот. Пенка, и похоже, уже не одна — рядом бродят два слепыша, крутят безглазыми мордами, а за горкой бетонных труб мелькнуло крошечное пёстрое пятнышко — скорее всего тушкан. Ну что ж, изломы и контролёры редко по Зоне без свиты гуляют, будем надеяться, она этой мутантской братией достаточно хорошо управляет, чтоб они на нас не кинулись. Да и к тому времени, как подойдём к котельной, начнёт темнеть. Ночевать, похоже, там придётся.

Слепые псы при нашем приближении подняли морды, оскалились и глухо заворчали, послышался злобный взвизг тушкана, похожий на звук ножа по стеклу, но мутанты тут же и успокоились, потеряв к нам почти весь интерес. Только один из псов лениво подошёл поближе, обнюхал, тихо гавкнул и вернулся к хозяйке. Пенка посмотрела на нас, отчего я в очередной раз поразился размеру её громадного чёрного глаза, так сильно выделявшегося на ярко-белой коже, поднялась и проследовала в полумрак котельной, не сказав ни слова.

— Эй... — Я прислушался к счётчику, тихое потрескивание которого немного усилилось возле поваленных ворот. — Здесь нам долго нельзя. Радиация.

— Идите за мной, — послышался голос из полутьмы помещения. — Не опасно.

Вздыхнув, я пожал плечами и вошёл в здание, стараясь не обращать внимания на усилившийся треск счётчика. Близость с «грязным» озером сказалась определённо... с другой стороны, здесь недалеко заправка, может, и повезёт договориться со «Свободой» о ночёвке. Спать я здесь точно не буду.

Пенка остановилась возле лестницы в подвал. Когда-то здесь был вход в подземные комплексы Тёмной долины, которые, собственно, эта котельная и отапливала, однако после третьей Катастрофы залило подвалы тоннами «киселя», и теперь пройти вниз давно уже нереально. Густая тяжёлая жидкость слегка светилась зеленоватым сиянием, её слой был прозрачным, и в бутылочно-зелёной яркой глубине угадывалась лестничная площадка и следующий марш со съеденными до основания перилами. Придёт время, «кисель» прожжёт железобетонные перекрытия, растворит арматуру, и здание обязательно обрушится. Будем надеяться, не сегодня.

— Артефакт, — заявила Пенка, указывая длинной «боевой» рукой на меня. — Давай сюда.

Не знаю, как прочувствовала она, что лежит в рюкзаке «каменный цветок», в добровольно-принудительном порядке обмененный на припасы у сталкера Ермака. Не надеялся я обменять его на что-нибудь полезное, однако прихватил с собой — не было ещё такого, чтоб Фреон хабар выкинул. Привычка, как правильно заметили умные люди, вторая натура.

Без лишних слов передал я Пенке контейнер.

— Слабый, — сказала она, повертев в руках «каменный веток». — Но правильный. Будет верно. Я сделаю новое. Он хорош. Правильный.

Чётко, правильно проговаривая каждую букву, и, словно заклинание, повторяя слова «правильно», «слабый и хороший», «получится верно», Пенка начала крутить артефакт всё быстрее, известково-белые пальцы могучей правой руки стремительно танцевали по «каменному цветку», и я слышал, как он похрустывал и громко, сочно щёлкал. Редкие синие искры на жёлтых прожилках «цветка» начали разгораться. Артефакт начал испускать тонкие малиновые молнии.

— Всё. Можно. Он проснулся. Сила.

И Пенка просто выбросила артефакт в «кисель». Похоже, зря отдал пусть и не особенно дорогую, но всё ж таки ценную штуку. Достать артефакт из этой дряни уже не выйдет.

— Работает. — Мутант показал тонущий «каменный цветок». И я вдруг понял, что он действительно «работает».

Артефакт начал ритмично вспыхивать, из серовато-желтого постепенно становясь зеленым. На его поверхности начали набухать светящиеся пузыри. «Кисель» утробно забурился.

— Фига себе. — Фельдшер негромко поделился своими впечатлениями. — Слышь, Фреон, там это, по ходу, «пузырь» образуется. Глазам не верю...

Редкая штука — «пузырь». Дорогая очень. Многие сталкеры за ним охотятся, и не столько даже для того, чтоб продать, а стоит он немало даже по официальным «премиальным» НИИАЗ, а для личного пользования. И если кто нашёл, афишировать это дело не будет. Потому что здорово выручает штукovina от одной из самых поганных и притом почти незаметных гадостей Зоны — радиации. «Ботаники» только руками разводят — радиоактивный материал нельзя сделать «чистым», хоть тресни. Ни вымыть его, ни сжечь, ни как-то уничтожить не выйдет. Разве что закопать как можно глубже и очень бережно хранить. Не поддаётся радиоактивность никаким известным науке воздействиям... нет, в том смысле, чтоб загадить землю, дома, пищу, это всегда пожалуйста, проблем нет. Получать в ядерных реакциях чудовищно радиоактивные изотопы тоже не вопрос, давно научились. Однако «наоборот» сделать, «грязь» убрать, мы ещё не умеем. И в Зоне этой самой «грязи»

— море. Что ещё от Аварии осталось, что из местных аномальных источников, тех же пятен, но факт — набирают сталкеры дозу обязательно, и чем дальше, тем больше. И тут или химикатами травись, печень сажай, но зато почти бесплатно, или безумно дорогой «Жизни» инъекцию покупай, или же таскай на ремне отломанную почку «пузыря». Третьего не дано. Лучше, конечно, последнее... непонятно ни одному учёному лбу, что же это за штука такая — «пузырь». Никаких излучений от него не найдено. Никакой химической активности, разве что концентрация благородных газов воздуха рядом с ним заметно возрастает, и почему так, опять-таки тоже никто не знает. Ток не проводит. Не горит. На ощупь упругий, плотный, гладкий. Внутри полый. Необъяснимым образом выводит из организма радионуклиды и заодно «убирает» вокруг даже естественный радиационный фон. Радиоактивные материалы рядом с «пузырём» просто «гаснут» и не излучают до тех самых пор, пока не уберут артефакт. Головная боль учёных и спасение сталкеров. Как же я хотел его найти...

Изумрудно-зелёный, похожий на гроздь из нескольких светящихся виноградин, на поверхности «киселя» плавал отличный «пузырь». Пенка, без труда выломав кусок перил, аккуратно поддела артефакт и выбросила его к нашим ногам.

— Получилось. Берите. Вам нужен. Здесь мы будем теперь ждать ночь.

— Это... как?

— Болотный Доктор. Много знаний мне отдал перед тем, как уйти. Я сохраняю их здесь. — Мутант коснулся капюшона, после чего последовал широкий, размашистый взмах руки. — И здесь тоже. Знаний много. Они вокруг. Их можно взять из того, для чего вы не придумали слова. Доктор не знал такого слова, не говорил его. Знания нужны. Нужны больше, чем всё здесь. Нужны для того, что будет потом.

Пенка отвернулась и пошла к лестнице на второй этаж. Переглянувшись с Фельдшером, я дал знак следовать за ней.

На овальном «теле» артефакта было целых пять небольших «почек» — соответственно, в руках у меня лежало сейчас небольшое состояние. Сталкер, если при деньгах, не торгуясь, отдал бы за каждую не меньше трёх тысяч зелёных рублей, а за само «тело» любой серьёзный барыга выложит стопку стодолларовых купюр толщиной в сигаретную пачку. В другое время я действительно плюнул на задание Хоря: с моими скромными запросами этих денег хватило бы мне на годы. Однако тогда было совсем другое время...

Отломить от артефакта гладкие, похожие на крупные виноградины «почки» было несложно. Одну из них я вложил в небольшой контейнер на поясе, и непрерывно потрескивающий дозиметр вдруг замолчал. Ещё две отдал Фельдшеру и Ереси. Философ взял свою часть артефакта спокойно, явно не понимая, сколько может стоить эта светящаяся зелёная «виноградина». А вот «фримен» цену ей знал.

— Спасибо, брат. Реально спасибо. Буду должен.

— Прекрати. Мы его вместе нашли... точнее, она нашла. Так что не мне спасибо.

— Ага... да. Скажу. Только это, когда немножко попривыкну. Ох, брат, не по себе мне. Веришь, стараюсь.

— Стараюсь? Слово. — Пенка обернулась, и я вдруг заметил, что в полумраке её чёрный глаз блеснул светящимся рубиновым ободком.

— Слово, — повторила она.

— Не понял, — признался я.

— Не знаю, что значит стараюсь. Не слышала. Объясни.

— А... ну, значит, страшно мне.

— Стараюсь и боюсь это одинаково?

— Ну, да, в общем.

— У вас много слов, которые вам не нужны. — Пенка сказала это почти печально, и я вдруг понял, что именно не так было с её речью, казавшейся, несмотря на правильность, совершенно чуждой, нечеловеческой. У мутанта была почти идеальная дикция, она чётко проговаривала каждую букву, но паузы в самой речи были на удивление неравномерны. Мне вдруг показалось, что она придирчиво подбирала слова из того набора, что хранился в её

голове, иногда задумываясь над правильностью своего выбора.

— Я не понимаю, зачем много разных слов для одинаковых вещей. — Пенка задержалась на площадке, и тут же мимо неё по лестничному маршу пробежали «слепыши», видимо, на разведку второго этажа. — Когда в голове хранится много разных слов для одинаковых вещей, можно запутаться. Можно подумать неправду, сказать неправду, запутать себя и других. Я этого не понимала. Доктор говорил мне, что если человек не будет говорить себе неправду, ему будет очень плохо. Что если человек будет говорить себе только то, что есть на самом деле, он не захочет жить. Я не понимала, почему так. Ведь неправда — то, чего нет. Зачем думать о том, чего нет?

Пенка помолчала, потом отвернулась и пошла наверх — видимо, слепые псы не нашли на втором этаже ничего угрожающего.

— Доктор сказал, что быть человеком хорошо. Доктор очень умный, он учил меня думать, говорить, рисовать. Хотел научить быть человеком. Я не могу. Не умею думать о том, чего нет.

Пенка что-то невнятно проворчала, издала тихое длинное шипение, после чего коротко, звучно рывкнула. Что-то в полутьме второго этажа гулко взвыло, заскребло когтями, послышался частый топот и громкий звон разбитого стекла.

— Один большой тупой зверь был наверху. Он опасный для вас. Я сделала ему стремаюсь, и он убежал. Можно идти.

На втором этаже были следы «сталкерской жизни». А если быть точнее, жизни «свободовской»: два старых кострища на полу, уже засыпанные пылью, штабелёк гнилых дров, ящики, закопченный чайник с отколовшейся эмалью. А на стене — талантливо исполненный угольком портрет Че Гевары, уже знакомые профили волчьих голов с подписью «мы не рабы», «Свободу всем даром» и стилизованные рисунки конопляных листьев. Больше половины стёкол в окнах были разбиты, и от непогоды краска местами почти полностью слезла со стен, а книги на поваленной тумбочке разбухли и потемнели. Запах влажного бетона, гнили и резкий, солоноватый душок зверя, недавно выбившего собой одно из целых окон и, видимо, оставившего за собой многочисленные клочья белёсой линялой шерсти.

— Эх... наши здесь были когда-то. — Фельдшер прошёлся вдоль стены, рассматривая рисунки. — Если бы не долбануло в седьмом годе, жили бы мы тут и не тужили.

— Да здесь вроде и так ништяково. — Ересь осмотрелся, пожал плечами. — Чего ушли?

— Смотри. — Я показал на дальний угол большого помещения, видимо, какого-то цеха. — Видишь, пятна тёмные и бетон выкрошился? А чуть ближе к нам, во-он, где станки, в воздухе как будто шарик маленький висит, присмотришься. Заметил?

— Ну.

— Так это смерть, друг Философ. И фон здесь не сильно полезный для здоровья — озеро рядом очень грязное. Вот потому и ушли, собственно.

— Ясно... — Ересь тут же потерял спокойный, почти расслабленный вид, начал осматриваться.

— В общем, народ, так. Раз уж ночуем здесь, рекомендую вниз по лестнице не ходить даже по нужде. «Кисель» из подвалов выплёскивает время от времени, ежели вляпаетесь, то и костей не останется. По цеху не шататься, углы не исследовать, в окнах не светиться. Спать... хм... да, будем по очереди.

Я покосился на Пенку. Мутант сбросил плащ, оставшись только в сильно изношенном, потёртом комбинезоне с оборванными у щиколоток штанинами, покрытыми белёсой бахромой. Под плащом у неё оказался и небольшой рюкзак, который она аккуратно сняла, положила на пол и мягко уселась по-турецки, уложив гигантскую «боевую» руку на колени. И замерла в полной неподвижности. Я отметил, что сама рука, уже не скрытая плащом, была на вид тоньше и легче, нежели у «обычных» изломов, но роговая «пила» на ребре ладони была, пожалуй, даже мощнее. Впрочем, внешняя лёгкость и тонкость руки были обманчивы

— башку матёрому кровососу снесла одним ударом, и нужно заметить, жилы и мясо у этой тварюги не всяким ножом распилишь, клинок вязнет. Верю молве, что излом своей фирменной оплеухой титановый шлем вместе с головой сминает... а как прихватила меня Пенка недавно за руку, причём не боевой, правой, а левой, вполне себе девичьей ладошкой, так до сих пор багровый синячище вокруг запястья, похожий на браслет.

— Слушай, вот чего хотел спросить-то... ты почему за нами ходила, помогала нам?

— Вы нужны, — спокойно, ровно ответила Пенка, даже не шелохнувшись.

— Кому? И зачем?

— Так надо. — На этот раз чуть повернулась ко мне и снова замерла. А мне слегка заложило уши, буквально на полсекунды, однако шатающиеся по цеху два слепых пса разом подняли морды, насторожились, после чего один из них уверенно потопал к лестнице, а второй занял вахту возле провала в полу. Послышались частые похрюкивания и тонкие взвизги тушканов, но Пенка оставалась спокойной — должно быть, тоже её свита. Пять довольно крупных пёстрых зверьков, пружинисто отталкиваясь длинными задними лапками, пробежали мимо нас и ловко запрыгнули на подоконники. Наверное, впервые вижу живого тушкана так близко — тварь эта исключительно быстрая, и, несмотря на пустяковый размер, весьма опасная. Крупная стая этих, похожих на длинноногих костлявых крыс зверьков валит крупную плоть на счёт раз, известны случаи нападений и на черномыльских кабанов. Стая из десятка вертлявых, живучих, с отличной реакцией тушканов может устроить охоту и на одинокого сталкера. Случаи бывали... и если попался им, то на броню не рассчитывай: бритвенно-острые резцы без труда справятся даже с особо прочным материалом «Кольчуги». Обоняние у них никудышное, слух тоже не ахти, но вот зрение отменное, потому и любят контролёры и изломы «хомутать» нескольких тушканов, в основном в качестве наблюдателей. Ишь, крутят костлявыми головами, поднимаясь поминутно на длинных лапах.

— Надо, — продолжила Пенка. — Нужно ходить за людьми, чтобы не потерять то, чему учил меня Доктор. Я должна часто слышать мысли, должна говорить. А потом я поняла, что вы нужны.

— Если бы я что понял...

— Нет слов объяснить. Нужен ты, нужен Фельдшер. Будущее должно быть с вами. Так надо.

— А я? — Ересь посмотрел на Пенку с лёгким прищуром. — Я нужен?

— Нет.

— Зачепись! По ходу, нигде я не нужен. — Философ невесело усмехнулся. — И тут я левым чуваком оказался.

— Почему сразу к нам не вышла? — спросил Фельдшер.

— Я вышла — вы не знали, вы застрелили. Это просто. Всегда так с теми, кто на вас не похож. Так говорил Доктор — берегись людей. Я береглась. Я рисовала. Я помогала. Вы привыкали.

А ведь верно, чёрт возьми. Измолотили бы из трёх стволов ещё на подходах — излома бы я определил на расстоянии, а если ещё и в лицо увидел, даже разбираться не стал, с чем гость из Зоны пожаловал. Даже тогда, у насыпи, рука к стволу дёрнулась, хотя уже знал, что не опасен мутант.

— А откуда ты Хип знаешь? — поинтересовался Ересь.

— Я их вела. Так хотел Доктор. Так хотела я — они хорошие. Не такие, как все. Правильные. Их можно было вести. Вела в Припять.

— Когда они погибли, ты рядом была?

— Погибли? Нет. Такие сталкеры в Зоне не умирают. В Зоне уходят, не возвращаясь. Они ушли. Не вернулись. Просто для них здесь совсем другие правила.

— Как это было, ты видела? — Значит, теперь это так называется. Ушли...

— Да. Лунь был ранен выстрелом, ослабел и ушёл первым. Его рана была плоха, и он торопился уйти. Сразу за ним ушла Хип, она захотела этого сама. Они ушли вместе, вдвоём, они держались за руки, ушли туда, где спокойно и хорошо. Больше никогда не вернутся. Без

них мне печально. Они были хорошие, правильные люди. Так говорил Доктор. Так говорю я.

Чтобы никому этого не показать, я поднялся и подошёл к окну. Начало больно давить в горле. Ушли, значит. Вот как...

— Ты знаешь, кто ранил Луня?

— Да. Но его теперь тоже нет. Он был убит Лунём. Его тело ушло в аномалию.

И этой малости не оставил ты мне, бродяга. Даже отомстить теперь не могу. Не знаю, стало бы мне легче на душе, если б разыскал я того самого стрелка, из-за которого «ушёл» Лунь. Но пересеклись бы обязательно.

— Зачем они шли туда... в Припять?

— Вам нужно спать. Я сторожу ночь, завтра большой переход.

— А всё-таки?

Пенка промолчала.

По этим землям Тёмной долины я ещё не ходил.

Да и, признаться, такого желания у меня никогда раньше не возникало. Вот она, старая граница «зоны отчуждения». Хорошо видна.

Ржавые куски колючей проволоки почти осыпались с бетонных столбов, только местами на покрасневших скобах ещё держались короткие обрывки, покрытые толстыми бурыми чешуями. У основания одного из покосившихся столбиков лежала жёлтая покоробившаяся табличка с надписью «Стій. Заборонена зона». Действительно, запрещённая Зона теперь там, за этими остатками колючей проволоки, где до две тысячи седьмого была «чистая земля». Верное предупреждение. К Зоне нельзя привыкнуть. Вообще нельзя, хоть и болтают, что, мол, человек такая тварь, что может приспособиться ко всему. И тот сталкер, что начинает умничать, пыжиться успехами, заявлять, что, мол, уж он-то давно раскусил все местные орехи, однозначно не жилец. Кто-то думает, что это сама Зона прибирает зазнавшегося дурака. Нет, ребята... дурак сам себя губит тем, что теряет одно важное, жизненно необходимое здесь свойство: быть готовым ко всему, к любой неожиданности, мелочи, странности, «непонятности». И если имел сталкер глупость самого себя в опытные записать, то это сразу ударит и по внимательности, и по осторожности. Бывалый и от этого чересчур опытный бродяга погибнет на том месте, где свободно пройдёт начинающий, но при этом внимательный сталкер. Потому что бродяга, опытным себя считающий, десятки раз ходил этим маршрутом и уже привык к тому, что на северной полянке после Выбросов только «трамплины» местами меняются, а у моста через ручей уже не первый год сидит маломощная «жарка», которую обойти — раз плюнуть. А молодой возьмёт, да и углядит на асфальте странное пятнышко, обойдёт от греха подальше и, может, Зону не один год после этого потопчет. Зато идущий следом ветеран-всезнайка останется лежать тряпьем на этом пятне, услужливо показывая дорогу тем собратьям по ремеслу, которые оказались немного умнее, боязливее и внимательнее его самого. Но всё ж таки опыт Зоны вещь нужная, главное, не потерять за этим самым опытом то, без чего немыслим ни один сталкер, без чего он просто не живёт: внимание, осторожность и, да, конечно же, страх, который будет подстёгивать как первое, так и второе. Кстати, ты и сам хорош, Фреон. Сколько раз расслаблялся, отвлекался, мелочи упускал? Гарантированный труп, если бы не помощь этой не то изломихи, не то контролёрши, не то вообще не пойми кого. Однако уже привыкаешь к ней, хотя, конечно, ещё побаиваешься. Так и не смог заснуть в эту ночь, всё за Пенкой и её собаками следил. Нет, головой уже, конечно, доверяешь ей, но что-то внутри наотрез отказывалось расслабиться, когда рядом порождение Зоны сидит и смотрит не мигая. Жутко это, если честно.

Однако опыт опытом, но здесь, на «новых» землях Тёмной долины, та же ситуация, что с Калиновским урочищем или Криволесьем, которое между Коржино и Агропромом. Зайти туда можно. Выжить — нет. Уф... та Зона, которую я хоть немного, но знал, к чьим «сюрпризам» мог подготовиться, кончалась здесь, на юго-восточной окраине Тёмной долины. Полсотни сталкеров ушло туда. Не вернулся ни один из них. И добро бы только

одна зелень сопливая за богатым хабаром отправилась, так ведь в отрядах и очень опытные бродяги были.

— Стоять.

— Я проведу. — Пенка обернулась.

— Нет, подруга. Ты уж извини. Видел я пару раз некоторые стрёмные штуки, что ты пропустила.

Проведёт-то она без вопросов, но вот беда... как говорится, что мутанту хорошо, то сталкеру смерть. Прошла Пенка со своими собаками по «синей плесени», от спор которой если сразу не помрёшь, то месяц скрюченным, как сушёный червь, провалиешься, ни охнуть, ни вздохнуть. По обширному «глухарю» она тоже спокойно прогулялась, аномалии пусть не смертельной, но от этого не менее паршивой — от пси-разрядки слух отказывал на счёт раз, в глазах начинало двоиться. Да и слышал я, что последствия могут на всю жизнь остаться — микроинсульты на пользу организму точно не пойдут, а «Кольчуга-2М», как и большинство других комбезов класса «В», пси-защитой не комплектовались.

— Я не вижу тех аномалий, которые не могут мне повредить. Но Доктор сказал, что таких аномалий немного. Да. Вам тоже нужно смотреть.

Отлично сказано. Естественно, смотреть мы будем. Ну а пока стоп. Привал, хотя и не прошли мы сегодня с утра даже пяти километров. Тёмная долина, не разбежишься особо. Да и... годами въевшаяся привычка делать долгую остановку перед входом в незнакомый район Зоны. Может, и поумнеешь за время этого привала, шкурой рисковать не захочешь, или чутьё сработает.

— Стоп машина. Сидим здесь два часа.

Хорошее — относительно, конечно, — место. Холмик, и на нём вековая, разлапистая сосна, не иначе, как чудом выжившая и даже почти не изменившаяся. Счётчик помалкивает, по понятным, впрочем, причинам — на поясе фрагмент «пузыря». Детектор аномалий показывает всего восемь процентов активности, и никаких очагов в радиусе двадцати метров. Тоже неплохо.

Пока Фельдшер с Ересью разводили костерок, чтоб подогреть на нём банки тушёной фасоли с мясом, я взобрался на дерево. День был чистый, почти без туманов, и потому я без труда рассмотрел в оптику крупный посёлок городского типа, который, по данным ПМК, когда-то назывался Ветлицы, и проживало в нём постоянно семьсот человек плюс военный контингент численностью в пятьдесят солдат, выделенных для патрулирования этого участка старого периметра. Странно, как жили здесь люди в километре от Зоны, дурость, казалось бы, страшное это дело... однако времена тогда уже пошли совсем другие. Ну, жили, а куда деваться? Неужто от государства им кто квартиры выдаст, чтоб подальше от опасного и притом охраняемого объекта? Нет, конечно. Неужели начальник местного гарнизона от чаевых откажется? Не откажется он, естественно, и наверх пойдут «ура-рапорты», что, мол, граница на замке, местные не шалят, служба идёт. То, что в Ветлицах из семисот жителей не нашлось трёх-четырёх десятков сталкеров, регулярно мотающихся в Зону и обратно — никогда не поверю. Щемить их — опасно. Сталкер в обычной ситуации человек смирный, тихий, непримечательный даже. Заметные, крикливые или склонные к пьянке в этой среде живут недолго. Правда, тихий и мирный он только до тех пор, пока в угол не зажмут. Вот тогда беда. Жил, говорят, в этих местах до Третьей катастрофы сталкер один, Афиноген. То ли имя странное, то ли кличку такую ему собратья дали. С виду — интеллигентный сельский бухгалтер. Сухонький, маленький, скромный, в годах уже, очкарик. Жил тоже в посёлке рядом со старым периметром, естественно, вылазки делал, хабар таскал. В ходки с собой никого не брал, убеждённый одиночка. И в Зону ходил, говорят, с восьмидесят девятого, когда она ещё даже Зоной не была. Как все, отстёгивал воякам за право прохода, имел схроны, знакомых барыг, которым сбывал артефакты. Всё бы хорошо, да только одному служаке из высших чинов в голову стукнуло, что плохо военные периметр охраняют. Сталкеры есть, охрана есть, артефакты потихоньку уплывают, офицеры на местах жиреют, а ситуация не меняется — одних уволили, пришли другие, но толку нет: сталкеры как ходили,

так и ходят. Нехорошо, значит, работают офицеры. И потому пусть, мол, докажут, что не зря государственный хлеб едят. План по отлову сталкеров сверху спустили, и, чтоб хлебное место сохранить, начали служивые думать, кого бы слить из сталкеров. Думали-думали — и решили: берём Афиногена. В Зону ходит? Ходит. Артефакты таскает? Само собой. С виду хиленький, интеллигентный, в очёчках — ну, рыпаться не станет точно, легко справимся. Главное, чтоб с поличным. Начали за ним следить. Но это, конечно, весело получилось — пинкертонеры из местных взвэшников и армейцев хреновенькие, что уж там. Да и сам сталкер товарищ внимательный очень, это качество для него жизненно необходимо, слежку учует. Ходили за ним, ходили — честный человек. Ну, абсолютно. В Зону не вылезает, к периметру и на километр не подходит, к схронам не приближается. Недельку смотрели за ним, другую — не придерёшься. Месяц прошёл. Второй. А начальство сверху уже орёт, давайте, мол, результаты, иначе всех вышибем. И решился начальник поста на подлость — подкинули в дом Афиногену простенький, дешёвый артефакт «трубку». Заявились с милицией к сталкеру. Тот, видно, всё понял, когда обыск начался. Говорит им, мол, меньше срок дадут, ежели сам отдам барахло? Те и рады — мы это конечно, только хабар сдай, а уж мы явку с повинной оформим. Афиноген очёчки поправил, вздохнул горестно и к погребу, там у меня, мол, артефакты лежат. Сейчас дам. Залез в подпол, и слышно, как возится он там. И вдруг — тихо. Минуту, две, три ждут — за ним в погреб не полезли, мало ли, какое он там барахло хранит, лучей на всю жизнь нахвататься можно, а из дома не смоемся — оцепление. Однако долго нет Афиногена. Ждать уже как-то и странно становится, может, помер он там? Один взвэшник и сунулся в погреб, а в лицо ему облако «жгучки» — растяжку сталкер сделал из взрывпакета и килограмма мелкой серой пылицы, что на «жгучем пухе» нарастает. Всем, кто был в доме, мало не показалось — орал на всю деревню лютыми матюгами, кто хоть раз в «жгучий пух» влезал, поймёт, какой это кайф. Оцепление переполошилось от диких воплей, и, естественно, сталкера, подземным лазом в садовый малинник залезшего, прощёлкало. А Афиноген из пэбэхи колёса одного «уазика» прямо из тех же кустов продырявил, а второй угнал, предварительно вырубив ещё одной «пушистой гранатой» охранявших машины бойцов. Ушёл от погони в Зону, где авто бросил, подстрелил трёх солдат из отряда, брошенного вдогонку, и скрылся без следов. В итоге один труп, двое раненых, четырнадцать человек в лазарете с жестоким конъюнктивитом, и ещё минус одна машина. Вот тебе и интеллигентный хилак. В очёчках. С тех пор вояки с вольными бродягами или дружить пытались, или сразу забивали насмерть, чтоб без шансов и, желательно, без свидетелей. Сталкер, в угол загнанный, страшен. Сталкер мстящий — страшной втроекратно, с его-то знаниями и смертью, из Зоны в контейнерах вынесенной. Так что после нескольких запоминающихся уроков щемить сталкеров перестали. Зато начали тайно «сотрудничать», пользу от этого получая немалую. Настолько заметные приварки получались к окладу за вовремя отведённый в сторону взгляд, что места у Периметра стали считаться очень хлебными. Ничего с этим высшее начальство сделать не могло, хотя простое решение — зарплату сотрудникам поднять — ни в одну умную голову почему-то не пришло. Кстати, на северо-западе Зоны, где европейцы заправляют, сталкеров попросту нет. А если есть, то это наши, бывшие вольные бродяги с уже европейским гражданством и недурной зарплатой. Не каждому, правда, суждено к французам, шведам и прочим немцам в доверие войти. У меня, впрочем, неплохой был шанс. Эх, Манон, Манон... Зона тебе мягкой постелью.

А от этих порядков население не от Зоны подальше уходило, а напротив — к Периметру жалось. Наверное, потому, что мертвые эти земли кормили бывших колхозников гораздо лучше, чем самый плодородный чернозём, а заработок вчерашнего учителя или инженера в маленьком местном селе во много раз превосходил те деньги, что они смогли бы заработать даже в крупном городе. Официально Третья катастрофа унесла жизни семнадцати тысяч человек, как постоянно живших вокруг старого Периметра, так и командированных сюда военных, учёных, рабочих. Но это официально, для прессы. Неофициально — конечно, намного больше. Народу уже в две тысячи шестом было море, все от Зоны так или иначе кормились. И в Ветлицах не семьсот жителей погибло, а как минимум два раза по столько.

Лихо, балабол известный, как-то вывез в Баре, что Зона, стерва, прежде чем полыхнуть в седьмом году, специально побольше народу вокруг себя собрала, подманила рублём. Волей-неволей после такого «долговцам» верить начнёшь.

Посёлок как на ладони. Так хорошо сохранился, что даже признаков запустения не увидишь: улицы почти чистые, в домах все стёкла целые, возле селъпо «Волга» белая стоит на спущенных шинах. Огороды, сады, дровяники... нормальное село, даже вполне себе современное — рядок благоустроенных трёхэтажек под двускатными крышами из оцинковки. Детская площадка есть, школа, вдалеке элеватор виднеется и труба кирпичного заводика, ещё дальше, в сизой такой дымке, жёлтая песчаная гора карьера, обзор с сосны хороший. Тополя и вязы без листьев, мёртвые почти все, однако не сразу это и заметно, можно и на позднюю осень списать или весну. Кора-то с них не слезает, и ветров сильных в Зоне нет, ветки они не ломают. Зимы, снега здесь тоже нет, потому, наверное, как было здесь всё до Зоны, так, считай, и осталось. Единственно, что сразу в глаза бросается, — на всех столбах вдоль главной улицы изоляторов не видно под лохмотьями мягкой чёрной ваты, отдельные клочки и на проводах висят. А так из странностей больше ничего не видно, но что людей давно в посёлке нет, понятно: на огородах бурьян по грудь, жёлтый какой-то, болезненный, да торчат ещё во дворах высокие борщевики, уже засохшие по осени. Тихо там всё, спокойно... даже вроде «вату» на столбах ветром не шевелит. Этот посёлок под утро накрыло, в четвёртом часу, сразу после вспышки. Шансов ни у кого не было, понятное дело... и потому не хочу я в дома заходить. Знаю уже, что там будет. Зона ведь, тварь, иногда и умереть по-человечески не даст.

— Эй, Фреон! Решил корни вспомнить? — окликнул снизу Фельдшер.

— В смысле?

— Ну, то, что ты на дерево залез. Зов предков, я так понимаю? Учти, дружище, ежели хвост отрастёт, перед «долговцами» сам отдуваться будешь. Да и, к сведению, на сосне бананы не растут.

— Да ну тебя на фиг. Балабол. — Я отмахнулся и снова поднёс к глазам бинокль. Не хочу я идти туда. Просто не хочу. Как будто не пускает что-то.

— Слушай, ну что ты там вымотришь? Давай уже слезай. Обед остынет.

— Вот что, уважаемый. Сделай-ка ревизию припасов, что у вас остались. Я-то, считай, пустой после того самого обмена. Продукты надо беречь.

Фельдшер кивнул и начал выкладывать из рюкзаков банки и запайки с сухарями.

— Короче, ежели экономно, то на три дня. — «Свободовец» негромко присвистнул.

— Вот-вот. Нам три дня только обратно пилить, если проход не найдём. А если найдём, то можем неделю в подземельях лазить, уж поверь. Сколько банок подогрел?

— Ну, на всех три. Мутанты отказались.

— Мутант нехорошее слово. Доктор говорил — оно неправильное. — Пенка отвлеклась от рассматривания огня. — Я не мутировала. Я родилась вместе с Зоной. До Зоны меня совсем не было.

— А как же вас тогда называть?

— Я не знаю. Но мне слово не нравится. Есть похожие слова — другой, иной, чужой. Мутант — это слепой пёс, это тушкан, это плоть. Нет разума, нет обиды. Их называйте. Я не мутант. Не люблю это слово. Ваши мысли говорят мутант со злом. Мутант — чёрный, плохой, грязный, мутант урод. Мне не нравится.

— О... так ты ещё и мысли слышишь? — Фельдшер откашлялся, потёр нос. — Эм... м-да. Если что, извини.

— Я слышу мысли, которые вы думаете громко. Другие не слышу. У вас много мыслей. Они текут всегда. Они перебивают друг друга. Они очень сильно... сильно делают похоже на этот дым от костра. Вот так, — Пенка энергично покрутила рукой в воздухе. — Даже когда спите. Я бы не смогла. Я бы потеряла разум, если минуту думала так, как люди. Как вы. Это очень трудно. Это больно.

— Ага... интересно. — «Свободовец» выглядел озадаченным и даже немного

виноватым. — Значит, консерву точно не будешь?

— Нет. Они для вас. Я сама могу найти еду. Скоро.

Пенка легко поднялась, осмотрелась, приложила ладони к буграм у высокого белого лба. Мне тут же немного заложило уши, Ересь выдохнул «фигасе» и начал тереть виски. Ничего не почувствовал, похоже, один только Фельдшер — он просто пожал плечами, прислонился спиной к стволу сосны и начал уплетать горячую фасоль с мясом.

— Да. Нельзя было здесь. На дерево все лезте. Быстро. — Пенка сказала это спокойно, не повышая голоса, но Ересь и «фримен» сориентировались в момент. И полминуты не прошло, как они сидели на ветках рядом со мной.

— Что там?

— Там плохо. — Пенка поднялась и отошла от костра. — Сидите крепко. Я буду говорить.

То, что «там плохо», я понял очень быстро. По рукам и ногам разлилось онемение, словно я умудрился отсидеть их все и сразу. Ладони уже не чувствовали коры, и я вцепился в дерево ещё крепче, так, чтобы не свалиться, когда руки перестанут слушаться. В ушах начал медленно нарастать тонкий противный писк. Попали, называется. Шелестя по веткам, вниз полетел автомат Фельдшера, и тот выругался заплетающимся языком.

Сначала показались собаки — десятка два крупных слепышей-альбиносов. Видимо, мощный попался контролёр, если подчинил таких псов, не каждый пси-мутант может с ними справиться. Подняв своих собак и тушканов, Пенка смело пошла навстречу альбиносам. В этот момент я и увидел контролёра, державшегося чуть поодаль от своей стаи.

Здоровенный, матёрый мутант... голова не просто крупная, а огромная, даже как будто в стороны раздалась большими неровными буграми, и морда вся под какой-то чёрно-фиолетовой опухолью, даже глаз не видно, только торчат из вздутых дёсен полтора десятка широких жёлтых зубов, да ещё угадывается съехавший на сторону мясистый нос. Идёт, дёргается, плечами мерно вздрагивает и что-то бормочет шепеляво. И то ли грязными бинтами обмотался, то ли шкура полосами слезает, непонятно. В ушах у меня пищит, руки уже совсем не слушаются... ох, погано вот так в Зоне встретиться с контролёром. Хуже этого, наверное, ничего не бывает. Таких тварей только большим отрядом брать можно, и то не факт, что справишься. А ежели в чистом поле или, того хуже, в каком-нибудь коридоре натолкнёшься, то, считай, гарантированный труп, да не простой, а ходячий. И, что самое паршивое, сознание никуда не уходит, и слышишь ты, и видишь всё чётко, понимаешь, что с тобой происходит, — только тело не слушается. Точнее, слушается, да только не тебя. Вот и Ересь что-то попытался сказать, но только жалобно замычал сквозь сжатые зубы.

Пенка остановилась между нашим деревом и стаей собак. Встал и контролёр, протяжно, хрипло заревел, расставив в стороны клешнятые, со сросшимися пальцами руки. Пенка издала короткий злобный хрип, и сжатый кулак длинной боевой руки гулко стукнул в землю, после чего она отвела его в сторону и стала им угрожающе покачивать. Её собаки начали рычать и щёлкать челюстями, на загривках поднялись остатки шерсти. В ответ стая контролёра молча оскалилась. Их «хозяин» снова протяжно, почти горестно заревел. И тут Пенка, громко взвизгнув, упала на бок, схватившись за голову, а контролёр, не переставая реветь, двинулся в её сторону. Два слепыша Пенки бросились в атаку. Первого сразу сбили с ног и под короткий смертный вой разорвали более крепкие и крупные альбиносы, второму удалось увернуться от ощеренных пастей и в прыжке вцепиться в морду контролёру. Рёв твари стал громче, завибрировал, но контролёр неожиданно приткну обхватил собачье тело и прижал к себе, от чего у несчастного слепыша хрустнул позвоночник. Атака пяти тушканов тоже не удалась — слепые псы легко расправились с ними ещё на подходах к «хозяину», хотя и не без потерь — один пёстрый зверёк, извернувшись в перемалывающих его челюстях, мощным ударом резцов вскрыл глотку крупному белому кобелю. Тем временем контролёр с горестным оханьем оторвал от морды уже мёртвую собаку, отшвырнул её в сторону и снова пошёл в свою неторопливую, шатающуюся атаку, словно не замечая крови, заливающей грудь. Пенка приподнялась, но снова, схватившись за голову, громко закричала

совсем человеческим, девичьим криком, а моя одеревеневшая рука никак не могла нащупать ремень «фени», окоченели мышцы в плечах, и я понял, что не смогу снять оружие. Коротко, с шипением выдохнул сидящий рядом Фельдшер, закричал, и я сквозь мутную одурь рассмотрел, что он, краснея от напряжения, медленно поворачивается ко мне боком. Той стороной, где на поясе у него висит кобура с «кольтом», «фримен» скосил взгляд, показывая на оружие.

Понял я тебя, анархия. Да вот только рука совсем чужая, не слушается... не схвачу я пистолет. А тут ещё и с ветки я сползаю, равновесие потеряно, руки не держат. Э-эх...

«Пенка, милая, отвлечки тварь. Ну, хоть чуть. Самую капельку. Давай, постарайся, ты ведь тоже это умеешь», — мысленно заорал я так «громко», как только можно.

И Пенка снова закричала. Истошно, громко, но завизжал и контролёр, даже присел на корточки, схватившись облезлыми руками за бугристую башку. И чувствую — отпустило немного. Рука всё ещё не своя, «затёкшая», но смог, смог дотянуться я до «кольта», обхватить рукоятку, совсем не чувствуя её в ладони. Но Пенка, всхлипнув, вдруг замолчала, а контролёр завопил ещё громче, но уже не от боли, а от ярости. И разом ушла в сторону широкая ветка, на которой я сидел, хлестнуло по глазам хвоей, захрустело, треснуло, и земля, покрытая путанкой серой травы и хвойным опадом, вдруг резко и очень больно ударила меня в грудь и лицо, а левая рука, отставленная в сторону, странно, нехорошо хрустнула. Я скатился с холмика, на котором росла сосна, едва не угодив лицом в костёр, и от внезапно накатившей острой боли в руке у меня получилось привстать. Пенка уже не кричала... она тихо застонала, пытаясь приподняться на руках, но контролёр, видимо, пустил на неё всю свою мощь, лишь слегка «заглушив» нас... до поры. А пока он, хрипя от ярости, вразвалку подходил к нашей «иной», уже успев подобрать где-то валун размером с голову. Альбиносы, рыча и щёлкая челюстями, расходились в стороны, не нападая на Пенку, «хозяин», видимо, решил рассчитаться за причинённую боль сам.

Контролёр обрушил валун, метя в голову, но Пенка успела приподнять сгиб боевой руки, и тяжёлый камень, содрав известково-белую кожу на запястье, отскочил в сторону. Мутант злобно заворчал, придавил Пенку к земле и начал бить её клешней лапой. И опять крик, задавленный, короткий, но я снова почувствовал себя немного легче.

Пистолет при падении я не выронил.

И за трёхсекундную передышку, пока Пенка из последних сил защищала меня от пси-атаки, я успел оттянуть затвор, сносно прицелиться и отправить две тяжёлые пули сорок пятого калибра в контролёвскую тушу.

Тварь взвыла от новой боли, резко замотала башкой и начала раздирать грудь в том месте, где лоскуты не то бинтов, не то отстающей кожи пропотели красными пятнами. Контролёр углядел нового врага, и от пси-удара помутилось сознание, а рука, уже совсем не моя, начала подносить пистолет к виску.

Но Пенка вдруг вывернулась, ухватила мутанта за шею, после чего с силой отшвырнула его от себя, подпрыгнула и...

Воздух громко, сочно ухнул под мелькнувшей, словно белая молния, правой рукой Пенки. Удар пришёлся поперек спины приподнявшегося на четвереньки контролёра. Звук, с которым надломилось его туловище, напоминал хруст громадного леденца, раскушенного крепкими зубами. Но контролёр был ещё жив, он попытался уползти на руках, подволакивая брюхо, похрипывал, но Пенка нанесла ещё один стремительный удар, снявший, словно топором, половину уродливого черепа. После чего утробно зарычала на собак, оскалив острые зубы и подняв боевую руку. Стая альбиносов, поджав хвосты, начала пятиться, припадая на лапах, после чего все псы кинулись врассыпную.

— Учти, дружище, сейчас будет больно. — Фельдшер ощупал плечо, вздохнул. — Хошь, у меня трамал есть в аптечке, но, брат, после пси-атаки я бы эту синь не советовал. Чревато.

— Перелом?

— Да не... к счастью, кости у тебя, товарищ сталкер, до неприличия крепкие. Вывих плеча, смогу вправить прямо здесь. Но учти, кайфа будет море — связки сильно потянуты, очень даже может быть, что и разорваны, так что приготовься.

— Уф... вправляй. Готов. — Я набрал воздуха в лёгкие и зажмурился.

— Ну... три, четыре...

Вспышка боли была сильной, мгновенной, после которой вся рука начала дико ныть и дёргать, словно один большой флюс.

— У-ууух... вкусно, блин... — прошипел я сквозь сжатые зубы, хотя, признаться, от боли хотелось гаркнуть во всё горло.

— Да. Это ништяк, согласен... Пока поваляйся. Потом, ежели когда «душу» найдёшь, — придави к суставу на минуту. Вывих плеча — штука коварная, бывает с последствиями. Пойду Философа гляну, а то что-то носом парень кровит не переставая. Здорово вам со мной повезло, чуваки. С доктором по Зоне ходите. — Фельдшер усмехнулся, заставил принять какую-то безвкусную пилюлю и направился к Ереси, лежащему пластом.

— Спасибо за жизнь. — Я почувствовал как к руке прикоснулась прохладная ладонь. — Я умирала. Ты помог. Ты спас. Спасибо, Фреон.

— Не за что, Пенка. Квиты мы теперь с тобой. И тебе спасибо, кстати.

— Доктор звал меня Пеночка. Ты можешь звать меня так. Ты теперь не просто нужен. Ты теперь мой друг. Как Доктор. Как Лунь и Хип. Друг. Я найду «душу» для твоей руки и принесу.

— Он тебя не сильно покарябал, подруга?

— Нет. Царапины. Несколько. Сломано одно ребро. Заживёт быстро, для нас это не опасно. Контролёр был сумасшедший. С таким нельзя договориться. У него страшно болела голова от... черное мясо на лице и от боли он давно сошёл с ума. Перестал думать разумом, как я, как излом, как иллюз или контролёр. Он был очень злой. Он ничего не слышал и не говорил разумом. Только убивал. Я не знала, что он такой ходит здесь. И звала собак. А пришёл он. Простите. Это на мой зов он пришёл.

— Ничего. Зона штука непредсказуемая. Всякое случается.

— Это правда. Спасибо. — Ладонь слегка сжала мои пальцы и выскользнула. — Ты хороший человек, сталкер Фреон. И всегда был хорошим. Не думай больше о себе плохо.

Я был настолько удивлён, что даже забыл о боли в плече. Хороший... м-да. С какой, интересно, стороны я хороший? Что жену с её новым мужем пристрелил? Что семью свою на корню загубил на той чёртовой работе? Что даже желание моё — дочь из мёртвых вернуть — фальшивкой оказалось, самообманом, от которого до сих пор невыносимо стыдно перед Доктором и самим собой? Рассказать, как стоял я, хороший человек, тогда в Баре, в тени у дальнего столика, пока Хип просила нас, «друзей» Луня, помочь дотащить её смертельно больного мужика до Болот? Похоже, один только Ересь мне правду сказал в лицо, что я просто сталкерок, готовый душу продать за жирный хабар. И почему тогда Фельдшер, идеалист и, по ходу, честный, светлый парняга, руку мне подаёт, искренне улыбается? Почему мне Манон сказала, что я хороший человек? Где она во мне эту самую «хорошесть» рассмотрела? Лунь тоже за своего считал, и Хип мне улыбалась, а ведь скорее всего, да что там, уверен я, что разглядела она меня в том тёмном углу Бара, и узнала, и потом тихо простила... вот и Пенка туда же...

— Не думай о себе плохо, сталкер Фреон. Теперь я поняла, почему ты нужен.

— Да кому нужен-то?

— Нужен. Всё.

Пенка отошла в сторону, и я, повернув голову, увидел семь слепых псов-альбиносов и с десяток тушканов недалеко от костра. Собаки спокойно сидели, временами лениво почёсываясь, щёлкали зубами в короткой белой шерсти, вылавливая блох. А тушканы по очереди взбирались на дерево, и на верхушке из желтоватой хвои уже выглядывали несколько зверьков, заступивших на «вахту».

— Это... откуда войско?

— Белые псы потеряли вожака. Одни разбежались, другие подчинились. Теперь моя стая. Со мной. Защита. Поиск. Охота. Еда. Дорога.

— Э-э... — Фельдшер отвлёкся от врачевания Ереси. — Ты их... ну... лопать будешь, что ли?

— Нельзя есть тех, кто тебе доверился. — Пенка энергично мотнула головой. — Так делают только контролёры, и это плохо. Их нужно заставить считать вожакom тебя только один раз. Потом ты отпускаешь их мысли, но все собаки теперь твои. Они преданы, пока не умрут или пока не умрёшь ты. Тогда они идут искать другого вожака. Доктор сказал, что нельзя есть тех, кто тебе предан.

— Это... наверно, человека из тебя хотел сделать, да? — «Фримен» поинтересовался без подначки, не желая уколоть — это было видно. Фельдшер, поначалу откровенно дичившийся Пенки, теперь относился к ней иначе: немного настороженно, ещё не полностью доверяя, но уже с интересом и дружелюбным любопытством.

— Он хотел, чтобы я понимала людей. Доктор не мог сделать из меня человека. Но он хотел, чтобы я была человеческой. Он учил меня этому. А человек не ест тех, кто ему доверился?

— Ну, нет, конечно. — Фельдшер рассмеялся, но вдруг как-то сразу посерьёзнел, отвёл в сторону взгляд. — Хотя... знаешь, если честно, то жрёт. Считай, только этим и питается, блин...

Один из тушканов на дереве вдруг громко взвизгнул, и остальные зверьки, шурша по коре когтями, посыпались из кроны сосны на землю.

— Добыча. Кабан. Охота. — Пенка приподнялась, зашипела, и собаки сразу, как по команде, задрали морды, ловя запах.

— Помочь? — спросил я, потянувшись к оружию, от чего плечо ощутимо кольнуло болью.

— Сиди ты... тебе теперь только с пистолетом воевать. — Фельдшер встал, подхватил автомат. — Разберёмся.

— Нет. Не нужно. Ты помогай Ересь. — И Пенка неожиданно резво, широкими прыжками, несмотря даже на серьёзные «царапины» и сломанное ребро, поскакала к широкой луговине с полёгшей травой. Правая рука, похоже, служила ей не только для боя — отталкиваясь ею от земли, словно костылём, Пенка совершала почти трёхметровые прыжки. Вслед за ней на широких махах неслись псы. На луговине стая остановилась, и от группы альбиносов отделились два пса и скрылись в густом сером ивняке. Пенка тем временем присела, почти скрывшись в траве, залегли и оставшиеся с ней собаки. Меньше чем через полминуты из кустарника донёсся яростный кабаний визг, ивняк захрустел, и...

С холмика у корней сосны было хорошо видно, как из заросшей кустами болотины выметнулись два пса с поджатыми хвостами. За ними, низко нагнув клыкастую голову, с гулким топотом неслись молодой, но уже матерейущий кабан-чернобылец. Опасная тварь и очень злобная — триста с лишним килограммов сильных мышц, толстых костей и крепкой шкуры, которая на груди и плечах почти не уступает по прочности лёгкому бронежилету. Взрывая мокрую землю заострёнными копытами, кабан уверенно догонял слепышей. Избегая длинных жёлтых клыков, собаки ловко уворачивались от мощных, но немного неуклюжих атак, кабан ревел и крутился, взмахивал рылом, пытаясь поддеть одну из псин, в то время как другая, налетая сзади, наносила короткий злой укус, от чего горбатый, заросший чёрной щетиной зверь резко разворачивался, захлебываясь от ярости. Нет, два слепых пса, пусть даже крупных и злых альбиноса, против такой зверюги были, конечно, слабы — вопрос времени, когда подведёт собаку её сверхъестественное чутьё, по капризу Зоны заменившее ей зрение, — пару раз клыки кабана щёлкали в опасной близости от морщинистых белых шкур. Но псы не просто нападали на зверя — они «вели» его к засаде, а ослеплённый яростью кабан с каждой атакой подходил к спрятавшейся Пенке всё ближе.

Яростный рёв и визг сразу сменились высоким, поросычьим воплем ужаса, когда перед кабаном вдруг поднялась сутулая фигура в плаще. Он развернулся к зарослям ивняка, с

уханьем рванул в кусты, но на задних ногах повисли несколько намертво вцепившихся псов, разом выскочивших из засады. Кабан начал крутиться, пытаясь сбросить слепышей, но Пенка, покрыв в три прыжка расстояние до кабана, одним ударом переломила ему хребет. После чего, отогнав собак, несколькими короткими взмахами ладони вскрыла кабану брюхо, покопалась в требухе и выволокла тёмно-красную глянцевую печень, затем ладонь, вооружённая роговой пилой, прошлась по боку добычи, и Пенка легко отделила большой кусок мяса вместе со шкурой. Собаки, до этого смирно сидевшие вокруг туши, разом набросились на добычу. Послышались хруст, влажное чавканье, короткие, злые взлаивания толкающихся плечами псов.

— Всего в Зоне насмотрелся. Но такой охоты видеть не приходилось. — Фельдшер хмыкнул. — Да, брат. За ходку с тобой я столько историй насобираю, что два года возле моего костра не найдётся свободного местечка. Ништяк...

— Это чё?.. Она нам, что ли, мясо несёт? Круто! Щас шашлычка замутим. — Ересь приподнялся на локте, потрогал ватные тампоны в носу, усмехнулся Фельдшеру. — Да всё путём, анархия. Башка уже не кружится. Слышь, Фреон, как насчёт мяска захавать?

— Жить надоело — хавай. Местное зверьё очень рискованно на бифштексы пускать, можно нехило травануться, а то и лапы склеить, — буркнул я, поглядывая на гаснущий костёр. Вообще, конечно, насчёт мяска я бы не отказался... сколько лет уже его не пробовал, одну только консервированную бурду и колбасу из хрящеватой, клейкой курятины, что Хорь в НИИ по дешёвке скупал. Однако нельзя... надо бы Пенке мягко объяснить, что черныбыльского кабана люди не едят. Не обиделась бы.

— Едят. Люди. Доктор объяснил, какой кусок не опасен. Вот. С боков и хребта можно. — Пенка или услышала меня, или просто в очередной раз прочитала «громкие» мысли. — Только жарить на огне. Сырое нельзя.

— Это точно?

— Точно. Верно. Правда. — Пенка быстро лизнула шмат сырого, ещё немного кровоточащего мяса. — Да. Человеку. Можно. Есть.

Я обратил внимание, что слова нашей «другой» стали вдруг более отрывистыми, рублеными, а в глазах заблестели странные огоньки. Пенка тихо, почти по-кошачьи заурчала, снова лизнула мясо, но тут же положила его шкурой вниз на траву.

— Не ела. Долго. Голод. Печень мне. Мясо вам.

Пока Фельдшер вырезал подходящие ветки, я нарезал мясо на тонкие ломти и разложил на пакете из-под сухпайка. Из приправ нашлась только соль в пластиковом пузырьке, но и то красота, грех жаловаться. И через десять минут над углями лежали полтора десятка импровизированных шампуров. Пенка, не дожидаясь нас, начала отрывать от сырой печени небольшие куски и проглатывать их, почти не жуя. Желчный пузырь она аккуратно отделила прямо в процессе еды и уложила в пластмассовый пузырёк из-под соли.

— Нужно. Дорого.

— Зачем?

— Идём туда. Скоро. — Пенка махнула окровавленной рукой в сторону бывшего посёлка, отломив ещё один кусок печени. — Едим. Отдыхаем. Вечером будем там.

— Это, конечно, хорошо. — Я повернул шампуры с шипящим, начинающим подрумяниваться мясом. — Где там?

— Там.

— Это мы поняли. Как выглядит место? Ну, здание с большим, очень большим подвалом или, там, яма в земле?

— Нет. Подвалов больших, как раньше, нет. Ямы есть, но там смерть, нельзя идти.

— Слушай, уважаемая, ты вроде рисовать умеешь? — Фельдшер отвлёкся от созерцания жарящегося мяса. — Может, намалюешь нам, как место выглядит?

— Да, могу. Доктор учил. Рисунок просто. Трудно буквы. Рисунок похож. Буквы совсем нет. Не похожи. Сейчас.

Пенка подтащила к себе свой рюкзачок и извлекла на свет лабораторный журнал с

частью вырванных листов и коробку цветных карандашей. В рюкзаке нашёлся даже лист тонкой фанеры, которую «другая» положила на колени, сверху лёг раскрытый журнал, и Пенка начала рисовать.

— Я часто рисую. Это помогает. Помогает не забыть, чему учил Доктор. Я люблю рисовать. Место вот. Оно такое.

На готовом рисунке было много крестиков, часто натканных на холме. Чуть выше них был не то конус, не то пирамида с большим крестом, несколько кривых домиков и ещё десяток «человек» из разряда «палка-палка-огуречик». А ещё на серой, казённой бумаге журнала было видно несколько круглых коричневых пятен — Пенка хоть и вытерла руки, но немного крови от печени на пальцах оставалось.

— Вот.

— Ништяк рисуешь, Зона. Прямо Пикассо. — Ересь, видимо, решил показать «сложность». — Мне на память намалюешь чего?

— Да. Могу дарить.

— Кутилинская церковь и кладбище, — сразу определил Фельдшер. — Хана, братцы. Если проходы в тех местах начинаются, можем прямо сейчас до хаты заворачивать. Это капец. Ух, ё-моё... далековато отсюда, в двух километрах. С нашими группами связь терялась уже в километре от старого кордона. Здесь караванов точно не будет. Никто не пойдёт. Задница, короче, полная.

И «свободовец» достал ПМК, начал водить по сенсорному экрану, набирая сообщение.

— Нет. Стой. Не проход. Там вопрос.

— Ни разу не понял. — Фельдшер отвлёкся от ПМК.

— Вот. — Пенка ткнула окровавленным пальцем в свой рисунок. — Это все мёртвые люди ходят. Вылезли из земли. А этот человек с ними живой. Он тут живёт. Есть проходы к нему. Знают люди Монолита. Знаю я.

— Фигасе... так-таки и живой? — переспросил я.

— Совсем живой. — Пенка бодро кивнула головой. — Он скажет, где искать. Всё знает. Он очень давно здесь. В своём доме живёт. Да. Он знал Доктора. Доктор знал его. Доктор и он — правильные люди Зоны. Они умеют жить. Умеют ухаживать.

— Ясно.

Ладно. Доверимся Пенке, она нас как-никак не раз из беды выручала. Проведёт до Кутилино, почему — то даже не сомневаюсь в этом. И в мясе, что она нам притащила, тоже не сомневаюсь, даже странно. Молчит сталкерский инстинкт, только слюна выделяется, как у собаки Павлова, при взгляде на шкворчащие, румяные куски с совершенно одуряющим запахом, а то, что дичь наверняка немного фонит, так на поясе, опять спасибо Пенке, фрагменты «пузыря» в специальном контейнере, и потому лёгкий фон уже не страшен. Поэтому я первым подтянул к себе шампур, обжигаясь соком, надкусил первый ломтик дичи. Красота... мясо чернобыльского кабана было разве что заметно жёстче и острее почти забытой свинины, но на волокна расслоилось легко, а под коричневой жаристой корочкой мякоть была белой, плотной. Ересь тоже думал недолго и вскоре восхищённо выдохнул «ни-фтяк» через полный рот. Дольше всех размышлял Фельдшер. Но в конце концов, махнув рукой, подхватил прут с мясом, а из рюкзака достал плоскую стальную фляжку.

— Коньяк, господа. Не армянский и даже не французский, но три звезды, Хорь головой ручался. Давайте чуть под такое дело. Для профилактики желудочно-кишечных заболеваний.

Естественно, мы не отказались.

Это была странная Зона. Как только за спиной остались бетонные столбы «старого» периметра, мне пришлось полностью довериться нашему новому «проводнику».

Здесь я бы не прошёл, знаю это точно. Привычный страх Зоны, который со временем становится настоящим чутьём на опасность, тот самый «мандраж», без которого не обходится ни одна ходка, здесь превратился в холодный ужас. Ни одной знакомой аномалии на пути... да и вообще почти не видел я их даже по косвенным признакам. Просто улица,

чистая на вид, под асфальтом ещё не вымыло пустоты постоянными дождями, да и грязи, считай, нет — так, местами слежавшаяся листва под теми деревьями, что выжили после Третьей. Не привык я к тому, что все дома целы, не испорчены сыростью и кислотными туманами. Странно мне было не видеть вездесущих «жарок», иногда превращающих брошенные посёлки в обгорелые развалины. Не дрожал воздух над «трамплинами» и «каруселями». Не вспыхивала нигде тусклая радуга над «плешью», не гоняло по дорогам плотные вихри «ветродуек». Просто широкая улица, закрытые калитки, помутневшие окна, в одном из которых я с ужасом рассмотрел мертвеца с проваленным жёлтым лицом. Детская коляска под догнивающим кустом сирени, недостроенный гараж, под слепыми окнами — высокий грязный бурьян. И в почти полном безветрии — глухая тишина. Ни стука, ни скрипа, ни далёкого лая слепых псов, ничего. Мёртвые посёлки, в грязи обочин не видно следов мутантов... Ветлицы, Низкое, Борчаны — медленно, с оглядкой, мимо автомобилей, давно севших на спущенные шины, мимо запертых сельпо, чёрных окон, гниющих на корню садов. Я не узнавал Зону.

Но это была именно Зона. На всех столбах изоляторы и провода были укутаны тонкой чёрной ватой, местами свисавшей почти до земли. Слабый ветерок, задувавший с стороны столбов, отчётливо пах грозовой свежестью, а значит, смертью. В Низком Пенка указала на шесть пёстрых пятен на дороге — бывший «свободовский» отряд. Признал Фельдшер выцветшие, слежавшиеся комбинезоны с едва различимой символикой, сказал, что это Грач и Курилка с четырьмя бойцами в позапрошлом году ушли в разведку. Постоял он, сняв бандану, помолчал немного, и мы пошли дальше. Потом молчал уже я — мощный скелетный комбинезон с усиленной защитой был только у одного сталкера, матёрого ходока Ильича, и знал я точно, что уходил он с группой на восток Тёмной долины. Не прошёл он здесь... но прошли мы.

Пенка беспокоилась. Проход, который она «знала», оказался совсем не таким безопасным. В Ветлицах один из псов-альбиносов, идущих впереди отряда, вдруг споткнулся, коротко, страшно взвыл и, упав на бок, уже не поднялся. Слепыши, ошестив короткую шерсть на загривках и поджав хвосты, попятились от чернеющего и на глазах вздувающегося трупа их невезучего сородича. Пенка выгнала вперёд ещё одну собаку, которая осталась на выходе из посёлка: сорванный внезапно налетевшим ветерком клочок чёрной «ваты» нанёс настолько страшный ожог, что из обугленного мяса разом вылезли побелевшие, выгоревшие кости. И ещё на дороге у заброшенного карьера свита Пенки потеряла одного из десятка тушканов — зверек просто взорвался облачком кровавого тумана, воздух над красным пятном начал ходить волнами, низко зарокотало, ухнуло, послышался тяжёлый гул, и неизвестная мне аномалия с оглушительным грохотом разрядилась кольцом синего света. Пришлось долго и мучительно искать обходные пути — эта аномалия попросту перегородила и дорогу, и песчаные холмы, и склоны гравийных куч, поросших мелкой серебристой травкой. Пенка подолгу стояла на одном месте с закрытыми глазами, говорила «здесь идти» и через двадцать-тридцать метров снова останавливалась, иногда даже на полчаса. К Кутилино мы вышли только под вечер.

Кладбище я увидел издали — густой лесок, давно уже без листьев, и между частых чёрных стволов в высокой траве я различил несколько потускневших крестов. Над деревьями кладбища поднималась покосившаяся маковка деревянной церкви.

— Пришли. Здесь он живёт. Здесь идти безопасно. Но рядом со мной. Такая земля, — «понятно», как всегда, объяснила Пенка. Да уж... Зона. Уж тут-то я точно не хочу находиться. Кладбище здесь — одни из самых паршивых мест, тут действительно «такая земля», словно какая-то злая сила специально находит места захоронений. Однако при всех загадках Зоны глупо, как мне кажется, искать злонамеренность в местных силах. Это как вулкан, одно из явлений природы, которое не может быть ни добрым, ни злым — он просто есть. И если под пепельной тучей гибнут люди, если раскалённая лава сжигает города, это не говорит о том, что вулкан специально убивает и рушит, вовсе нет... это просто слепая сила, и ей абсолютно всё равно, есть ли на склонах огнедышащей горы лес, город, дорога. Поэтому

странно слышать от «долганов» призывы воевать с Зоной — это всё равно что воевать с вулканами — глупо и бесполезно. «Монолитовцы», по слухам, Зоне вообще чуть ли не поклоняются, что, по-моему, глупее в разы — дикари, поклоняющиеся вулкану, сгорят в лаве точно так же, как и те, кто решил остановить огненную тучу бамбуковым копьём. Никогда я не верил в сказки про «чёрных сталкеров», «духов Зоны», «хозяев» и прочих барабашек — терпеть не могу любую «мистику», которая только портит мозг сталкера. Зона опасная, непонятная, страшная, но всё-таки слепая сила. Ни воевать с ней, ни поклоняться ей не стоит. С ней можно только научиться хоть как-то сосуществовать. Однако такие «здравые» мысли почему — то отступают, стоит мне только увидеть это...

«Ботаники» изучают это явление с тех пор, когда ещё и слухом не слыхивали о Выбросах. Естественно, все было строго засекречено, изучалось в закрытых институтах, но за десятилетие с лишним учёные так и не разобрались ни в одном из возникших вопросов. Подметили только общие закономерности. Что в глинистых, тяжёлых почвах образование «псевдоживых организмов» и «матриц по трупам» происходит не в пример чаще, чем на лёгких песчаных. Что в районах Янтая, Агропрома и западной части Армейских складов «псевдоживые организмы» или, проще, ожившие трупы медлительны, неагрессивны, почти всегда несут следы сильного разложения, а на Янтаре могут даже превращаться в спарков. В Красном лесу и Тёмной долине они сохраняются лучше, разве что усыхают и желтеют, и гораздо больше «склонны к выраженным агрессивным действиям». А вот, например, на старом Кордоне их вообще никогда не видели, несмотря на то, что южнее, на «новых» территориях Зоны, зомби встречаются целыми стаями. Мало помогло науке наблюдение, что при полностью разрушенных внутренних органах, отсутствии кровообращения, а зачастую даже половины всех мышц они ходят, едят, иногда даже пытаются говорить. И непонятно, почему один покойник останется в этом состоянии, а другой, лежащий рядом с ним, может вдруг встать. Неизвестно, отчего один зомби будет избегать людей, другому будет безразлично, а третий подойдёт и бросится или же начнёт преследовать, швырять камни, выть, если сохранились голосовые связки. Почему Зона поднимает мёртвых людей во много раз охотнее, чем погибших мутантов, тоже не знает никто. Почему, почему, почему... ответов просто нет.

Кровь стынет в жилах даже у привычных ко всему сталкеров, у скептиков-учёных, у полностью «отмороженных» бандюг, когда из темноты к костру вываливается раздутый от сырости ужас, когда по герметичному отсеку лаборатории бродит нескончаемыми кругами тело, которое по всем биологическим законам просто не может жить, когда ограбленный и убитый сталкер случайно выходит к лагерю своих убийц. К такому привыкнуть просто невозможно, и, как бы здраво ты ни мыслил, поневоле начинают лезть мысли о том, что Зона — не просто слепая сила, а нечто гораздо более сложное, тёмное и необъяснимо страшное. И сталкера начинает трясти. Порой сильно, до того, что «перегорает» человек, иногда слегка, вот как меня сейчас, но трясёт всё равно.

— О-ой... б-ббы-блин... — Ерьс отвёл взгляд вниз, нервно облапил автомат. — Ой-ёоо-о... тва-ю м-мать...

— Не тронет. — Пенка предупреждающе подняла руку. — Стрелять нет. Нельзя.

— Ёхарный бабай... ух зараза, — негромко поделился впечатлениями Фельдшер. — Но бывает и хуже. Смотри, уважаемая, если подойдёт ближе, магазин в него высажу.

— Нет. Не подойдёт. Не тронет.

Мне сказать было нечего. Я просто смотрел на неподвижно стоящую у дороги фигуру в грязном, измазанном землёй костюме с оторванным рукавом. Зомби стоял к нам спиной, и поэтому лица видно не было, только блестела гладкая серая лысина с прилипшими прядями выцветших волос. На месте ушей оставались лишь чёрные сморщенные корочки, и такой же грязно-чёрной была открытая рука, свисавшая плетью.

— Не опасен. Просто стоит. Идём.

— О-оой-й... ё... ф-фа-ак... скорей бы о-отсюда с-свалить... н-нафи-иг, — тихонько поскуливал Философ, которого стало нешуточно трясти.

— Перестань. Не надо такой страх. — Пенка обернулась. — Много страх — будет опасность от мёртвых.

Услышав это, Ересь протяжно, тонко завыл, постепенно повышая ноты.

— Извини, друг. — Фельдшер придержал Философа за плечо, развернул к себе и коротким, сильным ударом врезал парню в челюсть. Тот качнулся и начал оседать, но «свободовец» подхватил падающее тело и с удивительной лёгкостью кинул себе на плечо. Однако здоров мужик...

— Подрубил его легонько, — поделился «фримен». — Пусть отдохнёт. Надеюсь, сотрясения я ему не сделал.

— Хорошо. — Пенка кивнула, и мы пошли дальше в сторону кладбища. Зомби так и не обернулся.

Поваленные оградки, заросшие тропинки, ямы... земля на многих могилах разворочена, виднелись свежие глинистые отвалы и куски размокшего дёрна. Аномалий, похоже, не было, Пенка вела нас уверенно, ещё раз строго запретив даже прикасаться к оружию. А по сторонам сидели и стояли они... на первый взгляд, даже не страшные. Просто очень бледные худые люди в ужасающе грязной одежде. Костюмы с вылезающей подкладкой, вымазанные в жёлтой глине платья, склонённые головы, лица с ввалившимися щеками и пустыми взглядами. Ни один из них не обернулся в нашу сторону, даже не пошевелился — как сидели на лавочках за оградками, так и сидят молча, неподвижно, словно памятники самим себе, или стоят, навалившись грудью на ржавеющие калитки, глядя в пустоту плоскими, блёклыми глазами.

— Не надо с ними говорить. Не надо на них долго смотреть, — тихонько инструктировала нас Пенка. — Они не двигаются, пока спокойны. Проходим мимо. Спокойно. Медленно.

Кладбище оказалось большим, старинным, да ещё, за рвом, оно продолжалось дальше, полторы сотни могил были обозначены только табличками с номером — должно быть, «неучтённые лица» без документов. И повсюду — неподвижные фигуры, сидящие возле ям в земле. Может, и прав в чём-то «Долг»? Может, действительно Зона враждебна человеку?

— О-о, да это никак докторский выкормыш со свежими трупаками в гости пожаловали! Ах-ха... однако!

Голос был громкий, хриплый, наглый. Я обернулся на него и увидел, что на лавочке у провалившейся гробницы сидит высокий худой старик. Его можно было принять за зомби — по крайней мере то ли засалившийся ватник, то ли толстый пиджак был измазан брызгами жидкой глинистой грязи настолько, что на ткани буквально не оставалось «живого места». Брюки с пузырями на коленях были испачканы и местами порваны, но в отличие от большинства мертвецов старик носил обувь — на его ногах были грязные резиновые сапоги с неровно отрезанными голенищами. Лицом он тоже походил на местную нежить — пёстрое, морщинистое, безбородое, отвислые губы, несколько прядей волос вокруг круглого, гладкого, как бильярдный шар, черепа. Только глаза говорили о том, что старик живой, — взгляд был острый, злобный, насмешливый и... абсолютно сумасшедший.

— Добрый день, дед Игнат, — поздоровалась Пенка. — Нужен совет.

— Здравствуйте, отец, — кивнул я.

— Ну... кому, может, и отец, а кому и товарищ смотритель кладбища Игнат Васильевич. Чё припёрлись?

— Вопрос. — Пенка склонила голову чуть набок. — Узнать.

— Ну, спрашивай, чучело однорукое.

— Эй, дед... ты бы это, поаккуратнее... — Фельдшер насупился. — Мы тебя вроде никак не оскорбляли.

— Тебе кто слово давал, щенок? — Старик осклабился, показав гнилые пеньки зубов. — Ещё бы ты меня оскорбил, борзота. Заткнись и не отсвечивай.

И старик вдруг покатылся кашляющим смехом, хлопая заскорузлыми ладонями по коленям и хрипло отхаркиваясь.

— Припё-орлись, понимаешь... ишь ты. Коз-лята... ходют, ходют, не сидится им, ёк-макарёк. А здесь — режимный объект! Секретное поселение! Стой, стрелять буду! Уроды! Пшли вон отсюда! Кладбище закрыто!

— Не надо. Говорю я. Вы говорите потом. — Пенка повернулась к нам и, пока Игнат хохотал и надрывно кашлял, время от времени грязно бранясь и угрожая вынести из сторожки ружьё, прикрыла глаза.

— Эй, длиннорукая. — Старик вдруг сморщился и погрозил Пенке суковатой клюкой. — Ты ко мне в голову не лезь. Ещё раз учую — не посмотрю, что Доктор тебя хранителем выбрал, всю башку расшибу вот этой вот дубиной, учти. Эти фокусы для своих дураков оставь. А вы, покойнички, кстати, правильно делаете, что ходите за этой чучелой. Глядишь, и оживёте потом, когда вдруг помрёте — она эту фиговину ох как хорошо проворачивать умеет. Скоренько, смертнички, будет вам банька. Ох, мировая банька, да с веничком.

Игнат снова захихикал, кривляясь и постукивая в землю палкой.

— Сигареты есть? — вдруг осведомился он вполне спокойным тоном, вытерев слюнявый рот замызганным платком.

— Нет, не курим. — Фельдшер пожал плечами. — Вредно это.

— Да какая вам теперь разница, вредно иль полезно? — тихо спросил старик. — А ты что, доктор? Ишь ты, и впрямь доктор... хи-хи... мало нам было одного лепилы на всю Зону, дык второй появился. Ну, дела... слышь, а ведь и в самом деле табачка у вас нема, не соврали. А у меня вот даже самосад неделю как весь вышел. У-уххх. Пойдём, нужные вы мои.

Игнат, кряхтя, поднялся, подобрал лопату и побрёл по тропинке между оградок.

— Э-эх... так и не сработал дела. Потерпи уж, бедолага. Завтра вырою.

— С кем это он? — шёпотом спросил меня Фельдшер, поправив на плече вырубленного Философа.

— С кем? — Старик не обернулся. — Дык с утречка сегодня шкрябает один, вылезти не может, болезный. Хиленький, надо полагать, силёнок ему не хватает. Ты вон ухо-то к земле приложи да послушай! Оно чётко разберёшь.

«Свободовец» содрогнулся, а зритель снова тонко, с хрипотцой рассмеялся.

Не обращая никакого внимания на стоящих вокруг зомби, старик бодро вышагивал, пригибаясь иногда под мёртвыми ветками деревьев, один раз только прикрикнув «не балуй!» тощему безрукому мертвецу, неожиданно бросившемуся наперерез. Тот, как ни странно, послушался, замер на месте, только глухо замычал забитым землёй ртом.

Игнат привёл нас в большой, но невероятно запущенный деревянный дом на окраине кладбища. Из открытой двери пахло едкой кислятиной, у ног поспешно шаркнуло на улицу странное, отдалённо похожее на кошку создание, которую дед назвал не то Муркой, не то «нехорошей тварью» с несколькими дополнительными матерными эпитетами. Старик, уронив в совершенно тёмной прихожей что-то звонко-жестяное и снова люто выругавшись, вывел нас в единственную, но зато большую комнату, слабо освещённую «вечной» лампочкой Зоны. Несмотря на то что жилище смердело, как логово бюроера, мусора и грязи по углам почти не было, единственно, на столе лежали пустые консервные банки и чёрная сковородка с прикипевшей ко дну бурой массой. Да ещё на лавке у печи сидело бледное костлявое создание с упавшей на плечо головой. Когда я проходил мимо него, солоноватый падальный запах усилился, и я вдруг разглядел, что глаз на мумифицированном лице нет — только две тёмные ямки, а из почерневших дёсен торчат тонкие, такие же чёрные зубы. Существо медленно повернуло к нам голову и тихо захрипело. Пенка ответила таким же тихим, шелестящим хрипом.

— Эт Лушка, Лукерья, значит. Заместо внучки мне, — поделился старик. — В позапрошлом годе из безымянных могилок выкопалась. Не на улице же оставлять... вы не глядите, что страшенькая, у неё душа добрая, по хозяйству помогать старается, только что не говорит. Слышь, доктор, ты её не шугайся. Не цапнет, она безвредная.

— Я не... боюсь, — неуверенно, немного заикаясь, сказал Фельдшер, и я вдруг понял, что он действительно напуган. — Куда товарища положить?

— Да во, на лежак. Это ты ему в челюсть нащекотал, медведь? Пацанёнок-то хилый, соплей перешибёшь. Ты смотри, поаккуратней в следующий раз.

— Слышь, это... как ты тут вообще живёшь, дед?

— Повторяю для тех, кого бог умишком обидел. Товарищ смотритель я для вас! — старик сварливо заворчал на повышенных нотах. — А как живу? Нешто меня с должности сняли? Нет, не сняли. Бумаги не приходили, начальство не звонит, с району машины не было. Значит, работаю.

— Да нет никакого района, товарищ смотритель, — вздохнул Фельдшер. — Работа твоя давно закончилась. Кругом Зона.

— Ну, это ты свою бабушку лохматить будешь, сопля. Ишь ты, работа у меня кончилась. Работы у меня здесь в пятьсот раз поболее стало, ежели с теми временами сравнивать. И район есть, бо-ольшой теперь наш район, только что начальство сменилось, ха-ха!.. Да мозги-то не напрягай, не надо, один хрен, ничего не поймёшь, даже если захочешь. Сердце у тебя чистое, Фельдшер, а вот башка хламом забита, умнеть тебе ещё и умнеть, да времени уже нет.

— Не понял? — «Свободовец» удивлённо посмотрел сначала на старика, потом на меня, но я тоже пожал плечами.

— Кто бы сомневался. — Игнат тонко, зло захихикал. — Ещё бы ты понял... говорю же, поумнеешь — поймёшь. А вот ты, Фреон... имечко-то какое, а?... вроде и не дурак, и не умный, а так... ха-ха-ха... наперекосяк. Чего пришли-то?

— Нужно нам выход найти. За Периметр.

— И всё, что ли? А чё рукастую свою не спросили? Из-за такой-то дурости к чёрту на куличики пёрлись... ну, скажи ты им уже.

— Выход есть. Где дом под землёй. Где вы сидели с одним человеком между походами. Я ждала, пока вы отдыхали там, спали. Вы называете бункер. Я могу включить Философ?

— Ну да... то-то я думаю, чего он до сих пор кемарит, вроде и двинул не сказать чтоб сильно. Надо ему седатина дать, иначе опять орать начнёт. Так это... я не понял ни разу.

Смотритель звонко треснул кулаками по коленям и снова разразился громким, каркающим смехом.

— Не... не поняли они-ии... а-ха-х-ха-ха... не могу... ох, тупорезы... под задницей выход у вас всё то время был, пока вы по Зоне туда-сюда мотались. Бункер на старом Кордоне, где в своё время один жадина обитал, а теперь вот второй собирается. Ты-то тоже дура белобрысая, не могла за шкуру подтащить да носом натывать. Дверку в полу не судьба открыть, а?

И старик едва не задохнулся от хохота. Он чуть не плакал, раскачиваясь на лавке и растирая грязным кулаком слёзы, он рычал и отхаркивался, после чего с натугой втягивал воздух.

— Но как она над вами поиздевалась, а? — спросил он. — Ходила за вами, дураками, ходила, нет чтоб намалевать одну картинку да на привале подкинуть. Зачем?..

— Они нужны, — просто сказала невозмутимая Пенка, похоже, пропустившая мимо ушей все нелестные высказывания полусумасшедшего старика.

— Ну, это я как бы и без тебя понял, мутантина. Не ты одна у нас такая вумная. Я не в курсе, чего ты их сюда притащила. Доктор тебя вроде балакать научил, или половину слов уже запомнявала, объяснить не можешь? Впрочем, пустой башке наука не впрок.

— Посмотри Фреона.

— Посмотри Фреона, — скорчив рожу, Игнат передразнил Пенку. — Он тебе чё, девица-красавица, что ты его мне на смотрины привела? Скажи словами, я кой-чего вижу, но мысли, пardonьте, не читаю.

— Он не хочет жить. Хотел себя стрелять. Нельзя. Он нужен.

Старик сразу успокоился, зло прищурился, а потом вдруг закатил глаза под лоб, так,

что стали видны только желтоватые белки, ровно, медленно задышал. Из открывшегося рта закапала тонкая нитка слюны.

В это время очухался Ересь. Он долго, тонко заскрипел, протирая глаза, поднялся на локтях. После чего, полностью очнувшись, ошалело осмотрелся и потрогал челюсть.

— Я где?

— В Караганде! — весело гаркнул Игнат, как-то разом выйдя из странного транса. — Подъём, чушкан, и вали отсюда в коридор. Хирург, за ним ать-два, надо будет, позову. Быстра!!! А вы двое — оставайтесь.

Подождав, пока за Фельдшером и Ересью закроется дверь, смотритель подошёл ко мне и наотмашь, неожиданно больно врезал по щеке тыльной стороной ладони.

— Ах ты ж, сучёнок... чё удумал, а... мразь. Пулю себе в башку пустить? Тварина... и ведь пустил бы, не подоспей длиннорукая. Ах ты, слюнтяй... дурр-рак... забил бы я тебя сейчас, как мамонта, если бы не нужен ты был... др-рянь.

Обдав меня душным запахом чесночного перегара, старик с неожиданной силой поднял меня за шиворот «Кольчуги» и, вперившись в меня диким взглядом, врезал под дых так, что я долго не мог вздохнуть.

— Гад... ты что-нибудь можешь делать вообще, кроме как ломать? Всем вокруг жизнь изгадил, ни другим не помог, ни себе ничего не нашёл. Всё разнёс, скотина... вокруг тебя только смерть... только вонь. Что ты сделал, прежде чем уходить? Что ты можешь вспомнить? И ведь погано тебе... ох, как погано. Жизнь к концу, а жизни-то и не было, да? Каково?

— Погано... — выдохнул я.

— Эх, ты... мразь. К Саркофагу ходил и ведь дошёл. А ничего и нет там для тебя. Стреляться вздумал, слюнтяй... разве тебе это можно?

Смотритель отбросил меня, брезгливо вытер руку.

— А теперь слушай. Люди, которые нам действительно дороги, в Зоне не умирают. Они просто уходят... бывает, что и навсегда, если их друзья и близкие оказались набитыми дураками, совсем как ты, или же никогда не были им близки. Сделай это, сталкер. Подари им счастье. Ведь именно о них плачет твоя душа. Иначе ты просто зря прожил свою жизнь, слизняк подколодный, так и останешься навсегда той самой сукой, про которую девчонка в Баре сказала. Эх-х, мужик... да она одна стоит десятка таких слюнтяев, как ты. Верни их, пока жив. Теперь это у тебя получится.

От такого у меня перехватило дыхание. Всё стало понятно. Я вытер кровь из разбитой губы и, пытаясь унять колотящееся сердце, с трудом проговорил:

— Спасибо, отец.

— Спасибо не булькает. Да и сколько говорить, что для тебя я товарищ смотритель! Брудершафта мы с тобой не пили и дитёв не крестили. И вообще... гони артефакт. Скоро серые эти, «монолитовцы», заявятся, а у меня и обменять нечего. Лялек с Зоны недосуг было собрать, работы море.

Я без разговоров вытащил основу «пузыря» и положил на стол. На удивление, взял его не сам смотритель, а Лушка, приковылявшая из тёмного угла. Зомби протянула тонкие костлявые ручки, обхватила «пузырь» и, урча, унесла в дальний тёмный угол.

— Хозяйственная, — ухмыльнулся старик. — И это... скажи своим, чтоб всю свою жратву, ту, что в банках, здесь оставили. Я забесплатно советов не даю. А ты ещё патронов для двенадцатого отсыпь. Штучек двадцать. Ружьё-то есть, а вот картечи к нему нема..

— А мы что лопать будем? Три с лишним дня шагать до Кордона.

— Тропу вашей рукастой сообщу. «Монолитовскую». Дойдёте, как по шоссе, за пару дней к Кордону выберетесь. А ежели жрать, то Пенка вам кабанчика завалит, ну или собачатинки пожуёте, не отравитесь. Скоро беды с консервами и прочей провизией у вас всех не будет, ну а пока перебьётесь. Вываливай рюкзак, дурачина.

— Да. Голода не будет, — кивнула Пенка. — Что можно есть человеку, Доктор меня научил.

— «Монолитовцы»...

— Не дрейфь. Пока с вами эта красавица ходит, «монолитовцы» вам ничего не сделают. Она им что-то вроде местного ангела. Так что не пугайтесь, если что. Всё. Консервы прямо в прихожей на пол вывалите, Лушка соберёт, и канайте отсюда скачками. Надоели вы мне так, что сил нет. До свиданьица.

Хорь встретил нас уже без особого энтузиазма. Фельдшер сообщений ему не присылал, из чего торговец, видимо, решил, что мы опять вернулись ни с чем. Добрались мы без приключений, путь, который Игнат сообщил Пенке, оказался чистым, но два дня на одной только очищенной водичке да по две галеты на брата утром и вечером сказались не самым лучшим образом. Хорь снова вычеркнул сколько-то там долларов из моей расписки, вздохнул и ушёл готовить заказанные Фельдшером «трубы с мусором», то бишь макароны по-флотски. И, что удивительно, даже не спросил ничего, видать, лютая усталость на наших лицах была расценена как уныние. Ну, что ж, сталкеры снова вернулись без ничего, шансы найти выход уменьшились ещё в сколько-то там раз, а лавочку, похоже, придётся прикрыть. Надо сказать, торговец проигрывать умел: ни криков, ни злости, ни даже разочарования на лице — всё та же чуть флегматичная грусть во взгляде, совсем как в те времена, когда таскал я ему «капли» да «медузы» в Бар.

Ересь отрубился, едва только дополз до дивана. Даже комбез не снял, что в общем-то совсем не приветствовалось. За последнюю ходку осунулся парень, лицом посерел, а если учесть, что путь от кладбища и почти до границы Тёмной долины он прошёл под «седатином-5», пришлось ему намного тяжелее, чем нам. Хоть и голоден был Философ, однако спать хотел намного больше, чем есть. А мы решили придержать новость — пусть Хорь вначале напоит, накормит, даст выспаться, а уже потом, завтра или даже послезавтра, мы ему и сообщим. Иначе и макароны пригорят без внимания, и спать не даст криками. Ничего. Ждал почти недельку — подождёт и ещё сутки. Когда сталкер отъедается и отсыпается после голодного и почти бессонного рейда, то к нему лучше не подходить. Пока не отобедал и не выспался — злее раненого кровососа, факт.

И то ли потому, что голодные мы были как звери, или же оттого, что решил Хорь не мелочиться и вместо обычной соевой «тухляшки» щедро насыпал в обжигающие макароны дорогой и дефицитной в Зоне белорусской «армейки» из настоящей, стопроцентной говядины в желе, но рубали мы получившееся блюдо так, что пицало за ушами. Похоже было и на то, что из особенных своих запасов вытащил он тонкую, хрустально-блестящую бутылку дорогой водки просто потому, что, мол, «пропадай оно совсем». Надо ли говорить, что уснул я прямо за столом и, проспав так несколько часов, перебрался на стопку матрасов, заплетающимся от недосыпа языком сказав Хорю: «Это... короче... заваренную дверь ломай... вот...»

Фельдшер, спавший чутко, рассказывал потом, что Хорь, не получив никаких дополнительных объяснений, пытался вначале долбить дверь нижнего уровня зубилом и молотком. Потом искал в привезённых из Бара вещах взрывчатку и, таковой не найдя, послал одного из «свободовских» охранников, недавно заступивших на дежурство, за «киселём». На швы заваренной стальной двери было вылиты четыре полуведерных фаянсовых контейнера, створки через несколько часов «отгорели» от сварки и петель, после чего с оглушительным грохотом съехали по лестничному маршу. Уже как следует выспавшись, мы два дня ждали, пока на лестнице не исчезнут последние лужи «киселя» и не выветрится тяжёлый кислый смрад, пытаясь при этом успокоить матерящегося и прыгающего от радости торговца. Матерился он потому, что это я сам запретил вскрывать заваренную дверь, а заходилась оттого, что был уверен, что уж эти-то коридоры «Производственного комплекса № 36» точно выведут за Периметр. Я этой радости пока не разделял. Хоть и была найдена в одной из боковых комнат длинного коридора вполне себе обжитая, даже уютная спальня, а на столе под давно потухшей лампой лежало больше двадцати одинаковых схем с прорисованным красным карандашом маршрутом, где под стрелками обозначались выходы «наверх». Даже

под слоем пыли хорошо угадывалась «тропа» на кафельном полу, протоптанная десятками, если не сотнями «ходоков». У толстого барыги, когда-то жившего в этом подвале и вовсе даже не сгинувшего, а, по слухам, прикупившего виллу на Корфу, яхту и даже небольшой домик в Йоркшире, торговля была поставлена на широкую ногу. Да, выход здесь был. И не просто выход, а, похоже, ещё и с транспортом.

«Производственный комплекс № 36» даже навскидку был, пожалуй, самым громадным подземельем из тех, что я знал. В нём, правда, было всего три уровня, но простирались они на километры. Похоже, что к лабораториям и военным комплексам, скрытым под землю на случай атомной войны, «тридцать шестой объект» имел самое непосредственное отношение. Просто несколько крупных заводов оборонки, оборудованных жильём для рабочих, обширными цехами с сотнями станков, вентиляционными шахтами, душевыми, больницами — целый секретный городок, убранный под землю. Я и представить себе не мог, что под старым Кордоном находится такая громадина. Мне было даже немного странно, что я за годы подработок в НИИ ни сном ни духом не ведал об этом подземелье, хотя мог невозбранно копаться в открытых для общего доступа архивных документах, когда-то бывших секретными. И, что самое интересное, ни в разговорах сталкеров, ни даже в слухах о «потерянных комплексах» я не слышал о тридцать шестом объекте... Впрочем, и из Тёмной долины, и с Агропрома уходили под землёй в сторону Кордона несколько малых транспортных веток, взорванных сразу после Второй катастрофы, но считалось, что они выходят к бывшему военному аэродрому и железной дороге. Годами по Зоне лазили, а «слона», как говорится, и не замечали... может быть, ещё и потому, что все выходы наверх в пределах комплекса были подорваны и засыпаны землёй. Вентиляционные шахты, сохранившиеся лишь местами, выходили, похоже, под давно известными мне объектами — мельницей, цементным заводиком, станцией техобслуживания. Я замечал, конечно, странные колодцы с широкими трубами и остатки разрушенных агрегатов, которых, по идее, в подвале обычной АТС или мельницы быть не должно, но залезть в них было невозможно, разузнать подробнее — тоже. Да никто, наверное, и не допускал такую мысль, что скучный, «пустой», бестолковый Кордон, на котором в основном околачивались только новички и отродясь не бывало доброго хабара, может хранить под собой мощный производственный комплекс, практически неисследованный сталкерами. Впрочем, некоторые точно знали о существовании проходов за Периметр, например, тот самый торгош, обитавший в бункере на окраине деревни. И секрет этот, видно, берёт тщательно, не исключено даже, что доставкой грузов и контрабандой артефактов занимались особо доверенные люди, или же сталкеры эти впоследствии могли «пропадать» — слышал я, тот барыга был не особенно чист на руку. Впрочем, теперь нам пора было выяснить, есть ли всё-таки выход.

«Разведку» я провёл сам, не взяв с собой ни Фельдшера, на что тот нешуточно обиделся, ни Ересь. Привычнее мне было так, что ли... и прослушал подземную тишину я так, как положено, и маршрут наметил. Чистая подземка... ни тварей, которым, видно, здесь лопать было нечего, ни сколь-нибудь опасных аномальных скоплений — Кордон и под землёй оставался Кордоном. Собственно, под бункером Хоря была уже окраина подземного городка, и в трёхстах сотнях метров к юго-западу помещения цехов заканчивались. Зато начинался высокий сводчатый коридор с железнодорожным полотном, уходивший в тускло озарённую слабым мерцающим светом и оттого не слишком густую тьму, а на узкоколейке стояла дизельная дрезина в очень неплохом состоянии. Однако запас соляры в нескольких бочках, поставленных у стены, оказался полностью испорчен — видно, не судьба нам была прокатиться с ветерком, и я просто ушёл почти на семь километров по чистому, практически свободному от аномалий туннелю. То, что я пересёк Периметр, мне сообщил сканер — столбики уровней аномальной активности вдруг резко упали до нуля по всем параметрам, а туннель, уходивший ещё дальше, не был освещен вообще никак: слабый свет лампочек, живущих здесь своей, непонятной жизнью, прекращался за границей Зоны.

Поэтому я просто сел на холодный бетон пола, прислонился спиной к своду стены и тихо рассмеялся. Да уж... ходили, называется, ходили, искали, рисковали жизнью, а ларчик

открывался так просто... кому взбрела в голову идея намертво заварить дверь в этот комплекс, да ещё и написать мастикой «Не влезай — убьёт»? Неужели пожадничал старый хрыч, одним из первых нажившийся на Зоне, или же «свободовская» братия решила обезопаситься от подземных гостей в своём схроне? Этого я теперь не узнаю, да и, собственно, узнавать не хочу. И Пенка хороша — знала ведь всё, паразитка этакая, а на кладбище нас потащила, к этому ненормальному деду. Злился ли я на неё? Нет, конечно... потому что, наверное, впервые за всё время я освободился от тяжёлых, давящих мыслей, не грызли меня тёмные думки о том, что пора бы уже прекращать это бессмысленное и бестолковое существование. Нашёл ли я выход? Да, пожалуй, нашёл. Пусть даже пока и не за Периметр, но для меня лично он был очень важен.

Тихо рассмеявшись, я поднялся и зашагал назад, к Хорю, Ереси и Фельдшеру. Порядок. Дорога есть. А если зритель сказал, что это та самая тайная тропинка за Периметр, то сомневаться смысла уже не было. Нашли. Наконец-то.

— Ох, и ничего ж себе дорожка, — буркнул Фельдшер, когда мы отмахали от «Схрона» Хоря уже далеко за Периметр. Детекторы замолчали больше часа назад, и в полной тьме, едва подсвеченной нашими налобными фонарями, мы ушли, видимо, ещё на пяток километров от границ Зоны, прежде чем тоннель расширился, превратившись в большой гулкий зал, а узкоколейка упёрлась в громадные запертые ворота, полностью перекрывавшие путь. Однако рядом с тяжёлыми створками вверх поднималась ажурная металлическая конструкция с лестничными маршами, а в стене чернел овальный дверной проём и несколько широких окон. Несмотря на то что трещин в потолке не было, под металлическими лестницами лежала большая гора глинистой земли, сломанная лопата и несколько пустых пластиковых бутылок. Прохлада тоннеля стала заметно свежее, когда мы поднялись по лестнице, а огонёк спички у двери начал трепетать и гаснуть.

— Да уж. Дорожка ничего себе так, — повторил Фельдшер, и Ересь вдруг рассмеялся.

— Чистым воздухом пахнет! Неужто вылезли, мужики? Всё, блин? Не, реально всё?

— Погоди, не торопись. Сквозняк ещё ничего не значит. Давайте тихо... там, на выходе, может, армейцы сидят, поэтому общаемся шёпотом и стараемся громко не топать. За мной самым малым ходом.

— Есть, босс. — Философ уже откровенно улыбался, и я впервые увидел, что парень почти счастлив — в глазах его вовсю светились весёлые искорки.

— Эх, чуваки! Классно-то как! Чувствуете — пахнет, а? Свежим таким? Бли-ин, теперь всё... вышли. Не, реально выползли, фак меня побери! Всё, на фиг, прощай, Зона!

— Да заткнись ты уже! — беззлобно толкнув парня локтем, проворчал я. — Радоваться будешь, когда без приключений выйдем.

Короткий коридор, круто поднимающийся кверху, заканчивался большой круглой комнатой. Широкая дверь с выломанными створками была забетонирована, причём грубо — похоже, в помещение просто вылили несколько машин бетона, отчего к стене поднимался серый холм, наверху которого виднелась щель шириной с ладонь, в неё пробивался слабый лучик света. Выходы, понятное дело, были замурованы, однако в стене зиял широкий пролом, за которым начинался самый натуральный подземный ход, довольно широкий, укреплённый вдоль стен и потолка уже заметно подгнившими досками. Вот, собственно, откуда земля на полу тоннеля — копали, видимо, изнутри. От глинистых стен, перевитых корнями, веяло ощутимой прохладой, а запах свежести, травяной прели и почему-то лёгкого морозца становился всё сильнее.

Ход закончился тупиком, над которым немного прогибались несколько гнилых досок, видимо, присыпанных землёй. От несильного удара они хрустнули и с коротким глухим стуком попадали вниз.

Я даже не понял, что произошло. Жёлтый, непривычно яркий свет больно резанул по глазам. Немного привыкнув к резкой смене освещения и отплевавшись от мелкой грязи, дождём сыплющейся на лицо, я выбрался наверх.

Дом, в полу которого теперь зияло неровное отверстие, был давно заброшен. Крыша обвалилась полностью, превратившись в гору гнилых досок и шиферных осколков, одна из кирпичных стен просто завалилась, внутри дома уже успели вырасти небольшие деревца. Совсем как в Зоне. Если бы не ослепительно, ярко, непривычно, даже страшно не сияло над головой чистое, ясное небо, и лишь на севере высокой серой горой поднимались тучи. Если бы не лежали на упавших досках отдельные шапочки недавно выпавшего по поздней осени, но ещё не растаявшего снега, а лужи за порогом разрушенного дома не взялись иглами льда. От лёгкого морозца в воздухе едва заметно вспыхивали ледяные искорки.

— Вот теперь... вышли, — прошептал я, садясь прямо на шиферные обломки. Ни военных, ни кого-либо другого в пределах видимости не было. Небольшой посёлок был брошен настолько давно, что успел порастить лесом, рядом, тоже в редколесье, виднелись постройки, по всей видимости, воинской части — на ржавых воротах красовалась выцветшая звезда, а казармы, бытовки, здание штаба почти развалились — белый силикатный кирпич от времени размок, позеленел и крошился. От разрушенных домов в лес уходила бетонка, в стыках плит проросли тонкие, хилые деревца и стебли трав.

— Ух... я уже и забыл, как здесь бывает, — тоже почему-то шёпотом сказал Фельдшер, усаживаясь рядом. — Не верится. Не бывает так. Неужто отпустила Зона на Большую землю погостить?

— Выходит, что отпустила. — Я улыбнулся, полной грудью вдохнув сладкий холодный воздух, и с непривычки даже закашлялся.

Ересь промолчал. Он улыбался, закрыв глаза, и мял в руках комков снега, собранного с поваленной стены.

А потом мы шли по бетонке прочь от заброшенной военной части, вздрагивая от шума крыльев пролетающих птиц, заставляя себя просто идти, не выискивая взглядом аномалии на дороге. Опасаться теперь нужно было только встречи с человеком — трое вооружённых людей в защитных комбинезонах на охотников не походили никак, но дорога была пуста вплоть до шоссе, на которую мы вышли через несколько километров. Там пришлось залечь в придорожных кустах — изредка по заиндевелоу асфальту проносились машины, в основном армейские грузовики и легковушки.

Фельдшер достал ПМК, хмыкнул — сигнал ловился, но очень слабо, — и набрал сообщение. После чего откинулся на землю и закрыл глаза.

— Знаешь, сталкер... есть у меня сейчас искушение одно. Бросить всё и уйти далеко-далеко от Зоны. Начать жизнь заново, что ли. Устал я, веришь? Насмотрелся на всё это, да вот беда — идти теперь уже точно некуда, только что обратно в Зону. «Свобода» меня, наверно, не примет, в вольные подамся, а там, глядишь, сподоблюсь до Саркофага дойти, когда с мечтой определюсь. А ты, Философ, что делать будешь, когда Хорь тебе бабла отсыплет?

— Если отсыплет, — усмехнулся я.

— Уйду подальше отсюда и постараюсь всё забыть, — негромко, почти печально проговорил Ересь. — Устроюсь где-нибудь, паспортину-то я сохранил, да и коммуналка наша, должно быть, стоит ещё, не снесли. В Зоне я и года не был, и ничё там не изменилось сто пудов. Хочу просто жить... девку найду, мож, поступлю куда, отучусь, но уже чтоб с башкой, не забывая. Реально было бы, если торгаш в натуре лавешек подкинет — оно на первое время офигенно бы помогло. Вот... просто всё. А ты, сталкерок?

Удивительно, но привычное «сталкерок» прозвучало уже совсем без желчи, шутливо даже, и бывший отмычка вдруг открыто улыбнулся мне, как хорошему старому другу. Меняет людей Зона.

— Ну, есть у меня одно важнецкое дело там... Пенку найду и... нет, не буду загадывать, дурная примета. А потом посмотрим. Буду Зона ходить, хабара брать, пока безноса не приберёт, ну а если подфартит вдруг, домик куплю, старость встречу.

— Бабу найди, — хохотнул Фельдшер.

— Нет... это вряд ли. Баба мне не нужна, а женщину встретить — это ещё постараться

надо. Да и характер у меня дрянь. Ужиться сложно будет. Я уж один, а там посмотрим.

— Ага. Ответил наш Хорь, координаты получил. Ра-адувается. — «Свободовец» посмотрел на пискнувший ПМК, кивнул. — Машина, пишет, через четыре часа подъедет за посылочкой, денежку привезёт, половину суммы. Остальное через месяц. Смотри-ка ты, реально немножечко разбогатеет, парни.

— Ах-ха, ни-иштяк, мужики. До чего хорошо-то! Фигасе, раньше ваше было по фигу на то, как небо выглядит. Как-то, помнится, когда меня только Лунь подобрал в том самом посёлке, где сейчас Хорь сидит, вышли мы все втроём — я, Хип, сталкер этот, а на небе полоска синяя, чистое небо. Вот они так стали, смотрят вверх, улыбаются и молчат. Долго стояли, а я не понимал, чего там интересного, ну, прогал в тучах, тоже невидаль. Теперь я их понимаю, мужики. Хреново только, что они меня таким чмырём запомнили... сейчас бы с ними поговорить. Реальные были люди. Ништяк, какие классные.

— Там по глотку осталось. — Фельдшер встряхнул фляжку. — Давайте, парни. За нашу победу. Мы это сделали. Жаль, Пенки нет.

— Нельзя ей из Зоны, — вздохнул я. — Да и как на неё выпивка действует, не в курсах. Однако команда получается неполная. За неё. Спасибо тебе, Пеночка.

— Да, за неё, — согласно кивнул «фримен», сделал глоток, передал мне.

— За команду. — Коньяк ласковым огнём согрел рот, тепло побежало по телу. — Ура, мужики. Мы дошли.

— За Луня и Хип, — тихо сказал Философ и допил спиртное. — Спасибо вам. Вот. Довели меня за Периметр. Знаешь такого чувака, Фреон? Его Сионист зовут. Так вот, ты встреть его обязательно и скажи, Ересь, мол, передал, что люди на сорта не делятся. Он поймёт. Разговор-то он небось не забыл. Хех...

Болтая о том о сём, мы даже и не заметили, как пролетело время. Машина, чёрный «ленд крузер», приехала даже немного раньше обещанных Хорём четырёх часов. Два коротких, длинный и снова два коротких гудка — условленный сигнал, и Фельдшер извлёк из рюкзака маленький кейс с жёсткими дисками, улыбнулся.

— Ну, пошли, что ли?

— Погоди. Мы чуть отстанем.

— Чего, мэн, паранойя разыгралась? — «Свободовец» хлопнул меня по плечу. — Да там наши чуваки, не дрейфь, те, кто «Свободу» финансирует. Братья по разуму.

— Бережёного свинья не съест. Давай иди. А я вон там прилягу, отдохну.

— Ну, смотри. Перестраховщик.

— Скажи, что ты один, понял?

— Ну... хорошо. — Фельдшер пожал плечами, посмотрел странно, поднялся и пошёл к автомобилю.

Пока «фримен» выходил к машине, я, не поднимаясь, перекатился к упавшему дереву, выщелкнул лёгкие сошки, прятавшиеся в цевье моей «феньки», знаком показал Ереси лежать и приник к оптике.

Фельдшер поднялся на обочину, махнул рукой, и дверь машины открылась. Два человека в утеплённых куртках-пуховиках вышли на дорогу, по очереди пожали руку «свободовцу», заулыбались. Должно быть, действительно зря я перестраховался — лица у этих людей были даже приятные, два интеллигентных молодых человека. Голосов я не слышал, но хорошо видел в шестикратный прицел, как они взяли кейс, что-то спросили, рассмеялись, по-дружески хлопнули Фельдшера по плечу. Потом долго стояли, разложив на капоте карту, «фримен» водил по ней карандашом, что-то рассказывал, те переспрашивали, покачивали головой. Снова пожали руки, и Фельдшер, взяв маленькую чёрную сумку, начал уходить. Не переставая улыбаться, один из молодых парней заглянул в салон, что-то поискал там и вылез уже с укороченным автоматом, на который явно заранее был навинчен длинный чёрный глушитель.

Вот тебе и «братья по разуму».

Прицелится в спину Фельдшеру я ему не позволил. Он ещё только подносил автомат к

плечу, когда я аккуратно положил ему пулю прямо между глаз. Выпустив из затылка длинный розовый шлейф, хорошо одетый молодой человек завалился на спину. Фельдшер, услышав выстрел, резко отпрыгнул в сторону, упал, перекатился на бок. Второго, успевшего выхватить из подплечной кобуры пистолет, я уложил ещё одним выстрелом. Из открытых дверей «тойоты» выглянули два автоматных ствола, затрещали очереди. Пули сочно защёлкали по веткам, сбили иней с травы, от поваленного дерева отлетела кора, но я перевёл флажок в режим автоматического огня, и «фенька» выдала короткую частую очередь, выпуская в машину весь остаток магазина. На чёрном теле джипа появились серые пятна, разом побелели и осыпались стёкла, гулко лопнула шина. Стрельба прекратилась, и из открытой двери машины на дорогу медленно вывалился третий «друг по разуму», а четвёртый просто обмяк на заднем сиденье — в прицел было видно, что у него пробит висок.

Фельдшер безучастно осмотрелся, плюнул, да так и остался сидеть на земле, пока я укладывал трупы в машину, удивляясь, отчего это Ересь не спешит помогать, и отогнал автомобиль в лесок. Лужи крови на дороге, впрочем, остались, и это было плохо. Надеюсь, успеем уйти назад в тоннель прежде, чем алые пятна на асфальте привлекут внимание какого-нибудь патруля.

— Эй, подъём! Хорош сидеть, блин, валим! — Я резко схватил «фримена» за плечо, встряхнул, и он посмотрел на меня совершенно потухшим взглядом.

— Как же так, сталкер? Ведь они же наши... «свободовские»... я одного даже знаю. Почему?

— По кочану. Потом, понял? Давай поднимайся. Эй, Философ, куда пропал, собираемся. Ау!

И тут у меня перехватило дыхание. Парень лежал на боку, держась за живот, и я ужаснулся тому, как много было под ним крови. Я осторожно перевернул его.

— Вот... блин... — едва слышно прохрипел он синеющими губами. — Слышь... это хана мне... В общем... ты скажи. Скажи честно. Ведь люди на сорта... не делятся, да, сталкерок? Я же... это... не такой плохой был... всё-таки, а? Мог ведь... ты Расскажи Сионисту, когда встретишь его. Расскажи, кто я. Не хочу, чтоб он плохо про меня... это...

Лицо Философа побелело и заострилось. Он так и не договорил.

— Не делятся, дружище. Ладно, брат. Скажу. Обещаю.

И, только когда закрыл я ему уже стекленеющие глаза, накатило чернотой. Совсем молодой парень. Совсем молодой. Ведь уже вывели из Зоны, ему бы только жить теперь.

Ненависть не давала заплакать. Суки... какие суки...

Фельдшер, почерневший лицом, долго стоял рядом с погибшим Философом, потом поднял его на руки и отнёс к машине. В этот момент из салона джипа послышалась трель телефона.

«Свободовец» приложил палец к губам и поднял трубку телефона с широким набалдашником спутниковой антенны.

— Ну, как прошло? — Связь была настолько качественной, хорошей, что я без труда признал голос Хоря.

— Да всё отлично, — с незнакомой хрипотцой, на низких нотах ответил Фельдшер. — Положили мы его.

— С ходокom должен быть сталкер и отмычка, они теперь ни к чему. Их убрали? — продолжал Хорь, но Фельдшер, хоть и страшно блеснул глазами, интонации не изменил.

— Они тоже готовы. Чё делать с этими?

— Прикопайте там же, в одной яме, да не светитесь особо. Да, и пошарьте по кармашкам, у сталкера вроде есть почки «пузыря» и деньги.

— Лады, — прохрипел «фримен».

— В общем, Костику я сообщу, что дело в шляпе. Молодцы, парни. Уходите оттуда. — И Хорь отключился. А Фельдшер щёлкнул маленькой кнопкой записи звука и положил телефон в карман.

— Пошли, — просто сказал «фримен», направляясь в сторону тоннеля. Я так и не смог

уговорить его оставить мёртвого друга. Он нёс Философа несколько километров в подземельях, после чего, не выпуская его из рук, отдыхал, снова поднимался и упрямо шёл вперёд. За весь путь я не услышал от него ни слова.

Хорь понял всё.

Он даже не закричал, а просто смертельно побелел и отвернулся к стене, когда Фельдшер вынес из подземелья тело Философа и осторожно уложил на диван, а я, направив ствол «фени» торговцу в грудь, молча кивнул в угол.

Выстрел прозвучал в бетонном погребе неожиданно громко и резко. Хорь сполз по стене, оставляя на ней полосу крови. Охранники «свободовцы», прибежавшие на грохот, непонимающе посмотрели на Фельдшера, а тот, достав из кармана телефон, нажал кнопку воспроизведения.

Лица молодых «фрименов» менялись, а стволы двух АКСУ, направленные на нас, медленно опускались вниз. Костик... именно так за глаза звали нынешнего лидера «Свободы».

— Вы всё слышали, парни. Передайте это нашим, тем, кто ещё помнит, что такое настоящая «Свобода». Расскажите им. Я скоро приду.

— Мы расскажем, брат, — кивнул молодой парень в пятнистом камуфляжном комбинезоне. — Приходи.

Философа мы похоронили здесь же, в бывшей «Деревне новичков», на холме, где уже давно потемнели от непогоды несколько десятков грубо выструганных крестов. Я долго раздумывал, что вырезать на свежем кресте, сбитом, как и прочие, из досок от армейских ящиков, после чего вычертил «Философ. Вольный сталкер».

— Я ухожу, дружище. — Фельдшер положил мне руку на плечо, вздохнул. — Прости, но тебя не возьму с собой. «Свобода» заболела... и ей нужен врач. Лечение, боюсь, будет очень опасным. Приходи после, когда всё успокоится. А ещё лучше, вступай в нашу группировку. Она будет другой... тебе понравится.

— Зайду как-нибудь. Но уж извини, я всегда был одиночкой. Им и останусь. До свидания, брат. Загляну обязательно, как с делами закончу. Пока.

Фельдшер ушёл, не обернувшись.

А я, стоя на холме, среди могил погибших сталкеров, мысленно позвал Пенку. Она обещала провести меня туда, где наконец перестанут мерещиться тени мёртвых друзей, где я смогу сказать себе, что не зря прожил свою жизнь. Теперь он явится мне, тот громадный лазоревый камень, он не посмеет отказать мне на этот раз.

«Дождитесь меня, ребята. Я скоро».

И где-то в глубине души, там, где уже много лет не было ничего, кроме мрака, вдруг блеснул лучик надежды.

«Вы будете жить».

Я почти увидел их улыбки. Кивнул мне седой, как снег, сталкер, улыбнулась молодая русоволосая девушка, помахала рукой. Ничего. Теперь всё будет хорошо.

И так здорово, легко стало на душе, что я улыбнулся серому небу и сделал свой первый шаг на север. Первый шаг к Саркофагу.

И я знал, что дойду.